

МІНІСТЭРСТВА АДУКАЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ
ІНСТЫТУТ ГІСТОРЫІ НАН БЕЛАРУСІ
БЕЛАРУСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ УНІВЕРСІТЭТ
УСТАНОВА АДУКАЦЫІ
«ГРОДЗЕНСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ УНІВЕРСІТЭТ
ІМЯ ЯНКІ КУПАЛЫ»
КАФЕДРА ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ

**АКТУАЛЬНЫЯ ПРАБЛЕМЫ
ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ:
стан, здабыткі і супярэчнасці,
перспектывы развіцця**

Матэрыялы рэспубліканскай навуковай канферэнцыі

3-4 мая 2002 года

Гродна

У 4 частках

Частка 4

Гродна 2003

УДК 947.6
ББК 63.3(4Бел)
А 43

Арганізацыйны камітэт:
П.І.Брыгадзін (старшыня)
М.С.Сташкевіч (сустаршыня)
М.П.Касцюк (сустаршыня)
А.А.Яноўскі (сустаршыня)
В.В.Сянько (сустаршыня)
І.П.Крэнь (нам. старшыні)
І.А.Змітровіч (нам. старшыні)
І.І.Коўкель
А.М.Нечухрын
І.А.Фёдараў
В.М.Чарапіца

Рэдакцыйная калегія:
І.П.Крэнь (адказны рэдактар)
У.І.Навіцкі (адказны рэдактар)
І.А.Змітровіч (адказны рэдактар)
В.А.Белазаровіч
І.І.Коўкель
М.Я.Калацэй
У.М.Міхнюк
С.В.Марозава
І.В.Соркіна
У.А.Сосна
С.Я.Сяльверстава
С.М.Ходзін
Э.С.Ярмусік

Рэцэнзенты: доктар філасофскіх навук, прафесар Ч.С.Кірвель;
доктар гістарычных навук, прафесар Э.А.Забродскі.

А 43 **АКТУАЛЬНЫЯ** праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця: Матэрыялы рэспуб. навук. канф.: У 4 ч. Ч. 4 / Пад рэд. І.П.Крэня, У.І.Навіцкага, І.А.Змітровіча. – Гродна: ГрДУ, 2003. – 317 с.

ISBN 985-417-499-9 (ч. 4)
ISBN 985-417-500-6

Надрукаваны даклады і паведамленні рэспубліканскай навуковай канферэнцыі, прысвечанай гістарычнай навуцы Беларусі, яе стану, здабыткам і супярэчнасцям, перспектывам развіцця.

Матэрыялы будуць цікавымі для навукоўцаў, выкладчыкаў, аспірантаў, магістрантаў і студэнтаў ВНУ, настаўнікаў гісторыі школ, ліцэяў, гімназій, прафесійна-тэхнічных і мастацкіх вучылішчаў, каледжаў, спецыяльных навучальных устаноў, шырокага кола чытачоў.

УДК 947.6
ББК 63.3(4Бел)

ISBN 985-417-499-9 (ч. 4)
ISBN 985-417-500-6

© Афармленне. ГрДУ імя Я.Купалы, 2003

СЕКЦИЯ 5

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ І ГІСТАРЫЧНАЯ НАВУКА Ў РЭСПУБЛІЦЫ БЕЛАРУСЬ

Г.В. Корзенко

г. Минск

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ НАУКИ БЕЛАРУСИ

Наука функционирует в обществе как весьма сложный и многогранный социальный феномен. Она является, во-первых, многоуровневой системой знаний, во-вторых, формой общественного сознания, в-третьих, специфическим видом творческой деятельности человека. В условиях научно-технического прогресса проявляется и утверждается органическая связь содержательных аспектов науки с деятельностью человека и систематизированными знаниями. Связь эта многогранна, противоречива и далека от имевшегося в прошлый период эволюционно-линейного представления о научном прогрессе. Научная деятельность все время вносит нечто новое в сложившуюся систему знаний, тем самым разрушая эту систему и воссоздавая ее вновь, разумеется, на более высоком уровне.

Стратегический курс Беларуси на поддержку научно-технического потенциала соответствует мировым тенденциям в обеспечении социально-экономического развития, во многом гарантирует технологическую безопасность и конкурентоспособность национальной экономики. В 90-е годы XX и в начале XXI столетия удалось сохранить основное ядро науки – систему академических и вузовских исследовательских структур, крупные отраслевые научно-исследовательские и конструкторско-технологические организации. Безусловно, научный потенциал за годы экономической нестабильности претерпел серьезные трансформационные изменения.

Научные исследования становятся все более сложными, усиливаются интеграция и дифференциация научных направлений, их взаимосвязь и взаимозависимость. Интенсивно нарастает процесс углубления исследований, их «фундаментализация», а вместе с тем разработка актуальных истории национальной науки.

Последнее десятилетие, прошедшее под знаком перемен, выявило ряд весьма существенных изменений в отечественной историографической культуре. В центре исследовательских практик оказался цивилизационный подход. Именно в этом новаторском плане были обрисованы контуры основных направлений изучения истории и историографии во всем их многообразии. Современная историографическая ситуация настоятельно требует подведения итогов работы историков, когда шло быстрое формирование нового исследовательского поля, методологическое и концептуальное переосмысление ряда проблем, углубленное познание ранее недоступного историографического наследия (как зарубежного, так и отечественного).

История науки – динамично развивающееся направление в отечественной историографии. Изучением этих проблем активно занимаются философы, социологи, науковеды, экономисты и историки. Новейшая историография включает коллективные и обобщающие труды, специальные монографические исследования, литературу по персоналиям науки. Главная наша задача – определение научной плодотворности, достоверности, глубины и перспективности дальнейших исследований.

Появление каждого синтезированного труда – это веха в восхождении научных знаний, отражение степени и обстоятельности исследовательской разработки и показатель основных тенденций развития науки. Более того, коллективная форма научного творчества, которая становится ведущей в изучении сложных и актуальных вопросов, наиболее полно отвечает эффективному решению задач по осмыслению прошлого отечественной науки. В освещении этих проблем значительное место принадлежит обобщающему труду «Институт белоруской культуры» (Мн., 1993). Его значимость особенно возрастает в связи с тем, что исследования такого широкого плана о становлении и деятельности первого научного учреждения республики ранее отсутствовали. В литературе были освещены лишь отдельные аспекты.

В «Очерках истории науки и культуры Беларуси IX – начала XX в.» (Мн., 1996) на основе обобщения нового фактического материала показан процесс зарождения научной мысли в языко-

знании, литературоведении, истории, экономике, педагогике, фольклористике и этнографии. Впервые комплексно изучено становление математики, механики, физики, астрономии, химии, медицины и т.д. Содержащиеся в данной книге материалы, факты и обобщения свидетельствуют, во-первых, о большом и разностороннем вкладе ученых и деятелей культуры Беларуси в различные отрасли знаний, во-вторых, о недостаточной изученности и фрагментарности сведений, научного наследия многих из них.

Итоги развития академического обществоведения отражены в монографии «Гуманітарныя і сацыяльныя навукі на зыходзе XX стагоддзя» (Мн., 1998), где широко представлены результаты фундаментальных и прикладных исследований, проводимых сотрудниками Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси. Публикации большой группы ученых (свыше 100 чел.) всесторонне отражают как плановую тематику научных учреждений, так и инициативных, поисковых исследований. Важным результатом многолетней работы большого авторского коллектива явился выход в свет фундаментального труда «Наука Беларуси в XX столетии» (Мн., 2001). В нем рассматриваются ключевые проблемы истории науки в контексте развития мировой науки, сделаны обобщения, связанные с формированием сети научных центров и вузов, подготовкой научных кадров, становлением и развитием проблематики исследований. Подобные труды неизбежно оказываются в авангарде современного научного знания и привлекают пристальное внимание самой широкой читательской аудитории.

Наука рассматривается философами, социологами как развивающаяся система знаний о природной и социальной действительности. В этой связи совершенствуются методология и логика научного познания, где в последние десятилетия получены значительные результаты. Новизна, сложность этой проблемы не позволяют надеяться на то, что предлагаемые здесь подходы к ее решению носят бесспорный и исчерпывающий характер. В них имеется немало дискуссионного, подлежащего дальнейшему углублению и уточнению, однако, это, на наш взгляд, никоим образом не ставит под сомнение значимость самой проблемы. Научоведами поставлен вопрос о качественных изменениях места и роли республиканского научного комплекса, его организации и управления, выработке социально-экономического механизма функционирования науки в рыночных условиях, который представляет собой совокупность государственных институтов, организаций, вузов, конкретных форм хозяйствования, обеспечивающих вос-

производство научных кадров, генерацию новых знаний и их практическую реализацию (Научно-технический прогресс: взаимодействие факторов и тенденции развития. – Мн., 1989; НТР: трудный путь к ускорению. – Мн., 1990; Слонимский А.А. Региональный научный комплекс: формирование и организация управления. – Мн., 1990; Научный потенциал республики. – Мн., 1991; Русецкая В.И. Социодинамика научного коллектива. – Мн., 1992; Гуманизация науки и образования в переходный период. – Мн., 2000 и др.).

Рассмотрению не исследовавшихся ранее аспектов теории исторического процесса посвящены работы Д.В.Карева, Б.М.Лепешко, А.Н.Нечухрина. Представляется важным в этой связи авторское понимание исторического развития как сложного, многофакторного и многоуровневого, компонентами которого являются личность исследователя, особенности эпохи, определение интеллектуальных критериев познания, отсутствие гносеологического шаблона.

В монографических работах Г.В.Корзенко (Научная интеллигенция Беларуси в 1944–1990 г. (подготовка, рост, структура). – Мн., 1995; Подготовка научных кадров в Беларуси. Взгляд сквозь годы. – Мн., 1998) показан противоречивый и непоследовательный характер государственной политики в системе профессиональной подготовки кадров ученых, ее низкая эффективность. Автор по-новому интерпретирует тенденции роста кадров, изменение их динамики и структуры, социально-демографических параметров.

Исторический путь, пройденный академической наукой республики, отражен в монографии «Национальная Академия наук Беларуси. 1929 – 1998 г.» (Мн., 1998). Отмечается непоследовательность государственного реформирования научной сферы. Постоянное сокращение финансирования, отток молодых специалистов, старение и разрушение материально-технической базы, информационный «голод», крайне низкая востребованность результатов научных исследований со стороны общества привели в 1990-е годы к резкому падению численности ученых, престижа научного труда в Академии наук, отвечающей за уровень фундаментальных исследований в республике, являющейся научным базисом прикладных разработок, высшего образования, развития культуры. Особо при этом выделим впервые изданный сотрудниками отдела истории науки труд «Национальная Академия наук Беларуси. Персональный состав 1928 – 1998» (Мн., 1998, 1999 –

2-е изд.). В него включены краткие биографические сведения об академиках и членах-корреспондентах, почетных и иностранных членах, избранных за все время существования. В 2000 г. опубликован сборник основных документов и материалов, относящихся к празднованию 70-летия Национальной Академии наук Беларуси. Ценные сведения о деятельности отдельных институтов (истории, экономики, зоологии, физико-технического и др.) представлены в ряде юбилейных сборников.

Отечественная историография пополнилась новыми интересными очерками о высших учебных заведениях – Академии МВД Республики Беларусь (1999), Белорусского государственного университета (2001), Белорусского государственного медицинского университета (1991), Белорусского государственного технологического университета (1996), Витебского государственного университета (1999), Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (2001). Нельзя не отметить повышенного внимания историков науки к старейшему вузу – Белорусской сельскохозяйственной академии, под эгидой которой издана в 1990-е годы серия публикаций о становлении, развитии и деятельности первого сельскохозяйственного вуза России. На большем фактическом, преимущественно архивном, материале раскрыта деятельность отдельных воспитанников и преподавателей – А.М.Бажанова, Р.Э.Траутфетера, И.А.Тютчева, А.И.Козловского, Ф.Н.Королева, Ю.Ю.Жебенко, В.И.Краузе, Б.А.Целлинского и др.

Существенно активизировались подготовка и написание работ историко-биографического жанра, ведь в жизни творческих личностей всегда присутствует гражданский и научный пафос, знакомство с которым способствует формированию общечеловеческих ценностей, чувства глубокого уважения к исследовательскому труду. Книги и брошюры подобного плана изданы о Т.Н.Годневе, Г.И.Горецком, П.О.Горине, И.А.Гошкевиче, М.А.Ельяшевиче, А.Р.Жебраке, В.М.Игнатовском, М.О.Кояловиче, В.Ф.Купревиче, Г.М.Лившице, Г.Ф.Мирчинке, А.П.Сапунове, И.Н.Сержанине, Н.Н.Щекотихине и др. Существенно их дополняют опубликованные статьи, воспоминания (А.С.Махнач), биобиблиографические работы (Н.А.Борисевич, В.С.Бураков, П.А.Апанасевич, Н.С.Акулов и др.), а также историко-документальные очерки о деятелях науки и культуры Беларуси довоенного периода, подготовленные А.В.Мясниковым (Нацдемы: Судьба и трагедия Ф.Шантыря, В.Игнатовского и И.Лесика. – Мн., 1993) и Р.П.Платоновым (Палітыкі. Ідэі. Лёсы. – Мн., 1996; Лёсы. Гісторыка-да-

кументальныя нарысы аб людзях і малавядомых падзеях духоўнага жыцця ў Беларусі 20 – 30-х гадоў. – Мн., 1998).

Публикация книг о деятелях науки – своевременное и во многом знаковое явление в историографии. Трудно определить их жанр – биографический очерк, эссе, воспоминания современников и т.д. В то же время это – не историография в ее классическом виде, поскольку авторы не стремились к концептуальному анализу развития науки в четко ограниченных хронологических и тематических рамках. В книгах есть главное – увековечение памяти тех ученых, чьими усилиями росло и приумножалось научное сообщество. Уникальность также обусловлена особой атмосферой нравственной чистоты, ощущением искренней признательности авторов-составителей к живущим и ушедшим навсегда коллегам и учителям. Эти издания как бы возвращают нас к истокам научной мысли, сохранению ее исторической связи, преемственности с нынешними поколениями.

Для решения сегодняшних технических, естественных, гуманитарных и социальных проблем общества своевременным является систематизация сведений об ученых. В республике плодотворно ведется работа по подготовке специализированных справочных изданий о мыслителях прошлого, научных и научно-педагогических кадрах Беларуси (Мысліцелі і асветнікі Беларусі X – XIX ст. – Мн., 1995; Гуманитарии и обществоведы Национальной Академии наук Беларуси. – Мн., 1997; Выкладчыкі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – Мн., 1999; Асветнікі зямлі Беларускай. X – пачатак XX ст.: Энцыкл. даведнік. – Мн., 2001; Прафесары і дактары навук Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. – Мн., 2001 и др.).

В качестве приоритетов историко-научных разработок выделим следующие: 1) углубленное изучение формирования научных знаний в досоветский период (деятельность высших учебных заведений, обществ, комиссий, роли отдельных ученых, анализ их научного наследия и т.д.); 2) подготовка хронологии науки и техники Беларуси IX – начала XX ст., где будут систематизированы ранее известные и вновь установленные факты и даты, связанные с развитием различных областей математики, физики, химии, биологии, астрономии, медицины; 3) создание обобщающего труда по развитию исторической науки на современном этапе; 4) издание документальных материалов XV – XX в., хранящихся в архивах Беларуси, а также редких публикаций под общим серийным названием «Белорусская историческая библиотека (БИБ)».

БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ БЕЛОРУСОВ в конце XVIII – 50-е г. XIX в.

Разделы Речи Посполитой открыли новую полосу в существовании белорусской культуры и ее составной части – исторической науки. Началась ее постепенная переплавка в «тигле» российской государственности и культуры.

Вхождение белорусских земель в состав Российской империи вследствие трех разделов Речи Посполитой предопределило начало нового этапа в истории белорусского народа. Это историческое событие оказало мощное, но противоречивое влияние на его социально-экономическое, общественно-политическое и культурное развитие.

Под влиянием новых исторических условий серьезные перемены происходили в социально-экономическом и политическом облике самого господствующего сословия. Шло быстрое обеднение основной массы белорусской шляхты, значительная часть которой уже в середине 30-х годов XIX в. лишилась своих земельных владений. Именно из этой количественно преобладающей массы обедневшего белорусского дворянства вышла большая часть мелких чиновников, учителей, адвокатов, врачей и др. Изменение положения этой социальной группы белорусского общества делало ее наиболее активной в политических событиях дореформенного периода. Преимущественно шляхетский «профиль» белорусской интеллигенции обуславливал и многие особенности духовной культуры и общественной мысли Беларуси 1-й половины XIX в. (ощутимая полонизация этнического самосознания, преобладающая в сфере политической мысли ориентация на восстановление «старой Речи Посполитой» в границах 1772 г.; в области мысли исторической – заметная ностальгия и попытка идеализации «старого доброго прошлого» и др.).

В немалой степени закреплению этих черт в общественном сознании местной интеллигенции способствовала, как это ни парадоксально, непоследовательная политика царизма на белорусских землях в конце XVIII – 30-е г. XIX в. Попытки социального лавирования, достижения политического компромисса с полонизированной шляхтой и католическим духовенством Беларуси с «дней Александровых прекрасного начала» и до 1820-х г. сменялись волной репрессий в годы правления Николая I. Особенно

ощутимо эти перепады проявились в решении религиозного вопроса, в политике, в области культуры.

Восстания декабристов и восстания в Польше, Литве и Беларуси в 1830 – 1831 г. заставили царское правительство не только круто изменить курс при проведении политики в конфессиональном вопросе. Начались и массовые репрессии, и «перебор» мелкой шляхты. В 1830-е г. было запрещено употреблять польский язык в делопроизводстве, закрыт Виленский университет, полицейскими мерами ликвидирована уния, отменено действие Литовского статута в западных районах Беларуси.

Сложности исторических условий, определявших развитие края в это время, отразились и на замедленности темпов формирования этнического самосознания белорусов, на замедленности процесса вызревания собственно белорусской историографии со своим предметно очерченным объектом исследования – историей Беларуси. Характерно, что «открытие» белорусского народа и его истории в дореформенный период быстрее всего совершалось той частью передовой белорусской, русской и польской интеллигенции, которая более отчетливо осознавала невозможность без пробуждения дремлющих сил народа добиться успехов в борьбе с царизмом за национальное освобождение. Огромную роль в пробуждении интереса к историческому прошлому Беларуси и ее народа сыграло такое мощное идейное течение эпохи, как романтизм.

После вхождения в состав Российской империи Беларусь фактически до середины XIX в. не рассматривалась ни царским правительством, ни дворянской российской историографией как отдельная исторически сложившаяся этническая единица, а как часть более широкого территориального комплекса, именовавшегося «губерниями, от Польши возвращенными», «Западным краем», «Западной Русью» и, наконец, «Литвой». В этот период, как и ранее, белорусские земли не воспринимались как нечто единое в своей особенности, самостоятельное и целостное.

В этом отношении весьма показателен тот факт, что даже в середине XIX в. в белорусской этнонимике название «белорус» было преимущественно распространено в восточных районах края, в районах западных и центральных господствовало название «литвин», в Полесье – «полешуки» и др. Положение о том, что язык жителей Беларуси является несамостоятельным, промежуточным между русским и польским, широко бытовало до середины XIX в. как в русской, так и в польской научной среде (Ю.

Крашевский, Ю.Немцевич, В.Севергин, А.Бошняк, Н.М.Карамзин и др.). Это было следствием не только крайне плохого знания истории края, но и вполне сознательного стремления, с одной стороны (польской), представить недавно вошедшие в состав Российской империи земли Правобережной Украины, Беларуси и Литвы как «польские». С другой стороны (правительственной русской), – изобразить приобретение новых территорий при Екатерине II как «воссоединение» с Россией ее древней части Белой России.

Не сумев создать в последней четверти XVIII – начале XIX в. убедительную или хотя бы правдоподобную версию исторического прошлого «губерний, от Польши отошедших» и тем более не обладая в то время достаточно эффективными средствами переориентации массового шляхетского сознания, царизм тем самым объективно отдавал на откуп дело формирования исторического сознания населения Беларуси (во всяком случае образованных слоев общества) представителям шляхетской идеологии бывшей Речи Посполитой.

Громадное значение истории как средства сохранения «социальной памяти» народа, воспитания молодого поколения отчетливо осознавалось многими шляхетскими идеологами в XVIII – начале XIX в. По представлениям полонизированной шляхетской интеллигенции, история должна была служить борьбе за сохранение национальной культуры, ее традиций и своеобразия. Поэтому интеллигенция Беларуси и Литвы (в лице различных ее социальных групп – магнатов, шляхты, части мещанства) оказалась очень восприимчивой к исторической проблематике и историческим исследованиям. Сохранение остатков прошлого, их поиски, сбор, описание, публикация источников, понимаемые в одних случаях как долг перед Отчизной, как своего рода «мода» на старину, как средство прославления собственного рода, – в конечном итоге привели в первой трети XIX в. к ситуации если не источниковедческого, то уж во всяком случае «источникового бума». Спрос рождал предложение, а практика широко распространенного в Беларуси частного коллекционирования настоятельно требовала осмысленного, рационального, критического подхода к изучению и оценкам письменных свидетельств седого прошлого. Наиболее мощным генератором и пропагандистом рационалистических, прогрессивных общественно-политических, философских, исторических идей эпох Просвещения и романтизма в Беларуси и Литве первой трети XIX в. был, несомненно, Виленский

университет. Ведущий учебный и научный центр края, он вбирал в себя наиболее любознательных, ищущих знаний и самосовершенствования представителей шляхетской и разночинной молодежи Беларуси, Литвы и Украины.

Энергичная и плодотворная деятельность поколения историков, трудившихся в стенах Виленского университета в 1810-е – начале 1830-х г., оказала огромное воздействие на дальнейшее формирование белорусской и литовской историографии в последующие периоды их развития. Она заложила фундамент критического научного изучения истории ВКЛ и документальных памятников его исторического прошлого, ввела в научный оборот огромные, дотоле неизвестные, пласты исторической информации, воспитала плеяду историков и писателей, игравших ведущие роли в изучении ВКЛ и формировании исторического сознания, исторических «горизонтов» интеллигенции Беларуси и Литвы в 1830-е – 1860-е г. (М.Балинский, А.Мартиновский, Н.Малиновский, А.Киркор, А.Зданович, А.Л.Ходько, братья К. и Е.Тышкевичи и др.). Мощный импульс, данный историками Виленского университета развитию исторической науки в крае, сказался в 1840-е – 1850-е г. на развитии исторической журналистики Беларуси и Литвы, которая после разгрома Виленского университета (в 1832 г.) взяла на себя его функции по формированию исторического сознания населения края в условиях репрессивного режима царя Николая I.

Два главных историографических достижения пришлось именно на этот период: 1) введение в научный оборот источников, на базе которых историческая наука Беларуси и Литвы смогла создавать в 1840-е – 1850-е годы первые синтезные концепции ВКЛ; 2) выделение истории этого государства в самостоятельный, «самодостаточный» объект исследования. В историческую науку вошло «разночинское» поколение униатского и православного духовенства (И.Данилович, М.Бобровский, И.Ярошевич, И.Григорович), которое открыло восточнославянскую (белорусскую в своей основе) природу Великого княжества Литовского, сумело рассмотреть многие проблемы его истории и культуры. Эти «литвины-патриоты», как их называли современники, внесли в историческую ментальность интеллигенции края ощутимые элементы «билингвизма», по-иному, не по-«шляхетски», начали осознавать проблему народа. Это было особенно важно в тот период, когда полонизация шляхетской интеллигенции Беларуси не только не прекратилась, но и приобрела второе дыхание. Благодаря

руководству Виленского учебного округа, князю А.Чарторийскому и его единомышленникам – первому ректору Виленского университета, ксендзу И.Стройновскому, Т.Чацкому, Ю.У.Немцевичу, – сфера польского и католического влияния в Беларуси ощутимо расширилась. Возрождение Речи Посполитой, сохранение исторической памяти о ней как о своей единственной Отчизне являлись главными задачами многочисленных масонских и тайных культурно-просветительских организаций Беларуси и Литвы 1810-х – 1820-х годов (филареты, филматы, «лучистые», кружки Свислочской гимназии, общество шубравцев и др.). Восстание 1830 – 1831 г. определило ту грань, за которой формирование культуры и историографии Беларуси протекало в совершенно иных политическом и культурном контекстах.

Многие культурные деятели Беларуси и Литвы, причем, не только консерваторы, но и демократически настроенные, разделяли взгляд на Беларусь как на польскую провинцию с рядом местных особенностей (А. Рыпинский и его сборник «Беларусь», изданный в 1840 г. в Париже). В большинстве случаев эти деятели польской культуры, по рождению и темам их творчество связано с Беларусью. Но такой глубокий интерес к культурно-бытовым особенностям края, его народа, истории – свидетельство тесного переплетения судеб польской и белорусской культур в дореформенный период ее развития.

Различны были мотивы обращения к историческому прошлому Беларуси, памятникам ее старины. Далеко не всегда это было свидетельством признания самостоятельного пути развития белорусов, но бесспорен факт укрепления интереса в польском и в русском обществах к пробуждению духовной жизни этого народа. Острая политическая и идейная борьба по белорусскому вопросу в 1830-е – начале 1860-х годов имела к началу 60-х годов XIX в., возможно, неожиданное для них следствие – выделение истории Беларуси в качестве самостоятельного объекта исследования со своей предметно очерченной областью и кругом решаемых вопросов. Свидетельство тому – появление в дворянской историографии Беларуси книги О.В. Турчиновича, в ряде революционной демократической мысли – национальной программы К. Калиновского.

Исторические, этнографические исследования уроженцев края, посвященные ВКЛ и Беларуси, часто независимо от субъективных авторских установок, свидетельствовали об оригинальности, самобытности белорусского народа и его истории. Публи-

кации документальных и этнографических материалов содействовали тому, что национальные традиции, которые до 1830-х г. сохранились на бытовом уровне, становились достоянием образованного общества. Белорусские исследователи-гуманитарии (историки, этнографы, фольклористы), представлявшие уже не только шляхетскую, но и разночинную интеллигенцию края (дети униатского и православного духовенства. – Д.К.), принимали активное участие в изучении истории белорусско-литовской государственности, культуры и быта своего народа. К началу 1860-х г. можно говорить о рождении интегративного направления в изучении белорусов и Беларуси – белорусоведения. Оно становилось стержнем, вокруг которого начался процесс собирания культурной элиты народа, формирование национального менталитета и исторического сознания.

Белорусская историография, выделившая к середине XIX века изучение истории ВКЛ и Беларуси в качестве самостоятельной проблемно и сюжетно очерченной «зоны» исследовательских интересов, являлась одновременно и фактором его формирования.

С.Д. Жмуровский

г. Минск

БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ТРАНСФОРМАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Исследование современности всегда ставит историка перед сложной задачей. С одной стороны, события ещё свежи в памяти, есть много фактических и документальных свидетельств, здравствуют действующие лица, вся история ещё «жива»; следовательно, может казаться, что события легки для осмысления. Но, с другой стороны, в текущее время историку не всегда доступны документальные свидетельства, необходимые для исторического анализа, которые скрывают «внутренний механизм» исторического процесса. Эти документальные свидетельства ещё являются частью досье действующих политиков или они являют идеологию и дух эпохи в глубоком осмыслении, в чем те или иные политические силы или власть не всегда заинтересованы. К тому же нельзя исключать опасность субъективной оценки исследователя в силу политического и идеологического пристрастия. В этих противоречивых обстоятельствах современная белорусская истори-

ография интерпретирует исторические события прошедшего десятилетия.

Необходимо констатировать, что проблема трансформации общества более изучена политологами, правоведами, социологами, экономистами, нежели историками. Это объясняется двумя причинами. Первая – изучение новых социальных явлений обществоведами объясняется тем, что они столкнулись с необъятным объектом исследований тогда, когда эти дисциплины получили фактическое становление и переживали бурное развитие. Этому, конечно, способствовало академическое влияние извне: оно определяло предметы исследований, их методологию. Второе – историческая наука проходила в это время этап «двойной реорганизации» – в методологии и в тематике, проявляющейся в отказе от монокультуры советской историографии, в приспособлении к «европейскому научному языку» ради соответствия «политическим потребностям и рыночным нуждам» [1].

Внимание исследователей обращено к различным проблемам трансформации общества. Однако следует признать, что многоплановых исследований по истории этого периода нет. И историография проблемы представлена главным образом лишь работами, подготовленными авторами, специализирующимися вне исторической проблематики. В этом смысле определенный задел уже есть.

В первую очередь заслуживает внимания теоретическая разработка проблемы трансформации, как, например, работа А.Н.-Данилова «Переходное общество: проблемы системной трансформации». Не будет преувеличением говорить о том, что это исследование является основополагающим в отечественной литературе по данной проблеме. Автор обосновывает положения, определяющие содержание концепции системной трансформации постсоветского общества: а) изменения политической и государственной системы, б) обновление экономических основ на базе рыночного типа, в) отказ от социалистической «всеобщности труда», г) приспособление к требованиям мирового рынка, д) перемена духовно-культурных ориентиров общественного развития [2]. В основе работы лежит обоснование категории системной трансформации как процесса перемены в странах, перешедших к новой социально-экономической политике, использующей рыночные механизмы [3]. Эта концептуализация предопределила категориальную платформу, которая стала определяющей для

обществоведов, занимающихся изучением проблем социальных изменений, произошедших в последнее десятилетие.

Таким образом, с точки зрения политологии, проблема концептуализирована: трансформация есть процесс радикальных изменений в общественном развитии в странах Центральной и Восточной Европы и СССР на рубеже 1980-1990 г. Обоснование концепции трансформации дало новое научное направление в области политологических и социологических знаний. На наш взгляд, использование данного методологического подхода для исторического исследования представляется спорным. Терминологический аппарат политологии и социологии использует категорию «трансформация», которая, по сути, определяет социальное и политическое явление, известное как социальная революция (переворот). Мы имеем положение, когда обществоведы используют разные дефиниции для определения социально-политических явлений с единым сущностным содержанием. Хотя историческое развитие непременно вносит своеобразие в этот процесс, однако, его сущностные компоненты не изменяются. Таким образом, возникает вопрос методологического характера, который требует своего научно-теоретического разрешения.

Важный вклад в освещение особенностей социальной жизни рассматриваемого нами исторического периода внесли социологи. Ими исследованы проблемы изменений политических и экономических структур и влияние этого процесса на человека и общество в целом [4], изменения социальной структуры общества [5], общественного мнения [6], политического поведения [7], политических партий [8], этапы трансформации политического режима [9], а также ряд других вопросов: женское движение, СМИ, манипуляция общественным сознанием и др. в обществе переходного типа. Следует признать, что многие принципиальные оценки исторических событий, содержащиеся в этих и других работах, вполне аргументированы. Это касается вывода о трансформации общества как результате взаимодействия объективных и субъективных факторов [10], об отсутствии у значительной части населения ясных оценок происходящего [11], о роли исполнительной власти в содействии утверждению рыночных отношений после 1991 г. [12].

Одной из центральных проблем для исследователей стало изучение роли политических элит в период трансформации общества. Этому вопросу посвящено достаточно много публикаций [13]. Изучение проблемы элит не представляет чрезвычайную

значимость для исторической работы, но сам факт исключительного внимания исследователей объясним – это особое желание авторов приобщиться к политической или научной элите. В этой связи уместно привести цитату из работы, посвященной проблемам рассматриваемого периода. Автор, абсолютно точно определяя характер исторического момента, пишет: «Судьбоносные акты, такие, как Декларация о Независимости... принимались парламентом как бы в поддержку соседям, из побуждения не отстать от событий, в подчинение политической воле, диктуемой из-за границы республики» [14]. Перефразируя эти слова, можно объяснить пристрастие отечественных обществоведов к определенной тематике в течение последнего десятилетия следующим образом: желанием поддержать, не отстать от ближних и дальних соседей, подчиниться политической моде, диктуемой извне.

Краткий обзор литературы по указанной проблеме позволяет сделать следующие выводы. В нашей историографии получили разработку лишь некоторые аспекты истории переходного общества: общественно-политическая трансформация общества, белорусская государственность и связанная с ней национальная идея (скорее как социально-психологическая или философская проблема) [15], экономическая история. Исторической наукой, главным образом это касается учебной литературы, события прошедшего десятилетия представляются с точки зрения только фактографической. Исторический анализ максимально отдалается от выяснения социальных причин радикальных социальных перемен в обществе, от социально-экономических, социально-психологических предпосылок изменений в обществе. Явственно видна боязнь исследования проблем характера переворота 1991 г., социальной сущности политического режима, анализа государственной идеологии, характера политики власти в период с 1991 г., особенностей социальной психологии данного периода и др. Таким образом, на историческую и общественные науки в целом оказывает влияние государственная идеология, которая в определенной степени заменяет методологические принципы научного исследования. История учит, что следование исторической науки в хвосте государственной идеологии превращает её в схоластику и делает из неё служанку тех, кому непонятна и страшна правда истории.

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА В ПРОМЫШЛЕННОСТИ БЕЛАРУСИ (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.)

Исследования мануфактурного производства в Беларуси, занятых промыслами, роста городов и торговли А.П.Грицкевичем, А.П.Игнатенко, В.И.Мелешко, Н.Т.Романовским показали развитие в XVIII в. товарно-денежных отношений и оживление связи между городом и селом [1]. В работах В.И.Мелешко и Н.Т.Романовского прослеживается стремление доказать не только раннее начало генезиса буржуазных отношений, но и преувеличить степень развития капиталистической промышленности в регионе.

В ряде книг по истории отдельных городов имеются главы, посвященные проблеме эволюции феодального города [2]. В них дается характеристика многих явлений, вызванных зарождением капитализма, раскрывается влияние буржуазных отношений на изменение социального состава населения городов. Экономическое развитие Витебска в XVIII – первой половине XIX в. отражено в работе Ф.И.Адашица [3].

Монография А.П.Игнатенко «Ремесленное производство в городах Белоруссии в XVII-XVIII в.» содержит обстоятельную характеристику городских ремесел, однако, попытка автора показать эволюцию ремесла, основанного на феодальных отношениях, к капиталистическим ремесленным мастерским выглядит очень неубедительно. Так, автор делает вывод, что «наряду с мелкими ремесленными мастерскими, в которых работали цеховые ремесленники, во второй половине XVIII в. в городах Беларуси в отдельных отраслях ремесленного производства стали зарождаться зачаточные формы капиталистической мануфактуры» [4]. В доказательство этого А.П.Игнатенко приводит примеры основания Михаилом Радзивиллом в Слуцке в 1758 г. фабрики поясов, в Бресте – суконной мануфактуры, железнодорожного и кирпичного «заводов» и гродненских мануфактур, основанных Антонием Тизенгаузом и отданных в аренду местным мещанам и купцам [5].

Во-первых, не все названные предприятия были мануфактурного типа. Появление крупных мастерских и применение наёмного труда ещё не свидетельствовало о зарождении в ремесленном производстве XVIII в. элементов капитализма. Ремесло в городах Беларуси даже в первой половине XIX в. сохранило

феодалный характер, а разложение цеховой системы наиболее ярко проявилось только во второй половине XIX в.

Ещё более удивительно утверждение З.Ю.Копысского, который видит наличие прокапиталистических явлений в городском ремесле ещё в XVII в. Он считает, что появление скупщиков ремесленных изделий, ростовщичества и кредита, применение наёмного труда является доказательством и подтверждением его [6].

Изучение истории отдельных городов Беларуси, накопление фактического материала позволило В.В.Чепко в первом томе пятитомной «Гісторыі Беларускай ССР» дать характеристику социально-экономического развития городов Беларуси в первой половине XIX в. В главе «Экономика в первой половине XIX в.» автор рассматривает новые явления в экономической и социальной жизни городов – рост численности и изменение социального состава городского населения, организацию ремесленного производства, внешней и внутренней торговли [7].

Эти вопросы освещены в монографии В.В.Чепко [8], где особое внимание уделено периоду кризиса феодализма (30 – 50-е годы XIX в.). Автор рассмотрела причины роста численности ремесленников и их распределение по специальностям, товарность ремесленного производства и его воздействие на цеховую организацию, процесс перерастания ремесла в предприятия капиталистического типа, изменение численности состава купечества, направления внутренней и внешней торговли, занятие горожан сельским хозяйством и отхожими промыслами.

А.Ф.Вишневецкий исследовал отдельные стороны социально-экономического развития белорусских городов в период обострения кризиса феодально-крепостнических и зарождения капиталистических отношений [9]. Социально-экономическому развитию городов Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX в. посвящена монография А.М.Лютото [10].

Обобщающей работой по развитию промышленности в Беларуси в переходный период от феодализма к капитализму является книга М.Ф.Билбаса «Развитие промышленности в Белоруссии (1795 – 1861 г.)» [11], в которой автор попытался определить условия развития промышленного производства, дал классификацию всех предприятий, охарактеризовал три этапа развития капитализма в промышленности Беларуси, выяснил происхождение промышленных предприятий.

Авторы учебного пособия «Историография БССР (эпоха феодализма)» З.Ю.Копысский и В.В.Чепко правильно отмечают, что

попытка М.Ф.Болбаса рассмотреть огромное количество вопросов, связанных с условиями экономического развития Беларуси (значение восстановления с Россией, кризис крепостной системы, улучшение путей сообщения, развитие торговли, состояние городов и местечек, изменение социального состава и плотности населения), в рамках одной главы привела к тому, что автор лишь излагает общие положения об экономическом развитии Беларуси, повторяющие «Историю БССР» [12]. Подобный подход приводит автора к упрощению понимания процесса разложения и кризиса крепостной системы, к неверным положениям и выводам [13].

Характеризуя развитие торговли в Беларуси, автор делает вывод, что к середине XIX в. возникло много новых крупных ярмарок [14]. Однако факты свидетельствуют о том, что произошло не только сокращение численности ярмарок, но и объема торговых оборотов [15]. Требуют доказательства и многие утверждения автора по изменению социальной структуры населения Беларуси [16]. Отсутствует анализ характера мелкой промышленности в Беларуси. Термин «мелкое товарное производство» до конца не объясняет процесса генезиса «капитализма в промышленности». Нуждается в уточнении и характеристика мануфактурного производства [17]. Трудно согласиться с автором и в том, что факты найма мастеров и опытных рабочих (чаще всего из-за границы) помещиками на вотчинные мануфактуры свидетельствовали об эволюции этих предприятий в капиталистическое производство [18], как и отнесение к капиталистическим фабрикам помещичьих сахарных и железодетальных заводов [19].

Сделав правильный вывод о том, что «промышленность Белоруссии и в 1860 г. не достигла общероссийского уровня» [20], в следующей монографии М.Ф.Болбас отрекается от своего вывода, а в доказательство нового утверждения по непонятным критериям и без всякого фактического объяснения приводит новые данные о состоянии промышленности Беларуси, нежели в предыдущей монографии: по численности рабочих «новые» данные больше в 4,5 раза, а по сумме производства – в 2,2 раза [21]. Это ли не удивительно? Как «легко и свободно» автор оперирует цифровыми данными. Видимо, не случайно таблицы М.Ф.Болбаса составлены без ссылок на источники [22], ведь никто не гарантирует их точность, в том числе и сам автор.

Широкий круг вопросов, которые исследует автор, не позволил ему детально разработать и вопрос о роли мелкотоварного

производства в зарождении и развитии капиталистических отношений. Такие важные вопросы, как связь мелкотоварного производства с сельским хозяйством, влияние мелкотоварного производства на формирование внутреннего рынка, социальная база мелкотоварного производства остались неисследованными, а ведь рост мелкотоварного производства означает и рост общественного разделения труда, т.е., создаётся база для развития мануфактурного и фабрично-заводского производства. Хотя необходимо заметить, что развитие последних не обязательно означает упадок первого, т.к. социальная база для развития промыслов и ремесла была шире не только в дореформенный период, но и во второй половине XIX в.

Развитию промышленности Могилевской губернии в период кризиса крепостничества посвящена статья М.Г.Лысенко [23].

В последние годы белорусские историки стали исследовать вопрос о формировании белорусского национального рынка, о вращении его в систему единого всероссийского рынка в плане проблемы генезиса капитализма [24]. Особый интерес вызывает исследование В.В.Шведа, непосредственно посвященное развитию торговли в период кризиса феодализма. В сложном переплетении процессов разложения старого феодального строя и зарождения новых капиталистических отношений автор, руководствуясь марксистско-ленинской методологией, смог выделить и доказать главное – постепенное зарождение и развитие капиталистического уклада, выразившегося в эволюции ярмарок в стационарные формы торговли, в росте городов и численности населения, в развитии капиталистических форм промышленности, усилении товарности сельского хозяйства и т.д. [25].

Однако, как отмечает А.М.Лютый, трудно не согласиться с выводами автора о том, что ремесло выросло из отхожих промыслов и большинство ремесленников Беларуси работали на рынок, постепенно превращаясь в наёмных рабочих. Нельзя не возразить автору и тогда, когда он утверждает, что одним из основных источников роста городского населения белорусских губерний был процесс дифференциации крестьянства в условиях кризиса феодализма [26].

Барщинная система ведения сельского хозяйства в Беларуси препятствовала уходу крестьян в город для занятий промыслами, ремеслом или торговлей. В период с 1830 по 1839 г. зафиксировано около 30 случаев перехода крестьян в мещанское или купеческое сословия. Основным источником пополнения городского на-

селения в белорусских губерниях, входивших в чету «еврейской оседлости», было насильственное переселение царским правительством евреев из сельской местности в города и местечки [27]. Поэтому мы не должны обольщаться высокими темпами роста численности горожан в Беларуси в дореформенный период, поскольку они не отражали действительного уровня развития экономики региона.

Монографическое исследование отдельных сторон проблемы генезиса капитализма в Беларуси определило и общую характеристику этого процесса в обобщающих изданиях, ведь авторами этих изданий были вышеназванные историки [28].

Интересен подход к общей характеристике процесса генезиса капитализма у авторов первого тома «Истории рабочего класса Белорусской ССР», посвященного формированию пролетариата республики в период капитализма. Зарождение рабочего класса они связывают с началом разложения феодально-крепостнических и появлением капиталистических производственных отношений [29]. В первой главе труда «Рабочие Белоруссии до реформы 1861 г.» отмечается, что «в течение XVI – первой половины XVII в. феодальный способ производства в Белоруссии эволюционировал от производства преимущественно потребительских стоимостей к производству товаров, меновых стоимостей» [30], что свидетельствовало о начале «движения общества к рубежам следующей за феодализмом исторической эпохи» [31]. Далее авторы делают вывод о том, что развитие этого процесса затормозилось вследствие поражения антифеодальной борьбы народных масс в 1648 – 1654 г. и военных разорений второй половины XVII – первой половины XVIII в. [32]. Недостаточно убедительным является объяснение социально-экономических процессов, происходивших в XVII – первой половине XVIII в. в Беларуси, а также результатов антифеодальной борьбы и военных событий.

Нельзя не согласиться с авторами первой главы, когда они делают вывод, что вторая половина XVII в. стала «...временем развития новых явлений в экономике феодального поместья, крестьянского хозяйства и городов Белоруссии» [33]. Однако когда речь идёт о степени развития капиталистических отношений, то просматривается явная тенденция к преувеличению темпов этого процесса. Например, в книге говорится, что во второй половине XVII в. местечки становятся центрами вотчинной промышленности, применявшей наемный труд [34]. А.М.Лютый приводит данные, что в конце XVII в. из 2284 работающих на промышленных

предприятия в местечках только 620 человек были вольнонаемными, что составляет 27 % от общего числа рабочих [35].

Большинство ученых проявление буржуазных отношений видят в углублении общественного труда, превращении ремесла в мелкое товарное производство и появлении простой капиталистической кооперации и мануфактурного производства с применением наемного труда. Утверждение авторов о том, что капиталистические мануфактуры в конце XVIII в. только зарождались [36], ещё раз подтверждает тот факт, что начало генезиса капитализма в Беларуси относится к концу XVIII – началу XIX в., а не к середине XVII или ещё более раннему периоду, как это стремились доказать авторы данного обобщающего труда.

С.М. Токць

г. Гродна

АКТУАЛЬНАСЦЬ МІКРАГІСТАРЫЧНЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ У СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

Мікрагістарычны падыход аформіўся ў Італіі ў 70-я гады XX ст., на падставе комплексу ідэй, выказаных невялікай групай гісторыкаў, аб'яднаных вакол часопіса «Quaderni Storici». Даволі хутка ён набыў папулярнасць сярод даследчыкаў іншых заходнееўрапейскіх краін і ЗША. Мікрагісторыю нельга акрэсліць як навуковую школу ці аўтаномную гістарычную дысцыпліну, хоць і былі такія спробы. Яна паўстала з самой даследніцкай практыкі, ці, дакладней сказаць, з тых перашкод, з якімі сутыкнуліся гісторыкі ў сваіх даследаваннях. На думку Ж.Рэвеля, мікрагісторыя нарадзілася як рэакцыя на крызіснае становішча, у якое трапіла сацыяльная гісторыя, як імкненне пераасэнсаваць некаторыя яе канцэпцыі, задачы і метады [Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. Человек в истории. – Москва, 1986. – С. 110].

Як вядома, дамінуючая версія сацыяльнай гісторыі сфармавалася ў Францыі вакол славутага часопіса «Анналы». Яе паслядоўнікі аддавалі перавагу вывучэнню найбольш масавых сукупнасцяў на працягу працяглых часовых адрэзкаў. Яны рабілі вельмі складаныя вымярэнні эвалюцыі і ваганняў цэнаў, прыбыткаў, прыватных багаццяў і г.д., а на іх падставе будавалі не менш складаныя мадэлі. Працэс спецыялізацыі і абмежавання поля канкрэтных даследаванняў прыводзіў да іх ізаляцыі, у той час, калі поле

гістарычнай навукі лічылася раз і назаўсёды адкрытым і агульным. У выніку была пастаўлена пад сумніў даставернасць макрагістарычнага падыходу.

Сімптомам гэтага недаверу і стала вылучэнне мікрагісторыі. Для мікрагістарычнага падыходу вызначаючым момантам з'яўляецца змена маштабу аналізу. Гэта азначае не проста павелічэнне памераў аб'екта, але змену яго віда і фона. Інакш кажучы, змяняючы фокус разгляду, мы атрымліваем фактычна новую рэальнасць. Як адзначыў Ж.Рэвель: «(...) мікрагістарычны падыход мае на мэце ўзбагаціць сацыяльны аналіз, прапанаваць большую разнастайнасць варыянтаў, больш складаных і рухомах» [Рэвель Ж. Микроисторический анализ... – С.115].

Мікрагісторыя прапаноўвае перавесці сацыягістарычны аналіз у сферу працэсаў, рэканструкцыю складанай сеткі цесных сувязяў і ўзаемаадносін, паўстаючых і знікаючых ідэнтычнасцяў. Натуральна, што гэта патрабуе вельмі складаных аналітычных метадаў, што, у сваю чаргу, з неабходнасцю вядзе да звужэння поля даследавання.

Адносна беларускай гістарыяграфіі можна гаварыць толькі пра зараджэнне мікрагістарычнага кірунку. Тут важна падкрэсліць розніцу паміж мікрагісторыяй і краязнаўствам. Як слухна адзначыў В. Насевіч, краязнаўства азначае «драбленне аб'екта даследавання па тэрытарыяльным прынцыпе, калі з мноства падзей вылучаюцца тыя, што маюць дачыненне да дадзенай мясцовасці», у той час як мікрагісторыя нагадвае вывучэнне клеткі пад мікраскопам [Насевіч В. Мікрагісторыя: мінулае ў чалавечым вымярэнні // Беларускі гістарычны агляд. – 1991. – Т.6. – Сш.1-2 (10-11). – С. 138]. Пачынальнікам мікрагістарычнага кірунку ў беларускай гістарыяграфіі можна лічыць М. Улашчыка, які напісаў манаграфію пра сваю родную вёску Віцькаўшчыну [Улашчык М. Была такая вёска. Гістарычны нарыс. – Мінск, 1989]. Праўда, гэта вельмі жыва і цікава напісаная класікам беларускай гістарычнай навукі праца грунтуецца амаль выключна на матэрыяле т.зв. «вуснай гісторыі» і не ўтрымлівае дакладных статыстычных даных і аналізу архіўных крыніц. Грунтоўны тэарэтычны артыкул і вынікі практычных мікрагістарычных даследаванняў апублікаваны мінскім гісторыкам В.Насевічам [Насевіч В. Мікрагісторыя: мінулае ў чалавечым вымярэнні // Беларускі гістарычны агляд. – 1991. – Т.6. – Сш.1-2 – (10-11). – С. 133-151; Ён жа. Карэньшчына: тры стагоддзі жыцця аднаго маёнтку // Беларускі гістарычны агляд. – 2000. – Т.7. – Сш.1(12); Ён жа. Структуры сям'і і дворагаспадаркі

ў гісторыі Еўропы // Беларускі гістарычны агляд. – 2000. – Т.7. – Сш.2 (13). – С. 448-475.] У апошнія гады з’явілася таксама шмат работ, прысвечаных асобным населеным пунктам ці невялікім рэгіёнам, якія ўтрымліваюць элементы мікрагістарычнага аналізу і знаходзяцца як бы на мяжы мікрагісторыі і краязнаўства.

Але ці існуе на сённяшні дзень у беларускай гістарыяграфіі пільная патрэба ў правядзенні мікрагістарычных даследаванняў? Па-сутнасці, мы не маем такога крызісу сацыяльнай гісторыі, які спарадзіў мікрагістарычны падыход у заходнееўрапейскай гістарыяграфіі. Калі параўнаць беларускую гістарыяграфію, напрыклад, з французскай, то ў нас пакуль адсутнічаюць падобнага ўзроўню даследаванні «структур паўсядзённасці» на макраўзроўні. Таму лагічна было б сцвердзіць, што час для мікрагістарычнага падыходу яшчэ не наспеў. Аднак, на маю думку, мікрагісторыя вельмі патрэбна менавіта цяпер. В.Насевіч трапна акрэсліў яе як «мінулае ў чалавечым вымярэнні». Менавіта гэтага чалавечага вымярэння востра бракавала савецкай гістарычнай навуцы, на што, зразумела, былі свае важкія ідэалагічныя прычыны. І гэты дэфіцыт не знікае, на жаль, і сёння.

Цікава, што пры існуючым у нашым грамадстве кульце «простага чалавека», гісторыя гэтага самага чалавека ў нас па-сутнасці адсутнічае. Па вялікаму рахунку, мы маем гісторыю, напісаную найперш з пункту гледжання эліт, ці то кіруючых грамадствам, ці апазіцыйных уладзе. Гэта, на маю думку, датычыць нават савецкіх даследаванняў дарэвалюцыйнага перыяду, хаця яны і прасякнуты эгалітарэсцкім духам. Калі ўзяць, напрыклад, работы па гісторыі Беларусі XIX ст., то маштаб разгляду мінулага фактычна адпавядае таму, якой бачыў тагачасную рэчаіснасць, скажам, віленскі генерал-губернатар ці міністр унутраных спраў імперыі, да якіх сцякалася інфармацыя ад ніжэйшых структур разгалінаванага дзяржаўнага апарату. Натуральна, што гісторык мусіць звяртацца да гэтай велізарнай па свайму аб’ёму базы дакументальных крыніц і падвяргаць яе крытычнаму аналізу, каб ствараць гісторыю ў нацыянальным маштабе. Аднак ён мае пры гэтым справу з ужо выбудаванай канструкцыяй, дзе на некалькіх узроўнях праведзены адбор і адсеў інфармацыі.

Натуральна, што нашы разважання і датычаць найперш даследаванняў сацыяльнага і гаспадарчага кірунку. Трэба адзначыць, што беларускімі даследчыкамі ў гэтай сферы адносна таго ж XIX ст. назапашаны і апрацаваны велізарныя матэрыялы, якія адлюстроўвае змены сацыяльных структур і развіццё экана-

мічных працэсаў. Але ён складаецца амаль выключна з сярэднес-татычных дадзеных адносна асобных губерняў і паветаў, якія мала надаюцца для вытлумачэння матываў паводзін і ўчынкаў людзей на ўзроўні асобнай вёскі ці мястэчка. З гэтых прац немагчыма, напрыклад, даведацца, чым адрознівалася ў дэталях штодзённае жыццё селяніна на пачатку XIX ст. і на пачатку XX ст., апроч таго, што пасля рэформы 1861 г. знікае паншчына. Не атрымаем мы таксама ўяўлення пра тую складаную сетку сацыяльных сувязяў і ўзаемаадносін, патэнцыяльных магчымасцяў і пагроз, ва ўмовах якой дзейнічаў індывід і мусіў раз-параз рабіць няпросты выбар.

Культура штодзённага жыцця элітаў тагачаснага грамадства надаецца да аналізу з дапамогай даволі багатай мемуарнай літаратуры. Зусім інакш выглядае справа адносна сялянскага насельніцтва ці «маўклівай большасці». Гэтая дзядзіна традыцыйна была аддадзена на водкуп этнографам. Аднак апошнія звычайна засяроджваліся на апісанні абраднасці, фальклору, асабліва сцяў матэрыяльнай культуры. Практычна нават не рабілася спробаў распрацаваць на базе гістарычнага матэрыялу мадэль сялянскага мікрасоцыума ці сістэму традыцыйнага светапогляду, як гэта рабілася ў замежнай этналогіі і культурнай антрапалогіі. Фактычна веды пра духоўнае жыццё беларускай вёскі засталіся на ўзроўні XIX ст., калі тагачаснымі этнографамі быў сабраны велізарны аб'ём матэрыялаў. Тут варта агаварыцца, што такія падыходы дыктаваліся ідэалагічнымі патрабаваннямі да гуманітарных навук. Аб'ектыўны аналіз мікрасацыяльнай рэальнасці непазбежна прывёў бы да вынікаў, якія б супярэчылі загадзя вызначаным схемам. Існаваў пэўны вобраз беларускага селяніна, парушаць які не рэкамендавалася. З гэтай менавіта прычыны з вялікімі цяжкасці дайшла да чытача праца М. Улашчыка.

Хацелася б таксама падзяліцца некалькімі высновамі з вопыту ўласных мікрагістарычных даследаванняў двух мікрарэгіёнаў – вёскі Бершты і мястэчка Свідзель. На маю думку, даследаванні такога плану асабліва перспектыўныя на сённяшні дзень. Праўда, у параўнанні з французскімі, італьянскімі ці англійскімі гісторыкамі беларускія даследчыкі маюць перад сабой куды бяднейшую базу пісьмовых крыніц. Для рэканструкцыі эканамічнага жыцця ў найбольшай ступені надаюцца гаспадарчыя інвентары маёнткаў. Пры ўмове някепскай захаванасці яны дазваляюць будаваць мадэль эканамічнага развіцця вёскі з дынамікай зменаў на працягу даволі вялікіх храналагічных адрэзкаў. Таксама вельмі перспектыўным з'яўляецца кірунак вывучэння сялянскай двора-

гаспадаркі. Важна адзначыць, што гаспадарчыя інвентары ўтрымліваюць таксама звесткі дэмаграфічнага характару. Дэмаграфічныя працэсы адлюстраваны ў царкоўных метрычных кнігах і матэрыялах рэвізскіх перапісаў. Гэтыя матэрыялы даюць магчымасць збудаваць мадэль дэмаграфічнага развіцця, а таксама асвятліць сацыяльную структуру вясковага насельніцтва на ўзроўні мікра-рэгіёну. Метрычныя кнігі адлюстроўваюць у пэўнай ступені прасторавыя параметры лакальнага сялянскага свету і дазваляюць, праўда, у абмежаванай ступені рэканструяваць сетку сацыяльных узаемаадносін. Асабліва перспектыўным з'яўляецца комплекснае вывучэнне названых крыніц.

Сацыяльнае жыццё беларускай вёскі, якое ўключае ў свой змест узаемаадносіны людзей, іх паводзіны ў розных сітуацыях, канфлікты, знаходзіць больш поўнай і шматбаковае асвятленне ў канцы XIX – на пачатку XX ст. у матэрыялах валасных і міравых судоў, «землеустроительных» камісій, дакументах натарыяльных кантор. Гэты масіў крыніц ужо дазваляе даследчыку з большым ці меншым поспехам рэканструяваць мікрасацыяльную рэчаіснасць, ставіць і шукаць адказы на пытанні пра асаблівасці ментальнасці вясковых жыхароў. Разам з тым інфармацыя пра гаспадарчае жыццё вёскі становіцца больш сціплай. Натуральна, што падобнага тыпу даследаванне патрабуе апрацоўкі, у тым ліку і матэматычнай, вялізнай колькасці дакументаў, якія да таго ж на пачатку неабходна адшукаць. Менавіта надзвычай высокая працаёмкасць нярэдка адпалохвае даследчыкаў ад мікрагістарычных даследаванняў.

Безумоўна, асаблівую каштоўнасць вынікам лакальных даследаванняў надае параўнанне з сярэднестатыстычнымі паказчыкамі адносна больш вялікіх рэгіёнаў і ўсяго беларускага этнічнага абшару. Мікрааналіз не павінен быць адарваны ад агульнага гістарычнага кантэксу. Трэба разумець, што менавіта з мірыядаў нязначных, здавалася б, учынкаў звычайных людзей фармуюцца тыя самыя макраструктуры, якія становяцца аб'ектам даследавання гісторыкаў у нацыянальным маштабе. Увогуле мікрасацыяльныя даследаванні даюць вельмі багатую глебу для параўнання. Прычым гэта асабліва актуальна для беларускай рэчаіснасці з яе феноменам полікультурнасці. Менавіта на лакальным узроўні ўяўляецца вельмі перспектыўным параўнаўчы аналіз суседніх і блізкіх паводле прыроднага асяроддзя мікра-рэгіёнаў з розным паводле этнічнага паходжання і канфесійнай прыналежнасці насельніцтвам. Натуральна, што вынікі такога даследавання будуць мець

пэўнае значэнне толькі для гэтага рэгіёну, але яны без сумнення будуць вельмі карыснымі ў правядзенні больш маштабных даследаванняў. Ды гэта і з'яўляецца адной з важнейшых задач мікрагісторыі – узбагаціць і скарэктаваць нашы веды, атрыманыя на макраўзроўні.

Асабліва цікавым, на нашу думку, перыядам для мікрагістарычных даследаванняў заходнебеларускай вёскі з'яўляюцца 1920-я гады. Гэта быў час, калі беларускае сялянства актыўна далучылася да надлакальных нацыянальных і палітычных працэсаў. Пры даследаванні акрэсленых працэсаў на мікраўзроўні даследчык можа звярнуцца да трох асноўных корпусаў крыніц: матэрыялы мясцовай польскай адміністрацыі, беларускага друку і матэрыялаў «вуснай гісторыі». Напрыклад, мною было праведзена даследаванне асабістых лёсаў ўсіх актывістаў беларускага руху ў названых вышэй мясцовасцях. І вынікі гэтага даследавання, на маю думку, засведчылі жорсткую дэтэрмінаванасць іх асабістага выбару. Прычым выбар для сябе працы ў нацыянальным кірунку патрабаваў фанатычнай самаадданасці і амаль поўнага адрачэння ад жыццёвых даброт. Гэта было галоўнай прычынай заняпаду беларускага руху ў вёсцы ў 1930-я гады.

Таксама вельмі цікавым перыядам для мікрагістарычных даследаванняў з'яўляецца час устанаўлення на вёсцы савецкай улады і калгаснае будаўніцтва. Аналіз розных жыццёвых стратэгий сялян ва ўмовах кардынальнай змены жыццёвага ўкладу ўяўляецца нам надзвычай актуальнай праблемай. І тут таксама неабходна супастаўленне афіцыйных матэрыялаў з «вуснай гісторыяй».

Як ужо адзначалася вышэй, важнейшай асаблівасцю мікрагістарычнага аналізу з'яўляецца змена маштабу погляду на аб'ект даследавання. Гэтая змена дае магчымасць як бы патрапіць з адной гісторыі ў другую, таксама, як пры павелічэнні маштабу, скажам, газетнай ілюстрацыі мы атрымліваем ужо зусім іншую выяву. Аднак паміж гэтымі гісторыямі няма неадольнага разрыву. Яе персанажы дзейнічаюць у адзіным кантэксце, толькі па-рознаму ўяўляюць сабе акаляючую іх рэчаіснасць. Аналіз гэтай рэчаіснасці на ўзроўні мікрарэгіёну ці мікрасоцыуму дае нам новыя веды, неабходныя для лепшага разумення развіцця гістарычных працэсаў у нацыянальным маштабе.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

«Узяўшы ў рукі ліхтарык, павінны мы крок за крокам абысці мінулае нашай Бацькаўшчыны» [1] – написав эти слова в 1921 г. в предисловии ко второму изданию своего «Кароткага нарыса гісторыі Беларусі», В.Игнатовский представить даже не мог, что определенные им задачи с новой актуальностью будут поставлены в середине 80 – начале 90-х г.

Утверждение принципа гласности и противоречивость общественного развития на рубеже 80–90-х г. самым непосредственным образом сказались на трансформации исторических взглядов как в академической науке, так и в вытекающих из нее преобразований в сфере исторического образования Белоруссии. В этом контексте особый интерес представляют дискуссии, которые развернулись на страницах республиканской печати и стали своеобразным феноменом перестройки.

В 1986 г. в БССР распространялось свыше 200 областных, городских, районных, многотиражных и 30 центральных газет, публикации которых рассмотрены для историографического анализа. Это, во-первых, источники идеологического типа, характеризующие диалог между властью и научной корпорацией историков по проблемам отечественной истории; во-вторых, полемические статьи историков-профессионалов, литераторов и публицистов по проблемам исторического образования; в-третьих, материалы «круглых столов» с участием широкого круга представителей общественности: преподавателей вузов и школ, управленческих работников народного образования, политиков и ученых.

Несмотря на то, что участники дискуссий 1986-1991 г. не являются авторами исторических монографий (скорее, это были историко-философские эссе), поднятые вопросы были новыми и конструктивными [2].

Также заметным явлением в белорусской прессе стали различные виды рецензий. Во-первых, рецензии, подготовленные по заказу редколлегий журналов или сборников статей; во-вторых, «инициативные» отзывы читателей (чаще всего историков) на материалы, опубликованные в журналах, или на монографичес-

кие исследования; в-третьих, размышления и отзывы непрофессионалов по поводу различных суждений, концепций, что позволяет судить о том, как менялись требования, предъявляемые обществом к профессиональным историкам [3].

Совокупное влияние этих фактов подрывало жесткую систему партийного идеологического контроля и вынудило государственные и партийные органы смягчить цензуру над интеллектуальной жизнью общества. В быстро меняющейся политической обстановке был признан тот факт, что советская историческая наука и историческое образование не отвечали требованиям перестройки. Был законодательно подготовлен переход к политическому и идеологическому плюрализму.

Новые задачи, сформулированные государственно-партийным руководством, были восприняты научной общественностью как очередная корректировка политического курса, вызванная прежде всего кадровыми переменами в высших эшелонах власти и не затрагивающая основ существования советского общества.

На первом этапе дискуссии проходили в основном в рамках социокультурного подхода с акцентом на культурно-воспитательные функции науки, формирующей и поддерживающей систему значимых для общества ориентаций. Различие в позициях историков определялось тем, как решался вопрос о соответствии или несоответствии науки проводимым в обществе преобразованиям.

Продолжалось обсуждение проблемы преподавания истории партии, проводились фундаментальные исследования роли КПБ по социалистическому воспитанию общества, прежде всего молодежи [4].

Прорыв догматической блокады был достигнут публикацией материалов К.Тарасова, А.Грицкевича, В.Грицкевича, А.Мальдиса, С.Думина, В.Круталевича, В.Орлова и др. [5].

В свете этих материалов по-новому ставился вопрос о субъективной роли белорусов в многовековом историческом процессе, о традициях белорусской государственности, политической и духовной культуре, о взаимоотношениях с соседними и другими народами.

В острой конфронтации мыслей, взглядов завоевывала себе право гражданственности истина: каждый народ – творец своей собственной истории. «Іначай кажучы, – по словам А.Кавкі, пачынаецца тое, што я назваў бы пераадоленнем халуйскага сіндрома ў беларускай гістарыяграфіі» [6].

В ходе развернувшихся дискуссий определялись основные историографические направления, которые требовали новых подходов и оценок в проводимых исследованиях истории Беларуси и внесения изменений в ее преподавание.

Дискуссия достигла определенной кульминации в опубликованном сборнике «3 гісторыі на Вы», в котором были собраны публицистические статьи по проблемам взаимоотношений литераторов и профессиональных историков, национальной символики, «белых пятен» минувшего, возвращения белорусам их исторической памяти [7].

Прозвучали предложения срочно начать публикации, отражающие современное состояние исторической науки, а также статей проблемного характера, содержащих аналитический материал [8].

В этих условиях важным представлялось организовывать творческое общение учителей-практиков и ученых, однако, в БССР рассматриваемый период отмечен отсутствием исторического журнала и издания, аналогичного всеоюзному «Преподавание истории в школе», что не обеспечивало постоянную трибуну для историков. Обсуждение проблем отечественной истории велось на страницах газет «Звязда», «Голас Радзімы», «ЛиМ», «Настаўніцкая газета» и журнала Белорусского фонда культуры «Спадчына» [9].

Критическая направленность публикаций свидетельствует о том, что в обстановке нарастания противоречий общественной жизни современное историческое образование устарело и нуждается в радикальном изменении. Разрушение методологической основы исторической науки вызвало кризис исторического образования.

В связи с обновлением содержания образования должна была проводиться большая работа по предметам, входящим в компетенцию республики, – белорусскому языку и истории БССР, а также создание национальных программ [10].

Анализ материалов «круглых столов» под рубриками «Народ, история, культура», «Исследования, мнения, гипотезы», «Силуэты предков», «Возвращается к читателю» позволяет обнаружить ориентацию на собственное национальное самосознание [11].

Наиболее слабым звеном оставались учебники по истории БССР, содержательные и методические параметры которых были отработаны в конце 70-х г. Резкая критика педагогической общественностью устаревших учебников получила широкий обществен-

ный резонанс, что оказало влияние на объявление в 1989 г. конкурса на две книги по истории Беларуси – для 8-9 и 10-11 классов.

Формой выхода из кризиса стала разработка концепции исторического образования. В 1991 г. был создан творческий научный коллектив под руководством заместителя директора Института истории АН Беларуси М.Бича. Вынесение на обсуждение проекта концепции – факт сам по себе примечательный, что отразилось в многочисленных читательских откликах и предложениях [12].

В качестве первоочередных задач предполагалось преодоление догматизма и схематизма, политизации и идеологизации курса отечественной истории, а также использование историко-краеведческого подхода в ее изучении.

В. Ц. Леанавец

г. Гродна

РАЗМЯШЧЭННЕ НАВУКОВЫХ І НАВУЧАЛЬНА- НАВУКОВЫХ УСТАНОЎ БЕЛАРУСІ (1920-я – 30-я г.)

Станаўленне і развіццё навуковых і навучальна-навуковых устаноў Беларусі цесна звязана з гісторыяй БССР. Адметнасцю гэтага працэсу стаў яго планамерны характар, закладзены ў палітыку сацыялістычнай дзяржавы адносна навукі, нябачаныя раней тэмпы росту. У 1940 г. у Беларускай ССР працавалі 55 навукова-даследчых і 36 вышэйшых навучальных устаноў.

Вядучыя цэнтры нацыянальна-культурнага адраджэння, навукі – Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт і Беларуская Акадэмія навук – былі створаны і развіваліся ў сталіцы рэспублікі – г. Мінску. Ва ўмовах крайняй абмежаванасці і вострага дэфіцыту кваліфікаваных навуковых кадраў, матэрыяльных і фінансавых рэсурсаў гэтым дасягалася канцэнтрацыя навуковага патэнцыялу, падпарадкаванне яго агульнадзяржаўным задачам. Практычна ўсе навукова-даследчыя інстытуты і падраздзяленні АН БССР былі засяроджаны ў сталіцы. Увогуле 34 з 55 навукова-даследчых устаноў рэспублікі (60,2 %) былі размешчаны ў Мінску і Мінскай вобласці. Тут знаходзіліся ўсе галіновыя навукова-даследчыя ўстановы прамысловасці і адукацыі, кансервагорыя, а таксама большасць – 7 з 9 (77,7 %) навукова-даследчых інстытутаў аховы здароўя. На перыферыі былі размешчаны галоўным чынам сельска-

гаспадарчыя (14 з 18 – 77,7 %), сацыяльна-эканамічныя ўстановы (5 з 8 – 62,5 %). На геаграфію размяшчэння навукова-даследчых устаноў уплываў пэўны вопыт арганізацыі даследчай працы (на ўзроўні вопытных станцый, эксперыментальных лабараторый і г.д.), назапашаны ў дарэвалюцыйны час. Так, напрыклад, у 1912 г. была арганізавана Віцебская ветэрынарна-бактэрыялагічная лабараторыя. У 1919 г. яна была перайменавана ў Віцебскую губернскую станцыю, якая праводзіла дыягнастычныя даследаванні і вырабляла біяпрэпараты. У 1923 г. яна была рэарганізавана ў навукова-даследчы ветэрынарны інстытут Наркамзема РСФСР, а ў 1924 г., у сувязі з уключэннем Віцебскай губерні ў склад БССР, інстытут стаў падпарадкоўвацца Наркамзему БССР.

Размяшчэнне вышэйшых навучальных устаноў было абумоўлена задачамі пераўтварэнняў, максімальнага выкарыстання наяўных рэсурсаў рэспублікі. Найбольш гэта адбілася на геаграфіі размяшчэння вышэйшых педагагічных устаноў – педагагічных і настаўніцкіх інстытутаў. 69,2 % з іх былі заснаваны на перыферыі. Апошнія 5 з іх былі створаны ў 1940 г. на тэрыторыі заходніх абласцей БССР пасля ўз'яднання Беларусі. Больш познія тэрміны заснавання, аб'ектыўныя цяжкасці станаўлення абумовілі іх кадравы патэнцыял, матэрыяльную базу, уклад у развіццё навукі і культуры. Разам з тым дзяржаўная палітыка, дапамога раней створаных, найперш вядучых устаноў рэспублікі, спрыялі паступальнаму развіццю вышэйшай школы.

За кароткі даваенны тэрмін у БССР была створана шырокая сетка навукова-даследчых і навучальна-навуковых устаноў, якія ўнеслі вялікі ўклад у падрыхтоўку нацыянальных кадраў, развіццё адукацыі, навукі і культуры.

Навукова-даследчыя ўстановы БССР. 1940 г.

Навукова-даследчыя ўстановы і іх падпарадкаванасць		Месца-знаходжанне	Колькасць працаўнікоў	
			Усяго	У т.л. навуковых
1	2	3	4	5
БССР			2515	714
1.	Акадэмія навук БССР	г. Мінск	433	253
1.	Інстытут гісторыі	г. Мінск	23	19
2.	Інстытут літаратуры і мовы	г. Мінск	20	18
3.	Інстытут эканомікі	г. Мінск	25	17

1	2	3	4	5
1.	Інстытут сацыялістычнай сельскай гаспадаркі	г. Мінск	68	45
2.	Інстытут біялогіі	г. Мінск	47	32
3.	Інстытут геалогіі	г. Мінск	43	12
4.	Інстытут эксперыментальнай фізіялогіі	г. Мінск	23	10
5.	Інстытут торфа	г. Мінск	59	25
6.	Інстытут хіміі	г. Мінск	42	14
7.	Батанічны сад	г. Мінск	42	14
8.	Медыцынскі інстытут	г. Мінск	10	5
9.	Група тэхналогіі	г. Мінск	12	6
10.	Водагаспадарчая група	г. Мінск	9	9
II. Прамысловасць			203	68
1.	Інстытут прамысловасці будматэрыялаў НКБудматэрыялаў БССР	г. Мінск	72	24
2.	Інстытут харчовай прамысловасці НКХарчпрама БССР	г. Мінск	99	31
3.	Станцыя рыбнай гаспадаркі Галоўрыбпрама БССР	г. Мінск	29	10
4.	Інстытут аховы працы УЦСПС	г. Мінск	3	3
III. Сельская гаспадарка			498	163
1.	Усесаюзны інстытут балотнай гаспадаркі С/Г Акадэміі навук СССР	г. Мінск	31	31
2.	Беларуская Дзяржаўная селекцыйная станцыя НКЗема СССР	в. Зазер'е, Рудзенскі р-н, Мінская вобл.	14	14
3.	Вопытная станцыя Усесаюзнага Інстытута льна НКЗема СССР	г. Горкі, Магілёўская вобл.	2	2
4.	Беларускі інстытут лясной гаспадаркі НКЛеса СССР	г. Гомель	24	24
5.	Сельскагаспадарчая вопытная станцыя НКЗема БССР	Баранавіцкая вобл.	17	3
6.	Сельскагаспадарчая вопытная станцыя НКЗема БССР	Гамусоўшчына, Баранавіцкая вобл.	6	4
7.	Вопытная станцыя па жывёлагадоўлі НКЗема БССР	Свіслач, Беластоцкая вобл.	8	3

1	2	3	4	5
1.	Селекцыйная станцыя НКЗема БССР	с. Эльжбетрын, Беластоцкая вобл.	39	3
2.	Балотная вопытная станцыя НКЗема БССР	Івачэва, Брэсцкая вобл.	7	1
3.	Сельскагаспадарчая станцыя НКЗема БССР	в. Глубокае, Вілейская вобл.	8	5
4.	Вопытная станцыя па жывёлагадоўлі НКЗема БССР	Бігасава, Віцебская вобл.	51	15
5.	Ветэрынарная станцыя	г. Віцебск	74	8
6.	Сельскагаспадарчая вопытная станцыя НКЗема БССР	Саўгас «Турэнь», Гомельская вобл.	31	10
7.	Станцыя механізацыі і электрыфікацыі сельскай гаспадаркі НКЗема БССР	г. Мінск	39	11
8.	Пладоваагароднінная вопытная станцыя НКЗема БССР	г. Мінск	82	12
9.	Селекцыйная станцыя бабовых культур НКЗема БССР	Саўгас «Буйнісы», Магілёўская вобл.	28	6
10.	Беларускі дзяржаўна-запаведнік «Белаежская пушча» Упраўл. па запавед. пры СНК БССР	Брэсцкая вобл.	29	9
11.	Белдзяржаўна-запаведнік Упраўл. па запавед. пры СНК БССР	Бягомль Мінская вобл.	8	2
IV. Ахова здароўя			1044	158
1.	Інстытут Эпідэміялогіі і мікрабіялогіі НК Аховы здароўя БССР	г. Віцебск	129	15
2.	Інстытут Трахаматозна – афтальмалагічны НК Аховы здароўя БССР	г. Гомель	80	3
3.	Санітарны інстытут НК Аховы здароўя БССР	г. Мінск	63	30
4.	Сухотны Інстытут НК Аховы здароўя БССР	г. Мінск	65	8

1	2	3	4	5
1.	Інстытут пералівання крыві НК Аховы здароўя БССР	г. Мінск	16	4
2.	Скурна-венералагічны інстытут НК Аховы здароўя БССР	г. Мінск	38	14
3.	Інстытут аховы мацярынства і немаўляці НК Аховы здароўя БССР	г. Мінск	157	20
4.	Інстытут фізічных метадаў лячэння НК аховы здароўя БССР	г. Мінск	292	35
5.	Інстытут эпідэміялогіі і мікрабіялогіі НК аховы здароўя БССР	г. Мінск	204	29
V. Асвета			171	26
1.	Інстытут школ НК асветы БССР	г. Мінск	24	16
2.	Бібліяграфічны інстытут НК асветы БССР	г. Мінск	147	10
VI. Сацыяльна-эканамічныя			156	45
1.	Інстытут крыміналістыкі і судовай экспертызы НКЮста БССР	г. Мінск	35	18
2.	Музей імя А. Міцкевіча НКАсветы БССР	г. Навагрудак, Баранавіцкая вобл.	5	2
3.	Музей Рэвалюцыі НКАсветы БССР	г. Мінск	28	8
4.	Гістарычны музей НКАсветы БССР	г. Мінск	20	9
5.	Філіял Цэнтральнага гістарычнага архіва НКУС БССР	г. Гродна	15	2
6.	Цэнтральны архіў Кастрычніцкай рэвалюцыі НКУС БССР	г. Магілёў	32	4
7.	Цэнтральны гістарычны архіў НКУС БССР	г. Магілёў	21	2
VII. Іншыя			10	1
1.	Мінская Геафізічная абсерваторыя Галоў. Упр. Гідраметэаралагічнай службы пры СНК СССР	г. Мінск	10	1

Вышэйшыя навучальныя ўстановы БССР. 1939/40 навуч. год

Назва ВНУ	Месца-знаходжанне	Студэнты	Выкладчыкі
1	2	3	4
I. Прамысловасць			
1. Політэхнічны інстытут	г. Мінск	1824	204
2. Лесатэхнічны інстытут	г. Гомель	478	62
II. Сельская гаспадарка			
1. Сельскагаспадарчы інстытут	г. Горкі	1043	106
2. Ветэрынарны інстытут	г. Віцебск	540	61
III. Асвета			
1. Белдзяржуніверсітэт	г. Мінск	1267	151
2. Педагагічны інстытут	г. Мінск	1232	143
3. Педагагічны інстытут	г. Віцебск	539	76
4. Педагагічны інстытут	г. Магілёў	655	74
5. Педагагічны інстытут	г. Беласток	-	-
6. Педагагічны інстытут	г. Гомель	850	90
7. Педагагічны інстытут замежных моў	г. Мінск	-	-
8. Настаўніцкі інстытут	г. Мінск	183	Уключаны ў педінстытут
9. Настаўніцкі інстытут	г. Орша	423	29
10. Настаўніцкі інстытут	г. Віцебск	299	Уключаны ў педінстытут
11. Настаўніцкі інстытут	г. Гомель	310	Уключаны ў педінстытут
12. Настаўніцкі інстытут	г. Рагачоў	420	38

1	2	3	4
1. Настаўніцкі інстытут	г. Магілёў	202	Уключаны ў педінстытут
2. Настаўніцкі інстытут	г. Баранавічы	-	-
3. Настаўніцкі інстытут	г. Гродна	-	-
4. Настаўніцкі інстытут	г. Пінск	-	-
5. Вячэрні педагагічны інстытут	г. Мінск	-	-
6. Вячэрні педагагічны інстытут	г. Віцебск	-	-
7. Вячэрні педагагічны інстытут	г. Гомель	-	-
8. Вячэрні настаўніцкі інстытут	г. Мінск	-	-
9. Вячэрні настаўніцкі інстытут	г. Віцебск	-	-
10. Вячэрні настаўніцкі інстытут	г. Гомель	-	-
11. Вячэрні настаўніцкі інстытут	г. Магілёў	-	-
12. Вячэрні настаўніцкі інстытут	г. Беласток	-	-
13. Вячэрні інстытут замежных моў	г. Мінск	-	-
14. Дзяржаўны інстытут журналістыкі	г. Мінск	160	17
IV. Аховы здароўя			
1. Медыцынскі інстытут	г. Мінск	2393	225
2. Медыцынскі інстытут	г. Віцебск	1094	128
3. Фізкультурны інстытут	г. Мінск	273	48
V. Сацыяльна-эканамічныя			
1. Інстытут народнай гаспадаркі	г. Мінск	719	67
2. Юрыдычны інстытут	г. Мінск	373	38

	1	2	3	4
VI. Мастацтва				
1.	Беларуская дзяржаўная кансерваторыя	г. Мінск	151	43

І.Ф. Кітурка

г.Гродна

ЭКАНАМІЧНЫЯ КРЫЗІСЫ другой паловы XVII – першай паловы XVIII ст. І ШЛЯХІ ІХ ПЕРААДОЛЬВАННЯ Ў Вывучэнні і выкладанні гісторыі Беларусі

Эканамічная гісторыя па праву займае адзін з прыярытэтных напрамкаў у вывучэнні мінулага Вялікага княства Літоўскага. Гэта не выпадкова, паколькі ўзровень эканамічнага развіцця амаль заўсёды ўплываў на іншыя (палітычныя, сацыяльныя, культурныя і да т.п.) працэсы ў краіне. Натуральна, што ў традыцыйным, даіндустрыяльным грамадстве агульны стан эканамічнага жыцця ў пераважнай ступені вызначалі змены ў аграрным сектары.

Распрацоўка сацыяльна-эканамічнай тэматыкі была, па сутнасці, «класічнай» для савецкай і айчынай гістарыяграфіі ў папярэднія гады. Аднак звычайна пры даследаванні праблем сацыяльна-эканамічнай і асабліва аграрнай гісторыі Беларусі феадальнай эпохі аб'ектам вывучэння становіліся прадстаўнікі двух супрацьлеглых бакоў – землеўласнікі-феодалы і феадальна залежны сяляне. Пры гэтым, як правіла, вынік быў вядомы адразу – землеўласнік выступаў у ролі прыгнятальніка і дзейнічаў толькі на шкоду сялянину.

Між тым, у гісторыі нашай краіны быў перыяд, калі ўжыванне згаданага тэзісу марксісцкай гістарыяграфіі прывяло да стварэння аднабаковай, у многім сфальсіфікаванай карціны гаспадарчага жыцця. Гаворка ідзе аб эканамічным развіцці ў другой палове XVII – першай палове XVIII ст., калі гаспадарка Беларусі двойчы знаходзілася ў стане крызісу і двойчы выходзіла з яго. І першы (сярэдзіна XVII ст.), і другі (пачатак XVIII ст.) эканамічныя крызісы былі звязаны з войнамі, якія пракаціліся па беларускай зямлі і выклікалі людскія і матэрыяльныя страты. Агульнавядома, што колькасць насельніцтва Беларусі ў другой палове XVII

ст. скарацілася на 53 %, а ў пачатку XVIII ст. – на 30 % [1]. Асабліва вялікім было знішчэнне прадукцыйнага патэнцыялу на вёсцы. Ад недахопу людзей і цяглавай жывёлы велізарныя зямельныя плошчы знаходзіліся ў запусценні. Сялянства не мела магчымасцяў не толькі выплочваць феадальную рэнту, але і весці гаспадарку, неабходную для існавання сям’і.

Гаспадарчае становішча Беларусі гэтага часу ў савецкай гістарычнай літаратуры па сутнасці і разглядалася як непарыўны працэс пастаянна прагрэсіруючага эканамічнага і палітычнага заняпаду ВКЛ. Амаль поўнасю па-за ўвагай даследчыкаў заставаліся мерапрыемствы гаспадарчай адбудовы, а ў якасці галоўнай прычыны заняпаду называлася ўзмацненне феадальнай эксплуатацыі. Палітычныя падзеі, звязаныя з казацка-сялянская вайной (1648–1651), вайной Расіі з Рэччу Паспалітай (1654–1667) і Паўночнай вайной (1700–1721) незаслужана «выцеснілі» больш дэталёвае і грунтоўнае вывучэнне сацыяльна-эканамічных працэсаў на землях Беларусі ў гэты час.

Аднак, нягледзячы на тое, што ў апошнія дзесяцігоддзе з’явіліся спецыяльныя даследаванні беларускіх гісторыкаў, прысвечаныя распрацоўцы асобных праблем эканамічнай гісторыі другой паловы XVII – першай паловы XVIII ст., адзначаныя вышэй высновы і сёння можна знайсці ў вучэбнай літаратуры. Так, у выданні «История Беларуси с древнейших времён до нашего времени» (Мн., 1998) аўтараў І.І.Коўкеля і Э.С.Ярмусіка пасляваенны перыяд другой паловы XVII ст. характарызуецца літаральна так: «Чтобы быстрее восстановить своё хозяйство, повысить доходы, феодалы сокращали крестьянские надель, увеличивали барщинные повинности, натуральные и денежные поборы. Для того, чтобы изъять даже те ограниченные денежные и натуральные средства, которые оставались у крестьян, и полностью подчинить их хозяйство шляхетскому, феодалы вводили различного рода монополии» [2, с. 63]. Выхад з пасляваеннага крызісу пачатку XVIII ст., на думку аўтараў дапаможніка, «магнаты и шляхта видели в дальнейшем увеличении феодальных повинностей и усилении эксплуатации крестьян» [2, с. 67]. Зыходзячы з гэтага, зусім не зразумела, пры дапамозе якой «чароўнай палачкі» ў сярэдзіне XVIII ст. адбылася нармалізацыя эканамічнага жыцця ў Беларусі: «После многих лет разорения постепенно восстанавливалось сельское хозяйство, увеличивалось население, росла внутренняя и внешняя торговля, а с ней и товарно-денежные отношения» [2, с. 70].

Акрамя ваенных разбурэнняў і «ўзмацнення феадальнай эксплуатацыі», у якасці прычын заняпаду эканомікі Беларусі ў другой палове XVII – пачатку XVIII ст. падаюцца дэмаграфічны крызіс, скарачэнне плошчы апрацоўваемых ворыўных зямель, змяншэнне колькасці цяглавай жывёлы, як, напрыклад, гэта адзначана ў вучэбным дапаможніку БДЭУ «Эканамічная гісторыя Беларусі» [с. 104]. На самай справе пералічаныя цяжкасці былі не прычынамі, а наступствамі ваенных дзеянняў і паказвалі глыбіню эканамічнага крызісу.

Пры бясспрэчнай наяўнасці гаспадарчага заняпаду ў Беларусі ў другой палове XVII і пачатку XVIII ст., які адзначаецца сёння практычна ва ўсіх вучэбных дапаможніках, адметнай рысай эканамічнага развіцця гэтага часу, на нашу думку, былі ўсё ж не толькі крызісы, а ў пераважнай ступені працэс гаспадарчага аднаўлення.

Важную ролю ў працэсе вываду эканомікі краіны з крызісаў адыгралі гаспадарчыя мерапрыемствы дзяржаўнай улады ў каралеўскіх сталовых эканоміях, старостах і дзяржавах. На падставе аналізу шырокага кола архіўных крыніц можна зрабіць выснову, што пры правядзенні аграрных мерапрыемстваў у дзяржаўных уладаннях Беларусі скарб у першую чаргу імкнуўся да ўзнаўлення вытворчага патэнцыялу сялянскай гаспадаркі. Эканамічныя мерапрыемствы ў аднаўленчы перыяд насілі з боку дзяржавы пераважна стымулюючы характар. Дзяржаўная палітыка па падаткаабкладанню насельніцтва, у аснову якой была пакладзена ацэнка ўладамі эканамічнага стану розных мясцовасцей, сведчыла пра зацікаўленасць улады не столькі ў збіранні падаткаў, колькі ў імкненні стварыць умовы для стабілізацыі эканамічнага развіцця. Для ўвядзення ў гаспадарчае абарачэнне як мага большай плошчы зямель, павелічэння колькасці насельніцтва і цяглавай жывёлы скарб распрацаваў спецыяльную сістэму льготных умоваў гаспадарання, якая выявілася як раз у змяншэнні павіннасцей, пераводзе сялян сталовых эканомій Беларусі з адпрацоўчай рэнты на грашовую, дазволе апрацоўваць неабмежаваную колькасць дадатковай, або прыёмнай, зямлі за нязначныя падаткі, увядзенні «слабод» з частковым або поўным вызваленнем ад феадальнай рэнты на тэрмін ад пяці да пятнаццаці гадоў і інш. [3].

Менавіта свядомая ўзважаная палітыка скарбу па паслабленню павіннаснага абкладання насельніцтва стала прыкладам і для многіх (безумоўна, не для ўсіх) прыватных уласнікаў [4, с. 105–

107]. У вучэбнай літаратуры адзначаецца розніца паміж аднаўленчымі працэсамі ў дзяржаўных, магнацкіх і шляхецкіх уладаннях. Пры гэтым падкрэсліваецца, што найбольш цяжкім было становішча сялян у маёнтках сярэдняй і дробнай шляхты, паколькі там павялічваліся адпрацовачныя павіннасці [5, с. 541-542]. Але ў дадзеным выпадку даследчыкамі не ўлічваецца тое, што павелічэнне паншчыны ў гэтых відах уладанняў суправаджалася зніжэннем да мінімуму ці нават скасаваннем грашовых і натуральных падаткаў [6, с. 57]. Да таго ж, у часы адбудовы гаспадаркі, каб прадухіліць уцёкі сялян у дзяржаўныя ўладанні, прыватныя ўласнікі выкарыстоўвалі больш радыкальныя меры – таксама ўводзілі слабоды і здавалі зямлю за долю ўраджаю.

Такім чынам, не адмаўляючы сутнасці феадальнай дзяржавы, неабходна падкрэсліць, што пасля войнаў другой паловы XVII і пачатку XVIII ст. яна з'яўлялася не толькі апаратам, механізм якога быў накіраваны на эксплуатацыю насельніцтва. У тыя часы дзяржава выступала ў першую чаргу са стваральнымі функцыямі, імкнулася не толькі атрымаць як мага больш прыбыткаў у скарб, але і забяспечыць (заканадаўча, матэрыяльна, тэхнічна і інш.) стабільнае развіццё гаспадаркі і, абавязкова, даць магчымасць для жыцця і аднаўлення гаспадаркі селяніна – асноўнай вытворчай сілы феадальнай эпохі.

Пры гэтым трэба памятаць, што і дзяржава, і прыватныя ўласнікі, уводзячы разнастайныя сістэмы льгот, перш за ўсё дбалі аб павелічэнні сваіх прыбыткаў, якія ўпрост залежалі ад моцы і плацёжаздольнасці сялянскай гаспадаркі. Аднак нельга і прымяшаць ролю феадальнай дзяржавы і прыватных уласнікаў у час вываду эканомікі з пасляваенных крызісаў у другой палове XVII і пачатку XVIII ст., паколькі абраная імі гаспадарчая тактыка павіннага паслаблення спрыяла хуткаму аднаўленню эканомікі краіны. Менавіта на гэтым, на нашу думку, і трэба засяродзіць увагу студэнтаў пры вывучэнні эканамічных аспектаў гісторыі Беларусі XVII–XVIII ст.

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ
НАУК БЕЛАРУСИ в 1990-е г.**

В условиях политических перемен в жизни общества Беларуси, экономического и духовно-морального кризиса в 1990-е годы произошли изменения и в развитии исторической науки.

Они были вызваны необходимостью отхода от утвердившейся марксистско-ленинской методологии, которая базировалась на неприкосновенных принципах партийности и классовости, сформировавшихся стереотипах и мифах, закрепленных в исторической литературе, а также более полного освещения неизвестных и малоизвестных страниц истории белорусского народа, которые сознательно замалчивались или подавались так, как было выгодно партийно-государственной власти. Поэтому в этот период перед Институтом истории НАНБ, являвшимся центром национальной исторической науки в республике, встали новые задачи, связанные с переосмыслением многих проблем отечественной истории и заполнением многочисленных «белых пятен».

В связи с необходимостью концентрации усилий сотрудников института на исследовании наиболее актуальных проблем истории Беларуси в начале 1990-х годов была произведена реорганизация его структуры. Несмотря на экономические трудности, сокращение финансирования науки, в Институте истории проводилась работа по подготовке научных кадров. Пополнение Института молодыми учеными осуществлялось в основном через аспирантуру. При Институте действовала докторантура, готовившая кадры высшей квалификации. Значительное внимание уделялось такой форме подготовки кадров, как соискательство. В результате проводимой работы за период с 1995 по 1999 г. сотрудниками Института защищены 4 докторские и 9 кандидатских диссертаций [Постановление Бюро Президиума НАНБ от 18 декабря 2000 г. №336 «Об аттестации Института истории НАНБ за 1995 – 1999 г.»].

Однако, несмотря на подготовку кадров, численность сотрудников в Институте с начала 1991 до конца 1999 г. сократилась почти на 1/3 (со 178 до 125 человек), что было связано в первую очередь с трудностями финансирования науки в общегосударственном масштабе. Уменьшилось число докторов и кандидатов наук. Если в начале 1991 г. в Институте работали 16 докторов и 72

кандидата наук, то в конце 1999 г. их насчитывалось, соответственно, 15 и 52 [ЦНАНАНБ. Ф.3. Д.944. Л.42; Отчет Института истории НАНБ за 1999 г.], т.е., на каждый из 11 отделов приходилось 1,3 доктора наук и 4,7 кандидата наук.

Не лучшим образом обстояло дело и с получением сотрудниками Института истории научных званий. Так, за период с 1997 по 2000 г. только один научный работник Института удостоился диплома профессора, доцента – 3 человека. В то же время из числа историков, работавших в высших учебных заведениях, получили научное звание профессора за этот период 5 человек, а доцента – 50 человек [«Атэстацыя». – 1997. – № 1, 2, 3, 4; «Атэстацыя». – 1998. – № 1, 2, 3, 4; «Атэстацыя». – 1999. – № 1, 2, 3, 4; «Атэстацыя». – 2000. – № 1, 2, 3; «Атэстацыя». – 2001. – №1]. В 2000 г. дипломы профессора в Институте истории имели 6 человек, старшего научного сотрудника – 11, доцента – 3 человека [Отчет о работе Института истории НАНБ за 2000 г.]. Кроме того, в институте работали два академика НАН Беларуси – И.М.Игнатенко и М.П.Костюк.

В 1990-е годы в Институте истории не только сократилась численность высококвалифицированных кадров, но и произошло их заметное старение. В конце 1999 г. из 15 докторов наук, которые числились в штате Института, в возрасте до 59 лет было только 3 ученых [Беларуская думка. – 2000. – № 3. – С. 105]. В целом же средний возраст институтского докторского корпуса к началу 2000 г. составил 64,3 года, а кандидатов наук – 48,2 года [Пастанова Бюро Прэзідыума НАНБ ад 18 снежня 2000 г. № 336 «Аб атэстацыі Інстытута гісторыі НАНБ за 1995 – 1999 г.»].

В связи с экономическим кризисом в стране сократился объем финансирования академии. Только за семь лет (1990 – 1996 г.) он уменьшился в семь раз. Это отрицательно сказалось на материальном положении сотрудников, зарплата которых за этот период снизилась в 4 раза [Народная газета. – 1997. – 13 мая]. Сокращалась разница в оплате труда между ведущим научным сотрудником, доктором наук, старшим научным сотрудником, кандидатом наук, научным сотрудником и младшим научным сотрудником.

В 1990-е годы сотрудники Института истории проводили работу по разработке таких научных проблем, как политические, социальные, культурные, этнические аспекты формирования и развития белорусского народа, наидревнейшее население территории Беларуси, процессы ее заселения, начало формирования белорусского этноса. Изучались вопросы социально-экономичес-

кого развития Беларуси эпохи средневековья, зарождения государственности на ее землях, зарубежные связи. Исследовалась роль славянского населения в создании Великого княжества Литовского, его политическая история, развитие феодальных отношений, права, культуры, конфессиональная жизнь [Пастанова Бюро Прэзідыума НАНБ ад 18 снежня 2000 г. «Аб атэстацыі Інстытута гісторыі НАНБ за 1995 – 1999 г.». Рассматривались причины, ход, характер, трагические последствия для Беларуси многочисленных войн XVI – XVIII в. [ЦНА НАНБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 995. Л.38], условия и пути развития белорусского общества в конце XVIII – начале XX в., особенности его сословно-классовой структуры, материальной и духовной культуры [Пастанова Бюро Прэзідыума НАНБ ад 18 снежня 2000 г. «Аб атэстацыі Істытута гісторыі НАНБ за 1995 – 1999 г.». Уточнена социальная, конфессиональная, национальная политика царизма в Беларуси, освободительная борьба белорусского народа, процесс возрождения его национального самосознания. Исследовались вопросы истории Февральской и Октябрьской революций, военной интервенции и оккупационных режимов в Беларуси в 1917 – 1920 г., состояния сознания солдат Западного фронта, развития республики после Октября 1917 г. [ЦНА НАНБ. Ф.3. Оп.1. Д.995, Л.38], деятельности государства в области культуры и науки, сталинских репрессий, религии. Изучались героическая борьба белорусского народа в годы Великой Отечественной войны, сложные и противоречивые процессы идеологического влияния государства на развитие гуманитарных наук, государственная политика в области общего, высшего и среднего специального образования в 1945 – 1955 г., подготовки научных кадров, состояние и проблемы белорусской диаспоры в соседних государствах (России, Польше, странах Балтии). Определены основные компактные регионы расселения белорусов, раскрыта национально-культурная деятельность белорусской диаспоры зарубежья и другие вопросы [Справаздача аб дзейнасці НАНБ за 1999 г. – Мн., 2000. – С.93].

Проводилась работа по научной обработке и подготовке к печати ряда книг «Метрики Великого княжества Литовского», что сделает доступным для исследователей значительное число документов по истории белорусского народа, его государственности, позволит расширить знания о политической, духовной жизни Беларуси, ее международных и дипломатических связях в XIII – XVIII в. [Отчет Института истории НАНБ за 2000 г.]

Несмотря на финансовые ограничения, по результатам проведенных исследований издавались монографии, брошюры, учебники, сборники. Только за период с 1995 по 1999 год сотрудниками Института истории было подготовлено и опубликовано 37 монографий, 13 брошюр, 8 учебников, 6 научно-популярных изданий [Пастанова Бюро Прэзідыума НАНБ ад 18 снежня 2000 г. «Аб атэстацыі Інстытута гісторыі НАНБ за 1995 – 1999 г.»].

В числе изданных работ были такие коллективные монографии, как «Нарысы гісторыі Беларусі»: У 2 ч. Ч.1 (1994 г.); Ч.2 (1995 г.), «Очерки истории науки и культуры Беларуси IX – начала XX в.» (1996), «Археалогія Беларусі». – Т.1. Каменны і бронзавы вякі (1997), «Гісторыя сялянства Беларусі». Т.1. Ад старажытнасці да 1861 г. (1997), «Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.)» (1998) и другие.

Высоко оценивался вклад некоторых ученых Института в развитие отечественной исторической науки. Так, в 1994 г. Государственная премия Республики Беларусь была присуждена за цикл работ «Скорина и белорусская культура» Г.Я.Голенченко [Национальная академия наук Беларуси, 1929 – 1999 годы. – Мн., 1998. – С. 224].

Благодаря освещению в историографии ранее неизвестных и малоизвестных страниц из истории белорусского народа возрос интерес читателей к исторической литературе.

Вместе с тем отдельные издания, в том числе и учебные пособия, написанные сотрудниками Института, подвергались критике за необъективное отражение истории советского периода, деятельности личностей, которые сотрудничали с гитлеровскими оккупантами. Некоторые научные труды перед сдачей в печать не обсуждались на Ученом совете, не проходили соответствующей научной экспертизы, что отрицательно сказывалось на их качестве. Из-за нехватки финансовых средств в 1990-е годы сократилось количество печатных изданий, их объем и тиражи. Правда, частичное финансирование проектов творческих научных коллективов и отдельных сотрудников Института осуществлялось Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований при комиссии Президиума СМ РБ по вопросам научно-технического прогресса, созданным в 1991 г. [Нарысы гісторыі Беларусі. Ч.2, 1995. – С.474 – 475], но это не решало проблемы, т.к. гранты получали единицы.

Обмену научной информацией содействовало участие сотрудников Института истории в научных конференциях и симпозиу-

мах. Большую помощь музеям Беларуси оказывали археологи Института истории НАНБ, пополняя их коллекции и экспозиции материалами, найденными во время археологических раскопок. Так, значительное количество своих находок передали Национальному музею истории и культуры Республики Беларусь Г.В.Штыхов, В.И.Шадыро; Бобруйскому краеведческому музею – М.И.Лошенко, Н.Н.Дубицкая, А.В.Ильютик; Брестскому областному, Мотальскому районному музею – Е.Г.Колечиц; Пинскому – В.С.Вергей; Барановичскому – М.М.Чернявский, Оршанскому – О.Н.Левко и другие [Отчет Института истории НАНБ за 2000 г.].

В решении важнейших научных и научно-организационных вопросов в Институте истории НАНБ важную роль играл Ученый совет, на заседаниях которого, как правило, обсуждались основные направления научной деятельности Института: проекты планов научно-исследовательской работы, вопросы подготовки научных кадров, отчеты о результатах научной и научно-организационной деятельности отделов и Института в целом. Заслушивались вопросы, связанные с результатами научных исследований, научные доклады по наиболее актуальным проблемам. Ученый совет рассматривал планы издания научных работ, рекомендовал их к печати. На его заседаниях заслушивались отчеты сотрудников Института об их участии в конференциях, результатах зарубежных научных командировок и другие вопросы [Отчет Института истории НАНБ за 1999 г.].

Институт истории НАНБ являлся координационным центром исторической науки в Беларуси, в задачу которого входило научно-методическое руководство работой исторических кафедр высших учебных заведений страны. Этой работой в Институте занимался Научный совет по проблеме «История Беларуси».

Вместе с тем распоряжения и рекомендации Научного совета носили только рекомендательный, но необязательный характер для исторических факультетов высших учебных заведений, что отрицательно сказывалось не только на связях между Институтом истории НАНБ и историческими факультетами высших учебных заведений, но и на их деятельности [Отчет Института истории НАНБ за 1999 г.].

Сотрудники Института активно участвовали в пропаганде научных достижений в области истории, распространении научных знаний. При этом использовались все возможные средства массовой информации – печать, радио, телевидение, лекции. Только в 1999 г. учеными Института истории опубликовано свыше 400

научно-популярных статей, проведено более 300 выступлений на радио и свыше 50 – на телевидении, перед населением прочитано более 60 лекций. Широко освещался в печати, по радио и телевидению 70-летний юбилей Института.

Пропаганда сотрудниками Института достижений исторической науки в средствах массовой информации содействовала ознакомлению граждан страны с новыми страницами истории белорусского народа, воспитанию у них чувства патриотизма и национального самосознания. В этот период на развитии научных связей между Институтом истории и соответствующими учреждениями зарубежных стран отрицательно сказывались ограниченные возможности финансирования мероприятий, предусмотренных договорами, из собственных бюджетных средств. Из-за недостаточного финансирования резко ограничилось количество научных командировок в архивы и библиотеки Российской Федерации, других стран, не всегда возможно было приобрести и необходимую научную литературу, которая там издавалась.

Таким образом, в условиях перемен в политической жизни общества в 1990-е годы произошли изменения в тематике и подходах к научным исследованиям в Институте истории НАНБ, его структуре. Финансовые трудности отрицательно сказались на количестве печатных изданий, их объеме и тираже, международных научных связях, привели к сокращению и изменениям в составе научных сотрудников Института, ухудшению их материального положения.

У.В.Здановіч

г. Брэст

**ВЫВУЧЭННЕ ГІСТОРЫІ ПАРТЫЗАНСКАГА РУХУ
Ў БЕЛАРУСІ Ў ГАДЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ:
КЛАСІФІКАЦЫЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЧНЫХ ПРАЦ
(2-я палова 50-х – канец 80-х г. XX ст.)**

У разглядаемы перыяд развіцця гістарычнай навукі была напісана значная колькасць гістарыяграфічных прац, ствараючых аснову ці непасрэдна асвятляючых праблемы партызанскага руху. Гісторыя Вялікай Айчыннай вайны, у тым ліку і партызанскага руху, стала прадметам гістарыяграфічнага аналізу з 2-й паловы 50-х гадоў. Па зместу і прадмету даследавання гістарыяграфічныя публікацыі можна падзяліць на некалькі груп.

Да першай групы адносяцца працы, прысвечаныя аналізу ўсёй літаратуры аб вайне [1]. У іх была зроблена спроба даць агульны характар найбольш значных публікацый па гісторыі Вялікай Айчыннай вайны і выдзеліць асноўныя этапы яе вывучэння. Пры гэтым згадвалася і літаратура аб усенароднай барацьбе на часова акупіраванай тэрыторыі. Трэба адзначыць, што ў пераважнай большасці работ па азначанай праблеме разглядалася дзейнасць Камуністычнай партыі ў тыле ворага, яе кіраўніцтва партызанскім рухам. У адпаведнасці з прынятымі ў той час падыходамі аўтары канцэнтравалі ўвагу на такіх «недахопах», як недастатковы паказ арганізатарскай дзейнасці партыі ў тыле, дэкларатыўнасць у асветленні яе ролі. Прычыны згаданай сітуацыі ў гістарычных даследаваннях яны бачылі перш за ўсё ў недаацэнцы многімі гісторыкамі марксісцка-ленінскіх метадалагічных праблем, няправільным вызначэнні прадмета даследавання, павярхоўным выкарыстанні архіўных матэрыялаў.

Другую групу складаюць гістарыяграфічныя артыкулы непасрэдна па гісторыі партызанскага руху [2]. З іх мы можам выдзеліць артыкулы В.Г.Яроміна і А.Ф.Юдзянкова, І.С.Краўчанкі і П.П.Ліпілы.

В.Г.Яромін і А.Ф.Юдзянкоў разгледзелі асноўныя этапы савецкай гістарыяграфіі па праблеме партыйнага кіраўніцтва барацьбой у тыле ворага, раскрылі ступень вывучанасці важнейшых праблем тэмы, выдзелілі нявырашаныя задачы. У артыкуле разам з навуковымі даследаваннямі аналізаваліся таксама некаторыя навукова-папулярныя працы, мемуары і зборнікі дакументаў. Беларускія гісторыкі І.С.Краўчанка і П.П.Ліпіла, аналізуючы мемуарную літаратуру, якая выйшла ў рэспубліцы з 1946 па 1969 г., на аснове прыведзеных дадзеных прыйшлі да высновы, што выпуск такога рода літаратуры з году ў год няўхільна ўзрастаў. Разам з тым, як заўважаюць аўтары, «нярэдка сустракаецца ў кнігах некаторая вольнасць у абыходжанні з фактамі», а «ў некаторых кнігах вельмі перабольшваецца роля самога аўтара ў апісваемых падзеях» [3].

Да трэцяй групы адносяцца гістарыяграфічныя ўводзіны да буйных манаграфічных выданняў [4]. Сярод іх перш за ўсё трэба выдзеліць аналіз гістарычнай літаратуры па Айчыннай вайне, дадзены ў шостым томе «История Великой Отечественной войны Советского Союза». Аб'ём гэтай працы дазволіў грунтоўна, з прымяненнем шырокага кола раней малавядомых крыніц па вайне прасачыць ступень распрацоўкі ў гістарыяграфіі гэтай тэмы. Адз-

начаючы шэраг недахопаў работ (адсутнасць шырокіх гістарычных абагульненняў, схематызм і трафарэтнасць у выкладанні), аўтары зрабілі выснову, што савецкія гісторыкі да 60-х гадоў шмат зрабілі для аб'ектыўнага даследавання вялікага подзвіга савецкага народа. Кароткі аналіз папярэдняй літаратуры па праблеме барацьбы народа ў тыле ворага дадзены ў трохтомнай працы беларускіх даследчыкаў «Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны». Гэтая праблема ў пэўнай ступені асветлена ў манаграфіях А.І.Залескага, У.Ілемяшонка, П.Н.Кобрынца, В.Ф.Раманоўскага.

Да гэтай групы можна таксама аднесці гістарыяграфічныя раздзелы спецыяльных дысертацыйных даследаванняў па тэме. Іх характэрная рыса – пераказ агляду літаратуры ў абагульняючым тэматычным плане, калі спачатку разглядаюцца агульныя работы па тэме, а затым – спецыяльныя даследаванні, якія групуюцца па розных прыкметах: па аўтарскай прыналежнасці, па тыпу і характару выдання, па маштабу абагульнення матэрыяла, па храналагічна-праблемных дадзеных, па ступені адлюстравання тэмы даследавання. На жаль, у большасці работ гістарыяграфічныя раздзелы маюць бібліяграфічна-апісальны характар.

У чацвёртую групу гістарыяграфічных работ можна ўключыць агляды літаратуры і рэцэнзіі, розныя бібліяграфічныя паказальнікі [5]. У 1980 г. Дзяржаўнай бібліятэкай БССР, Інстытутам гісторыі АН БССР была выдадзена праца «Беларуская ССР у Вялікай Айчыннай вайне Савецкага Саюза (1941–1945 г.)», у якой была сабрана літаратура па тэме з 1941 па 1971 г. Храналагічным працягам стала выданне ў 1990 г. аднайменнага паказальніка, які ахопліваў літаратуру з 1972 па 1985 г. У паказальнік былі ўключаны манаграфіі, аўтарэфераты дысертацый, мемуарная, навукова-папулярная літаратура, матэрыялы аналітычнага роспісу з кніг, зборнікаў, часопісаў.

У бібліяграфічным паказальніку доктарскіх і кандыдацкіх дысертацый, складзеным У.М.Міхнюком і Л.Н.Навіцкай, змешчаны дысертацыі, падрыхтаваныя і абароненыя па гістарычных навуках БССР у 1944–1978 г. Паказальнік дазваляе прасачыць працэс назапашвання гістарычных ведаў і дынаміку падрыхтоўкі ў рэспубліцы кадраў гісторыкаў.

Найбольшую цікавасць для даследчыкаў прадстаўляюць гістарыяграфічныя манаграфіі па тэме, якія складаюць пятую, самую важную групу гістарыяграфічных работ [6]. У абагульняючых гістарыяграфічных працах аўтары паспрабавалі даць агуль-

ную характарыстыку дасягненняў савецкай гістарыяграфіі партызанскага руху. Іх з'яўленне сведчыла аб якасна новым этапе ў распрацоўцы гісторыі ўсенароднай барацьбы. Аднак, нягледзячы на значныя поспехі ў абагульненні і аналізе гістарычных даследаванняў, большасць буйных работ па гістарыяграфіі партызанскага руху па сваёй структуры і асвятляемых праблемах нагадваюць зборнікі артыкулаў.

Такім чынам, у манаграфіях, артыкулах, гістарыяграфічных раздзелах, асабліва ў дысертацыях па гісторыі партызанскага руху, утрымліваецца гістарыяграфічны агляд папярэдняй літаратуры. Аднак гістарыяграфічны аналіз нярэдка падмяняецца анатаванай бібліяграфіяй. Да таго ж многія палажэнні і высновы гэтых, як і іншых гістарыяграфічных работ савецкага перыяду, састарэлі, таму што аналіз даследаванняў па канкрэтных праблемах праводзіўся з пункту гледжання пануючых тады канцэпцый і палітычных падыходаў. Найбольш характэрнымі недахопамі такіх прац з'яўляюцца дастаткова павярхоўнае абгрунтаванне ўзрастання ролі партыі ў станаўленні і развіцці партызанскага руху, абсалютызаванне зместу партыйных дакументаў і г.д.

Акрамя таго, у вялікай колькасці гістарыяграфічнай літаратуры аб Вялікай Айчыннай вайне пытанні Беларусі прадстаўлены вельмі слаба. Яны раствараны ў гісторыі і гістарыяграфіі былога Савецкага Саюза.

Я.К. Новік

г. Мінск

ШКОЛЬНАЯ ГІСТАРЫЧНАЯ АДУКАЦЫЯ Ў КАНТЭКСЦЕ НЕКАТОРЫХ ПРАБЛЕМ ГІСТОРЫІ САВЕЦКАЙ БЕЛАРУСІ

Пачынаючы з 1994 г. Міністэрствам адукацыі Рэспублікі Беларусь, Навукова-метадычным цэнтрам вучэбнай кнігі і сродкаў навучання, аўтарскімі калектывамі, кіраўніцтвам некаторых вышэйшых навучальных і навуковых устаноў выканана вялікая работа, вынікам якой стала напісанне і выданне падручнікаў і вучэбных дапаможнікаў па айчыннай і ўсеагульнай гісторыі для вучняў агульнаадукацыйнай школы. На вяршыні творчай піраміды знаходзілася арганізаваная Прэзідэнтам Рэспублікі Беларусь Дзяржаўная камісія па стварэнню новых падручнікаў у сацыяльна-гуманітарнай сферы на чале з адным з віцэ-прэм'ераў нашай дзяржавы. У яе склад увайшлі самыя аўтарытэтных вучоныя-грамадазнаўцы.

Аднак сістэма і структура гістарычнай адукацыі, у аснове сваёй сфарміраваная ў пачатку 1990-х гадоў, а таксама падручнікі і вучэбныя дапаможнікі маюць сур’ёзныя недахопы і пралікі. Назавем толькі некаторыя з іх. Па-першае, у 1993 г. у «Беларускім гістарычным часопісе» (№ 1, с.15–24) быў апублікаваны артыкул М. Біча пад назвай «Аб нацыянальнай канцэпцыі гісторыі і гістарычнай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь». Знаходзячыся пад уплывам эйфарыі палітычнага і ідэалагічнага рэваншу, аўтар тэндэнцыйна і галаслоўна адмаўляе дасягненні савецкай гістарыяграфіі, прапануе сваё бачанне айчынай гісторыі, асабліва гісторыі савецкага перыяду, і выдае гэта за «нацыянальную канцэпцыю гісторыі». Некаторыя вучоныя-гісторыкі працягваюць і сёння называць гэтую канцэпцыю «нацыянальнай» і нават «дзяржаўнай», хаця яна не абмяркоўвалася і не зацвярджалася ў дзяржаўных і навуковых установах. Актыўным абаронцам «нацыянальнай канцэпцыі гісторыі» з’яўляецца Беларускі народны фронт і яго навуковая абслуга. Аднак большасць гісторыкаў адышла ад яе і нават забылася пра яе існаванне, хаця асобныя рэцыдывы гэтай «канцэпцыі», іншы раз моцныя, ёсць сёння ў агульнаадукацыйнай і вышэйшай школе. Пасеянае «зерне» дало ўзыходы.

Па-другое, тады ж, у пачатку 90-х гадоў, гісторыкамі БНФАўскай арыентацыі была прапанавана канцэпцыя гістарычнай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь. У аснову школьнай гістарычнай адукацыі быў пакладзены, на наш погляд, памылковы канцэнтрычны прынцып пабудовы вучэбных праграм. Згодна з ім айчынная і ўсеагульная гісторыя вывучаюцца ў трох канцэнтрах: I канцэнтр – 1–4 класы (пачатковая школа), II канцэнтр – 5–9 класы (базавая школа) і III канцэнтр – 10–11 класы (сярэдняя школа). Адзін і той жа матэрыял вывучаецца тройчы, пры гэтым не распрацаваны і не зацверджаны навукова-педагагічныя прынцыпы размежавання вучэбнага матэрыялу па канцэнтрах. Усё аддадзена разуменню складальнікаў вучэбных праграм, аўтараў падручнікаў і вучэбных дапаможнікаў.

Атрымалася, што ў вучэбным дапаможніку для вучняў 8 класа, які ахоплівае перыяд айчынай гісторыі з канца XVIII ст. да 1917 г., налічваецца 245 старонак, а ў вучэбным дапаможніку для вучняў 11 класа, які ахоплівае гэты ж перыяд, а таксама савецкі і постсавецкі перыяды (з канца XVIII ст. да нашых дзён), налічваецца толькі 206 старонак тэксту. «Навукова-педагагічныя навацыі» вядуць да перагрузкі вучняў, робяць іх няздольнымі засвоіць матэрыял, які прызначаны не для іх, а хутчэй для студэнтаў.

Па-трэцяе, школьнікі вельмі рана пачынаюць вывучаць гісторыю. У большасці сваёй яны не разумеюць змест вучэбнага матэрыялу, які не адпавядае асаблівасцям псіхолога-педагагічнага развіцця школьнікаў. Гэта робіць вучобу нецікавай, адштурхоўвае вучняў ад школы, дрэнна ўплывае на іх здароўе.

Па-чацвёртае, у падручніках і вучэбных дапаможніках, якімі карыстаюцца ў школах сёння, утрымліваюцца памылкі фактаграфічнага характару, а таксама розныя недарэчнасці. У вучэбным дапаможніку «Гісторыя Беларусі» (Мінск, 1997) для вучняў 9 класа столькі памылак, колькі зорчак на небе. Прывядзем толькі некаторыя з іх. Першы Усебеларускі з'езд адбыўся не 7–17 снежня 1917 г., як напісана на с.14, а 15–17 снежня 1917 г. З'езд быў разгнаны не Аблвыканкомзахам, як напісана на с.15, а СНК Заходняй вобласці і фронту. На с.22 напісана: «У Рудабельскай вобласці», а патрэбна пісаць «У Рудабельскай воласці»; замест Вілейскай вобласці БССР (цэнтр Вілейка) на с.81 напісана: «Віленская вобласць», якая ніколі не ўваходзіла ў склад БССР. А.Р. Чарвякоў ніколі не быў толькі старшынёй СНК БССР (с.23), у 1920–1924 г. ён быў старшынёй ЦВК і СНК БССР, а ў 1924–1937 г. – толькі старшынёй ЦВК БССР. На с.26 напісана: «Старшыня ўрада РСФСР Я. Свядлоў абвясціў пастанову...», хаця вучні 4 класа павінны ведаць, што старшынёй урада РСФСР быў «дзедушка Ленін». На с.81 тэрмін «усенародная барацьба» супраць фашысцкіх захопнікаў неабгрунтавана заменены тэрмінам «масавая барацьба». На с.86 напісана: «...Бітва на Курскай дузе (ліпень 1943 г.), якая завяршыла карэнны пералом у вайне». Не, не завяршыла, бо карэнны пералом у вайне завяршыўся ў другой палове 1943 г., і гэта было звязана з летне-асеннім наступленнем Чырвонай Арміі і вызваленнем Левабярэжнай Украіны і сталіцы Савецкай Украіны г. Кіева 6 лістапада 1943 г. Новы, завяршальны этап вайны пачаўся ў 1944 г. На с.155 і 156 напісана аб тым, што СССР быў унітарнай дзяржавай, хаця вучням пачатковай школы павінна быць зразумела, што СССР быў федэрацыяй, федэратыўнай дзяржавай. На с.96 расказваецца пра подзвіг Героя Савецкага Саюза, ураджэнца Гомельшчыны А.А. Філімонава. А далей напісана: «Яго імем названа адна з вуліц беларускай сталіцы». Не, не яго імем, а імем партыйнага і дзяржаўнага дзеяча БССР Д.Ф. Філімонава. Пэралік памылак можна працягваць далей.

Вучэбны дапаможнік з першай і да апошняй старонкі ўтрымлівае ненавуковыя, палітызаваныя і ідэалагізаваныя ацэнкі, якія вынікаюць з непрыязных адносін аўтараў да савецкага дзяржаў-

нага і грамадскага ладу, савецкага перыяду айчыннай гісторыі. Спіс літаратуры на с.189–190 уключае ў сябе працы буйных «айцоў беларускай дэмакратычнай гістарыяграфіі» – І. Ігнаценкі, А. Калубовіча, А. Луцкевіча, У. Адамушкі, А. Урублеўскага, Т. Процькі, Э. Дубянецкага, С. Дубянецкага, Ю. Туронка і інш. Сярод прац – «Палітычныя рэпрэсіі 20–50-х гадоў на Беларусі», «Из истории репрессий против белорусского крестьянства. 1919–1934 г.», «Перашкоды на шляху нацыянальна-культурнага адраджэння Беларусі», «Курапаты. Зборнік», «Беларусь пад нямецкай акупацыяй» і інш. Думаецца, што для вучняў 9 класа спіс такой літаратуры не патрабуецца. Ім патрэбна глыбокае і праўдзівае асвятленне гісторыі Беларусі.

Сёння, калі грамадства падзяляецца па палітычных, ідэалагічных, маёмасных, прафесійных і іншых прыкметах, практычна немагчыма напісаць падручнік па гісторыі, які сваім зместам задаволіў бы ўсіх – навукоўцаў, настаўнікаў, вучняў і іх бацькоў. Частка настаўнікаў гісторыі незадаволена тым, чаму, напрыклад, у вучэбным дапаможніку «Гісторыя Беларусі» для вучняў 11 класа калектывізацыя не параўноўваецца з прыгонным правам, як гэта зроблена ў вучэбным дапаможніку для вучняў 9 класа, не напісана, «чаго каштавала ў сапраўднасці калектывізацыя нашаму народу», не сцвярджаецца, што «калектывізацыя вяла да знішчэння сялянства і сельскагаспадарчай вытворчасці» і г.д. Не напісана так таму, што гэта бяздоказныя сцвяржэнні не навуковага, а палітыка-ідэалагічнага характару. У сучаснай гістарыяграфіі яны навукова не высветлены. Больш таго, гісторыкам цяжка ўявіць, як можна падлічыць «цану калектывізацыі» ці «цану індустрыялізацыі», за якую актыўна выступаюць палітызаваныя дзеячы. У школьных падручніках павінна ўтрымлівацца не «палітызаваная пахлёбка», а асновы навуковых ведаў, якія ўтрымліваюцца ў гістарыяграфіі.

Улічваючы псіхалага-педагагічныя асаблівасці школьнікаў, а таксама зыходзячы з таго, што праблема палітычных рэпрэсій у дастатковай ступені не распрацавана ў гістарычнай літаратуры, а большасць публікацый апошняга 10-годдзя носіць ярка выражаны палітыка-ідэалагічны характар, аўтарскі калектыў вучэбнага дапаможніка «Гісторыя Беларусі» для вучняў 11 класа лічыў неабходным выкладаць палітычныя рэпрэсіі ў спакойным тоне, без палітыка-ідэалагічнага надрыву, непатрэбных эмоцый і «моцных выказаў», так, як гэта дазваляе рабіць сёння гістарычная навука. Праўда гісторыі па праблеме палітычных рэпрэсій далёка схава-

на ў савецкіх архівах 1920–1950-х гадоў. Калі да іх вывучэння будуць дапушчаны гісторыкі, сказаць цяжка.

Зыходзячы з вышэйвыказанага, унясем прапановы на абмеркаванне.

1. Варта адмовіцца ад канцэнтрычнага прынцыпу пабудовы школьных праграм па гісторыі і паступова перайсці на лінейны прынцып з тым, каб забяспечыць адпаведнасць вучэбнага матэрыялу псіхалага-педагагічным асаблівасцям развіцця школьнікаў і не дапускаць перагрузкі дзяцей вучэбным матэрыялам. Вучэбныя дысцыпліны можна было б размеркаваць у такой паслядоўнасці:

12-гадовая школа 5–6 кл.	11-гадовая школа 5 кл.	– «Мая Радзіма – Беларусь» (гісторыя ў былінах, легендах, апавяданнях, казках і г.д.)
7–8 кл.	6–7 кл.	– «Гісторыя старажытнага свету»
8–9 кл.	7–8 кл.	– «Гісторыя сярэдніх вякоў»
10,11,12 кл.	9,10,11 кл.	– «Гісторыя Беларусі» і «Усеагульная гісторыя (новая і найноўшая гісторыя)»

2. Базавая школа павінна ўключаць у сябе 5–9 класы, а старэйшыя класы сярэдняй школы – 10–12 класы. Агульнаадукацыйная школа забяспечвае фундаментальную падрыхтоўку вучняў (матэматыка, фізіка, хімія, біялогія, гісторыя, літаратура і інш.), а дысцыпліны прафесійнай арыентацыі павінны быць выключаны з яе вучэбнага плана. Патрэбныя звесткі з гэтых дысцыплін даваць на занятках па прыродазнаўчых і фізіка-матэматычных прадметах.

3. Факты гісторыі павінны быць уважліва адабраныя, навукова вывераныя і дакладна выкладзеныя. Аўтары, рэцэнзенты, выдаўцы, а таксама дзяржаўныя чыноўнікі і вучоныя-гісторыкі, якія разважаюць: «Ну і што, што ёсць памылкі... Падумаеш, памылкі...», не маюць права далучацца да дзяржаўнай справы стварэння вучэбнай літаратуры.

4. У сувязі з тым, што грубыя памылкі ў вучэбнай літаратуры па гісторыі настаўнікамі, а таксама навукова-педагагічнай грамадскасцю не выяўлены, неабходна звярнуць увагу на ўзровень прафесійнай падрыхтоўкі педагогаў і навукова-метадычны ўзровень работы органаў адукацыі.

**ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРЕСТЬЯНСТВА
БЕЛАРУСИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
в 80–90-е г. XX ст.**

В истории Беларуси особое место занимает деревня и ее население, один из многочисленных социальных слоев общества – крестьянство.

Крестьянство (от слова «крестьянин» – первоначально христианин, человек; в современном значении употребляется с XIV в.) – социальная группа, занятая в основном в сельскохозяйственном производстве, до 1917 г. – сословие. С древнейших времен до начала 1970-х г. – основное население Беларуси. Делилось на разные категории.

Исследование глубинных социально-экономических процессов в деревне и во внутреннем строе крестьянского хозяйства периода 1980–1990-х г. относится к числу наиболее актуальных задач теоретического осмысления аграрной истории Республики Беларусь. Актуальность исследования вызвана и тем, что сейчас назрела необходимость создания современной концепции истории крестьянства Беларуси.

К настоящему времени по проблемам истории советской доколхозной и колхозной деревни имеется значительная литература. Ее критический анализ проведен в специальных историографических работах. Характерной особенностью работ историков советского периода было то, что проблемы социально-экономического и общественно-политического развития деревни рассматривались сквозь призму непосредственной и объективной предпосылки коллективизации сельского хозяйства. Поэтому части из них была присуща иллюстративность, отход от объективного анализа событий, лакировка действительности, тенденциозность. Эта литература богата информацией, но бедна творческим анализом действительности, который страдал односторонностью, стремлением выпятивать положительные и игнорировать негативные результаты. Однако в целом именно в период второй половины 1950-х–начала 1980-х г. были созданы наиболее значительные исследования по проблемам социально-экономической истории белорусской советской доколхозной и колхозной деревни.

Так, большой научный интерес для исследователей представляют монографии Н.М. Жилинского, Л.В. Боровко, В.В. Шинка-

рева [1], в которых на основе большого фактического материала и архивных документов анализируется деятельность трудовых коллективов колхозов и совхозов БССР по развитию сельскохозяйственного производства в 1960–1980-е г.

В монографии И.В. Полуяна [2] рассмотрены вопросы обеспеченности колхозов и совхозов Беларуси квалифицированными техническими кадрами на рубеже 1970-х г., дается анализ их количественного и качественного состава, показывается влияние уровня подготовки кадров на эффективность сельскохозяйственного производства.

Из вышедших в начале 1980-х г. научных работ значимость представляют монографии И.И. Зубова, В.П. Киселя, Т.А. Кудриной, Л.М. Лыча, В.Ф. Тарасовича, В.В. Лешкевича, А.В. Шарапо и других ученых [3], исследующих различные аспекты социально-экономического развития белорусского села. Проблемы индустриализации труда в сельскохозяйственном производстве республики нашли отражение в работах Т.Т. Гонтаренко, Г.К. Грека, Л.Н. Давыденко [4]. Вопросы специализации и концентрации сельскохозяйственного производства Беларуси всесторонне и глубоко проанализированы в монографии Н.В. Кузнецова [5]. Ценность данных работ состоит в том, что в них собран большой и интересный фактический материал, раскрывающий трудовую деятельность работников белорусского села в 1970-е–первой половине 1980-х г.

Отдельные стороны аграрных проблем Беларуси периода второй половины 1970-х–первой половины 1980-х г. рассмотрены и в ряде докторских и кандидатских диссертаций на историко-партийные темы (докторская диссертация Н.В. Кузнецова [6], кандидатские диссертации А.В. Балыкова, З.А. Потеряйло, А.И. Филимонова, Н.И. Сковородкиной, Н.М. Якуш, Г.Ф. Дубинчик, В.Г. Мытько, В.Я. Белозор, В.С. Саковича) [7]. Однако в ряде диссертационных исследований отсутствует критический анализ негативных явлений застойного периода и перестроечных лет, из-за довольно узких хронологических рамок большинства диссертаций в ряде из них трудовая деятельность белорусского крестьянства рассмотрена схематично и затрагивает лишь годы одиннадцатой пятилетки (1981–1985 г.).

В 1980-е г. вышли книги и брошюры, написанные партийными, советскими и хозяйственными работниками [8], руководителями АПК Беларуси [9]. Однако недостатком указанных работ является стремление их авторов рассказать обо всем, в результате

чего этой литературе, как правило, не хватает глубины анализа рассматриваемых проблем.

Несомненный интерес для научных работников представляют обобщающие региональные исследования и публикации по проблемам АПК Беларуси [10]. В частности, в них имеются ценные материалы, способствующие правильной ориентации и осмыслению общеисторических процессов развития экономики и культуры Беларуси и ее отдельных районов, приводятся обобщенные данные по развитию сельского хозяйства, численности работников в колхозах и совхозах республики, их трудовой деятельности и т.д. Вместе с тем многие вышеназванные издания страдают упрощенными подходами к изучению проблем производственной деятельности тружеников сельского хозяйства Беларуси.

Значительный интерес для изучения некоторых сторон жизни и быта, развития трудовой деятельности белорусского крестьянства представляет монографическое исследование [11], выполненное в философско-социологическом аспекте учеными Института философии и права НАН Беларуси. Авторы его раскрывают динамику, основные направления и тенденции социальных изменений в жизни аграрного пролетариата Беларуси, колхозного крестьянства, сельской интеллигенции за годы советской власти.

Определенная работа по истории крестьянства, по обобщению практики хозяйственного руководства, повышению роли человеческого фактора в интенсификации сельскохозяйственного производства Беларуси в 1980–1990-е г. проделана и учеными Института истории НАН Беларуси. Так, в монографиях В.И. Новицкого, И.Е. Марченко [12] на богатом фактическом материале раскрывается опыт работы партийных, советских, хозяйственных и общественных организаций Белорусской ССР по развитию трудовой и политической активности человека. Исследуется процесс становления и развития материальных и духовных ценностей тружеников агропромышленного комплекса в условиях совершенствования всех сторон жизни советского общества. Анализируется ход перестройки на селе, показаны ее первые результаты. Интерес для исследователей представляет и монография М.П. Костюка [13], в которой анализируется социально-экономическая и общественно-политическая жизнь белорусской деревни за годы советской власти. Дается глубокий и всесторонний анализ состояния дел в агропромышленном комплексе Беларуси в годы перестройки, проанализирован период истории белорусского крестьянства с 1917 по конец 1980-х г.

Однако с начала 1990-х г. интерес к исследованиям по истории крестьянства заметно упал, что было обусловлено распадом СССР, ликвидацией советской и партийно-хозяйственной системы, переходом к рыночной экономике. В силу этого ряд историков-аграрников переключился на исследование других социально-экономических и политических проблем жизни белорусского общества. Историки В.С. Сакович, Т.С. Протько, А.Н. Сорокин и др. продолжали изучать социально-экономические проблемы советской и современной белорусской деревни.

Так, проблемам становления и развития фермерских хозяйств Беларуси посвящена монография В.С. Саковича [14]. Здесь на основе фактического материала обобщен опыт становления и развития крестьянских (фермерских) хозяйств Беларуси за 1990–1995 г., показаны их производственно-хозяйственная деятельность, вклад в развитие сельхозпроизводства и решение продовольственной проблемы республики, проанализированы причины медленных преобразований в аграрном секторе экономики, определены пути совершенствования производственных отношений на селе на современном этапе. Ещё одна работа В.С. Саковича посвящена процессу раскрестьянивания белорусской деревни в 1970–1990-е г., исследованию причин и мотивов миграции сельских тружеников в города республики и за ее пределы [15]. В ней на основе монографических исследований, материалов ведомственных архивов в свете новых подходов анализируется политика командно-административного расселения на селе и ее итоги. Дается целостная картина кадрового обеспечения сельскохозяйственного производства. Показано воздействие Чернобыльской катастрофы на социально-демографическое развитие деревни, исследуются особенности миграционных процессов из зараженных зон и попытки их регулирования, причины ухудшения общей демографической ситуации в сельской местности. Определяются наиболее актуальные проблемы возрождения белорусского села.

Вопросы реформирования сельскохозяйственного производства рассматриваются в работе А.Н. Сорокина [16]. Автор поднимает ряд проблем, связанных с коллективизацией в Беларуси, абсолютизацией государственной собственности, первой попыткой разрушения сталинизма, пробует осмыслить их с позиций сегодняшнего дня. Пытается дать ответы на вопросы: почему мы имеем такое сельское хозяйство? почему люди отучились работать на земле? где выход деревни из сложного социально-экономического положения? В работе А.Н. Сорокина [17] рассматриваются уз-

ловые проблемы аграрных преобразований и социально-экономических потрясений в белорусской «послеоктябрьской» советской деревне, экономический, политический, организационный и правовой характер их влияния на судьбу сельского населения.

В монографии Т.С. Протыко [18] анализируются политика большевиков по ликвидации частной собственности и террор против крестьянства в восточной части БССР на протяжении 1930-х г.

Новые подходы в исследовании истории аграрных отношений в Республике Беларусь прослеживаются и в изданных в 1990-е г. «Нарысах...» [19], пособиях [20], учебниках [21] по истории и экономической истории Беларуси, подготовленных коллективами ученых-историков Института истории НАНБ, Белгосуниверситета, Белорусского государственного экономического университета.

Коллективом научных сотрудников Института истории НАН Беларуси готовится к изданию «История крестьянства Беларуси: В 3 томах». В 1997 г. вышел первый том издания [22]. В нем освещается процесс становления и развития экономической, социальной и духовной жизни белорусского крестьянства от древнейших времен до середины XIX в. Комплексно на основе широкой историографической базы и большого количества источников проанализирована эволюция крестьянского хозяйства, землевладения и землепользования, повинностной отягощенности закрепощения, развития рыночных связей сельских товаропроизводителей. Отдельно рассмотрена проблема социальных противоречий и конфликтов в белорусской деревне, культуры и духовного мира белорусского крестьянства.

Определенный интерес для исследователей истории крестьянства представляет книга «Белорусы» [23], продолжающая начатую Институтом этнологии и антропологии Российской Академии наук серию «Народы и культура». Отдельные разделы посвящены жизни и быту крестьянства.

Несмотря на значительное число научных работ по истории белорусского крестьянства, всестороннего научного анализа не получили такие важные проблемы, как развитие науки и ее связь с сельскохозяйственным производством, слабо изучена работа советских и хозяйственных органов по развитию материально-технической базы сельского хозяйства Беларуси, укреплению сельскохозяйственного производства кадрами в 1980–1990-е г. В более глубоком анализе нуждаются вопросы организация труда в сельском хозяйстве и подготовки кадров массовых профессий. В имеющихся научных работах недостаточно раскрыта работа сель-

скохозйственных органов по развитию подряда, кооперации, аренды, хозрасчета, фермерских хозяйств и вовлечения сельских тружеников в управление производством. Нет до сих пор специальных работ, обобщающих опыт сельскохозяйственных органов Республики Беларусь по формированию у работников села нового экономического мышления и переходу к рыночным отношениям.

А.А. Савіч

г. Брэст

БЕЛАРУСКІЯ АРГАНІЗАЦЫІ Ў ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ ў 1921 – 1939 г. У АЙЧЫННАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ 1920 – 1930-х г.

Адной з найбольш важных тэм у гісторыі Заходняй Беларусі 1921-1939 г. з’яўляецца праблема дзейнасці беларускіх палітычных партый і арганізацый. У савецкія часы на распрацоўку названага пытання аказвалі моцны ўплыў дзяржаўна-партыйныя ідэалагічныя структуры, каб накіраваць вывучэнне гэтай праблематыкі ў неабходным для іх кірунку.

Першыя крокі ў вывучэнні палітычных партый і арганізацый у Заходняй Беларусі былі зроблены ў 1920 – 1930-я гады, калі ў БССР працавалі спецыяльныя навуковыя ўстановы: Камісія па вывучэнню Заходняй Беларусі, заходні сектар Інстытута гісторыі партыі пры ЦК КП(б)Б і Інстытут польскай пралетарскай культуры. Іх галоўнай задачай было даследаванне заходнебеларускай праблематыкі [1]. Ужо тады былі сфармуляваны асноўныя падыходы да вывучэння акрэсленых праблем, прычым, падзел на «сваіх» і «чужых» выяўляўся ў самых безапеляцыйных формах.

У 1920-я гады значная ўвага надавалася асвятленню розных бакоў дзейнасці КПЗБ як галоўнай, авангарднай сілы, што ўзначальвала рэвалюцыйную барацьбу насельніцтва Заходняй Беларусі [2]. Асаблівую цікавасць сёння выклікаюць станаўленні даследчыкаў да гэтак званай «сэцэсіі» ў КПЗБ. Не паглыбляючыся ў падрабязнасці справы, аўтары публікацый спышаліся без прывядзення сур’ёзных аргументаў абвінавачаць «сэцэсію» і яе ўдзельнікаў у правядзенні антыпартыйнай, падрыўной працы, якая заключалася ў патрабаванні стварэння самастойнай, незалежнай ад КПП, Кампартыі Заходняй Беларусі. Яшчэ больш жорсткім характарыстыкам у БССР і падпольным камуністычным друку «сэцэсія» падвяргалася пасля рэпрэсіяў у БССР у адносінах да бы-

лых членаў БРА. Адзначалася, што «пралезшыя» ў КПЗБ «буржуазныя нацыяналісты» з БРА хутка паспрабавалі правесці раскол у партыі і захоп кіраўніцтва пад выглядам «сэцэсіі». «Сэцэсія была контррэвалюцыйнай групай, зарганізаванай правакатарскімі элементамі, якія пралезлі ў партыю і працавалі пад кіраўніцтвам польскай дэфензівы (ахранкі) і буржуазных нацыяналістаў на абодва бакі мяжы (Ігнатоўскі, Гурын-Маразоўскі). Асноўны касцяк «Сэцэсіі» складалі выхадцы з БРА (Сталевіч, Радзевіч, Капуцкі, Гарбацэвіч і інш.). Ідэалогія «Сэцэсіі» поўнасьцю вырастала з ідэалогіі БРА» [3]. Прыблізна такога кшталту высноў вымушаны быў прытрымлівацца і былы лідэр БРА І.К.Лагіновіч [4].

Сур'ёзную ўвагу даследчыкаў у другой палове 1920-х – 1930-я гады прыцягнула гісторыя ўзнікнення Беларускай сялянска-рабочай грамады, пераўтварэнне яе ў масавую рэвалюцыйную арганізацыю, сацыяльна-палітычны характар БСРГ, яе роля і значэнне ў развіцці рэвалюцыйна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі. У працах, прысвечаных Грамадзе, гэтая арганізацыя справядліва характарызувалася як самая ўплывовая ў Заходняй Беларусі [5]. Аўтары, знаёмыя з асноўнымі пунктамі праграмы Грамады, даводзілі, што ў яе праграме і дзеяннях пераважала не рабочая, а сялянская ідэалогія, падкрэслівалі дробнабуржуазны, некамуністычны характар БСРГ. Пры гэтым падкрэслівалася, што Грамада бліжэй за іншыя палітычныя арганізацыі стаіць да партыі пралетарыяту.

Абавязкова бадай што для ўсіх прац была прысутнасць выкрывання «правакацыйных» заяў польскага буржуазнага друку і прадстаўнікоў беларускіх нацыянальна-дэмакратычных партый і арганізацый аб «як быццам бы існуючай сувязі Грамады з камуністычным рухам, удзельнікі якога атрымалі магчымасць легальнай працы». «Дзейнасць і хуткі рост уплыву Грамады ўстрывожыў польскі буржуазны ўрад і грамадскую думку. Увесь польскі буржуазны друк, не выключваючы і левай часткі, пачаў жорсткую кампанію супраць Грамады, усяляк даказваючы, што гэтая партыя з'яўляецца камуністычнай арганізацыяй, і калі прыняла іншую назву, то толькі для таго, каб атрымаць магчымасць легальнай працы». Аўтары папракалі, напрыклад, БХД, якая «сама нямала садзейнічала распаўсюджанню лжывых чутак аб апошняй (аб Грамадзе) і ўсяляк даказвала дачыненне Грамады да камуністычнага руху і яе антыдзяржаўнай дзейнасці» [6].

Паступова, па меры аддалення ад часу, калі існавала БСРГ, фармулёўкі пачалі крыху мяняцца. БС-РГ, не з'яўляючыся каму-

ністычнай арганізацыяй, як гэта ёй прыпісвала дэфензіўная ўлада і беларускія нацыянал-фашысты, але, аднак, яна была выяўнікам інтарэсаў шырокіх працоўных сялянскіх колаў Заходняе Беларусі», – адзначалі Я.Багданскі і Л.Бабровіч [7]. А ў кнізе «Политические партии в Польше, Зап. Белоруссии и Зап. Украине» (Мн., 1935) гаварылася: «Пад кіраўніцтвам КПЗБ ... вырастае стотысячная баявая нацыянальна-вызваленчая арганізацыя – Грамада» [8].

Значнае месца ў апісанні палітычнай сітуацыі ў Заходняй Беларусі адводзілася паказу дзейнасці беларускіх нацыянальна-дэмакратычных партый і арганізацый. Гэты працэс хутчэй за ўсё можна назваць шальмаваннем, бо дзейнасць згаданых арганізацый і яе членаў увесь час паказвалася рознымі сродкамі як варожая беларускаму народу, згодніцкая ў адносінах да польскіх уладаў. Асабліваю насцярожанасць выклікала думка аб стварэнні незалежнай беларускай дзяржавы [9]. Але ў той час шмат было зроблена і на карысць гістарычнай навукі. Азнаёміўшыся і прааналізаваўшы працы, у якіх асвятляліся розныя бакі дзейнасці такіх арганізацый, як БХД, БСС і іншых, трэба адзначыць, што разам з шматлікімі ідэалагічнымі штампамі, кшталту «непрымырымь ворагі рэвалюцыйнай барацьбы», «платныя арганізацыі», «беларускія нацыянал-фашысты», «агенты дэфензівы» і інш. у гэтых працах змешчана шмат карыснай для даследчыкаў інфармацыі, якая дае магчымасць азнаёміцца з асноўнымі праграмнымі ўстаноўкамі і палітычнай практыкай гэтых арганізацый. Галоўная ж думка такіх прац заключалася ў тым, што беларускія нацыянальна-дэмакратычныя партыі і арганізацыі з’яўляюцца злейшымі ворагамі КПЗБ, БСРГ, БССР і не маюць аўтарытэту сярод шырокіх пралетарскіх і сялянскіх мас [10].

У сярэдзіне 1930-х гадоў магутная хваля палітычных рэпрэсій у БССР захапіла сваім крылом і дзеячоў нацыянальна-вызваленчага руху Заходняй Беларусі. Не пазбеглі такога лёсу і кіраўнікі КПП і КПЗБ. Паступова ўвесь камуністычны рух у Польшчы быў скампраметаваны, што не магло не адбіцца на асвятленні ў друку пытанняў яе рэвалюцыйнага руху. Колькасць публікацый зменшылася, у іх пакрыху пачалі знікаць назвы кампартый Польшчы і Заходняй Беларусі. У другой палове 1930-х гадоў была згорнута дзейнасць Інстытута польскай пралетарскай культуры, Камісіі па вывучэнню Заходняй Беларусі, а таксама Інстытута гісторыі партыі з заходнім сектарам. У 1936 г. замежная мінская частка цэнтральнай рэдакцыі КПЗБ поўнасьцю згарнула сваю дзейнасць. Спынілася выданне тэарэтычнага часопіса

ЦК КПЗБ «Бальшавік» [11]. Гэтаксама неактуальнай і непатрэбнай станавілася дзейнасць КПП і КПЗБ.

Вынікам рашэння аб роспуску ў 1938 г. КПЗБ як складальнай часткі КПП стала змяненне акцэнтаў і фармулёвак у беларускай гістарыяграфіі ў асвятлені пытанняў нацыянальна-вызваленчага руху. Гісторыя КПЗБ амаль не вывучалася, палітычнае і арганізацыйнае кіраўніцтва рэвалюцыйнай барацьбой з боку кампартыі ігнаравалася ў большасці публікацый [12].

Выключэннем з гэтага шэрагу з'яўляюцца кніга І.Ф.Лочмеля «Очерки истории борьбы белорусского народа против польских панов» (Мн., 1940) і калектыўная праца «Заходняя Беларусь пад панскім гнётам і яе вызваленне» (Мн., 1940). У апошняй, напрыклад, гаварылася: «У авангардзе рэвалюцыйных баёў ішоў нешматлікі рабочы клас Заходняй Беларусі. Рэвалюцыйнай барацьбой кіравала Камуністычная партыя Заходняй Беларусі, якая працавала ў надзвычай цяжкіх умовах падполля, была акружана шпіёнамі і правакатарамі і падвяргалася жорсткім рэпрэсіям» [13].

Змяніліся погляды і на гісторыю БСРГ. Сцвярджалася, што арганізацыя была створана з дазволу «ўрада акупантаў», які, садзейнічаючы гэтаму, «разлічваў узяць яе пад свой нагляд і кіраўніцтва, абяшходзіць масавы рух, разлажыць яго знутры і, нарэшце, разграміць, ...паставіў на чале Грамады сваіх агентаў-правакатараў з лагера сваіх прыслужнікаў – беларускіх нацыяналістаў» [14].

Такім чынам, пытанні дзейнасці палітычных партый і арганізацый у Заходняй Беларусі ў 1921 – 1939 г. атрымалі ў 1920 – 1930-я гады значнае асвятленне. У гэты час былі выпрацаваны асноўныя падыходы да асвятлення названых пытанняў, якія ў значнай ступені панавалі і ў наступныя гады. На распрацоўку гэтых праблем аказвала моцнае ўздзеянне грамадска-палітычная сітуацыя ў краіне, імкненне партыйна-дзяржаўных структур накіраваць даследаванне гэтых пытанняў у неабходнае рэчышча для задавальнення сваіх ідэалагічных патрэб. Гэта прыводзіла да нераўнамернасці ў вывучэнні пытанняў палітычных партый рознай накіраванасці, навешвання ганебных ярлыкоў, суб'ектывізму, схематызму і заідэалагізаванасці. Асабліва гэта тычыцца гісторыі партый непралетарскай плыні, таму сёння існуе актуальная неабходнасць паглыбленай распрацоўкі дзейнасці партый гэтага кірунку.

ПОЛЬСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О КАТОЛИЧЕСКОМ КОСТЁЛЕ В БЕЛОРУССИИ (2-я пол. 40-х – 80-е годы XX в.)

Исследования проблем, связанных с деятельностью католического Костёла в Советской Белоруссии, является одним из приоритетных направлений в польской исторической науке. За последние десятилетия внимание к этим проблемам значительно возросло. Это обусловлено многими факторами, в ряду которых – активизация «восточной политики Ватикана», глубинные перемены в странах бывшего социалистического лагеря и СССР, изменения их государственной идеологии и политики, переоценка духовных ценностей, поиски взаимоприемлемых точек соприкосновения при решении многих проблем трансформирующегося общества и т.п. Смена политических ориентиров в Польше обострила загущиваемые до недавнего времени проблемы «кресов всходних», или бывших восточных окраин II Речи Посполитой, во все времена являвшимися спорными в отношениях между странами-соседами – Польшей и Беларусью.

В этноконфессиональном отношении существует четкий раздел между восточной и западной Беларусью. Если в первой явное преобладание белорусов и сильны позиции православия, то в западной – поляков и католицизма. Достаточно сказать, что на Гродненщину, где проживает 72 % всего польского населения республики, приходится около 49 % всех католических парафий Беларуси. И хотя происходит территориальное расширение католицизма (в 1970 г. На Гродненскую и Брестскую области приходилось 77,6 % всех католических парафий, то в первой половине 1992 г. только 60,4 %) – все же восточная часть Беларуси находится вне сферы влияния римско-католического Костёла.

В исследованиях польских историков поднимается широкий круг проблем и вопросов, на которые они ищут и пытаются аргументированно ответить: почему сильны позиции Костёла в западном регионе? Каково соотношение польскости и католицизма? Какую роль сыграл Костёл в сохранении национальной самоидентификации поляков на Беларуси, в поддержании традиционной польской культуры и образа жизни? Каков авторитет Костёла и его роль в национально-культурном возрождении? Каким быть Костёлу – польскому или белорусскому?

Исследования польских авторов в большинстве своем опираются на обширную источниковую базу – от советской (белорусской) периодической печати до архивов КГБ, официальной статистики. Причем в их обработке и использовании в научном обороте польские исследователи идут впереди белорусских. Они широко используют костельные архивы, опубликованные и неопубликованные дневники, воспоминания католических священнослужителей, в разное время проживающих в Белоруссии. Интересный пласт эпистолярных источников составляют воспоминания репрессированных ксендзов. Их использование в работах польских исследователей позволяет более глубоко и обстоятельно исследовать тему сталинских репрессий в отношении духовенства в СССР.

Крупным польским ученым, специалистом по истории католического Костёла в СССР и на постсоветском пространстве является ксендз профессор Люблинского Католического Университета Роман Дзвонковский SAC. Им написаны десятки работ, в том числе несколько монографий, глубоко и всесторонне освещающих проблемы Костёла в России, СССР и советских республиках в XX веке [1, 2, 3].

Автором исследуются проблемы, имеющие судьбоносное значение в истории Костёла в СССР и БССР: государство, религия, Костёл; репрессии против духовенства; роль верующих в борьбе за Костёл; духовенство и его роль в поддержании традиционной религиозной культуры; деятельность скрытых (подпольных) женских монашеских законов (орденов) и многие другие.

Автор коснулся и такой проблемы, как Ватикан и католический Костёл в Белоруссии. Архивные источники подтверждают, что, несмотря на «осадное» положение, белорусские ксендзы имели тесную связь с Ватиканом, которая шла через Епископат Польши.

Польские авторы Х.Кубяк, Н.Иванов, У.Качмарек, кс. Э.Валевандер [8, 6, 7, 9] и другие в тесной связи с конфессиональным исследуют и факторы демографический и национальный. Известно, что исторически сложился стереотип «поляк – католик», «русский – православный». Промежуточное состояние между ними занимали белорусы, которых причисляли в силу сложившихся исторических обстоятельств то к одной, то к другой конфессии. Приводимые авторами аргументы убеждают в том, что отождествление национального и конфессионального явилось результатом политики правящих кругов России, подавляющих национальное самосознание поляков, насаждающих православие.

Вопрос, что же происходило и происходит на постсоветском пространстве, привлекает внимание зарубежных специалистов – историков, теологов, политологов и др. Ими исследуется широкий аспект проблем: нация и религия, польское нацменьшинство в суверенных государствах и католический Костёл, национальная и религиозная самоидентификация населения, роль Костёла в национально-культурном возрождении, проблемы языка в богослужении и многие другие. Эти вопросы становятся предметом обсуждений на международных научных конференциях и симпозиумах.

Авторы докладов и сообщений едины в том, что распад в 1991 году СССР и возникновение независимых государств привели к позитивным изменениям в религиозной ситуации для проживающих там поляков. Это касается не только обретения религиозных свобод, но и изменения роли Костёла в национально-культурных процессах.

Однако введение национальных языков в литургию явилось следствием того, что «католический Костёл перестал выполнять роль важнейшей опоры для поляков в их стремлении к сохранению национальной самоидентификации, как это имело место на протяжении последних двухсот лет» [1, 4, 10].

Показательна в этом отношении научная сессия «Христианство в Советском Союзе в период перестройки и гласности», которая состоялась в Духовной семинарии ксендзов-вербистов в Пененжне 28–30 сентября 1989 г. В изданных по итогам сессии материалах содержится 24 доклада и сообщения, отражающих различные аспекты религиозной и национальной жизни в СССР, взаимоотношения религиозных конфессий с государством и др. Сессия проходила как бы в трех измерениях: философском, историческом и фактов сегодняшнего дня. Участники были единодушны во мнении, что перестройка имела непреходящее значение в деле оживления католической жизни в республиках СССР. В ряде докладов затрагивались отдельные аспекты положения Костёла в Беларуси (Граевский Анджей. Самая длительная религиозная война XX века. Из истории атеизма в СССР; кс. Роман Дзвонковский SAC. Характеристики религиозности поляков на Беларуси и Украине; Гаевский Збигнев. Генезис и история католицизма белорусов и Польша; О.Александр Хауке – Лидовский. Католический Костёл в СССР сегодня и др.).

Несомненный научный и общественно-политический интерес представляют воспоминания ксендзов, в т.ч. и из Белоруссии.

В них отражаются события, отдаленные десятками лет. Однако при всем их достоинстве они носят субъективный характер, ибо авторы излагали факты сквозь призму своего восприятия, нередко на эмоциональном уровне. Обширна география таких публикаций – они издавались как в Польше, так и за ее границами. С 1991 года Институт исследований над Полонией и Душпаствством Полонийным Люблинского Католического Университета совместно с Люблинским издательством *Norbertium* начали публиковать такие воспоминания под названием «*Duchowiecstwo polskie w wikzieniach, iaqrach i na zesianiu w ZSRR. Pamiktniki i dokumenty*».

Характерно, что многие авторы используют проблемный подход к исследованию римско-католического Костёла. Таким примером может служить монография А.Глебовича [5]. Автор охватил исследованием две республики – Белоруссию и Украину, локализовал деятельность католической конфессии на этом обширном пространстве с 1945 по 1990 г. Монография носит общающий характер, поэтому в ней опущены многие подробности и отсутствует излишняя детализация. Однако поднятые в ней проблемы дают направления для более тщательных исследований.

Наибольшее количество публикаций польских историков приходится на период 80–90-х годов, когда к власти пришли антикоммунистические силы. Это дало возможность авторам сосредоточить усилия на исследовании таких проблем, которые прежде из-за цензуры не могли быть даже обозначенными. Примером может быть коллективная монография под редакцией кс. профессора З.Зелинского. Значительная часть материала освещает организацию религиозной жизни на территории Белоруссии, поскольку большая часть ее входила в состав Виленской архидицезии. Авторы осветили такие проблемы, как депортация населения и духовенства, подвижническая деятельность служителей культа, политика гитлеровских оккупантов на захваченных территориях и другие.

Резюмируя изложенное, можно сделать следующие выводы. Польская историография о католическом Костёле в Белоруссии развивается динамично, охватывая всё больше проблем. Польские ученые, преимущественно являющиеся ксендзами, имеют глубокую осведомлённость не только о внешних сторонах деятельности Костёла, но и о внутренних процессах. Ими используется широкий спектр источников, включая советские и постсоветские.

ШТОДЗЁННАЕ ЖЫЦЦЁ НАСЕЛЬНІЦТВА БЕЛАРУСІ ПАД НЯМЕЦКАЙ АКУПАЦЫЯЙ (1941 – 1944): ПРАБЛЕМЫ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

Вывучэнне штодзённага жыцця насельніцтва ў розных гістарыяграфічных перыяды ў сучаснай сусветнай гістарыяграфіі з'яўляецца адным з найбольш папулярных кірункаў даследаванняў. Працы гісторыкаў штодзённасці дазваляюць больш глыбока ацаніць глабальныя гістарычныя працэсы і іх трансфармацыі на лакальным узроўні. Асаблівую цікавасць выклікаюць праблемы штодзённага жыцця ў часе войнаў і вялікіх супрацьстаянняў, калі вельмі важна ацаніць ступень удзелу ў падзеях простага насельніцтва. У сваіх працах даследчыкі звяртаюць увагу на аналіз функцыянавання розных сфер звычайнага жыцця людзей – харчавання, медыцынскай дапамогі, сацыяльнага страхавання, адукацыі, аналізуючы тых змены, якія ўносілі ў іх дзейнасць ваенныя падзеі і ідэалагічныя ўстаноўкі. Безумоўна, усе даследаванні гісторыі штодзённасці базуюцца на распрацоўках папярэдняй гістарыяграфіі падзей, выкарыстоўваючы яе пэўныя здабыткі. У гэтай сувязі для вывучэння гісторыі штодзённага жыцця беларускага насельніцтва падчас нямецкай акупацыі варта ацаніць тых здабыткі, якія мае айчынная ваенная гістарыяграфія.

Беларускія савецкія даследчыкі падзей нямецкай акупацыі Беларусі 1941 – 1944 гадоў звярталі ўвагу пераважна на вывучэнне ваенных дзеянняў, савецкага партызанскага руху і камуністычнага падполля, а таксама нямецка-фашысцкага генацыду супраць мірнага насельніцтва. Усе выдадзеныя ў савецкі час кнігі ўтрымлівалі скурпулёзны пералік партызанскіх атрадаў, брыгадаў, злучэнняў, баявых дзеянняў, але былі ў значнай ступені ідэалагізаваныя. Беларусь характарызавалася выключна як краіна – партызанка з мінімальным адсоткам «зраднікаў-калабарантаў» [1].

Такі погляд не быў выпадковы. Саветызацыя і ідэалагізацыя беларускай навукі, якая пачалася яшчэ ў сярэдзіне 1920-х, у 1950 – 1970-я г., з нараджэннем другога і трэцяга пакаленняў выдавочцаў савецкай улады, дасягнула свайго апагею. Гісторыкі, якія мелі незалежны погляд, былі знішчаны рэпрэсіўнай машынай у 1920 – 1930-я г. Ацалелая ці новая генерацыя стварала «правільны» савецкі погляд, працяг своеасаблівай гісторыі Паўночна-Заходняга краю.

Ідэалагізаванасць тэмы вайны стварала не толькі спецыфічныя падыходы да разгляду падзеяў 1941 – 1945 г. у гістарычнай навуцы, але і стэрэатыпнае стаўленне да гэтай праблематыкі шырокіх колаў грамадскаці рэспублікі. БССР бачылася як партызанская рэспубліка, дзе ад рук фашыстаў загінуў кожны чацвёрты жыхар, а любое супрацоўніцтва з немцамі кваліфікавалася як здрада народу. Не толькі настаўнікі і журналісты, выдаўцы і пісьменнікі, бурмістры і солтысы былі аднесеныя да фашысцкіх паслугачоў. Да калабарантаў залічваліся нават тыя, хто працаваў у грамадскіх установах ці на заводах і фабрыках.

Натуральна, што казаць пра зварот да праблем штодзённага жыцця не выпадала. У разуменні савецкай гістарыяграфіі штодзённасць падчас вайны – гэта штохвіліннае змаганне з ворагам, якому падпарадкаваныя ўсе думкі і дзеянні, дзе не было месца «няподзвігу» ці звычайнаму выжыванню. Савецкі беларус, калі і павінен быў працаваць з акупантамі, то выключна па заданні партыі, каб у зручны момант нашкодзіць, узарваць нешта ці зрабіць сабатаж. За выбухамі на чыгунках ці забойствамі нямецкіх жаўнераў і чыноўнікаў ішлі масавыя растрэлы беларускіх сялян ці гараджанаў, спаленні вёсак, але гісторыкі 1940 – 1970-х г. не звярталі ўвагі на такую «дробязь».

Класічным прыкладам падобнай працы па гісторыі вайны з’яўляецца кніга Адама Залескага «Быт беларускіх сялянаў у партызанскім краі» (Мн., 1960). На прыкладзе асобна ўзятага сельсавету (Загалле Любанскага раёна Мінскай вобласці) аўтар паказаў барацьбу беларускага народа супраць нямецка-фашысцкіх акупантаў. А.Залескі падрабязна апісаў партызанскі быт, які нібыта амаль нічым не адрозніваўся ад шчаслівага даваеннага. Асобны падраздзел кнігі быў адведзены спраўленню вясельляў і святаў падчас вайны: «Ва ўмовах партызанскага краю таксама наладжваліся вячоркі. Дзяўчаты, як і раней, збіраліся з прасніцамі. На вячоркі з’яўляліся хлопцы – партызаны, і з сваёй вёскі, і прыбыўшыя з іншых месцаў. Звычайна ў такіх выпадках паяўляўся гармонік, і пачыналіся танцы. Так вячоркі пераходзілі ў вечарынку. Яна часта ператваралася ў сход або нешта падобнае» [2]. Ідэалагізацыя партызанскага жыцця з’яўляецца адной з найбольш характэрных рыс савецкай ваеннай гістарыяграфіі.

Адначасова адмаўлялася магчымасць простага жыцця насельніцтва са сваімі турботамі і радасцямі за межамі партызанскай зоны, дзе людзі таксама жадалі аднаго – жыць. Іншая праца «Патрыотизм учителей и школьников Белоруссии в борьбе против не-

мецко-фашистских захватчиков», написаная творчым калектывам у складзе С.А. Умрэйкі, А.І. Залескага, П.М. Кобрынца, таксама мала адрознівалася па дыходамі. Для галоўных герояў кнігі (савецкіх дзяцей і савецкіх настаўнікаў) штодзённае жыццё – гэта штодзённае змаганне з ворагам. (Аўтары адзначаюць, што было некалькі «прафашысцкіх» школ, у якіх выкладалі «фашысцкія настаўнікі», але тыя школы спалілі партызаны ці сяляне, а «настаўнікаў–халуёў» па загадзе партыі справядліва растралялі.) Спрошчана сць поглядаў на падзеі вайны і звычайны побыт беларускага насельніцтва прысутнічалі ў большасці гістарычных даследаванняў па ваеннай праблематыцы ў савецкі час [3].

Некалькі змянілася сітуацыя з набыццём Рэспублікай Беларусь незалежнасці. Пасля адкрыцця архіваў стала магчымым больш грунтоўна даследаваць «белыя плямы» гісторыі акупацыі (праблема калабарацыі, нацыянальныя арганізацыі ў часе акупацыі – БНС, СБМ, БЦР і інш., дзейнасць украінскага і польскага падполля). Але ўласна штодзённае жыццё заставалася па-за ўвагай даследчыкаў.

У апошнія дзесяцігоддзе сталі з’яўляцца працы з характэрным «нацыяналістычным» поглядам на ваенную гісторыю: «Беларускі нацыяналізм. Даведнік» (2001), С. Ёрш «Усевалад Родзька» (2001), «Антысавецкія рухі ў Беларусі: 1944 – 1953» (1999), С. Ёрш «Вяртанне БНП» (1998), публікацыі ў газеце «Голас краю», у якіх сцвярджаецца калі не пра масавую барацьбу беларускага народа супраць «маскоўска-сталінскай тыраніі», то пра няспыны пасіўны супраціў бальшавікам. І «савецкі», і «ўра-патрыятычны» бакі не ўлічылі, што, паводле сацыялагічных даследаванняў, удзел у рэальных ваенных падзеях з аднаго і другога боку бяруць не больш за 20 % насельніцтва, а астатнія выжываюць.

Першай спробай аб’ектыўна зірнуць на праблему штодзённасці была публікацыя Галіны Кнацько «Мінск у гады акупацыі» [4]. Аўтарка зрабіла спробу аналізу сістэмы ўлады, уліку насельніцтва, сацыяльнай абароны, побытавых умоваў жыцця ў акупаваным горадзе, харчавання, функцыянавання ўстановаў аховы здароўя, дзіцячых садкоў і школ, а таксама тэатру, кіно. У тым жа годзе ў зборніку «Віцебшчына ў гады акупацыі» выйшаў яе артыкул, прысвечаны акупаванаму Полацку («Полацк у гады акупацыі»). Аднак дадзеныя публікацыі – толькі асобныя спробы вывучэння жыцця некаторых беларускіх гарадоў падчас акупацыі.

Да праблем калабарацыі і выбару для простага насельніцтва звярнуўся ў сваіх артыкулах «Белорусская краёвая оборона» і «Ка-

лабарацыянiзм на тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны» [5] А.М.Літвін. Асобныя старонкі штодзённага жыцця закрунуў у кнігах «Беларусь пад нямецкай акупацыяй» (Мн., 1993), а таксама «Беларуская кніга пад нямецкім кантролем (1930 – 1944)» польскі гісторык беларускага паходжання Ю.Турунак.

Адзінай кнігай, у якой звернута ўвага на вывучэнне некаторых аспектаў штодзённага жыцця ў часы акупацыі, з'яўляецца манаграфія У.Кузьменкі «Інтэлігенцыя Беларусі ў гады нямецка-фашысцкай акупацыі» [6], дзе ёсць асобны раздзел «Нацысцкая акупацыйная палітыка ў сацыяльна-культурнай сферы». Тут утрымліваюцца звесткі пра сацыяльна-эканамічнае жыццё і акупацыйную палітыку ў сферы эканомікі, медыцыны, аховы здароўя. Знайшло ў кнізе месца таксама асвятленне праблемаў рэлігіі (стаўленне акупантаў да Праваслаўнай Царквы, каталіцкага Касцёла і іншых канфесій), школьніцтва і інш.

Некаторую карысць для вывучэння штодзённасці падчас нямецкай акупацыі даюць кнігі серыі «Памяць», аднак, апісанне рэальных умоваў жыцця насельніцтва гарадоў і мястэчак Беларусі там займае значна менш месца, чым традыцыйнае апісанне дзейнасці партызанаў і падполля, а таксама генацыду.

Такім чынам, ідэалагізаванасць і сацыяльны заказ, які існаваў у савецкія часы адносна распрацовак тэмы Вялікай Айчыннай вайны, маюць вынікам фактычную адсутнасць у беларускай гістарыяграфіі абагульняючага навуковага даследавання па гісторыі штодзённасці ў часы акупацыі. Фрагментарнасць сучасных манаграфій, прысвечаных праблемам ваеннай гісторыі, таксама не садзейнічае пашырэнню цікавасці даследчыкаў да грунтоўнага вывучэння рэальнага штодзённага жыцця насельніцтва падчас нямецкай акупацыі. Праблемы звязаныя яшчэ і з тым, што ў Беларусі пакуль не створана добрых метадалагічных распрацовак па гісторыі штодзённасці. Тым не менш, даследаванне рэальнага жыцця насельніцтва падчас акупацыі мае вялікае значэнне і перспектывы ў айчыннай гістарыяграфіі.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ В ТВОРЧЕСТВЕ П.О.БОБРОВСКОГО

Белорусская история в творчестве П.О.Бобровского являлась главной темой в 60-е годы XIX века, в период его работы в должности статистика Генерального штаба в Гродненской губернии. Павел Осипович заслужил благодарную память о себе на своей исторической родине, даже если бы его творческое наследие о белорусских землях ограничилось изданием 4-томных «Материалов для географии и статистики» по Гродненской губернии. Но его историко-исследовательские поиски завершились публикацией ещё десятка краеведческих работ. Наиболее известные из них: «Несколько слов о Зельвенской ярмарке», «Колония Супрасль», «Исторические сведения о городах Гродненской губернии», «Историческая монография города Гродно».

Модель истории развития белорусских земель в трудах П.О.-Бобровского во многом носила отпечаток политической ситуации в крае и была выдержана в рамках «западнорусизма». Обзор прошлого края П.О.Бобровский начал от летописного упоминания о расселении славян на белорусских землях [Бобровский П.О. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния: В 2 т., прилож. к Т.1 – 2. – СПб., 1863. – Т.1. – С.3]. Таким образом, история региона в «Материалах» П.О. Бобровского хронологически стала тождественной письменной истории.

Исследователь выделил главные этапы периодизации западнорусской истории по «государственному» принципу. Начавшийся в IX веке «древнерусский период» длился до середины XIII столетия. Учёный охарактеризовал его как время самостоятельного развития народных сил, чью волю осуществляли русские князья.

Время наивысшего политического и хозяйственного подъёма западнорусских земель П.О.Бобровский относил к правлению Даниила Романовича Галицкого, который в середине XIII века подчинил ятвягов, вёл успешные войны с литовцами, проводил активную внешнюю политику по отношению к западным и восточным соседям. С его смертью, считал историк, русские земли утратили возможность дальнейшего противостояния захватчикам и сохранения своей независимости.

Второй этап периодизации определён исследователем как «владычество Литвы», куда были отнесены события от правления Миндовга до Люблинской унии. В этом периоде все ещё было сильно народное влияние, не уничтожены исторические корни «Западной Руси». Создание литовского государства Бобровский трактовал как следствие стремления литовцев к завоеваниям и тем, что литовские князья удачно воспользовались внешнеполитической ситуацией в середине XIII века. По его мнению, Великое княжество Литовское – это произведение русской культуры, поскольку «главную массу населения в этом государстве составляли русские православной веры, язык русский был господствующим, на нём писались грамоты и акты».

После заключения Люблинской унии, которую Бобровский трактовал как «акт насильного соединения Литвы с Польшей», следует период «владычества Польши». Главным итогом польской политики становится ассимиляция местного населения. Учёный заметно сожалел о том, что литовское государство утратило «свое политическое значение, изменило свой гражданский характер, управление, веру, язык и обычаи». Крепостная система представлена именно как продукт польской цивилизации, хотя автор признал, что она сыграла свою пагубную роль в русском государстве, но указывал, что в западных губерниях барщина была введена на столетие ранее.

Польская культура в концепции Бобровского изначально была чужда местному населению, поэтому привилегированные сословия здесь складывались из пришлых польских элементов. Непомерная роскошь польской элиты привела к «порче нравов», ни хозяйству, ни государственному управлению не уделялось должного внимания. Именно православная вера помогла сохранить западнорусским крестьянам «обычаи своих отцов», поэтому разделы Речи Посполитой выступили в очерке как закономерный и справедливый акт, освободивший «западноруссов» от колониального порабощения и национального угнетения [Бобровский П.О. Материалы... – С.98].

Гродненщина в составе Российской империи изучалась историком очень основательно, и этому периоду посвящены почти целиком «Материалы». Бобровский приветствовал все нововведения: российское законодательство, язык, религию, образование, чиновничий аппарат, которые, по его мнению, возвращали область к развитию в согласии с народным менталитетом [Бобровский П.О. Материалы... – С.99 – 107]. Вторым знаковым событием в приве-

дённом анализе должна была стать реформа 1861 года. В концепции Бобровского это был гуманный акт правительства для «возвышения прав низшего сословия», и в будущем историк ожидал от отмены крепостничества создания условий для интенсивного развития сельского хозяйства и промышленности.

Выстроенная исследователем схема политической эволюции территорий даёт ответ на вопрос о причинах нелояльности западных губерний к официальному курсу. Среди главных факторов, тормозящих процессы государственного строительства в западных губерниях, Павел Осипович назвал влияние польской культуры, большой процент еврейского населения, противодействие католичества.

В оценке некоторых исторических явлений Бобровский отступал от славянофильской идеологии. Так, его заинтересовала непопулярная в «западноруссизме» проблема ятвяжского элемента в этногенезе местного населения. Бобровский склонялся к мнению о непринадлежности ятвягов ни к славянской, ни к балтской языковым группам. Он сделал вывод о важной роли ятвягов в истории Гродненщины, племени, которое составляло значительный процент местного населения в древнерусский период и стало одним из источников формирования «западноруссов» в результате процессов ассимиляции.

Нетипичным для «западнорусского» историографа является и одобрение политики литовских князей. Особенно импонировала Бобровскому толерантность Витовта, которая позволила привлечь в ВКЛ нравственные и физические ресурсы евреев, немцев, поляков, татар, колонизировать новые земли, укрепить обороноспособность, развить культуру [Бобровский П.О. Ответ г. Ковалевскому // День. – 1865. – № 45 – 46. – С. 1101]. Он опроверг упреки славянофильских историков по отношению к литовским князьям в распространении влияния западной цивилизации: «Подобные люди должны быть судимы потомством по их современным заслугам, а не с предвзятой точки зрения».

Позитивное значение придавал П.О.Бобровский и роли магдебургского права в развитии белорусских земель. Он считал, что именно привилегии, данные ремесленникам и купцам на территории ВКЛ, стали предпосылкой экономической самостоятельности городов, создания промышленного производства в крае, образования крупных торговых центров, увеличения мещанского сословия. Свои аргументы он противопоставил распространённой теории о том, что магдебургское право стало одной из причин

польской анархии. Действительную причину историк увидел в несовершенстве государственного аппарата Речи Посполитой [Бобровский П.О. Ответ... – С. 1104].

П.О.Бобровский, используя передовые в Европе методики обработки данных, сравнил материалы по Гродненщине с результатами народнохозяйственной деятельности на соседних территориях и в западноевропейских государствах, сделал выводы по динамике их изменений и спрогнозировал возможности экономического развития. «Материалы» знакомят с геодезическими описаниями территорий, результатами топографических съёмок, распределением земельного фонда губернии по административным единицам, видам хозяйственной деятельности, формам земельной собственности. С помощью средневековой картографии автор определил этапы территориального роста Гродненщины в составе различных государственных образований [Бобровский П.О. Материалы... – С. 111–141].

Физико-географическим анализом края П.О.Бобровский указывал на условия деятельности здесь человеческого общества. Все описанные элементы природной системы: флора, фауна, климат, почвы, лесной массив, полезные ископаемые и водные ресурсы – выступают во взаимосвязи с результатами общественной эволюции. «Материалы» упоминают множество примеров такой взаимосвязи: большая плотность населения по берегам водных артерий, недостаточное развитие торговли из-за непригодности местных рек для дешёвых путей сообщения, неэффективное использование земельного фонда при повсеместной распространённости болот и лесов.

Подробно рассмотрены историком демографические процессы в крае в первой половине XIX века [Бобровский П. О. Материалы... – С.460 – 613]. Им учтены все изменения при начавшейся урбанизации, состав населения по полам, возрастам, семейному положению, трудовой занятости, прирост и смертность людских ресурсов. В каждой исследуемой сфере он пытался определить причины положительных или отрицательных результатов развития. Точное понимание законов движения народонаселения учёный считал ключом к успешному управлению государством.

Богаты разговорными и описательными примерами этнографический и конфессиональный очерки П.О.Бобровского. Раздел «Обзорные разных классов народонаселения» является подробным отчётом о правовом, имущественном, финансовом, нравственном и бытовом положении основных губернских сословий: дворянства, духовенства, горожан и крестьян. Интересными представ-

ляются негативная оценка автором роли местного дворянства, бывшей шляхты как паразитирующей группы общества и выраженные им сочувствия к тяжёлой жизни белорусских крестьян. Как сторонник буржуазного права он выступал ярким противником крепостного состояния производителей, ратовал за быстреешую ликвидацию остатков барщинной системы.

Историческое значение изучаемой области историк определил в роли важнейшего региона, назвав его «европейскими воротами, сквозь которые с древнейших времен проходили разные народы, где сталкивались элементы Западной Европы с элементами Восточной...». Геополитическое положение, которое сделало территорию объектом притязания многих народов в истории, по мнению П.О.Бобровского, затормозило её экономическое развитие, приблизив его к тенденциям колониального хозяйства. Однако частые военные нашествия не стали для Павла Осиповича поводом оправдать известную неэффективность производительной деятельности в крае. Напротив, он находил массу условий, чтобы Гродненская губерния по экономическим показателям соответствовала передовым государствам Европы. Основными факторами торможения учёный считал: экстенсивную систему ведения сельского хозяйства, тяжёлый налоговый гнёт на податное население, отсутствие доступа жителей к надлежащим средствам образования, ориентацию экономики на экспорт сырья, устоявшуюся натурализацию производства в деревне, нищету сословия производителей [Бобровский П.О. Материалы... Т.2. – С.1 – 658]. Стоит обратить внимание на рекомендации автора в адрес администрации губернии, содержащие проекты реформ, которые опережают время. Для начала 60-х годов радикальным кажется предложение о пересмотре формирования кадров местного управления, среди которых «многие места заняты русскими, уроженцами других губерний», что стало причиной отчуждения их от интересов коренных жителей. Первоочередным мероприятием, по мнению П.О.Бобровского, должно было стать расширение возможностей просвещения как «главного условия благосостояния общества». В его рамках предусматривалось открытие общедоступных школ, создание профессиональных училищ, готовящих специалистов для сельского хозяйства и промышленного производства, учреждение публичных библиотек, расширение единиц периодики. Затраты на подобные меры должны были принести доход государству за счёт уменьшения количества преступлений, снижения уровня пьянства, интенсификации экономики.

Среди сугубо экономических мер, необходимых в ближайшем будущем, историк называл: быстрейший переход крестьянства от барщинной системы к свободному труду, заимствование новых сельскохозяйственных технологий, внедрение новых видов хозяйственной деятельности, сочетание производства продукции с её переработкой, создание современных средств сообщения и связи, техническое переоборудование мануфактур. Эволюцию сельского населения, на одном имущественном полюсе которого находились помещики, на другом – безземельные крестьяне, он видел в создании единого сословия фермеров, унификации экономических интересов которого должны были способствовать рыночные условия.

Буржуазный рационализм автора не смирялся со статусом отсталой территории в определении его родного края. «Материалы» созданы им как своеобразный справочник, где он в первую очередь обращался к администрации и жителям края и указывал им способы улучшения благосостояния. «Несправедливо, – писал автор, – всю вину слагать на свою несчастную судьбу, каждый в самом себе носит своё счастье, иначе к чему даны человеку разум, руки и воля» [Бобровский П.О. Материалы...Т. 1. – С.366]. П.О.Бобровский сам делал проекты использования воды в агрономии и промышленности, где построить выгодные дороги, провести мелиорацию края, указывал на неиспользованность природных ископаемых. Он призывал к заботе о будущих поколениях: «К сожалению, – писал он, – обычай ценить только то, что приносит нам пользу, препятствует дальнейшему изучению богатств, скрываемых землею, которые если теперь и не имеют цены, то могут иметь впоследствии» [Там же. – С. 346].

Не типичными для литературы XIX века являются призывы П.О.Бобровского к охране окружающей среды. В засолении почв, непродуманной вырубке лесов, скученности населения он увидел угрозу развитию общества. «Пройдут века, и потомство упрекнёт нас в равнодушии к пользе и разработке отечественных богатств», – пророчил Павел Осипович [Там же. – С.377].

Богатая конкретно-историческими выводами и наблюдениями работа учёного не потеряла своей научной актуальности и в наши дни. И нельзя не согласиться с мнением П.Бессонова: «Многие местные вопросы решены здесь окончательно. Это вовсе не одна Гродненская губерния, и менее всего прочего «губерния». Тут концентрируются сведения о целом крае, тут вся Белая Русь, которой не будем никогда знать вне сообщений автора» [Бессонов П. Белорусские песни. – М., 1871. – С.XLVIII].

ИНВЕНТАРЫ ЯК КРЫНІЦА ПА ЭКАНАМІЧНАЙ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ: ГІСТАРЫЯГРАФІЧНЫ АСПЕКТ

Эканамічнае развіццё суправаджаецца ўзнікненнем новых відаў пісьмовых крыніц як адзінкавага, індывідуальнага, так і масавага характару. Прыкладам іх з'яўляюцца інвентары, першыя з якіх вядомы з XV стагоддзя [1]. Яны ўзніклі ў сувязі з пашырэннем у Рэчы Паспалітай практыкі здаваць маёнткі ў арэнду і застава і з'яўляюцца разнавіднасцю гаспадарчай дакументацыі феадальных уладанняў [2]. Поўныя, добра складзеныя інвентары ўтрымлівалі падрабязнае апісанне ўсёй гаспадаркі феадалаў, пайменны спіс прыгонных сялян уладання, апісанне зямельных надзелаў і маёмасці кожнай сялянскай сям'і і вызначэнне павіннасцей кожнай сям'і на карысць феадала; у канцы інвентароў пералічваліся артыкулы прыбыткаў і выдаткаў і прыводзіўся гадавы даход уладання. Некаторыя інвентары апісвалі мястэчкі, аб якіх таксама ўносіліся шматлікія звесткі: аб колькасці двароў, аб карчмах і крамах, аб памерах участкаў і вызначаных з іх павіннасцей і, нарэшце, аб прыбытках, атрыманых з гэтых мястэчак. Таму можна сцвярджаць, што ніякі іншы від крыніц феадальнага перыяду не ўтрымлівае такіх багатых звестак па эканамічнай гісторыі Беларусі, як інвентары.

Зразумела, на працягу некалькіх стагоддзяў прынцыпы складання і змест інвентароў мяняліся. Галоўнае іх прызначэнне заключалася ў размеркаванні сялянскіх павіннасцей, што абумоўлівае спецыфіку крыніцы і вылучае яе з мноства іншых дакументаў гаспадарчага характару.

У гэтым артыкуле ставіцца задача з гістарыяграфічнага пункта гледжання прааналізаваць наяўныя крыніцазнаўчыя даследаванні інвентароў па гісторыі Беларусі. Па сутнасці, закранаюцца толькі два пытанні: 1) разгляд асноўных праблем, да якіх звяртаюцца даследчыкі пры вывучэнні інвентарных апісанняў, і 2) ацэнка ступені распрацаванасці ў беларускай гістарычнай літаратуры асноў крыніцазнаўчага аналізу інвентароў.

Нягледзячы на тое, што інвентары ўсіх відаў ствараліся на працягу некалькіх стагоддзяў, увага даследчыкаў да іх доўгі час заставалася толькі самай агульнай: крыніца выкарыстоўвалася галоўным чынам выбарчна ў якасці ілюстрацыйнага матэрыялу. Паколькі толькі ў самых буйных – каралеўскіх, царкоўных, маг-

нацкіх – уладаннях былі больш спрыяльныя, надзейныя ўмовы для захавання гаспадарчых архіваў, зразумела, шырокае выкарыстанне інвентароў на вялікіх тэрыторыях было надзвычай ускладненым. Таму і першыя публікацыі гэтай крыніцы не суправаджаліся спецыяльным крыніцазнаўчым аналізам, не было і больш глыбокага і сістэматызаванага іх выкарыстання ў працах даследчага характару.

Зварот да больш падрабязнага крыніцазнаўчага аналізу інвентароў звязаны з артыкулам М.М. Улашчыка [3], які засяродзіў увагу на вывучэнні абставін, звязаных з увядзеннем абавязковых інвентароў у памешчыцкіх уладаннях Заходняй Беларусі і Літвы ў 40-я гады XIX ст. Аўтар справядліва падкрэслівае, што пры правядзенні інвентарнай рэформы царскі ўрад у асноўным імкнуўся вырашыць пытанні палітычнага характару. Адсюль вынікае неабходнасць крытычнага падыходу да інвентароў згаданай групы, паколькі большасць з іх утрымліваюць відавочна фіктыўныя звесткі, якія тычацца ўраджая, даходаў сялянскіх гаспадарак і кошту рабочага дня наёмных работнікаў. На думку М.М. Улашчыка, пры параўнанні новых інвентароў з тымі, якія ствараліся памешчыкамі для ўласных гаспадарчых патрэб, выяўляецца, што апошнія з'яўляюцца больш дакладнай крыніцай, хаця крытычныя адносіны да іх захоўваюцца ў любым выпадку.

Беларускія інвентары XVI – XVIII і першай паловы XIX ст. разглядаюцца ў артыкуле П.Р.Казлоўскага і В.В. Чапко [4]. Інвентары магнацкіх уладанняў П.Р.Казлоўскім характарызуюцца як гаспадарчыя апісанні прыватнаўласніцкіх маёнткаў па той прычыне, што паняцце «інвентар» тут абазначае разнастайныя дакументы. Аўтар вылучае тры асноўныя групы паказчыкаў большасці інвентароў магнацкіх уладанняў: 1) апісанне панскага двара і гаспадаркі, 2) апісанне валасцей і мястэчак у пэўным уладанні і 3) пералік розных павіннасцей насельніцтва на карысць феадала. Такого роду інвентары названы П.Р.Казлоўскім поўнымі. Яны з'яўляюцца асноўным відам інвентароў і найбольш каштоўныя як гаспадарчая крыніца. Аднак, на думку аўтара, было б няправільным не звяртаць увагі на няпоўныя інвентары. З'яўляючыся як бы спецыялізаванымі дакументамі, яны ў шэрагу выпадкаў нават больш падрабязныя, чым поўныя інвентары [5].

П.Р.Казлоўскім вылучаны і другі від інвентароў – «землеўпарадкавальныя», у якіх, акрамя адзначаных звестак, прыводзяцца дадзеныя аб памерах панскіх і сялянскіх зямель. Часам у іх утрымліваюцца і падрабязныя пазямельныя апісанні і планы зямель-

ных участкаў [6]. Пры гэтым зусім правільна падкрэсліваецца, што інвентары мелі як бы два бакі: апісальны і нарматыўны. Другі бок вызначаў юрыдычную прыроду інвентароў як дакументаў, заснаваных на імунітэтных правах феадала і прызначаных рэгуляваць узаемаадносіны паміж феадалам (ці часовым трымальнікам) і залежным насельніцтвам, для якога інвентар меў сілу закона. У адносінах да ўладальніка маёнтка ён меў дагаворную сілу і параджаў маёмасную адказнасць у іскавым парадку [7]. Інвентары маглі быць складзены як паводле распараджэння феадала (часцей за ўсё), так і пры праверцы яго маёнтка («візій») судовымі органамі ці спецыяльнымі камісіямі. Ва ўсіх выпадках інвентары адпавядалі патрэбам феадалаў і іх класавым інтарэсам.

Інвентары, якія з’явіліся ў Беларусі ў XVI – XVIII ст., захаваліся як масавая крыніца. Іх можна знайсці ў арыгіналах, копіях і чарнавіках. У архівах, як правіла, інвентары сустракаюцца ў судовых актавых кнігах, але пераважна – у фамільных фондах магнатаў. Як справядліва заўважае П.Р.Казлоўскі, адсутнасць на інвентарах подпісаў і пачатак яшчэ не азначае іх неарыгінальнасці і недакладнасці [8]. Вядомую дакладнасць інвентароў XVIII ст. пацвярджае той факт, што інвентары ў асноўным складаліся незацікаўленымі асобамі, асабліва пры двухбаковым кантролі – складанні інвентару пры продажы маёнтка ці здачы ў залог [9].

П.Р.Казлоўскі прапанаваў наступныя прынцыпы выкарыстання інвентароў розных перыядаў: 1) размеркаваць інвентары на тры групы (з XVI да першай паловы XVII ст., з другой паловы XVII да 70-х гадоў XVIII ст. і 80 – 90-х гадоў XVIII ст.), паколькі такое групуванне адпавядае этапам сацыяльна-эканамічнага развіцця Беларусі; 2) вывучаць інвентары па відах феадальнага землеўладання для атрымання аднароднага статыстычнага матэрыялу, неабходнага для навуковых вывадаў; 3) даследаваць інвентары адных і тых жа ўладанняў за розныя перыяды; 4) групуваць інвентары па некалькіх асноўных геаграфічных зонах; 5) з прычыны багацця лічбавага матэрыялу часам мэтазгодна звяртацца да метаду выбарачнага статыстычнага назірання [10]. Як бачым, першы спосаб групування інвентарнага матэрыялу мае больш агульны характар, тады як астатнія абумоўліваюцца канкрэтнымі задачамі даследавання.

В.В.Чапко падзяляе інвентары першай паловы XIX ст. па характару і зместу на дзве групы: 1) інвентары, якія былі складзены прыкладна на працягу першай трэці XIX ст. і 2) абавязковыя інвентары сярэдзіны 40-х – пачатку 50-х гадоў XIX ст. Як спра-

вядліва лічыць аўтар, усе сацыяльна-эканамічныя змены ў той ці іншай ступені адбіліся на характары, змесце і складзе статыстычных звестак інвентароў памешчыцкіх уладанняў, чым і абумовілі спосаб іх групавання [11]. В.В.Чапко звяртае ўвагу на тое, што інвентары першай паловы XIX ст. не мелі юрыдычнай сілы, як раней, і расцэнваліся толькі ў якасці хатніх, маёнткавых дакументаў, якія вызначалі з большай ці меншай паўнатай уласнасць памешчыкаў, парадак кіравання гаспадаркай, гаспадарчыя і ў некаторай ступені прававыя ўзаемаадносіны памешчыка з прыгоннымі сялянамі, а таксама маёмаснае становішча сялян. На думку аўтара, некаторыя змены адбыліся толькі ў ходзе інвентарнай рэформы 40 – 50-х гадоў XIX ст., калі царскі ўрад паспрабаваў пераўтварыць інвентары памешчыцкіх уладанняў Беларусі з неафіцыйных унутраных гаспадарчых дакументаў у абавязковыя дзяржаўныя акты [12].

В.В.Чапко падкрэслівае дэтальнасць фіксацыі ў інвентарах сялянскіх двароў, колькасці насельніцтва ў іх, сялянскай маёмасці, надзелаў зямлі і павіннасцей, што стварае даволі выразнае ўяўленне аб узроўні сялянскай гаспадаркі канца XVIII – пачатку XIX ст. [13]. Адзначаецца, што стан памешчыцкай гаспадаркі ў інвентарах першай паловы XIX ст. адлюстраваны больш сціпла, чым сялянскай. Але, нягледзячы на непаўнату звестак, заўважае В.В.Чапко, усё ж можна скласці некаторае ўяўленне аб напрамку развіцця гаспадаркі кожнага землеўласніка [14].

У манаграфіі З.Ю.Капыскага [15] гістарычнаму аналізу падвергнуты беларускія інвентары XVI – першай паловы XVII ст. Значная іх частка прыцягнута даследчыкам з архіўнага фонду князёў Радзівілаў. Вялікая ўвага ў даследаванні надаецца пытанням кампетэнтнасці і рэпрэзентатыўнасці інвентароў. На думку З.Ю.Капыскага, ацэньваючы кампетэнтнасць інвентароў, трэба ўлічваць, што многія з іх прадстаўлены не толькі арыгіналамі, але і копіямі. Ідэнтычнасць апошніх арыгіналам вельмі часта выклікае сумненні з-за наяўнасці механічных памылак і свядомых скажэнняў інфармацыі. Істотна зніжае навуковую вартасць інвентароў XVI – першай паловы XVII ст. непаўната звестак. З.Ю.Капыскі падкрэслівае, што ў шэрагу выпадкаў аналіз тэкстаў інвентароў ускладняецца адсутнасцю даты іх складання, рознымі паметамі, устаўкамі, больш познімі праўкамі тэкстаў [16]. Трэба адзначыць, што аўтар шырока выкарыстоўвае ў даследаванні каштоўную для навуковага аналізу ўласцівасць супастаўляльнасці інвентароў. Ім вылучаецца некалькі аспектаў, у якіх інвентары

задавальняюць гэтаму патрабаванню. Дастаткова плённам, на думку З.Ю.Капыскага, з'яўляецца храналагічнае супастаўленне інвентароў, асабліва па адным уладанні за дастаткова працяглы перыяд часу. Супастаўляльнасць інвентароў дала магчымасць аўтару заключыць, што ў канцы XVI – першай палове XVII ст. інвентары часцей за ўсё з'яўляліся не ўлікова-гаспадарчымі дакументамі, а юрыдычнымі. У гэты перыяд інвентары непасрэдна абслугоўвалі не эканамічную, гаспадарчую дзейнасць феадала, а яго ўладальніцкія правы і інтарэсы [17].

Такім чынам, трэба падкрэсліць, што існуючы ў гістарыяграфіі крыніцазнаўчы аналіз інвентароў недастатковы для больш поўнага і эфектыўнага выкарыстання іх вялікага інфармацыйнага матэрыялу. Як ў гістарычнай, так і ў крыніцазнаўчай літаратуры, за выключэннем манаграфіі З.Ю.Капыскага, артыкулаў М.М.Улашчыка, П.Р. Казлоўскага і В.В.Чапко, упор робіцца на змест дадзеных, змешчаных у інвентарах розных відаў, тады як крыніцазнаўчаму аналізу адводзіцца другарадная роля. Гэта тлумачыцца, па-першае, вельмі павольным прыцягненнем інвентароў як крыніцы звестак па эканамічнай гісторыі Беларусі феадальнага перыяду, па-другое, станам захаванасці комплексаў гэтага віду крыніц. Сучасны стан гістарычнай навукі настойліва дыктуе неабходнасць распрацоўкі новых і выкарыстання ўжо наяўных метадаў у навуцы, якія дазваляць увесці ў навуковы зварот шматлікія лічбавыя дадзеныя інвентарных матэрыялаў як масавай гістарычнай крыніцы.

С.П. Кубека

г. Мінск

НАЦЫЯНАЛЬНАЯ КАЛЕКЦЫЯ «АЛЕКСАНДРЫЙСКІХ МІКРАФІЛЬМАЎ» У ПРАЦАХ АЙЧЫННЫХ І ЗАМЕЖНЫХ ГІСТОРЫКАЎ

Увагу сучасных навукоўцаў прывабліваюць арыгінальныя нямецкамоўныя дакументы аб акупацыйнай палітыцы нацысцкай Германіі на тэрыторыі Беларусі ў 1941–1944 г. Да іх ліку належаць і матэрыялы нацыянальнай калекцыі «Александрыйскіх мікрафільмаў», вядомыя спецыялістам-гісторыкам, грамадскасці дзякуючы навуковым пошукам беларускіх даследчыкаў [1].

На сённяшні дзень у фондах Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь захоўваюцца 286 мікрафільмаў графейных нямецкіх

дакументаў (*па падліках аўтара–С.К.*). Да апошняга часу гэта калекцыя не была аб’ектам спецыяльнага даследавання, хаця вядома, што яе камплектацыя ў нашай краіне пачалася ў 1970-я гады.

Адзначым, што доўгі час першымі навуковымі працамі ў айчыннай гістарыяграфіі, у якіх упершыню звярталіся да «Александрыйскіх мікрафільмаў» як да дакументальнай першакрыніцы, з’яўляліся працы С.У.Жумара. Менавіта ён увёў у навуковы ўжытак тэрмін «Александрыйскія мікрафільмы». Даследчык, выкарыстоўваючы арыгінальныя дакументы калекцыі, паказаў механізм нямецка-фашысцкай прапаганды на акупаваных тэрыторыях, па-новаму падышоў да ацэнкі дзейнасці грамадскіх беларускіх арганізацый, ваенных структур [3].

Гістарычным рубяжом, калі айчыннымі гісторыкамі актывізавалася вывучэнне менавіта нацыянальнай калекцыі «Александрыйскіх мікрафільмаў», можна лічыць 2000 год. Першымі спецыяльнымі даследамі па рознабаковым вывучэнні дадзенай першакрыніцы з’яўляліся публікацыі кафедры гісторыі і беларусазнаўства Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта, у якіх «Александрыйскія мікрафільмы» разглядаліся ў якасці арыгінальнай гістарычнай, навуковай і археаграфічнай крыніцы. У 2000 годзе кафедрай была выканана дзяржбюджэтная тэма з мэтай навуковай і археаграфічнай распрацоўкі матэрыялаў нацыянальнай калекцыі. На аснове выяўленых, сабраных, апрацаваных мікрафільмаў выканаўцы распрацавалі навукова-гістарычную характарыстыку матэрыялаў першакрыніцы і правялі колькасны падлік усіх дакументальных адбіткаў, выявілі асноўныя і дублікатныя мікрафільмы, зрабілі першасную тэматычную сістэматызацыю дакументаў, паспрабавалі апрацаваць асобныя стужкі з калекцыі «Александрыйскіх мікрафільмаў» [5].

Больш таго, іх вывучэнне прывяло даследчыкаў да высновы аб існаванні ў нашай краіне ўласнай нацыянальнай калекцыі «Александрыйскіх мікрафільмаў». Менавіта тады пачынаецца комплексны навуковы аналіз дакументаў і матэрыялаў з асобных мікрафільмаў дадзенай калекцыі [2].

У 1999 годзе ўбачыў свет зборнік дакументаў па гісторыі Мінскага гета «Judenfrei! Свободно от евреев». У ім аўтар-укладальнік Р.А.Чарнаглазава выкарыстоўвае матэрыялы з «Александрыйскіх мікрафільмаў», сярод якіх: нямецкія нарматыўныя акты, перапіска, аб’явы, зводкі паліцыі і службы бяспекі і СД і інш. (*усяго 27 дакументаў – С.К.*). Заўважым, што аўтар не ставіла перад сабой спецыяльнай задачы па навуковым аналізе згаданых дакумен-

таў калекцыі, а толькі пошук іх у якасці дакументальных першакрыніц для даследавання гісторыі яўрэйскага гета ў Мінску [4].

Між тым, нельга не звярнуць увагу чытача на асобныя факты, якія сведчаць аб выкарыстоўванні айчыннымі гісторыкамі матэрыялаў калекцыі як крыніц па гісторыі акупацыі Беларусі 1941–1944 г. Прыкладам гэтага могуць служыць гістарычна-дакументальныя хронікі «Памяць» раёнаў і гарадоў Беларусі, даследаванні А.Літвіна «Акупацыя Беларусі (1941–1944): пытанні супраціву і калабарацыі», навуковы дослед К.Козака «Оккупационный режим в Беларуси в период Великой Отечественной войны (1941–1944): Источниковедческий обзор». Але, нягледзячы на станоўчыя факты з’яўлення такіх прац, іх важкасці ў вывучэнні праблем акупацыі Беларусі ў часы Вялікай Айчыннай вайны, неабходна адзначыць, што ў іх практычна адсутнічаюць крыніцазнаўчая характарыстыка дакументальных комплексаў нацыянальнай калекцыі «Александрыйскіх мікрафільмаў», іх аналіз [8].

Найбольш значнай для нашага даследавання працай з’яўляецца, на наш погляд, манаграфічнае даследаванне С.Новікава «Эканамічная палітыка нацысцкай Германіі ў Беларусі 1941–1944 г. (агляд крыніц і германскай гістарыяграфіі 1990-х гадоў)». Яе аўтар упершыню вызначае калекцыю «Александрыйскіх мікрафільмаў» як крыніцу «сфатаграфаваных» нямецкамоўных дакументаў і разглядае іх у якасці «зыходных матэрыялаў для аб’ектыўнага, аргументаванага і адэкватнага гістарычнага доследу пытанняў гісторыі акупацыі Беларусі 1941–1944». Да ўсяго аўтар уводзіць у навуковы зварот і іншыя назвы мікрафільмаў – «патсдамскія» і «фрайбургскія», калекцыі якіх сёння захоўваюцца ў фондах Федэральнага ваеннага архіва ў Фрайбургу і Федэральнага архіва ў Берліне. Праца ў згаданых архіўных установах з часткай мікрафільмаў знайшла адлюстраванне ў выданні навуковага даследавання, якое дае магчымасць для больш грунтоўнага вывучэння як калекцыі, так і пытанняў эканамічнай палітыкі Германіі ў дачыненні да акупаванай тэрыторыі Беларусі [7].

Асобную групу складаюць працы замежных навукоўцаў, у якіх на падставе арыгінальных дакументаў, у тым ліку і «Александрыйскіх мікрафільмаў», разглядаюцца праблемы акупацыйнай гісторыі Беларусі.

Знакавай з’явай аказалася выданне ў 1993 годзе кнігі Ю.Туронка «Беларусь пад нямецкай акупацыяй», якая напісана на аснове яго доктарскай манаграфіі. Не прэтэндуючы на асвятленне ўсёй гісторыі акупацыі Беларусі, аўтар, выкарыстоўваючы калек-

цью мікрафільмаў, стараецца перш за ўсё знайсці дакументальныя пацвярджэнні падзейных дэталяў і на іх падставе сфармуляваць асабістыя высновы. Адзначым, што амаль 27 % спасылкаў (падлікі аўтара. – С.К.) у вышэйзгаданай кніжцы аўтар робіць менавіта на «Александрыйскія мікрафільмы», поўная калекцыя якіх знаходзіцца ў Архіве новых актаў у Варшаве [8].

Нельга абысці, на наш погляд, даследаванне з Х.Герлаха «Скалькулькаваныя забойствы. Нямецкая эканамічная палітыка і палітыка вынішчэння ў Беларусі 1941–1944». Манаграфія лічыцца першым у замежнай гістарыяграфіі комплексным даследаваннем акупацыйнай палітыкі фашысцкай Германіі на тэрыторыі Беларусі. Абапіраючыся на велізарны масіў друкаваных і дагэтуль не друкаваных крыніц з архіваў Беларусі, Расіі, Германіі, ЗША і іншых краін, у тым ліку і на «Александрыйскія мікрафільмы», юрыдычныя дакументы, мемуарную літаратуру, манаграфіі і г.д., аўтар фармулюе і пераканаўча даводзіць тэорыю аб тым, што масавае вынішчэнне людзей падчас акупацыі (яўрэяў, ваеннапалонных, партызан, іншых груп насельніцтва) было абумоўлена патрабаваннямі не толькі расавай, але і эканамічнай палітыкі Трэцяга Рэйха. Кніга ўтрымлівае дэталёвы структурны і храналагічны аналіз тэорыі і практыкі эканамічных і знішчальных мерапрыемстваў [9].

Такім чынам, толькі невялікі агляд некаторых даследаванняў, пабудаваных на калекцыі «Александрыйскіх мікрафільмаў», паказвае неабходнасць шырокага выкарыстання першакрыніцы ў асвятленні розных пытанняў ваеннай гісторыі Беларусі.

Н.М. Здасюк

г. Мінск

МУЗЕЙНОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Одной из актуальных проблем современного источниковедения является привлечение не изученных прежде источников и более эффективное использование известных. Музейные коллекции, являющиеся богатейшими собраниями исторических источников, пока не находят широкого применения в исторической науке. Исключения составляют археологические, этнографические и искусствоведческие памятники, активно используемые в науке. Основная же масса музейных предметов подвергается лишь по-

верхностному исследованию. Научный потенциал музеев далек, таким образом, от употребления на цели всестороннего научного исследования музейных коллекций. Одной из причин сложившейся ситуации послужила политика музеев в отношении научных исследований в музеях, которая неоднократно менялась.

На музейных конференциях, проводившихся с первых лет Советской власти, постоянно рассматривался вопрос о необходимости научной работы в музеях. Главной задачей считалось использование музейных собраний для развития науки и коммунистического воспитания народа [1]. На конференциях 1920-х г. высказывались различные точки зрения о научно-исследовательской работе музеев. Одни считали, что музеи должны опираться на труды соответствующих научных институтов, не занимаясь самостоятельными исследованиями. Другие говорили о необходимости всестороннего изучения своего края. Они отмечали, что «самостоятельная исследовательская работа – это надёжный путь избавить музеи от застывших форм экспозиционной работы, от выставления обычно плохо изученного материала» [2]. Последняя позиция была поддержана Наркомпросвещения, который в 1928 г. закрепил за музеями статус научных учреждений [3].

Однако уже в 1930 г. ситуация изменилась. Согласно решению I Всероссийского съезда музейных сотрудников, музеи были мобилизованы на участие в политических кампаниях. Главным критерием эффективной работы стало участие в массовой пропаганде. Сбор, сохранение, изучение памятников истории и культуры были отодвинуты на второй план. В музеях закрывались научные отделы, были уволены многие представители «старой школы». Искажение специфики музея привело к снижению интереса к музею как хранилищу памяти и навязыванию музею функции примитивной наглядной агитации. Эта тенденция сохранилась и в послевоенные годы. Главной функцией музеев было документирование и пропаганда успехов социалистического строительства.

Несмотря на сложные условия, музейная мысль продолжала работать над выявлением специфики музея. Создание в 1960-е г. серии «Очерков истории музейного дела» способствовало теоретическому осмыслению социальных функций музея. Авторы подняли вопрос о необходимости возрождения научной деятельности в музее. А.Б.Закс в своих очерках об истории Государственного исторического музея критически относился к перегибам в пропагандистской деятельности музеев в 1930-е г., считал основ-

ной базой научно-исследовательской работы музеев исторические памятники [4]. О музейном предмете-подлиннике как первоисточнике знаний и эмоций говорит и научный руководитель серии А.М.Разгон. Он впервые ставит вопрос о необходимости развития музейного источниковедения. По его мнению, «традиционное представление о вещественных источниках как исследовательской базе только дописьменных исторических периодов окончательно устарело, хотя фактически все ещё оказывает свое влияние на исследовательскую практику, особенно когда речь идет о хронологически близких к ним периодах» [5]. Но в целом музеи по-прежнему оставались учреждениями, имеющими жесткие установки на культпросвет.

Необходимость кардинального пересмысления роли музея обозначилась в период перестройки. На музейных конференциях все чаще стал подниматься вопрос о причинах кризиса в музейной деятельности, путях выхода из него, о социальных функциях музея. По мнению большинства исследователей, одной из причин кризисного положения является отторжение музеев от научной деятельности. При этом среди прочих направлений научной работы музеев приоритет должен отдаваться изучению музейных коллекций [6].

Очевидно, что для гармоничного развития музеев проведение научных исследований, в первую очередь музейных коллекций, необходимо. Без должного исследования, всестороннего раскрытия семантики, определения места и роли как памятников истории и культуры, они так и останутся безликими единицами хранения, не способными обогатить ни новые труды в области профильных наук, ни музейные экспозиции.

А.А. Буглак

г. Минск

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫЧЕСТВА, ВЫЗВАННЫЕ ПОПУЛЯРИЗАЦИЕЙ «ВЕЛЕСОВОЙ КНИГИ»

В силу ряда известных причин проблемы изучения дохристианской культуры и религии наших предков стали особенно актуальными в исторической науке последних 10 – 15 лет.

В Беларуси и особенно в России издано значительное число научных работ, касающихся вопросов славянского язычества. Вместе с тем, опубликовывалось огромное количество работ, не только не имеющих научной ценности, но вредных для науки. Они ставили своей целью «...кардинально изменить отношение к истории славянства в целом и русского народа в частности, пересмотреть их роль в контексте развития мировых цивилизаций» [1, с.54].

Легко объяснимо желание определённых политизированных кругов изобразить «славянскую языческую религию не менее развитой и продвинутой к монотеизму, чем христианство, но что делать, это неисторично...» [2, с.17].

Аналогичная ситуация наблюдается и при исследовании Internet-ресурсов. Лишь мизерный процент информации в сети, касающейся славянского язычества, можно отнести к действительно научной.

Самым известным из авторов, пропагандирующих явно завышенную оценку восточнославянской языческой религиозной системы, является А.И. Асов (Бус Крэсень). Источником для его реконструкций служит главным образом небезызвестная «Велесова книга», названная одной «из самых сенсационных подделок последних десятилетий, будоражащая воображение неискушенных читателей вплоть до сегодняшних дней» [3, с.6].

Этот якобы древнейший источник по славянской истории и религии неоднократно уже рассматривался в историографии второй половины XX века.

На основании анализа графики, палеографии, орфографии текста Л.П. Жуковская ещё в 1960 г. сделала заключение, что этот текст не мог быть создан в период от 650 г. до н.э. до 9 в. н.э. [4, с.142-144].

В.И. Буганов, Л.П. Жуковская и Б.А. Рыбаков в журнале «Вопросы истории» (1977, № 6), а потом Л.П. Жуковская и П.Н. Филин в «Русской речи» (1980, № 4) выступили с резкими опровержениями появившихся в печати популярных статей, отстаивавших подлинность «древнего документа».

Наиболее основательной критике «Велесова книга» подверглась со стороны известного историка О.В. Творогова, работа которого «Когда была написана «Велесова книга?»» с прилагающимися текстами и фотоснимком одной дощечки окончательно доказала несостоятельность «Велесовой книги» как подлинного исторического источника [5, с.144 – 195].

В 1999 г. «Велесову книгу» раскритиковал И.Н. Данилевский, который включил в свою монографию «Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII в.)» научную статью «Попытки «улучшить» прошлое: «Велесова книга» и псевдоистории» [6, с.314-326].

Однако с разоблачением фальсификации проблема не только не разрешилась, но, наоборот, стала ещё более острой.

Проигнорировав профессиональную критику или обвинив учёных в сознательном замалчивании «сенсационного открытия», А.И. Асов и его многочисленные последователи продолжали и продолжают издавать собственные «труды», работы Ю. Миролубова (возможного фальсификатора), тексты «Велесовой книги» и т.п., причём тиражами, значительно превосходящими тиражи научных изданий [7].

Ситуация осложняется тем, что «Русские веды» Асова и «Велесова книга» настолько укрепили свои позиции, что их всё чаще начинают использовать в достаточно серьёзных изданиях, некоторые из которых даже рецензируются докторами философских и исторических наук и рекомендуются в качестве учебника для средних школ и вузов [8].

Поддались заблуждению, оказавшись в плену скандальной фальсификации, и белорусские исследователи. Можно встретить ссылки на «Русские веды» в работах известного в Беларуси мифолога доктора филологических наук Т.И. Шамякиной [9, с.127 – 132 и др.].

Главным источником «Велесова книга» стала для кандидата философских наук, профессора ГКИ А.В. Хмары [1, с.53 – 55].

Но в то время как А.В. Хмара использует фальсификацию скорее всего осознанно (оправдывая свои политические притязания таким же образом, как это делают российские национал-фашисты), Т.И. Шамякина, вероятно, допустила ошибки случайно, показав этим неудовлетворительное для мифолога знание источников. Однако надо констатировать, что в заблуждение впасть достаточно легко, если специально не заниматься изучением исторических источников и соответствующей источниковедческой литературы.

Таким образом, влияние популярных изданий на состояние исторической науки в определённых сферах вызывает сильные опасения. Специалисты должны более энергично реагировать на «антинаучные» работы, чтобы впоследствии не приумножить своей пассивностью ошибки и заблуждения уже в научных публикациях.

**МАСКОЎСКА-ЛІТОЎСКІЯ ЎЗАЕМААДНОСІНЫ
другой паловы XV- першай трэці XVI ст.
У ПОЛЬСКІХ ХРОНІКАХ БЕРНАРДА ВАПОЎСКАГА
І МАРЦІНА БЕЛЬСКАГА**

Другая палова XV – першая трэць XVI ст. – важны перыяд у гісторыі міжнародных адносін ва Усходняй Еўропе. Гэта час, калі ў рэгіёне кардынальным чынам змянілася геапалітычная сітуацыя. Вялікае княства Літоўскае за некалькі дзесяцігоддзяў страціла тут сваю гегемонію і ўплыў, пачало саступаць пазіцыі. Пасля 1449 г. ВКЛ ужо не набывае тэрыторый на ўсходзе, а імкнецца захаваць status-quo па факту заключэння з Масквой дамовы ад 31.08. 1449 г., якую можна назваць дакументам аб падзеле сферы ўплываў на Русі [2, с. 251 – 254]. Маскоўская ж дзяржава ідзе па шляху свайго пашырэння і імкнецца ўсяляк парушыць становішча. Па смерці караля і вялікага князя літоўскага Казіміра ў 1492 г. выбухнула серыя маскоўска-літоўскіх войнаў, якія цягнуліся з перапынкамі да 1537 г., калі зноў – да пачатку Лівонскай вайны – у рэгіёне ствараецца некаторы баланс сілаў. У выніку саперніцтва паміж Масквой і Вільняй у гэты перыяд апошняя адышла на другі план, заняла пасіўную ролю ў справе збірання ўсходнеславянскіх зямель, а Маскоўская дзяржава гучна заявіла аб сваіх прэтэнзіях на ролю лідэра ва ўсходнеславянскім свеце.

Аўтары разглядаемых хронік – Бернард Вапоўскі (каля 1450–1575) і Марцін Бельскі (каля 1495–1575) з’яўляліся сучаснікамі падзей. Таму ўзрастае важнасць пададзеных у іх звестак, тым больш, што ўзаемаадносін ВКЛ і Маскоўскай дзяржавы ў іх падаюцца на фоне міжнародных адносін ва Усходняй Еўропе.

Бернард Вапоўскі, з’яўляючыся сакратаром Жыгімонта Старога, стаў першым афіцыйным польскім гістарыёграфам [10, с. 544]. Яго галоўны твор «Dzieje Korony Polskiej i WKSŁ» ахоплівае перыяд з 1386 па 1535 г. і быў выдадзены на польскай мове ў XIX ст. Мікалаем Маліноўскім (I – III тамы; астатняя частка на лаціне І.Шуйскім у зб. «Scriptores rerum polonicarum. T. II») [4; 3]. У сваёй працы аўтар абапіраўся ў асноўным на дадзеныя Яна Длугаша, Мацея Мяхоўскага і Эмэрыка Венгра [10, с. 545]. Частка, якая ахоплівае перыяд да 1480 г., атрымала назву «длугашавай», г.зн. кампіляцыі адпаведнай часткі хронікі Длугаша. Такая з’ява была характэрна для многіх сярэднявечных хронік. Аднак нельга казаць аб поўнай кампіляцыі хоць бы таму, што гэтыя творы піса-

ліся ў розных гістарычных умовах. Калі ў часы Длугаша (1415–1480) асноўная небяспека зыходзіла з захаду ад крыжакоў, то ў часы Вапоўскага і Бельскага – з усходу ад Маскоўскай дзяржавы і з поўдня – ад Крымскага ханства. Менавіта таму ў Вапоўскага зменены ацэнкі адпаведнай па часе часткі хронікі. Акрамя таго, некаторыя звесткі ён браў з прускіх хронік і актавых дакументаў [7, с. 65]. З ацэнкі пагрозы з усходу зыходзіць у яго і неабходнасць яднання ВКЛ і Кароны праз унію. На думку аўтара, яна была заключана «да вялікай радасці і весялосці польскага і літоўскага народаў» [цыт. па: 7, с. 65]. Аднак Вялікаму княству Літоўскаму і яго знешнім праблемам Вапоўскі надае менш увагі, чым гісторыі Польшчы, асабліва ў II і III частках хронікі. Больш падрабязныя звесткі з’яўляюцца пры апісанні падзей з канца XV ст., калі маскоўска-літоўскія адносіны, наогул, набываюць большую напружанасць. Лічачы Вялікае княства Літоўскае часткай Кароны Польскай, Вапоўскі ўвесь час вядзе да думкі, што інтарэсы Польшчы важней. Напрыклад, ён часта шкадуе аб тым, што Казімір накіроўваецца ў ВКЛ і «бавіць» там час [4, с. 147]. Больш увагі ў творы надаецца ўсё ж прускім, венгерскім і дынастычным справам Польскага Каралеўства. Такім чынам, аўтар выступае з пазіцыі дзяржаўных інтарэсаў Польшчы. Са зместу хронікі вынікае, што Казімір больш часу надае Кароне, чым Вялікаму Княству. Магчыма, таму і былі прагледжаны такія сур’ёзныя змены ў сітуацыі на ўсходняй мяжы.

З 1510 па 1515 г. Бернард Вапоўскі знаходзіўся пераважна ў Рыме, дзе разам з каронным канцлерам Янам Ласкім выдаў збор пахвальных песень у гонар Аршанскай перамогі 1514 г. над маскоўскім войскам [Lukas S. Rozbiut podlugoszowej czkńci Kroniki Bernarda Warowskiego. – Krakow, 1880. – S. 13/ Цыт. па: 7, с.65]. Аршанская бітва падрабязна апісана і ў апошняй частцы яго хронікі [3, s. 121 – 122].

Твор Бернарда Вапоўскага ўсё ж можна назваць хронікай. Ён падобны да больш позніх гістарычных прац. Пагадовыя запісы, характэрныя для летапісаў і хронік, тут усё больш замяняюцца сюжэтна-тэматычнай падачай матэрыялу. Праца гісторыка разглядалася ім не толькі як навуковая дзейнасць, а як грамадска-гістарычная місія [7, с. 66].

Акрамя таго, Б.Вапоўскі быў аўтарам карты «Паўднёвая Сарматыя» (1: 2 900 000; 60x42 см), на якой былі адлюстраваныя Паўднёвая і Цэнтральная Польшча, Венгрыя, Паўночная частка Балканскага паўвострава, Паўднёвая Беларусь, Крымскае ханства і частка зямель Вялікага княства Маскоўскага. На тэрыторыі су-

часнай Беларусі тут былі абазначаны: Бабруйск, Глуск, Гомель, Лоева гара, Мазыр, Рэчыца, Свіслач і інш. Бачна густая сетка рэк: сярэдняе і ніжняе цячэнне Дняпра, Беразіна са Свіслаччу, Прыпяць з прытокамі Цецераў, Нёман паказаны як возера, якое пачынаецца з балоцістых мясцін. Другая група рэк: Ляная, Мухавец, Нараў і Ясельда, паводле карты, выцякаюць з багністага возера. Прысутнічае тут і гістарычная інфармацыя ў выглядзе мініяцюрных малюнкаў. Напрыклад, ніжэй Гомеля на ўсходнім беразе Дняпра ў малюнках і з адпаведным подпісам адлюстравана Аршанская бітва [8, с. 219].

«Хроніка ўсяго свету» Марціна Бельскага ў значнай ступені абапіралася на дадзеныя Б. Вапоўскага, Мацея Мяхоўскага, а таксама Дэцыя [10, с. 43]. Бельскі першым пачаў пісаць гістарычныя творы не на лаціне, а па-польску. У сваім творы ён упершыню знаёміць чытача Кароны і ВКЛ з сусветнай гісторыяй і геаграфіяй. Аплаціў і натхніў яго працу Жыгімонт Аўгуст.

У III выданні яго хронікі з'явілася IX кніга, якая была названа «Аб маскоўскім альбо рускім народзе. Аб пасольстве Васіля да Папы рымскага. Аб Літве. Аб Ліўлянцкай зямлі. Аб татарых». Амаль увесь гэты раздзел – кампіляцыя з розных хронік, пераважна з «Запісак аб Масковіі» Жыгімонта Герберштэйна [1, с. 185 – 192], геаграфічная частка – з «Трактата аб дзвюх Сарматыях» М. Мяхоўскага [7, с. 84]. Хоць яўныя камплектыўныя моманты тут прысутнічаюць, аднак, пры апісанні многіх падзей аўтар звяртаўся да ўласных назіранняў. Да ўласных належаць яго назіранні на конт бітвы пад Сокалам (1519 г.), пад Мохачам (1526 г.) [9, с. 9].

Як для Вапоўскага, так і для Бельскага характэрна ўвага да дробязяў, гістарычных анекдотаў і паданняў, часам ва ўрон гістарычным фактам. Так, у Вапоўскага ёсць звесткі аб тым, што жанчына нарадзіла 7 дзяцей, што нявіннаму чалавеку палач вострай сякерай не мог адрубіць галаву і г.д. [4, с. 157, 158, 159]. У Бельскага з'яўляецца легенда аб тым, што палякі пачалі галіцца пасля няўдалай валашскай выправы 1496 г., калі валахі палонных вешалі за бароды [6, с. 897(907)], аб тым, што ў 1518 г. на беразе Дзвіны з'явіўся св. каралевіч Казімір і паказаў брод польскім войскам, дзякуючы чаму яны разбілі маскоўскія [5, с. 1001 – 1003], і г.д. Наогул, маскоўска-літоўскія адносіны ў абедзвюх хроніках выступаюць як польска-маскоўскія. У абедзвюх частках часта ўзгадваецца аб набегам крымскіх татараў на польскія «рускія» землі (Валынь і Падолле). У Аршанскай бітве Бельскі вялікую ролю надае польскім войскам [5, с. 971]. Як і ў Вапоўскага, падзеі падаюцца з пазіцыі «рацыі стану» Польшчы. Бельскі адзначае,

што пасля Аршанскай перамогі польска-літоўскія войскі доўга бавілі час, не выкарысталі фактар нечаканасці і таму не змаглі вярнуць Смаленск (прасочваецца аналогія з Грунвальдскай бітвай). «І як часта здараецца, не змаглі выкарыстаць вынік сваёй перамогі», – піша аўтар [5, с. 977]. Наогул, бачны адкрыты дакор шляхце, якой «лягчэй пусціць энергію на любую іншую справу, чым на карысць Бацькаўшчыне» [5, с. 990].

У хроніцы даволі падрабязна апісаны падзеі маскоўска-літоўскіх войнаў, крымскія напады, дыпламатычныя перамовы, выступ Міхала Глінскага і г.д.

Аднак дагэтуль не устаноўлена аўтарства часткі хронікі, прысвечанай гісторыі Польшчы і ВКЛ. У 1575 г. сын Марціна Іахім выдаў асобна 8 частку выдання (1564 г.) «Хронікі свету» пад назвай «Хроніка Польская Марціна Бельскага», часткова перарабіўшы, пашырыўшы твор бацькі і давёўшы падзеі да 1586 г. [7, с. 86; 10, с. 42, 43]. Таму цяжка казаць, чые ацэнкі выказаныя ў тэксце: бацькі ці сына. Калі твор бацькі прасякнуты рыцарскім і пратэстанцкім духам, то ў сына гучаць шляхецкія матывы [10, с. 42]. Хоць нічога новага для гісторыі ВКЛ твор І.Бельскага не даў, аднак, аўтар выкарыстаў больш шырокае кола крыніц. Пераважаюць у яго дадзеныя Кромэра (да моманту апісання смерці Аляксандра Казіміравіча), Дэцыя (паводле яго апісана Аршанская бітва) [7, с. 88]. Хоць аўтар меў доступ да дакументаў кароннай і вялікакняжацкай канцылярыі, з’яўляючыся сакратаром Жыгімонта Вазы, але ў сваёй працы іх амаль не выкарыстоўваў.

Такім чынам, хронікі Б.Вапоўскага і М.Бельскага, нягледзячы на пэўныя недахопы, маюць каштоўнасць як крыніцы і адначасова як гістарычныя творы. Яны даюць пэўную інфармацыю для вывучэння гісторыі маскоўска-літоўскіх узаемаадносін у другой паловы XV– першай трэці XVI ст.

І.Р. Кулевiч

г.Гродна

УТВАРЭННЕ БЕЛАРУСКАГА ВОЙСКА: ГІСТАРЫЯ ГРАФІЯ ПРАБЛЕМЫ

Беларускі нацыянальны рух першай чвэрці XX ст. быў неад’емна звязаны з фарміраваннем беларускага войска. Гэты працэс адбываўся па розных напрамках, у залежнасці ад ваеннай сітуацыі на Беларусі і палітычнай кан’юнктуры дзяржаў Антанты, Польшчы і Расіі.

Першымі працамі па гэтым пытанні, якія адначасова з'яўляюцца крыніцамі, былі сведчанні ўдзельнікаў тагачасных падзей: успаміны Х. Данілюка, Фр. Кушала, А. Луцкевіча, А. Цвікевіча, Ул. Пракулевіча [1]. Утварэнне войска падаецца імі з нацыянальна-патрыятычных пазіцый у кантэксце фарміравання беларускай дзяржаўнасці, як жаданне беларускага народа мець сродак барацьбы за сваю незалежнасць.

У савецкай літаратуры пытанне стварэння беларускага войска разглядалася ў кантэксце барацьбы камуністычнай партыі супраць контррэвалюцыі, таму асобныя аспекты гэтага пытання закранаюцца ў працах па гісторыі кампартыі Беларусі і БССР, перш за ўсё М. Какурына, А. Сідарэнкі, М. Шкляра, У. Казлова, П. Мурашкі, А. Зюзькова, С. Ісачанкі, І. Майданава [2].

Пасля перабудовы стала магчымым больш грунтоўнае вывучэнне праблем, звязаных з беларускім нацыянальным рухам. Пытанне аб беларускім войске закранаецца ў абагульняючых працах пра станаўленне беларускай дзяржаўнасці гісторыкаў І. Ігнаценкі, М. Сташкевіча, Р. Платонава, У. Круталевіча [3]. Аўтары прыходзяць да высновы, што спробы стварыць беларускае войска рабілі неаднойчы: спачатку беларусы-вайскоўцы ў ходзе рэвалюцыйных падзей 1917 г., а потым беларускія дзеячы паланафільскага кірунку падчас польска-савецкай вайны. Больш падрабязна гэтыя акалічнасці разглядаюцца ў даследаванні У. Ладысева і П. Брыгадзіна [4]. А ў манаграфіі С. Рудовіча акцэнтуюцца ўвага на дзейнасці ваенных камітэтаў Заходняга фронту [5].

Асобнае кола прац прысвечана вайскавай і арганізатарскай дзейнасці генерала С. Булак-Балаховіча [6]. Трактоўка Слуцкага паўстання пазбавілася аднабаковасці. Калі раней, напрыклад, А. Грыцкевіч характарызаваў яго як контррэвалюцыйны мяцеж, то зараз называе збройным чынам [7]. А даследчыца Н. Стужынская, параўноўваючы паўстанне на Слуцчыне з аналагічным Антонаўскім мяцежам на Тамбоўшчыне, галоўнай прычынай яго ўзнікнення лічыць супярэчнасці палітыкі «ваеннага камунізму» і называе сялянскай вайной [8].

У іншым сваім артыкуле Н. Стужынская дыскутуе з І. Барысавым наконт вайскавай арганізацыі «Зялёны дуб» [9]. Яна не пагаджаецца з пазіцыяй аўтара, лічыць неправамерным ужываць іранічна-здэклівы тон і называць арганізацыю тыпова бандыцкай. Н. Стужынская заклікае больш крытычна і асцярожна ставіцца да крыніц з архіваў КДБ з прычыны іх асаблівай спецыфікі.

Даследчык М. Гудаў, займаючыся вывучэннем антыбальшавіцкай барацьбы на Беларусі ў 1921 г., прыходзіць да высновы,

што прычыны паражэння апазіцыі заключаліся не ў палітычнай, а ў сацыяльна-эканамічнай сферы [10]. Пытанні гісторыі вайсковай справы на Беларусі даследавалі Р. Паўловіч [11], А. Літвін і Я. Паўлаў [12], В. Савіцкі [13].

У апошнія гады стала магчымым выданне прац гісторыкаў беларускай эміграцыі, якія адмоўна ставіліся да Савецкай улады. З гэтых пазіцый Ю. Віцьбіч асвятляе антыбальшавіцкую партызанскую барацьбу [14], а Ю. Весялкоўскі, разглядаючы беларускі нацыянальны рух падчас першай сусветнай вайны, закранае пытанні Слуцкага паўстання, характарызуе постаці С. Булак-Балаховіча і Б. Савінкава [15].

Пытанні гісторыі беларускай дзяржаўнасці займаюцца і польскія гісторыкі. Вайсковую справу яны разглядаюць у рэчышчы ўсходняй палітыкі Польшчы адносна Беларусі, узаемаадносін польскага ўрада і прадстаўнікоў паланафільскага крыла беларускага нацыянальнага руху. Так, А. Латышонак у адным з сваіх артыкулаў даследуе арганізацыю беларускіх ваенных аддзелаў у кантэксте перамоў А. Луцкевіча з Ю. Пілсудскім [16], а К. Гамулка характарызуе вайсковыя адзінкі, узначаленыя С. Булак-Балаховічам [17].

Для польскай гістарыяграфіі характэрна суб'ектыўнасць пры разглядзе падзей, звязаных са злочынаствамі польскіх войскаў і злоўжываннямі акупацыйнай адміністрацыі на Беларусі падчас польска-савецкай вайны. Так, напрыклад, Е. Мілеўскі хоць і адзначае, што найбольш жорсткія адносіны былі да руска- і беларускамоўнага насельніцтва, але ўвогуле зводзіць гэта пытанне да яўрэйскіх пагромаў [18].

Гісторыкі З. Карпус і В. Рэзмер даследуюць Слуцкае паўстанне на падставе польскіх вайсковых матэрыялаў, што дазваляе найбольш дакладна вызначыць колькасны склад яго ўдзельнікаў [19].

У якасці самага поўнага і аб'ектыўнага даследавання пытанняў беларускага войска хочацца адзначыць манаграфію А. Латышонка [20]. Аўтар выкарыстоўвае багаты архіўны матэрыял, спасылаецца на беларускую гістарыяграфію, праблему разглядае ў сувязі з характарыстыкай беларускага нацыянальнага руху. Геаграфію дзейнасці беларускіх вайскоўцаў даследчык не абмяжоўвае рамкамі Беларусі, а пашырае за яе межы, у прыватнасці, на Украіну [21].

Такім чынам, фарміраванне беларускага войска праходзіла ў складаных умовах, залежала ад ваенна-палітычнай сітуацыі ў Еўропе. У гістарыяграфіі гэтага пытання можна вылучыць тры блокі даследаванняў: савецкага часу, беларускую сучасную і польскую гістарычную літаратуру.

ПЫТАННЕ АБВЯШЧЭННЯ БНР У СУЧАСНАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

Пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 г. у беларускага народа з'явілася магчымасць рэалізаваць ідэю беларускай дзяржаўнасці. Але частыя змены акупацый, разгон Усебеларускага з'езда, перамовы ў Брэсце мала гэтаму спрыялі. Нягледзячы на цяжкасці, беларускія дзеячы выкарыстоўвалі ўсе магчымасці для дасягнення сваёй мэты.

Сучасная літаратура, у адрозненне ад гістарыяграфіі савецкага перыяду, мае шэраг станоўчых асаблівасцей, сярод якіх аб'ектыўнасць, стрыманасць у ацэнках, больш глыбокі аналіз. У асяроддзі даследчыкаў М. Сташкевіча, Р. Платонава, І. Ігнаценкі, А. Сідарэвіча, В. Круталевіча, У. Ладысева, П. Брыгадзіна, Ю. Весялкоўскага, М. Біча, В. Мазеца, Я. Юхо, Н. Глушакавай, А. Багдановіч, Т. Паўлавай разгляд тэмы адбываецца праз прызму станаўлення беларускай дзяржаўнасці. Для гэтага працэсу была характэрна апора на акупантаў. Вось чаму абвяшчэнне БНР падчас нямецкай акупацыі дало нагоду называць яе марыянетачнай дзяржавай у руках Германіі.

З гэтай думкай не пагаджаецца вядомы беларускі гісторык М. Сташкевіч. У якасці доказу сваёй высновы ён прыводзіць той факт, што БНР не мела сваіх органаў улады на месцах, не мела войска, не былі вызначаны яе тэрыторыя і межы, не было правамоцнай адказнасці яе дзяржаўных органаў. Даследчык кажа, што БНР была не дзяржавай, а ідэяй дзяржаўнасці [1].

Як справядліва адзначае аўтар разам з Р. Платонавым, у гісторыі станаўлення беларускай нацыянальнай дзяржаўнасці, нягледзячы на вызваленне ад цензуры, больш шырокі доступ да архіўных крыніц, шмат «белых плямаў». Абагульняючы вопыт вывучэння дадзенага пытання даследчыкі паспрабавалі сінтэзаваць з пункту гледжання на праблему:

- па-першае, абвяшчэнне БНР – гэта спроба самавызначэння беларускага народа на падставе буржуазнай дзяржаўнасці, і з такіх пазіцый гэта не што іншае, як проціпастаўленне сацыялістычнаму выбару;

- па-другое, Рада БНР і яе ўрад – гэта дзяржаўныя ўстановы незалежнай самастойнай краіны, а БССР, у сваю чаргу, была прынесена на штыках бальшавікоў;

- па-трэцяе, прыхільнікі кампрамісу прапануюць разглядаць БНР і БССР як з'яўлены адзінага працэсу дасягнення дзяржаўнасці, прычым да БНР трэба падыходзіць як да пачатковага, а да БССР – як да завяршальнага этапу [2].

Гэту тэму працягвае беларускі даследчык І. Ігнаценка. У сваіх працах ён надае шмат увагі выканаўчаму органу БНР – Радзе, звяртаючы асаблівую ўвагу на яе ўтварэнне (дакладней, пераўтварэнне з выканкома Савета Усебеларускага з'езду), станаўленне і раскол. Дзейнасць урада БНР І. Ігнаценка падзяляе на два адрэзкі. Краевугольнай ён лічыць дату 25 красавіка 1918 г., калі з-за ўдзячнай тэлеграмы кайзеру Вільгельму адбыўся раскол і ў Радзе, і ў шэрагах БСГ [3]. Аўтар, параўноўваючы БНР і БССР, упэўнены, што гэта былі два процілеглыя кірункі развіцця працэсу ўтварэння беларускай дзяржавы, прычым для першага ўласціва апора на акупантаў, а для другога вызначальным фактарам з'яўляўся беларускі народ [4].

А. Сідарэвіч катэгарычна адхіляе гэтую думку. Акт 25 сакавіка 1918 г. ён называе пратэстам беларускіх нацыянальных лідэраў супраць Брэсцкага дагавору. Гэта свайго роду адказ на здрадніцтва з боку Расіі, а пераарыентацыя ў знешняй палітыцы на Германію – помста і пошук новых магчымых шляхоў да незалежнасці [5].

В. Круталевіч разглядае ўзаемаадносіны Беларусі і Германіі ў святле патрэбаў нямецкага ўрада падчас акупацыі. Германскі ўрад, на думку даследчыка, разглядаў ваенныя, палітычныя і эканамічныя аспекты сітуацыі з пазіцыі неабходнасці ўмацавання акупацыйнага рэжыму, максімальнага выцягнення на фінішы сусветнай вайны сыравінных і харчовых рэсурсаў з Беларусі. Прытрымліваючыся сваіх ваенна-палітычных мэтаў, манархічная Германія не прызнавала якую-небудзь паралельную ўладу. У яе планы не ўваходзіла прызнанне беларускай дзяржаўнасці нават у выглядзе структуры, падпарадкаванай акупацыйнай адміністрацыі. Заява кіраўніцтва БНР аб гатоўнасці ісці ў русле германскай палітыкі не дала станоўчых вынікаў, нават пасля расколу ў Радзе. Доказам з'яўляецца факт заключэння Брэсцкага дагавору, па якому планавалася расчлененне Беларусі [6].

Аўтар, палемізуючы з гісторыкам А. Калубовічам [7], бачыць своеасаблівасць, парадаксальнасць сітуацыі ў тым, што незалежная суверэнная БНР была абвешчана на тэрыторыі, дзе ўся паўната ўлады належала нямецкай акупацыйнай адміністрацыі. Звычайна поспех вызваленчага руху завяршае і замацоўвае ўтварэнне нацыянальнай дзяржавы. У дадзеным выпадку ўсё было інакш:

былі абвешчаны дэмакратычныя ідэі аб нацыянальнай свабодзе і дзяржаўнай самастойнасці, якія трэба было яшчэ рэалізаваць [8].

Гісторыкі У. Ладысеў і П. Брыгадзін у сваім даследаванні гэтую думку дапоўнілі і развілі. Яны прыходзяць да высновы, што, спрабуючы стварыць беларускую дзяржаўнасць ва ўмовах акупацыі, дзеячы БНР мелі толькі два шляхі: весці барацьбу з акупантамі ці з імі супрацоўнічаць. Абраўшы апошні, яны, па-першае, расчаравалі і адштурхнулі беларускі народ, па-другое, справакавалі крызіс урада і Рады БНР [9].

Даследчык Ю. Весялкоўскі гэты шлях не лічыць здрадніцкім. Удзячную тэлеграму беларускіх дзеячоў аўтар лічыць тактычным ходам, выкліканым цяжкімі абставінамі, але з дзяржаўнага пункту гледжання гэта ўсё ж крок неабдуманы. Прычыну непрызнання БНР з боку Германіі ён бачыць у спазненні з яе абвешчэннем, паколькі яшчэ 3 сакавіка быў заключаны Брэсцкі дагавор, які даваў немцам вялікую матэрыяльную карысць [10].

М. Біч разглядае гэтае пытанне ў кантэксце станаўлення беларускай дзяржаўнасці з IX ст. да 1918 г. па этапах: станаўленне, страта, барацьба за аднаўленне. Лічыць, што ідэя беларускай незалежнасці была не толькі абвешчана, але і часткова ажыццёўлена. Прыходзіць да высновы, што гэты факт з'явіўся моцным каталізатарам для ўтварэння БССР [11].

У сучаснай гістарыяграфіі абвешчэнне БНР асвятляецца з розных бакоў. Так, В. Мазец звяртае ўвагу на яе межы [12], Я. Юхо даследуе пытанне правамоцнасці Народнага Сакратарыята, створанага Выканаўчым камітэтам Рады Усебеларускага з'езда [13], В. Лебедзева адлюстроўвае сувязі БНР з Гомельшчынай [14], Н. Глушакова займаецца пошукам ролі і месца партыі эсэраў у акрэсленых падзеях [15]. А. Багдановіч сцвярджае, што з абвешчэннем БНР і яе незалежнасці ідэя нацыянальнай самабытнасці беларусаў уступіла ў плоскасць яе практычнай рэалізацыі [16].

Абвешчэнне БНР не абмяжоўвалася выключна прыняццем трох Устаўных грамаў. Разам з эканамічнымі і ваеннымі задачамі трэба было вырашыць не менш важную праблему – прызнанне рэспублікі на міжнароднай арэне. Пытанні знешнепалітычнай дзейнасці БНР адлюстраваны ў даследаваннях Т. Паўлавай [17]. У сваіх працах яна задаецца пытаннем, чаму ў Рады БНР узніклі ілюзіі адносна магчымай падтрымкі з боку Германіі. Адказваючы на іх, у якасці прычын яна высювае наступныя аргументы. Па-першае, прызнанне незалежнасці УНР, па-другое, падтрымка антыбальшавіцкага ўрада на Каўказе і Літоўскай Тарыбы. Усё гэта,

на яе думку, спараджала надзеі ў лідэраў БНР на тое, што і ў адносінах да Беларусі будзе тое самае. Даследчыца апісвае ўсе намаганні, захады заручыцца падтрымкай Германіі, але прыходзіць да агульнай высновы, што гэта палітыка не прынесла належнага плёну з-за нежадання Германіі парушаць умовы Брэсцкага дагавору, а таксама лішні раз сварыцца з Савецкай Расіяй, разглядаючы Беларусь у якасці самастойнай дзяржавы.

О.Г. Брель

г. Мозырь

ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ СХЕМЫ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

С развитием исторической науки доминирующее значение приобретает изучение методологических проблем. Непосредственно с их решением связана проблема анализа историографии. Цель работы – составление примерной схемы анализа и классификации работ по антиковедению белорусских ученых 1945-1991 г.

Первым этапом в анализе является процесс классификации изучаемых явлений. На наш взгляд, производить градацию можно по двум признакам – «внешнему» и «внутреннему».

Под «внешним» признаком мы понимаем такую смысловую организацию текста, при которой практически не происходит глубокого анализа изучаемой научной работы. Согласно ему, работы делятся на:

1) «библиографические» («регистрационные»), представляющие собой обычный список литературы по определенной теме;

2) «обзорно-библиографические» – аннотированные, систематизированные библиографические списки литературы;

3) историографические, которые делятся на:

а) работы по истории исторической мысли без критического анализа исследуемого источника, т.е. простое изложение исследователем мыслей изучаемого автора;

б) работы по истории исторической мысли, с проведением анализа излагаемых взглядов и мыслей изучаемого автора.

Для проведения подобной классификации достаточно просто прочитать изучаемое исследование. Данная градация неэффективна при малом количестве работ по определенной проблеме. Так, в белорусском антиковедении практически отсутствуют «библиографические» и «обзорно-библиографические» исследо-

вания. Совсем небольшое количество работ по пункту 3а, все остальные труды (около 90 %) мы относим к пункту 3б. Таким образом, предложенная классификация малоэффективна и не учитывает всех особенностей историографии.

Гораздо продуктивнее классификация по «внутреннему» признаку. Под «внутренним» признаком мы понимаем «содержательные» особенности исследуемых работ. Такая классификация включает в себя градацию на:

1) тематические исследования – прослеживается изучение отдельных проблем истории;

2) биографические – рассматривается деятельность отдельных ученых, их вклад в развитие науки;

3) хронологические – исследование строится путем изучения деятельности ученых и научных школ в их временной последовательности;

4) обобщающие работы – изучающие историю по отдельным странам или группам стран за определенный отрезок времени.

Необходимо отметить, что в данной классификации при необходимости можно выделить подпункты. Так, внутри тематической градации можно провести биографическую и (или) хронологическую дифференциацию, можно выделить тематические группы.

Следующим этапом анализа является изучение теоретико-методологического фундамента. Оно включает в себя отнесение к определенной методологии – использование формационного, цивилизационного, техногенного подходов и т.д. Возможно в каждом подходе выделить специализированные критерии: формационный – абсолютизация революционного насилия, отрицание инволюционного развития, игнорирование мировосприятия и духовного развития человека; цивилизационный – концентрация внимания на каждом человеке как высшей ценности, учет особенностей каждого социума; техногенный подход содержит учение о социальной эволюции путем научно-технического прогресса, но с акцентированием внимания на личности человека. После анализа методологии целесообразно указать методы, которыми пользовался ученый.

При непосредственном изучении эмпирических исследований ученого необходимо обратить внимание на следующее:

– исторический источник. Указать, какой вид источника использовался (вещественные, письменные, изобразительные, фонические), приемы извлечения информации из них;

– влияние идеологии и социально-политической борьбы на исследования ученого – установление связи ученого с определенными политическими партиями и их влияние на его взгляды, отметить субъективный фактор в наследии;

– установить связь с предшествующими учеными, исследователями, подчеркнуть преемственность или новаторство ученого.

Заключительным этапом анализа является оценка работ ученого. Здесь необходимо кратко изложить и суммировать все предшествующие пункты.

Примерная схема анализа историографии выглядит следующим образом.

1. Классификация историографии.

2. Теоретико-методологическая основа исследований ученого:

2.1. используемая методология;

2.2. используемые методы;

2.3. реализация какого принципа исторического познания происходит.

3. Изучение научных работ ученого:

3.1. использование исторических источников – их вид и приемы работы;

3.2. влияние социально-политической борьбы в обществе на взгляды ученого;

3.3. установление связи с предшествующими исследователями.

4. Оценка в целом результатов работы ученого.

Для примера классифицируем работы по антиковедению в белорусской исторической науке 1945-1991 г. Здесь целесообразно выделить тематические группы и провести внутри них хронологическую градацию по персоналиям:

– политическая борьба в древнем Риме (Лившиц Г.М., Нечай Ф.М., Ханкевич О.И.);

– раннее христианство и проблема менталитета античного человека (Лившиц Г.М., Федосик В.А., Миницкий Н.И., Евтухов И.О.);

– военное дело (Ревяко К.А.);

– переход от античности к феодализму (Горемыкина В.И.);

– философия древней Греции (Виц-Маргулис Б.Б.);

– афинская демократия (Никольская Р.А., Корзун М.С.).

Как видим, тематическая группа часто связана с именем одного ученого (стоит оговориться, что это специфика белорусского антиковедения). Поэтому целесообразно проводить именно тематическую дифференциацию, в обратном случае имя одного человека становится синонимом темы.

**БЕЛАРУСКІ КАЛАБАРАЦЫЯНІСЦКІ РУХ у 1941 – 1944 г.:
ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ПРАБЛЕМЫ**

Існуе вялікі пласт літаратуры гісторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай вайны. За пасляваенны час апублікавана значная частка дакументальнай базы, выдадзены навуковыя манаграфіі, даведнікі аб партызанскіх фарміраваннях, партыйных і камсамольскіх органах, абаронена больш за 100 кандыдацкіх і доктарскіх дысертацый, напісаны тысячы навуковых і навукова-папулярных артыкулаў. Як вынік, многія аспекты гісторыі Беларусі ваеннага часу атрымалі шырокае асвятленне, сталі прадметам навуковага даследавання. Аднак у пасляваенны час мала сказана пра тых, хто супрацоўнічаў з нацыстамі [1].

Першай працай, у якой закранаецца дзейнасць калабарантаў, з'яўляецца манаграфія Л.С.Цанавы «Всенародная партизанская борьба в Белоруссии против фашистских захватчиков». А.Літвін лічыць Цанаву першым гісторыкам гэтай праблемы на Беларусі. У кнізе ўпершыню ідзе гаворка аб стварэнні і дзейнасці Беларускай Самааховы (БСА), Беларускай Краёвай Абароны (БКА) [2] і некаторых іншых беларускіх арганізацый. Аўтар выкарыстоўвае розныя дакументы, напрыклад, перапіску В.Іваноўскага і І.Ермачэнка [3]. Ідэалагічныя ацэнкі, дадзеныя ў кнізе, за малым выключэннем, захоўваюцца ў айчыннай гістарыяграфіі і да сённяшняга часу. Шмат якія вывады абвергнуць немагчыма. Сапраўды, мэтай перыядычных выданняў калабарантаў было: «убить в народе веру в победу Советского Союза...» [4], а таксама заклікаць насельніцтва ехаць на працу ў Германію. Але абараніць людзей ці нават прасачыць іх лёс агітатары не былі ў стане. Бясспрэчна і тое, што калабаранты былі няздольны вырашаць нават нязначныя справы без дазволу фашысцкіх улад [5]. Асобна характарызуюцца постаці Р.Астроўскага, К.Езавітава, У.Родзкі, немца В.Кубэ [6].

Аднак не ўсе вывады даследчыка з'яўляюцца аб'ектыўнымі. Напрыклад, што СБМ быў адгарожаны «...глухой стеной от белорусского народа...», што ён «...не получил сколько-нибудь заметного распространения...» [7].

Вайна яшчэ толькі адышла, у людзей перад вачыма яшчэ стаялі тыя страты, што нанеслі акупанты роднаму краю. Таму немагчыма было паказваць хоць нейкія поспехі асоб, што супрацоўнічалі з нацыстамі і, калі гэта ўлічыць, то неабходна прызнаць, што праца Л.Цанавы з'яўляецца адной з крыніц па вывучэнню беларускага нацыянальнага руху ў гады акупацыі.

Ні адзін даследчык, які вывучае дзейнасць беларускіх арганізацый падчас акупацыі, не абыходзіць сваёй увагай твор В.П.Раманоўскага «Саўдзельнікі ў злачынствах». Аўтар даказвае, што ўжо з 1939 г. некаторыя беларускія эмігранты пачалі актыўна супрацоўнічаць са знешняй разведкай Германіі, асвятляе стварэнне і дзейнасць некаторых калабаранцкіх арганізацый [8], даволі падрабязна вызначае межы Генеральнай акругі Беларусь. Паказвае, як акупанты выкарыстоўвалі ў сваіх мэтах некаторых беларускіх палітыкаў, вызначае ролю ў гэтай справе В.Кубэ і К.Готберга [9].

На падставе дакументальнай базы Раманоўскі выказвае свае меркаванні аб сапраўдных мэтах стварэння на акупіраванай тэрыторыі Беларусі школ, народных дамоў [10], Беларускай Незалежнай партыі (БНП) [11], спрабуе вызначыць, у якой ступені БНП кантралявалася нямецкай разведкай [12]. Трапна выкарыстоўвае шматлікія дакументы, напрыклад, выказванні беларускіх дзеячоў адзін аб адным [13].

Як вынік, праца Раманоўскага і сёння займае важнае месца сярод твораў беларускай гістарычнай навукі, якія асвятляюць дзейнасць беларускіх нацыянальных арганізацый на акупіраванай тэрыторыі Беларусі. Ён першы маштабна выкрывае іх супрацоўніцтва з амерыканскай і англійскай разведкай. І сёння даследчыкі цытуюць гэтае даследаванне 1964 г., выкарыстоўваюць яго дакументальную базу.

У 1985 г. выйшаў у трох тамах твор «Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны». У трэцім томе адзін з артыкулаў 4-й главы прысвечаны правалу мабілізацыі ў Беларускаю Краёвую Абарону. На падставе дакументаў паказваецца, як акупанты актыўна ўздзейнічалі на насельніцтва, спрабавалі «...вовлечь их в борьбу с партизанами [14], ...использовать мобилизацию в БКО для угона рабочей силы в Германию, ...лишить партизан, а после освобождения республики Красную Армию резервов [15]. Але адсутнічае аналіз прычын і мэтай дзейнасці беларускіх дзеячоў. Толькі аднойчы, калі ідзе размова пра скліканне 27.06.1944 г. II Усебеларускага кангрэса, узгадваецца пра існаванне мэты адарвання Беларусі ад СССР, анулявання ўсіх пагадненняў, заключаных савецкім кіраўніцтвам, што датычыліся Беларусі, узнаўлення ў ёй капіталізму. Уся астатняя характарыстыка калабарацыйнізму абмяжоўваецца словамі «предатели», «лакеи», «...буржуазные националисты, стремившиеся привести народ к буйственной войне...», і «уголовные и морально разложившиеся элементы...» [16].

За мяжой у 1950 – 1980-я гады таксама выдадзена пэўная колькасць прац па гэтай тэме. У першую чаргу гэта мемуары. Аднак, як пісала Н.Абрамава: «Ці здольны чалавек – удзельнік падзей – быць аб’ектыўным...» [17]. Шмат даследчыкаў пісалі навуковыя працы, напрыклад, Н.Вакар. Праца заслугоўвае ўвагі, таму што ў ёй выкарыстаны больш за 2000 крыніц рознай ступені каштоўнасці [18]. Некаторыя з іх маглі да сённяшняга дня не захаватца.

Праца Ю.Туронка «Беларусь пад нямецкай акупацыяй» была вынікам вялікай работы даследчыка, дзякуючы якой, як лічыць А.Літвін, ёсць магчымасць пазнаёміцца з новымі крыніцамі, высветліць невядомыя раней абставіны дзейнасці беларускіх арганізацый на акупіраванай тэрыторыі Беларусі. Даследчык выкарыстоўвае ўспаміны беларускіх эмігрантаў, артыкулы з іх перыядычных выданняў, зборнікі дакументаў, творы заходніх – нямецкіх, англійскіх і амерыканскіх даследчыкаў (што не заўсёды маглі выкарыстаць савецкія вучоныя), працы польскіх гісторыкаў, перыядычныя выданні акупацыйных часоў, якія ён знайшоў у архівах ФРГ, Польшчы, СССР [19].

Аўтар зазначае, што да некаторых крыніц трэба падыходзіць вельмі крытычна, напрыклад, да ўспамінаў беларускіх эмігрантаў-палітыкаў. Даказвае тэндэнцыйнасць гэтых аўтараў, іх схільнасць да перабольшванняў [20]. Паказвае, што і да вайны, і ў часы акупацыі насельніцтва Беларусі не прымае нацыянал-сацыялістычныя ідэі [21]. Аднак германскія спецслужбы, звярнуўшы з сярэдзіны 1930-х гадоў пільную ўвагу на Заходнюю Беларусь, паступова знайшлі там сабе прыспешнікаў [22].

Вызначае асноўныя плыні беларускага руху да нападу Германіі [23] і падчас вайны [24]. Даказвае слабасць калабарацыяністаў як пры Кубэ [25], так і пры Астроўскім і Готбергу [26]. Паказвае ўсю нязначнасць уплыву беларускіх арганізацый на землях Беларусі, што не ўваходзілі ў Генеральную акругу Беларусь [27].

У працы прысутнічае падрабязны аналіз створаных калабарацыяністамі арганізацый, іх адносін паміж сабой, спробы знайсці падтрымку з боку іншых сіл (супрацоўніцтва з польскім рухам) [28]. Падрабязна характарызуюцца постаці Кубэ, Астроўскага, Ф.Акінчыца, іншых [29].

Аднак не на ўсе пытанні можна знайсці адказы. Ці імкнуліся калабарацыяністы да абуджэння дзяржаўнасці [30], ці проста да атрымання пасадак пры новай уладзе [31], ці самастойна вёў Астроўскі справы БЦР [32], ці ўсё вырашаў Готберг [33].

Сёння выходзяць даследаванні, у якіх разглядаюцца яшчэ не да канца вывучаныя пытанні. А.Дзярновіч вызначае працу С.Ёр-

ша «Вяртанне БНП» як «...кнігу, дзе ўпершыню ў Беларусі сабра-на ды сістэматызавана інфармацыя пра Беларускаю Незалежніцкую партыю, уведзены ва ўжытак новыя крыніцы пра гэту арганізацыю...» [34]. Аўтар шырока карыстаецца эміграцыйнымі перыядычнымі выданнямі, публікуе дакументы, лісты, успаміны, якія даюць даследчыку дадатковую інфармацыю. Некалькі старонак прысвечана постаці Усевалада Родзкі, што павінна дапамагчы ў вызначэнні яго ролі ў гісторыі акупацыі Беларусі [35]. Аднак аўтар прызнае, што аб дзейнасці БНП «...вядома вельмі мала... [36] ...шмат якія эпизоды яе дзейнасці супярэчліва апісваюцца гісторыкамі, а некаторыя заўсёды застануцца таямніцай... У выніку гісторыя яе разглядаецца... ..больш па легендах ды ўспамінах людзей, чымсьці па дакументах...» [37]. Таму часта сустракаюцца ў тэксе такія словы, як «...пакуль ня спраўджана», «...наўрад ці», «...ці сапраўды», «...існуюць іншыя трактоўкі» [38]. А вось пры ўважлівым разглядзе праграмы Беларускай Незалежніцкай Партыі можна знайсці такія несупадзенні, што адразу губляецца ўсялякая павага як да праграмы, так і да самой БНП [39].

Значную працу напісаў А.К.Салаўёў. Ён лічыць, што «...одной из малоизвестных страниц истории Республики Беларусь является образование (ноябрь 1943 г.) и деятельность Белорусской Центральной Рады (БЦР)...» [40]. Але зараз «...новые материалы и документы проливают свет на неизвестные или ранее умалчиваемые обстоятельства и события тех далеких лет» [41]. Досьць поўна раскрывае гісторыю стварэння і дзейнасць БЦР на падставе шматлікіх дакументаў і матэрыялаў, што раней знаходзіліся ў закрытых фондах архіваў.

У сваёй працы аўтар даказвае, што «инспирированное фашистами создание белорусских националистических организаций ...не преследовало цели решения национальных вопросов, а использовалось фашистами в ущерб Беларуси и её народу для реализации экспансионистских планов гитлеровской Германии, в том числе для ужесточения оккупационного режима...» [42].

У дадатку да кнігі прыводзяцца дакументы і матэрыялы, у тым ліку вытрымкі з выступленняў актывістаў Рады, якія шырока друкаваліся ў беларускай перыёдыцы ваеннага часу, нягледзячы на тое, што «...такие материалы изобиловали негативными высказываниями в адрес «жидобольшевизма» и лютой ненавистью к «советской Москве». Яны «...свидетельствуют об основных элементах обстановки на оккупированной территории Беларуси в годы войны. Многие из документов неизвестны общественности. Эти материалы и архивные документы подтверждают ...свидетель-

ствуюць і о сэр'ёзнай віне калабарацинізму ў Беларусі, знаходзімага падтрымку ў сьреде актывных пособнікоў акупантаў, запятнаваўшых сябе здрадзельствам соотчэстваўнікоў ў гады Вялікай Отчэстваўняй вайны...» [43].

Паказвае аўтар і некаторыя поспехі БЦР, у тым ліку і ў справе стварэньня Беларускай Краёвай Абароны [44]. Але галоўнай прычынай таму была прымусовая мабілізацыя. Салаўёў прыводзіць выказванне Астроўскага аб тым, што «...добровольны прызыв потерпіт неудачу...» [45].

Адлюстроўваюцца фактары, што перашкаджаў дзейнасці БЦР. Напрыклад, дрэнныя адносіны паміж сябрамі арганізацыі: «...тендэнцыя ў кадровай політыке БЦР дэляць ставку на лицы – выпадцы з Западаўнай Беларусі... часта негатыўна адносіліся к беларусам – выходцам з восточных абласцей...» [46]. Здараліся выпадкі, калі нават кіраўнікі не былі здольныя дамовіцца між сабой. Канфлікт паміж кіраўніком СБМ Ганько і Астроўскім прывёў да таго, што «...члены СБМ закончылі свой поход протыв советскай влады ў рядах арміі Власова... [47]».

Аўтар таксама паказаў спробы кіраўнікоў Рады пераарыентавацца напрыканцы вайны на англічан і амерыканцаў, спадзяваючыся, што хутка распачнецца трэцяя сусветная вайна і «...союзніцкае камандаванне пазволіт ім фарміраваць беларускія нацыянальныя часты для бараьбы протыв СССР...» [48]. Падрабязна, на падставе шматлікіх крыніц, разглядаецца постаць Астроўскага, прыводзяцца выказванні яго паплечнікаў аб ім. У другой палове працы аўтар прыводзіць 18 дакументаў і каля 80 кароткіх біяграфій сяброў і актывістаў БЦР.

А.А.Каваленя апісвае гісторыю дзейнасці Саюзу Беларускай Моладзі. На падставе шматлікіх архіўных крыніц (шмат з якіх даследчык публікуе ўпершыню), выкарыстоўваючы найбольш значныя дасягненні ў распрацоўцы гэтага пытаньня гісторыкамі Польшчы і Германіі, даследчык спрабуе разгледзець узаемаадносіны «...дзвюх гістарычных сіл: маладзёжнага руху на акупіраванай тэрыторыі Беларусі і палітыкі кіраўніцтва нацысцкай Германіі ў адносінах да яго...» [49].

Аўтар здолеў раскрыць прычыны, якія прыводзілі пэўную частку грамадства да таго, што «гераізм, мужнасць і самаахвярнасць саступалі месца слабасці духа, здрадніцтву і натуральнаму, біялагічна акрэсленаму жаданню чалавека застаецца жыць...» [50]. Ён лічыць неабходным разгледзець пытанні, якія доўгі час замоўчваліся з-за ідэалагічнага дыктату. Даследчык вельмі падрабязна асвятляе дзейнасць Саюзу беларускай моладзі, тлумачачы не толькі

прычыны страт, але і нешматлікіх поспехаў арганізацыі, ступень залежнасці яе ад нямецкіх улад, праблемы як цэнтральных органаў кіравання, так і мясцовых ячэек, постаці кіраўнікоў.

7 старонак сваёй працы А.Каваленя прысвячае аналізу папярэдняй гістарычнай літаратуры, якая адлюстроўвала дзейнасць Саюза беларускай моладзі. На падставе багатай факталагічнай базы аўтар паказвае некаторыя хібы папярэдніх распрацоўшчыкаў тэмы, спрачаецца з імі, даказвае, напрыклад, што ў некаторых выпадках прыведзеныя Ю.Туронкам факты не маюць пацвярджэння [51].

А.Каваленя лічыць неабходным вывучэнне мемуараў беларускіх калабарацыяністаў, тлумачыць навуковую каштоўнасць гэтых крыніц [52]. Наогул, праца А.А.Кавалені карысная для вывучэння сітуацыі на тэрыторыі Беларусі падчас нямецкай акупацыі. Тым больш у сувязі са слабай распрацаванасцю праблемы, адсутнасцю спецыяльных прац па акрэсленай тэме на Беларусі і за яе межамі [53].

А.Н. Свирид

г. Минск

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ВИЗАНТИЙСКО- СЛАВЯНСКОГО ОБРЯДА В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ

После вхождения территории Западной Беларуси, по условиям Рижского мирного договора 1921 г., в состав Второй Речи Посполитой католическая церковь занималась распространением на этой территории церковной организации византийско-славянского обряда, которую некоторые историки называют неоунией [1].

Белорусская историография этой проблемы развивалась в тесной связи с польской, поэтому рассмотрение их в отрыве одна от другой не позволит объективно подойти к решению некоторых проблем.

Одной из таких проблем, как белорусской, так и польской исторической науки является вопрос о статистике приходов и верующих католической церкви византийско-славянского обряда. Этот вопрос затрагивали в своих исследованиях более двух десятков историков, представляя различные цифры относительно количества приходов на 1939 год – от 48 до 18 [2], а относительно верующих – от 30 до 7,7 тысяч [3].

Основными причинами такой разбежки можно считать следующие.

1. Отсутствие или фрагментарность источниковедческой базы, что касается костельных документов. Кроме того, отчеты по переписи населения 1931 г. представлялись на бланках, не имеющих специальной графы, посвященной данному вероисповеданию. Верующих византийско-славянского обряда католической церкви в Западной Беларуси часто записывали греко-католиками (несмотря на то, что данное вероисповедание также не было предусмотрено, его вписывали от руки в свободную графу) или римокатоликами. В итоге общая численность униатов, отмеченных как греко-католики по итогам переписи 1931 г., составила на территории Полесского, Новогрудского, Виленского и Белостокского воеводств 5,6 тыс. человек [4], что значительно ниже их реальной численности.

2. Неопределенность правового статуса некоторых приходов католической церкви византийско-славянского обряда. Часто нет возможности точно определить, в какой период это была миссионерская территория, а когда – отдельный приход, и когда он был канонически утвержден. Даже авторы епархиальных каталогов иногда подают информацию о численности верующих только половины приходов. Ф.Ржеменюк отмечает, что в статистике униатских приходов есть много неточностей, которые следуют из недостатка информации по таким моментам, как начало существования прихода или окончания его функционирования. Некоторые приходы фигурировали в статистике, в то время как в этих местах уже по несколько лет не проводились богослужения, а число верующих было близким к нулю. Были также местности, в которых существовало несколько десятков верующих, обычно обслуживаемых приезжающим пастырем, но приход не был основан [5].

3. Численность приходов и их количество постоянно менялись. Некоторые приходы по несколько раз переходили в унию и возвращались в православие.

4. Некоторые исследователи не учитывали того факта, что границы воеводств и епархий не совпадали и включали, как, например, это сделал С.Абламейко, в число приходов Западной Беларуси все приходы Полесского воеводства. Это привело к тому, что реальная численность была необоснованно увеличена за счет приходов Сарненского и Камень-Каширского поветов [6]. Указанные поветы действительно входили в состав Полесского воеводства, но их было бы более правильно отнести к Западной Украине, чем к Западной Беларуси.

5. Ряд приходов, числящихся как приходы византийско-славянского обряда, особенно на Волыни и в Подляшье, в реальности были приходами греко-католическими [7]. Западная Беларусь также не избежала этой тенденции.

6. Статистика составлялась различными заинтересованными сторонами. Отдельные пастыри могли в отчетах завышать или занижать численность униатов, чтобы не иметь взысканий от своих духовных властей за пассивность. Так, в отчете консистора Полесской православной епархии за 1936 г. представлена численность униатов значительная меньшая, чем в воеводских сводках [8]. В то же время со стороны организаторов миссии католической церкви византийско-славянского обряда отмечены приписки с целью увеличения ассигнований.

Даже в государственных учреждениях существовали различные сведения. Информация МВД отличалась от информации Министерства вероисповеданий и общественного просвещения. По данным МВД, общее число приходов восточно-славянского обряда было завышено в пропагандистских целях [9].

Немалое значение имеет политическая заангажированность самих исследователей унии. Как правило, можно проследить тенденцию: если исследователь рисует картину в светлых тонах, если есть симпатии к унии, то данные о количестве верующих и приходов будут представлены выше, чем у исследователей, которые отрицательно оценивают этот момент в истории Беларуси.

Точное количество верующих, вследствие вышеуказанных причин, подсчитать невозможно. Но новые исследования на основе подсчета количества приходов, с учетом отмеченных выше обстоятельств, могут значительно его уточнить.

В белорусской исторической науке также наблюдается различная оценка политики Второй Речи Посполитой по отношению к унии. Одну из первых попыток рассмотреть данный вопрос принял еще в 1944 г. Я.Найдюк, который представил позицию польского государства по отношению к унии как «решительно негативную» [10].

В советской историографии господствовала точка зрения, согласно которой власти всячески способствовали распространению унии на территории Западной Беларуси. Так, Н.Анципович в своей диссертации писал, что «польские власти всячески направляли и поддерживали стремление католического клира к распространению униатства» [11]. Несмотря на господство данного подхода, во второй половине 1980-х годов была выдвинута иная точка зрения, по которой «методы утверждения новой унии в Западной

Беларуси встретили сопротивление со стороны польских правящих кругов» [12].

Эмигрантская историография разделилась в оценках данного вопроса на две противоположные точки зрения. Одна из них предполагала правильность тезиса о том, что польское государство поддерживало распространение унии на территории Западной Беларуси, вплоть до насильственного ее насаждения. Данной позиции придерживался И.Касяк, который утверждал, что «полиция всюду поддерживала униатов» [13]. Близкую, но более умеренную позицию занимал К.Николаев [14]. Представители второй точки зрения поддерживали тезис о том, что польские власти относились к распространению унии весьма негативно и чинили на ее пути всевозможные препятствия. Данную позицию поддерживала редакция издававшегося с 1947 до конца 1957 г. в Париже, а с 1964 по 1978 г. в Лондоне журнала «Божым шляхам».

С начала 1990 годов многие историки Беларуси по исследуемому вопросу заняли позицию, совпадавшую с позицией журнала «Божым шляхам». Данную точку зрения разделяют В.Григорьева, В.Новицкий, А.Филатова, А.Вабищевич, И.Гетман [15].

Но некоторые историки в оценке роли польского государства в распространении унии на территории Западной Беларуси остались на позициях советской историографии, считая, что «определенную роль в деле закрепления польского влияния на территории Западной Беларуси власти отводили униатской церкви», что неминуемо должно было бы обеспечить поддержку ей со стороны государства. Это А.Нечухрин, Г.Васюк, М.Гончаров, Д.Карев, И.Ковкель, Т.Крючковский, И.Федоров [16].

Столь противоречивые оценки белорусской историографии объясняются тем, что не все исследователи учитывали тот факт, что попытки распространения унии на территории Западной Беларуси были предприняты в двух формах: 1) в форме обряда, практикуемого греко-католической церковью Галиции и под ее руководством; 2) в форме католической церкви византийско-славянского обряда. Политика польского государства по отношению к распространению и деятельности этих двух организационных структур католической церкви на территории Западной Беларуси была различной: если одной форме (галицийской) был дан запрет, то функционирование другой (католической церкви византийско-славянского обряда) польские власти допускали, что не всегда учитывается белорусскими исследователями.

Таким образом, история католической церкви византийско-славянского обряда требует дополнительных исследований.

У ИСТОКОВ ИСТОРИКО-ЦЕРКОВНОЙ БИБЛИОГРАФИИ НА ГРОДНЕНЩИНЕ

Проведение любого исторического исследования невозможно без тщательной проработки библиографии проблемы. Эта научная аксиома особенно справедлива по отношению к истории Православной Церкви, долгое время находившейся вне поля зрения современных исследователей. В этой связи изучение того, что делалось в конце XIX – начале XX веков в области разработки историко-церковной библиографии, приобретает особую актуальность. Наиболее значимой фигурой в данном направлении исследований следует признать Н.Р.Диковского [1].

Николай Романович Диковский родился в м. Бреслав Новоалександровского уезда Ковенской губернии в 1866 г. Первоначальное образование он получил в Виленском духовном училище и Литовской духовной семинарии, в 1887 г. поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. После её окончания в 1891 году Диковский работал непродолжительное время надзирателем Виленского духовного училища [2], а в ноябре того же года был рукоположен в сан священника и затем направлен к Кобринской соборной церкви [3], а с 1892 г. работал и законоучителем православного вероисповедания в Кобринском уездном училище. Свою педагогическую деятельность Диковский продолжил в Гродненской классической гимназии, куда переехал в 1894 г. С этого года он принимает активное участие в общественной жизни, является членом Гродненского отделения Литовского епархиального училищного совета и Гродненского православного Софийского братства (с 1904 по 1906 г. – его председатель) [4].

В 1904 г. Диковский был одним из инициаторов создания Гродненского церковно-исторического комитета, когда вместе с тогдашним владыкой Никанором доказывал пользу такого заведения для края. К тому же с 1899 г. он являлся законоучителем Гродненской женской гимназии и настоятелем гимназической церкви. А с 1901 г. уже протоиерей Диковский стал настоятелем Гродненского Софийского собора.

Вершины своего профессионального роста Диковский достиг в начале 1900-х годов. Это символично совпало со временем возникновения самостоятельной Гродненской епархии. С 1901 г. в свет начинали выходить «Гродненские епархиальные ведомости» – главный орган печати новосозданной епархии. Редактором

официальной и неофициальной частей «Ведомостей» стал Диковский, который работал в этой должности более шести лет.

Для местных любителей старины более ценной была неофициальная часть газеты, так как именно здесь читатели знакомились с очерками, статьями и сообщениями о прошлом и современном состоянии края. И даже когда в 1907 г. «Епархиальные ведомости» охватил кризис, связанный с нехваткой финансирования издания, Диковский до последнего номера являлся редактором неофициальной части (в 1907 г. вышло лишь шесть номеров). Проработав в Гродно 13 лет и имея непререкаемый авторитет опытного педагога, священнослужителя и исследователя церковно-исторического прошлого Гродненщины, Николай Романович в ноябре 1907 г. был переведён по службе в другой регион Российской империи: он был назначен ректором Александровской миссионерской духовной семинарии Владикавказской епархии [5].

На научную деятельность Диковского огромное влияние оказал его наставник по духовной академии, видный славист, уроженец Гродненщины М.О.Коялович. За годы учёбы в академии у него сложилось понимание того, что богатый своим прошлым Гродненский край пока не стал объектом для всестороннего изучения. Поэтому по прибытии в Гродненскую губернию Диковский приступил к сбору сведений о научном изучении края преимущественно местными исследователями. Поскольку любители истории Гродно и губернии в то время концентрировались возле страниц «Гродненских губернских ведомостей», то первую свою работу «Опыт библиографического указателя статей и заметок, касающихся истории церквей и монастырей Гродненской губернии» (Гродно, 1894) законоучитель Диковский посвятил именно им. Этот труд был крупным историографическим событием губернского масштаба, так как являлся первым опытом составления библиографии по истории Гродненщины. Как отмечал автор, «...написание этой работы было вызвано желанием направить любознательность читателей на историческое прошлое храмов и монастырей Гродненской губернии, полного глубокого и живого интереса» [6].

Вместе с тем он высказывал сожаление о том, что ещё не появилось церковно-исторического описания губернии, вследствие чего главным источником церковно-исторических сведений по-прежнему служили статьи и заметки, разбросанные по разным периодическим изданиям. В отличие от Гродненской, в других белорусских губерниях к тому времени уже появились труды обобщающего характера по церковной истории – А.П.Сапунова в Ви-

тебской, архимандрита Николая (Редутто) и С.Г.Рункевича в Минской, велись изыскания по данному предмету Ф.А.Жудро и П.С.Горючко в Могилёвской губернии. В своей работе Диковский постарался собрать воедино материалы церковно-исторического характера из «Гродненских губернских ведомостей», «Литовских епархиальных ведомостей», «Вестника Западной Европы» и других изданий, сгруппировать их по уездам, расположив в алфавитном порядке названия городов и сёл губернии, к которым имели отношение исторические сведения.

Во время работы в гимназии судьба свела Диковского с Е.Ф. Орловским, уже в то время признанным краеведом Гродненщины, который, видимо, посоветовал законоучителю заняться изучением архивов Гродненского архиерейского дома и Борисо-Глебского монастыря. Результатом его изысканий стали две статьи, вышедшие в 1896 г. Это работы «Из летописи Гродненского Борисо-Глебского монастыря» и «Борьба Жировицкого монастыря с еврейством».

Первая работа рассказывает о печальной веке Борисо-Глебского монастыря середины XIX века, когда православный люд города Гродно чуть было не остался без самой знаковой городской обители – Коложской церкви. Ещё в 1844 г. Иосиф Семашко забил тревогу о критическом положении, в котором находилась Коложа, и вследствие этого поставил вопрос о перенесении Борисо-Глебского монастыря из Коложи в город. О том, каких огромных усилий стоило православному духовенству перемещение святой обители в стены бывшего женского бернардинского монастыря, повествует Диковский. Вторая его статья отражает горячую приверженность автора православным святыням, в частности, Жировицкому монастырю. Как истинный христианин Диковский ревностно относился к частым проявлениям неуважения к местным святыням со стороны представителей иных конфессий. В этом труде автор предоставил очерк непростых взаимоотношений Жировицкого монастыря и селившихся рядом с ним евреев, сделав основной акцент на события и факты XIX века. Важный аспект жизни монастыря отражён исследователем в статье «Коронавание Жировицкой Чудотворной иконы Богоматери (1730 г.)» (1902). В ней автор значительно расширил установившиеся представления о непростой судьбе всеми почитаемой белорусской святыни.

Тема межконфессиональных отношений в Северо-Западном крае нашла отражение в таких его работах, как «Несколько слов об искушении униатов Западной России в латинство» (1896) и

«Базилианский орден и его значение в западно-русской униатской церкви XVII – начала XVIII в. – до Замойского провинциального собора 1720 г.» (1904-1906). Последняя – самая масштабная по содержанию и по охвату времени описываемых действий работа, которую Диковский создавал на основании многочисленных польских источников, так и осталась незавершённой. Отношение автора к Базилианскому ордену как к рассаднику латинства было негативным. Тем не менее, Диковскому импонировал уровень образованности униатских деятелей. Он признавал и положительный вклад в культуру Беларуси Порфирия Кульчицкого, Льва Кишки, Поликарпа Филиповича и других [7].

На Гродненщине Диковский проработал полтора десятка лет, но за этот непродолжительный период внёс ощутимый вклад в изучение неизвестных страниц прошлого Гродненской губернии. Особую ценность представляло его библиографическое исследование, которое закладывало основы методики сбора и обработки информации для будущего исторического изучения губернии. Единственным недостатком этого труда стало то, что, будучи православным общественным деятелем, Диковский не учёл польско-язычных исследований по истории Гродненщины, которые имели свою точку зрения на происходящие социально-политические и этнокультурные процессы в Северо-Западном крае. Тем не менее, работа во многом предопределила подъём научной мысли Гродненщины в последующее десятилетие. Подтверждением могут служить слова известного белорусского историка и этнографа Д.И.Довгялло, написанные в 1910 г.: «По количеству и характеру церковно-исторических исследований и древностей Гродненская епархия вскоре займёт одно из первых мест среди подобных в крае» [8].

Д.В. Ленкевич

г. Гродно

АРХИМАНДРИТ НИКОЛАЙ. ЧТО СТОИТ ЗА ЭТИМ ИМЕНЕМ?

Понятие «церковное краеведение» введено в научный оборот сравнительно недавно. Оно включает в себя научное наследие деятелей русской православной церкви, занимавшихся изучением монастырей, храмов, приходов, других церковных памятников. Нередко при изучении научного наследия представителей этого направления на территории Беларуси во второй половине

XIX – начале XX в. можно встретить исследователей-однофамильцев, работавших над сходной проблематикой: Пашкевичи в Виленской и Гродненской губерниях, Жудро – в Могилёвской, Наркевичи – в Минской губернии. Существует необходимость прояснить картину жизни и научной деятельности такого рода деятелей – трех настоятелей белорусских монастырей, известных в церковной историографии под именем «архимандрит Николай». Речь идёт о священнослужителях Николае Редутто, Николае Трусовском и Николае Далматове. Остановимся на главных вехах их жизни и церковно-краеведческой деятельности.

Николай Редутто, до монашества – Никодим (1827-1889), уроженец Витебской губернии, с 1836 по 1841 г. воспитывался в Полоцкой духовной семинарии, после окончания которой в звании студента поступил в С. – Петербургскую духовную академию. Однако по причине болезни он был вынужден оставить учёбу в столице и в 1842 г. поступил в епархиальное ведомство; в том же году рукоположен во священника в Добрыгорской Успенской церкви Лепельского уезда и назначен Лепельско-Бешенковичским благочинным. В январе 1848 г. Редутто был перемещён в Витебск к Рынково-Воскресенской церкви, в том же году определён на должность смотрителя Витебского духовного училища с увольнением от обязанностей приходского священника. 21 ноября 1848 г., согласно прошению, он был пострижен в монахи в Витебском кафедральном соборе. В 1849 г. Редутто был возведён в сан игумена Полоцкой Борисоглебской обители; с этого года он поочередно занимал должность смотрителя Виленского, а с 1850 г. – Жировицкого духовных училищ. В Жировицах игумен Николай занимал должность учителя русского и славянского языков, церковного пения и устава в высшем отделении духовного училища. 25 июля 1853 г. по предложению митрополита Литовского и Виленского Иосифа Редутто был назначен настоятелем второклассного Жировицкого монастыря [1]. 22 февраля 1859 г. за ревностную службу по епархиальному ведомству ему был пожалован сан архимандрита. Среди прочих высоких наград архимандрит Николай был удостоен в 1857 г. наперсного креста на Владимирской ленте, в 1872 г. пожалован орденом св. Анны 2 степени, украшенный Императорской короной, а в 1881 г. он был сопричислен к ордену св. Владимира 4 степени. В 1883 г., согласно прошению, Редутто был уволен с должности настоятеля монастыря по состоянию здоровья [2]. В качестве краеведа Николай Редутто заявил о себе в 1862 г., поместив в «Литовских епархиальных ведомостях» статью «О Жировицкой обители, в 9 верстах от Слонима». Этой

работой автор положил начало изучению истории монастыря. Предмет исследования он расширил в работе «О Жировицком монастыре и находящейся в ней иконе Божьей матери». Это было в 1864 г., когда в ответ на польское восстание местная интеллигенция в лице православных священников, учителей и чиновников через прессу и школу противопоставили самое ценное своё достояние – давние православные корни на белорусской земле. Последняя работа состоит из двух частей – многочисленных письменных свидетельств о чудесах и милостях иконы и историко-статистического описания Жировицкой обители.

Николай Трусовский (1826-1881), уроженец Литовской епархии, окончил курс Литовской духовной семинарии и как самый даровитый из учеников в 1841 г. из м. Жировиц был выслан на учёбу в Киевскую духовную академию, в среде академического курса в июле 1843 г. был пострижен в монашество. По окончании академии в 1845 г. он был определён на должность инспектора и профессора философских наук в Новгородскую семинарию, а в декабре 1848 г. перемещён на должность инспектора и профессора церковной истории в Минскую духовную семинарию. В 1852 г. Николай Трусовский был возведён в сан архимандрита с присвоением степени настоятеля третьеклассного монастыря. 9 октября 1853 г. он был определён ректором Минской духовной семинарии и профессором богословских наук, в 1854 г. – благочинным монастырей Минской епархии и настоятелем Пинского Богоявленского монастыря, а в 1856 г. – настоятелем Ляданского монастыря [3]. В декабре 1863 г. он был вызван в С. – Петербург на чреду священнослужения, где и оставался до января 1865 г., после чего был определён ректором Псковской духовной семинарии [5]. Последние свои годы архимандрит Николай провёл в Москве, будучи настоятелем Заиконоспасского монастыря. Будучи благочинным монастырей и по долгу службы путешествуя по епархии, архимандрит Николай был близко знаком с содержанием архивов монастырей и церковей края. Для своей будущей работы он использовал материал самых богатых архивов Минщины – Минской духовной консистории, Пинского Лещинского монастыря и Лещинской церкви, Слуцкого Свято-Троицкого монастыря и некоторых других. Все работы Николая Трусовского, в том числе и самая главная – «Историко-статистическое описание Минской епархии. С. – Петербург, 1864» – были напечатаны в петербургский период. Состоящая из 7 глав, работа носила справочный характер. В ней отражены краткие исторические сведения всех существовавших тогда церквей и монастырей епархии. Точ-

ность изложенных в книге фактов в последующем практически не вызвала сомнений, что позволило ей ещё полвека быть полезным справочным пособием для изучающих прошлое Минщины. Но, по-видимому, главная заслуга автора «Описания» в том, что он сумел собрать сведения о 40 бывших монастырях Минской епархии. Работа архимандрита Николая получила самые лестные отзывы в русской историографии. Кроме указанной выше работы, в 1864 г. вышли ещё две брошюры Николая Трусовского, представляющие собой перепечатку отдельных глав «Историко-статистического описания». Это – «Исторические сведения о начале и судьбе Православной церкви в нынешней Минской епархии. С. – Петербург, 1864» и «Историко-статистические сведения о чудотворных иконах и благочестивых обычаях в Минской епархии. С. – Петербург, 1864».

Николай Далматов, до монашества – Никита Николаевич (1835-1902), сын дьячка Орловской епархии, образование получил в Орловском уездном духовном училище и местной семинарии. Затем работал в уездном училище, а в 1854 г. определён послушником в Брянскую Белобержскую пустынь. В 1860 г., согласно прошению, Далматов был принят в Минскую епархию и назначен послушником Слуцкого Свято-Троицкого монастыря; в 1863 г. там же пострижен в монахи. В монастыре с 1862 по 1868 г. он обучал причетников. 12 августа 1868 г. Далматов был назначен казначеем и временным управляющим Пинского Богоявленского монастыря. В конце 1869 г. он был командирован в г. Слуцк для принятия имущества Свято-Троицкого монастыря и перевода его и братии в Минск в новооткрытый Свято-Духов монастырь. С 1872 по 1875 г. иеромонах Николай исполнял обязанности законоучителя во 2-м Минском приходском училище [5], 22 апреля 1879 г., по указу Синода, Далматов был возведён в сан игумена с назначением на должность настоятеля Кременского монастыря Донской епархии. [Николай, игумен. Историко-статистическое описание Минского Свято-Духова мужского первоклассного монастыря // Минские епархиальные ведомости. – 1879. – № 8. – С. 89]. Там он прослужил 2 года, получил сан архимандрита, а 4 июня 1881 г. вступил в управление Супрасльским монастырём Литовской епархии, к тому же был назначен благочинным монастырём той же епархии. В минский период Далматов написал несколько краеведческих статей. Сначала он поместил в 1877 г. в «Минских епархиальных ведомостях» критическую заметку на статью Р.Г.Игнатьева «Археологическое обозрение церквей города Минска», а в 1879 г. отметился довольно обстоятельным «Описанием Минско-

го Свято-Духова мужского первоклассного монастыря». Будучи настоятелем Супрасльского монастыря, архимандрит Николай выпустил брошюру «Краткое описание Супрасльского Благовещенского монастыря Гродненской губернии Белостокского уезда. – Вильна, 1885». Однако последующее глубокое изучение монастырского архива повлекло за собой написание его главной работы объёмом в 611 страниц «Супрасльский Благовещенский монастырь. Историко-статистическое описание. С. – Петербург, 1892».

В заключение остается лишь выразить сожаление по поводу незаслуженного забвения видных деятелей на ниве церковного краеведения, однако, смеем надеяться, что со временем их интересные в конкретно-историческом и источниковедческом плане работы станут достоянием белорусской историографии.

А.С. Ярош

г. Гродно

БЫТ ПРАВОСЛАВНОГО МОНАШЕСТВА БЕЛОРУССКИХ ЕПАРХИЙ в конце XIX – начале XX в.

На протяжении многовековой истории церкви наиболее ревностными искателями истины Христовой были монашествующие подвижники. Ради любви к Господу монахи отрекались от всех земных благ и добровольно становились на путь самоотвержения, всецело отдавая себя служению Богу. В отмеченный период православные монастыри служили важнейшим средством культурно-просветительского воздействия на различные социальные слои населения Беларуси. По данным исследований профессора В.Н.Черепицы, в конце XIX – начале XX веков на территории России насчитывалось 1025 православных монастырей, в которых было около ста тысяч монашествующих и послушников. Монастыри белорусских епархий развивались под прямым воздействием Московской монастырской школы, основателем которой считается Сергей Радонежский. Петербургское направление в основании монастырей на землях Беларуси развития не получило.

Православное духовенство белорусских епархий делилось на белое, которое удовлетворяло постоянные религиозные потребности своего прихода, и монашествующее. Последнее принимало на себя особые обеты и делилось на три категории. Для того, чтобы стать монахом, следовало написать прошение на имя настоятеля монастыря. Решение о принятии в разряд кандидатов в

послушники принималось на Духовном соборе (Советом братии). После этого кандидат в послушники становился послушником, срок послушания не ограничивался. Ко второй степени причислялись монахи, принявшие постриг. Пострижение производилось на основании разрешения, данного игуменом монастыря. Минимальный возраст пострига регламентировался: для мужчин – с 30 лет, для женщин – от 40 лет. Постриг могли принять вдовы или лица, не состоявшие в браке. Окончивших курсы богословия в духовных учебных заведениях разрешалось постригать с 25 лет. В высшей степени пострижения считался великий постриг, или схима, требующая от посвященного в ней строгого аскетизма.

Хозяйством в монастырях управлял Совет старшей братии (сестер) во главе с настоятелем. На год вперед составлялся план заготовок и закупок, строительства и ремонта. Вся документация должна была быть готова в августе, так как церковный год по указу Синода № 7 от 1892 г. начался с 1 сентября. Любое имущество монаха являлось собственностью монастыря и после его смерти наследовалось монастырем в беспорядном порядке.

Монахи должны были обращаться друг к другу «брат», монахини – «сестра». К старшим по возрасту и особо благочестивым – «отец», в женских монастырях – «мать». К игумену или игуменье следовало обращаться «отец игумен» или «мать игуменья». Монах в сане дьякона назывался иеродьяконом, в сане священника – иеромонахом, а священник в схиме – иеросхимонахом.

Распорядок дня в Жировичском монастыре был следующий.

Подъем в 5 часов утра. С 6 часов до 8.30 – утренние молитвы (литургия). После молитвы завтрак, после которого монахи расходились на послушание (работу). В 13.30 – обед. Затем опять послушание. В летний период послушание продолжалось до 17.00, а в зимний – до 16.00 часов. С 18.00 до 21.30 происходило вечернее богослужение. По завершении богослужения ужинали, совершали крестный ход и вечерние правила. В 23.00 монастырь закрывался.

Одежда монахов и монахинь была практически одинакова, то есть символ девственности и обязательности черного цвета – знак смерти и печали, хотя в летнее время на послушании одежда могла быть светлых тонов. Форма регламентировалась до мелочей. Если «мирская» одежда у мужчин застегивалась на правую сторону, то пуговицы у монахов расположены слева. Этим символом подчеркивались инаковость, поэтому таких людей называли «иноками», от слова «иной», не такой, как все. Особое внимание уделялось стилю поведению. Походка должна быть неспешной,

идти нужно с опущенными глазами, по сторонам не смотреть, не размахивать руками.

Однако не походка и не одежда делали человека монахом. Основа заключалась в духовно-нравственном мире инока. Ведь после принятия обета его поведение полностью регламентировалось, вплоть до самых интимных сторон жизни. В отмеченный период монашество уже стало сплоченной силой. Оно жило по устоявшимся традициям и правилам, были закреплены оттачивавшиеся веками нормы поведения, сформирована христианская философия отношения к миру и человеку. Эта система являлась главной духовной скрепой организации церковной жизни. Быт и поведение монашества были мерилем праведности и образцом подражания для белого духовенства и большинства православных мирян.

А.Н. Колосовская

г. Минск

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ АРХИТЕКТУРЫ МОНАШЕСКИХ ОРДЕНОВ

На территории этнической Беларуси монастыри монашеских орденов появились намного позже европейских прототипов, и здесь складывались свои особенности сакральной застройки, обусловленные историческими путями развития. В средние века (особенно после уний 1569 и 1596 г.) Великое княжество Литовское подвергалось наибольшему влиянию западноевропейской культуры, а после разделов Речи Посполитой в конце XVIII в. градостроительство и архитектура этнической Беларуси стали развиваться под влиянием русской культуры и архитекторов.

Появление первого монашеского ордена связано с основанием в 529 г. Бенедиктом Нурсийским монастыря Монте-Кассино (Италия). Огороженный от мира монастырь – *genus monachorum monasteriale militans sub regula vel abbate* (лат. круг монахов, усиливающих в монастыре под руководством установления или аббата) – Бенедикт старался обязательством вести оседлый образ жизни – *stabilitas loci* (лат. – постоянство места) превратить в самостоятельную хозяйственную единицу. Монахи спали в общем *dormitorium*, но келья привратника расположена возле ворот. Так, возникшие в VI в. монастыри, подобно замкам, были укрепленными сооружениями, часто располагались на вершине горы, ста-

новясь убежищами и символизируя удаление от мира, приближение к вершинам чистоты.

Первые монастыри монашеских орденов в Великом княжестве Литовском, хотя и возникли намного позже, также являлись одновременно и крепостными сооружениями, огороженными высокими стенами с костелом, монастырским общежитием (кляштором), хозяйственными постройками, садом и огородом, создавая отчетливый композиционный строй плана.

В империи франков в конце VIII в. – первой половине IX в. монашеская образованность послужила основой «каролингского Ренессанса» – обновления образования и искусства, ориентированного на античные стандарты. Архитектурное решение часовни в Аахене (освящена в 798 г.) определялось византийским и равеннским образцами. Карл Великий принимал участие в богослужениях, восседая на троне, на втором этаже, куда можно попасть по лестницам в башнях, размещенных в западной части церкви. Этот строительный элемент позднее сформировался в вестверк, который первоначально служил самостоятельной церковью Спасителя, а затем превратился в фасад с двумя башнями. К тому же приблизительно с 787 г., помимо традиционного хора, в восточной части в некоторых церквях стали строить и западный хор. В свое время на территории этнической Беларуси двухбашенный ярусный фасад стал наиболее ярким стилеобразующим элементом барокко.

Активная деятельность монастырей «в миру» приводила к изменению их облика и характера – монахи женились и кельи отводились семейным людям, но Ключинская реформа (от названия монастыря Cluny, основанного около 910 г. в Бургундии) была направлена более на церковно-политические цели. Богатая литургия Ключни содействовала развитию двухголосных композиций, в которых к хоральной мелодии добавился еще один голос – орган. Обычно монастырь в XI-XII в. имел два концентрических ограждения: в пределах внешнего помещались привратническая, альмонарий, где раздавалась милостыня, странноприимный дом и хозяйственные помещения; а пределах внутреннего – обязательные «уставные» постройки, где планировочным и общественным центром служил клуатр. Подобная организация монастыря, претерпевая со временем ряд изменений, отразилась на ряде объектов в Речи Посполитой (монастырь бернардинок в Минске, бернардинцев в Витебске и др.).

В X-XI в. появилась тенденция к слиянию восточного отшельничества с монашеским идеалом бенедиктинцев (орден камаль-

дулов основан в 1012 г. Св. Ромуальдом в Тоскане). В 1084 г. Бруно (Bruno von Kildin) в окрестностях Гренобля организовал особый тип общежития отцов-пустынников La Chartreuse, служащий образцом для монастырей ордена, где ячейки-кельи, представляющие собой самостоятельный планировочный элемент, подобны лучам вокруг галереи, ведущей к часовне. На территории этнической Беларуси подобная пространственная организация была присуща единственному монастырю ордена катезианцев в Березе.

Особую роль среди монастырей с повышенными аскетическими требованиями приобрели цистерцианские. Монастырь Cistercium (Citeaux, франц. департамент Кот д'Ор) основан в 1098 г. клюнийскими монахами из Molesme во главе со св. Робертом. Идеал бедности отражала строгая архитектура, поэтому башни в соответствии с уставом цистерцианского ордена отсутствовали, и вместо колокольных башен возводилась маленькая башенка. Дальнейшим своим развитием орден обязан Бернарду Клервоскому, который в 1115 г. основал Clairvaux и в честь которого монахи ордена во Франции и Италии получили название «бернардинцы». Цистерцианцы основывали монастыри, посвященные Деве Марии по принципу филиалий (от лат. «filiatio» – родственное отпочкование). Согласно предписаниям IV Латеранского собора 1215 г. (12-й канон), введен во всех орденах capitulum generalis по примеру ордена цистерцианцев. Женские общины в основном посвящали себя преподаванию и воспитанию молодежи. Цистерцианцы не знали различия «господской» и «господствующей» земель – terra dominica et dominicata, а для обработки владений привлекали conversi (лат. – обращенные), на которых лежали ремесленные занятия. По внешнему виду грангия напоминала монастырь: в ней была капелла, здания с общей спальней, столовой, кухней и пр. В дальнейшем общины отказывались входить в состав аббатства, меньше держались за земельную собственность и все больше искали пристанище и поддержку в городах.

Группы каноников с конца XI в. стали образовывать конгрегации, принявшие название августинцев, по примеру блаж. Августина (ум. в 430 г.). Порой задачи каноников специализировались, как у основанных в конце XII в. тринитариев – «Орден Святейшей Троицы для освобождения пленных». Обитали они в claustum, куда был закрыт доступ женщинам и мирянам. Клирики спали в общей спальне, ели в общей рефектории, совершали церковные службы в соборе при каноникате. Считалось, что украшения на зданиях не вписываются в бедность ордена, кроме

изображений Спасителя, поэтому возводились простые башенки вместо колоколен.

После III крестового похода во второй половине XII в. крестоносец Бертольд и 10 рыцарей поселились на горе Кармель (близ Хайфы) и стали вести образ жизни латинских монахов. Около «пещеры Ильи» эремиты Бертольда жили как отшельники в кельях, подобных пчелиным сотам, приняв от иерусалимского патриарха Альберта устав, составленный по образцу василианского. Базилика монастыря построена в плане в виде креста и увенчана большим куполом. После неудач христиан на Востоке орден кармелитов передвинулся на Запад и в XVI в. переживал новый подъем благодаря Терезе де Хесус Авильской и Хуану де ла Крус (Juan de la Cruz). В 1580 г. издана булла о разделении Кармеля на два братства, условно обозначенных как «Обутые кармелиты» и «Босоногие (босые) кармелиты». Наиболее интересными архитектурными сооружениями ордена на территории этнической Беларуси являются костел и монастырь в Глубоком. Появившиеся в романской архитектуре XI в. башни (четверик – помещение, где пересекается поперечный неф с продольным) с западной стороны и возле хоров, формирующие общий вид сооружения, так что храмы принимают вид крепостей Божьих, нашли свое воплощение и в четырехбашенном храме в Глубоком.

В XIII в. новое понимание Евангелия нашло свое отражение в еретических движениях и в появлении нищенствующих орденов [1]. Первые францисканцы (по основателю – Franciscus Assisiatis) или минориты (от лат. «ordo fratrum minorum») странствовали по Италии, собирались у хижины в Ривоторто, затем – около капеллы Santa Maria degli Angeli (или Portiuncula). Во время странствий появились привычные убежища, а затем эти «эремитории» стали постоянными общежитиями и появились внутри городов. В женской ветви ордена были введены особые места сбора милостыни – елөзинарии, приводившие к экономической обеспеченности монастырей. В 1256 г. ордену предоставлено право свободного преподавания в университетах. Следует отметить, что в Польше и Великом княжестве Литовском обсервантов (от «observantio» – соблюдение) называли францисканцами, составляющими отдельный орден. «Ordo Praedicatorum» был создан с целью проповеди и борьбы с ересями. В 1216 г. Доминик около Тулузы основал свой первый монастырь, ставший последующим образцом, в котором большинство монахов проповедовали «в миру». Возникновение женской ветви ордена и общины с церко-

вью Санта-Мария в Prouille (Лангедок) связано с душепопечительством среди женщин и воспитанием их в духе борьбы с ересью. Обязательство отказаться от всяких имуществ, доходов и жить подаяниями, провозглашенное в 1220 г., было отменено в 1425 г., т.к. доминиканцам для занятий богословием необходимы были отдельные кельи и библиотеки, предполагавшие благоустроенный монастырь в городе. Характерной чертой архитектуры доминиканцев являются удлиненные в плане нефы храмов, что обуславливается организацией литургического пространства. В целом архитектура храмов францисканцев и доминиканцев обуславливалась созданием просторного зала для проповеди, что, в частности, предопределило создание на территории этнической Беларуси ряда однефных костелов (францисканский в Пинске [2] и др.). В 1346 г. появилась своеобразная форма монашеского подражания Христу, когда Бригитта Шведская основала орден, объединяющий мужчин и женщин в двойных монастырях. Это повлияло на пространственную организацию церкви главного монастыря «Vadstena», возведенную в 1369-1435 г. Хор для монахов был расположен в западной части здания, тогда как хором для монахинь служила деревянная конструкция в центральном нефе, куда монахини попадали из своего «claustrum» (монастырского здания) по мосту.

XVI век способствовал обновлению монастырского воспитания и созданию новых религиозных объединений: римской общины пиаров Scolopi, организованной Джозефино из Каласьянца (Joseph von Calasanza) для основания и руководства «школами благочестия», ордена иезуитов («Societas Jesus», от лат. формы имени Иисус – Jesus), видевших свою задачу только в служении миру, чему служили проповедь, преподавание и помощь обездоленным. От киновии иезуиты практически отказались, и любой из них мог по необходимости жить «в миру». Основатель ордена Игнатий Лойла (Loyola) принимал участие в разработке нового типа здания церкви, ставшего впоследствии образцом для многих орденских храмов, в том числе и для костела Божьего Тела в Несвиже [3]. На территории этнической Беларуси иезуиты создавали коллегии с общежитиями для бедных учеников [4], которые после роспуска ордена перешли к пиарам. Бернардинцы также содержали при некоторых монастырях бесплатные уездные и приходские школы: в Бенице, Будславе, Минске и др. Первый монастырь ордена базилиан – монахов ордена католической церкви с православным обрядом, основанного в Византии якобы бого-

словом Василием Великим (VI в.), – в Великом княжестве Литовском был основан в конце XV в. В конце XVIII в., после III раздела Речи Посполитой, у базилиан на территории этнической Беларуси имелось 52 монастыря [5].

Возводимые иностранными зодчими и местными мастерами монастыри монашеских орденов формировались в конкретной природно-исторической среде, которая оказывала значительно влияние на создание окончательного образа сооружения.

М.Е. Абраменко

г. Гомель

ИЗ ИСТОРИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ БССР (1919 – 1941 г.)

Целенаправленная работа по созданию и развитию советского здравоохранения в Беларуси началась с образования Временного революционного рабоче-крестьянского правительства БССР. С первых дней своей деятельности Наркомздрав республики приступил к созданию единой системы управления здравоохранением на местах. Основой для введения общей организационной структуры, единой по целям и содержанию, явились решения и программные документы, принятые и разработанные Наркомздравом РСФСР и введенные в действие на территории БССР в первые послереволюционные годы.

В Беларуси, как и во всем СССР, утвердилась новая система здравоохранения, имеющая в своей основе такие принципы, как государственность, ведущее профилактическое направление, широкое участие населения в оздоровительной работе, соединение медицинской науки с врачебной практикой.

С решением задачи восстановления и развития материальной базы отрасли в ходе целенаправленной работы правительства и местных органов власти по созданию кадрового и научного потенциала удалось, в основном, решить вопрос доступности населению медицинской помощи и бесплатности её оказания.

Советское правительство, демонстрируя миру свое отношение к охране здоровья людей, немало в этом преуспело. Были ликвидированы массовые вспышки эпидемий, сократились заболеваемость и смертность от инфекционных заболеваний, уменьшилась детская смертность, увеличилась продолжительность жизни людей.

Однако, как показывает анализ работы системы здравоохранения в этот период, она имела в своей деятельности и серьезные недостатки, характер которых особенно четко проявляется в настоящее время.

Была создана вертикальная система органов здравоохранения, замыкающаяся на Народном комиссариате СССР. Эта громоздкая, негибкая бюрократическая система «приказ – контроль» являлась неизбежным звеном в складывающейся административно-командной экономике.

Преимущество данной системы состояло в полной управляемости отраслью, а недостаток её в том, что она могла функционировать только в условиях экономического роста, когда её неэффективность покрывалась за счет других отраслей.

Сформировавшаяся система здравоохранения имела крайне затратный и экстенсивный характер. Главным критерием деятельности отрасли на долгое время стал количественный. Развитие отрасли было затруднено не только перекосами в экономике страны, но и многочисленными «новаторскими» кампаниями конъюнктурного характера. Так, в медицинской практике абсолютизировался социальный фактор. Имело место забегание вперед в вопросах диспансеризации страны, когда для этого ещё не было условий, нерационально использовались средства в ходе строительства лечебно-профилактических учреждений и т.д.

Нуждается в корректировке оценка практики осуществления принципа общедоступности и бесплатности. Из-за осуществления в социалистическом строительстве классового подхода, в более привилегированном положении в части медицинского обслуживания находились рабочие. Сельская же медицина была не так близка к крестьянину, постоянно испытывала трудности с медицинскими кадрами. Представители села имели гораздо меньший доступ к услугам санаториев и домов отдыха, хотя и составляли большинство населения страны. К тому же за счет крестьянства финансировалась индустриализация.

В настоящее время, когда наша республика является страной с переходной экономикой, испытывает значительные экономические трудности, необходимо последовательно выполнять рекомендацию ВОЗ: «Любые улучшения в здравоохранении требуют интегрированных всесторонних действий, направленных на снижение удельного веса факторов, обуславливающих ухудшение состояния здоровья людей».

УЗАЕМАДЗЕЙННЕ ЛІТАРАТУР БССР І ГДР (1965 – 1990 г.)

Адной з самых важных і дзейсных формаў культурных узаемасувязяў паміж народамі БССР і ГДР з'яўляўся літаратурны пераклад.

Асаблівы поспех напаткаў выдатнага і таленавітага беларускага пісьменніка В.Быкава. Яго творы карысталіся вялікай папулярнасцю ў ГДР, выклікалі шырокі рэзананс. Гэтаму спрыяла тое, што В.Быкаў упершыню ў беларускай літаратуры паглядзеў на нямецкага салдата не толькі як на ворага, але і як на чалавека з уласцівымі яму рысамі характару і паводзін. Крытыкі з ГДР ставілі вышэй за ўсё ідэал і патрыятызм у марксісцкім разуменні. У 1965 г. у берлінскім выдавецтве «Kultur und Fortschritt» («Культура і прагрэс») выйшлі дзве кнігі В.Быкава – «Die Falle» («Пастка») і «Die Nacht mit dem Feind» («Ноч з ворагам»). У першую ўвайшла аднайменная аповесць у перакладзе Р.Генкель, у другую – апавяданні «Ноч з ворагам» (у беларускім варыянце – «Адна ноч») і «Чацвёртая няўдача» ў перакладзе Д.Памярэнкі і З.Фішэра. Ужо ў 1967 г. твор «Чацвёртая няўдача» быў надрукаваны зноў, на гэты раз у зборніку «Gesichter des Krieges» («Твары вайны») берлінскага выдавецтва «Volk und Welt» («Народ і свет»), дзе былі змешчаны лепшыя апавяданні пра вайну.

У 1967 г. у берлінскім выдавецтве «Neues Leben» («Новае жыццё») надрукаваны раман І.Шамякіна «Сэрца на далоні» пад назвай «Niemand ist allein» («Ніхто не застаецца ў адзіноце»). Гэты твор перакладала з рускай мовы на нямецкую К.Ралін. Выдаўцы, апроч рамана, змясцілі ў кнізе біяграфічныя звесткі пра аўтара, кароткую анатацыю і пералік яго буйнейшых твораў. У 1968 г. у выдавецтве «Kultur und Fortschritt» апублікаваны раман Я.Брыля «Птушкі і гнёзды» («Vogel und Nester»), які перакладаў Г. – Ё.Грым.

У 1971 г. у берлінскім выдавецтве «Volk und Welt» на нямецкай мове выйшла ў свет выданне анталогіі беларускага апавядання «Sturche über den Sumpf. Belorussische Erzähler» («Буслы над балотамі. Беларускае апавяданне»). Сюды ўвайшлі творы М.Гарэцкага, Ф.Багушэвіча, Я.Коласа, З.Бядулі, А.Гаруна, К.Каганца і інш. У гэтай кнізе знайшлі сваё месца і пераклады твораў тых беларускіх пісьменнікаў, імёны якіх замоўчваліся ў БССР. Пасляслоўе і бібліяграфічныя даведкі пра аўтара напісаў Н.Рандаў, нямецкі перакладчык і папулярнызатар беларускай літаратуры ў

ГДР. Гэта – першае змястоўнае выданне, дзе знайшло адлюстраванне высокае майстэрства беларускіх апавяданняў. Нямецкі чытач пазнаёміўся з творчасцю 30 беларускіх пісьменнікаў, а дзякуючы пасляслоўю – і з кароткай гісторыяй беларускай літаратуры ад яе вытокаў да сучаснасці. Гэты зборнік апавяданняў карыстаўся вялікім поспехам. Тут упершыню ўсе пераклады былі зроблены з арыгінала, і гэтым быў закладзены падмурак да звароту да беларускай літаратуры, якая да гэтага часу ўспрымалася на рускіх перакладах, а меркаванне пра стан яе развіцця рабілася на аснове паведамленняў рускіх крытыкаў і літаратуразнаўцаў.

Н.Рандаў марыў выдаць анталогію беларускага апавядання ў дзвюх кнігах, у адной з якіх ён хацеў змясціць апавяданні канца XIX – першай паловы XX ст., у другой – прозу маладых пісьменнікаў, аднак, выдавецтва парушыла планы ўкладальніка, абмежаваліся адным томам, што наклала адбітак на змест і структуру кнігі [1]. Беларускія апавяданні ў вышэйназваным зборніку на беларускую мову перакладалі Г.Бярэзка, Г.Гербат, Г. – Ё.Грым, М.Дэвей, К.Мюлер, Н.Рандаў, З.Фішэр, Г.Фрэтэр, Г. і У.Чапегі, М.Шэтлер. Пры падрыхтоўцы зборніка дырэктар усходнямецкага выдавецтва «Volk und Welt» Л.Кошут звяртаўся да Саюза пісьменнікаў БССР (СП БССР) з просьбай атрымаць у карыстанне хаця б на нейкі час наступныя выданні: «Анталогія беларускага апавядання» (2 тамы, выдавецтва «Беларусь», 1968), 6 кніг апавяданняў М.Зарыцкага, выдадзеных у 1925 – 1930 гадах, 2 кнігі Я.Нёманскага, выдадзеныя ў 1928 і 1930 г., 4 кнігі апавяданняў Р.Мурашкі, выдадзеных у 1926 – 1934 гадах [2]. Сакратар Праўлення СП БССР І Шамякін у лісце ад 22 студзеня 1969 г. напісаў, што Саюз пісьменнікаў высылае на адрас усходнямецкага выдавецтва толькі 2 тамы «Анталогіі беларускага апавядання», бо астатнія выданні «знайсці няма магчымасці», таму што апавяданні М.Зарыцкага, Я.Нёманскага, Р.Мурашкі пасля вайны не выдаваліся, апроч вышэйзгаданай «Анталогіі...» [3].

У 1970-я гады кантакты і сувязі беларускай і ўсходнеславянскай літаратур набылі новыя якасныя і колькасныя параметры. У гэты час яны перайшлі ў іх вышэйшую праяву – узаемадзенне. Найбольшага поспеху сувязі дасягалі ў галіне антываеннай літаратуры. Гэта добра бачна ў творчасці беларускіх (А.Адамовіч, В.Быкаў, В.Казько, І.Пташнікаў, І.Чыгрынаў) і ўсходнямецкіх пісьменнікаў (К.Вольф, Г.Кант, Г.Нахбар, Ф.Фюман).

1970-я – 1980-я г. былі найбольш плённым перыядам у знаёмстве грамадскасці ГДР з савецкай, у тым ліку беларускай літа-

ратурай. У гэты час пашырыўся і паглыбіўся духоўны і культурны абмен паміж народамі СССР (у тым ліку БССР) і ГДР. Калі раней перавага аддавалася твораў, якія служылі ўзораў для разумення метаду сацыялістычнага рэалізму, дык у гэты час галоўная ўвага была звернута на творы з маральна-эстэтычнай праблематыкай, адметнасцю і своеасаблівасцю мастацкага засваення рэчаіснасці, разнастайнасцю мастацка-стылявых прыёмаў.

У 1972 г. у выдавецтве «Volk und Welt» выйшаў раман І.Шамякіна «Снежныя зімы» пад назвай «Das Bekenntnis» («Прызнанне») у перакладзе Г. – Ё.Грыма. У 1974 г. у гэтым жа выдавецтве пабачыў свет раман І.Мележа «Людзі на балоце» («Menschen im Sumpf») у перакладзе Г.Бярэзкі, Г. і У.Чапегаў. У гэты ж год у берлінска-ваймарскім выдавецтве «Aufbau» («Разбудова») выйшаў раман «Хатынская аповесць» А.Адамовіча пад назвай «Stdten des Schweigens» («Паселішчы маўклівасці») у перакладзе Х.Кюбарта.

У 1970-я г. творы В.Быкава сталі часткай духоўнай культуры ГДР, літаратурна-грамадскім набыткам. Колькасць публікацый кніг В.Быкава на нямецкай мове ў ГДР значна перавышала колькасць выдадзеных у БССР кніг на беларускай мове. У 1970-я гады пабачылі свет: «Eine Alpenballade» («Альпійская балада»; 1970, пераклад Д.Памярэнкі, патсдамскае выдавецтва «Nation»), «Die Schlinge» («Пятля»; 1972, пераклад Т.Рэшкі, «Volk und Welt»), «Novellen. Bd. 1 – 2» («Аповесці. Двухтомнік», 1976, «Volk und Welt»), «Sein Batallon» («Яго батальён», 1977, «Volk und Welt»), «Au sgewdhlte Novellen» («Выбраныя аповесці», 1978, лейпцыгскае выдавецтва «Reclam»). Двухтомнае выданне выбраных твораў В.Быкава ў ГДР з'явілася, як апавядалася вышэй, раней, чым у БССР – у 1976 г. У 1-ы том увайшлі «Трэцяя ракета», «Адна ноч», «Пастка», «Альпійская балада», «Круглянскі мост», а ў другі – «Сотнікаў», «Абеліск», «Дажыць да світання», «Воўчая зграя». Творы гэтага двухтомніка перакладалі Г.Войтак, Д.Памярэнка, Р.Хенкель, Т.Тантшэр, Т.Рэшке, Н.Рандаў, Р.Вільнаў. Што датычыць другога зборніка – «Выбраныя аповесці», які выйшаў у 1978 г., дык ён змяшчаў творы беларускага пісьменніка «Круглянскі мост», «Абеліск», «Здрада» і «Сотнікаў».

Але ўсіх кніг беларускіх аўтараў, выдадзеных на нямецкай мове ў ГДР, не меў нават СП БССР. 17 чэрвеня 1977 г. адбылося пасяджэнне прэзідыума Праўлення СП БССР, сярод выступоўцаў якога быў генеральны консул ГДР у БССР Л.Волерт. Што распаўёў пра культурныя сувязі паміж абедзвюма краінамі, у тым ліку пра выданне твораў беларускіх пісьменнікаў у ГДР у перакладзе

на нямецкую мову [4]. Ён перадаў СП БССР 10 кніг беларускіх аўтараў, выдадзеных у 1968 – 1976 г. у ГДР, а менавіта:

- 1) Я.Брыль «Птушкі і гнёзды» (1968);
- 2) анталогія беларускага апавядання «Буслы над балотамі» (1971);
- 3) І.Шамякін «Снежныя зімы» (1972);
- 4) В.Быкаў «Сотнікаў» (1972);
- 5) І.Мележ «Людзі на балоце» (1974);
- 6) А.Адамовіч «Хатынская аповесць» (1974);
- 7) А.Кудравец у анталогіі «Ноч касманаўта» (1975);
- 8) В.Быкаў «Аповесці» (1976, два тамы);
- 9) аўтарскі калектыў «У лясках Беларусі» (1976) [5].

На гэтым пасяджэнні быў прапанаваны таксама няпоўны спіс беларускіх твораў, якія выйшлі ў ГДР, і, апроч кніг, перададзеных у СП БССР, тут знаходзіліся наступныя:

- 1) І.Шамякін «Сэрца на далоні» (1967);
- 2) беларускія народныя казкі «Салавей-разбойнік» (1969);
- 3) В.Адамчык «Млечны шлях» у анталогіі (1975);
- 4) А.Каштанаў «Завадскі раён» (1975);
- 5) А.Макаёнак «Святая прастата» (1976) [6].

У 1980-я гады ўзаемадзейне беларускай і ўсходнянемецкай літаратур набыло новыя ўласцівасці. У гэты час якасна павысіўся ўзровень даследаванняў беларускай літаратуры ў крытыцы і літаратуразнаўстве ГДР. У гэты час асабліва праявілася цікавасць да беларускай прозы. Працягвалі перакладацца і выдавацца творы В.Быкава: «Novellen. Der Obelisk. Sein Batallon» («Аповесці. Абеліск. Яго батальён», 1980, «Volk und Welt»), «Gehen und nicht zugьскkehren» («Пайсці і не вярнуцца», 1981, «Militerverlag»), «Zeichen des Unheils» («Знак бяды», 1984, «Volk und Welt»).

У 1982 г. у берлінскім выдавецтве «Аўфбаў» выйшла кніга А.Адамовіча «Henkersknechte» («Карнікі») у перакладзе Т.Рэшке з прадмовай нямецкага пісьменніка Г.Канта. У наступным годзе надрукавана кніга А.Кудраўца «Totengedenken» («Радаўніца», 1983, берлінскае выдавецтва «Union») у перакладзе Н.Рандава, Г. і У.Чапегаў з пасляслоўем Н.Рандава. У 1983 г. беларускае выдавецтва «Юнацтва» апублікавала кнігу-эсэ У.Караткевіча «Зямля пад белымі крыламі» («Land unter weissen Fьlgeln») у перакладзе на нямецкую мову У.Чапегі.

Шырокай папулярнасцю карысталася «Блакадная кніга» («Das Blockadebuch») А.Адамовіча і Д.Граніна (1984, «Volk und Welt»), якая выйшла ў перакладзе Р.Вільнаў. У 1986 г. у берлінскім

выдавецтве «Nationen» («Нацыі») пабачыла свет кніга І.Шамякіна «Гандлярка і паэт» пад назвай «Die Hndlerin und der Poet» у перакладзе К. – Д.Голя.

Як бачна з вышэйпададзенай інфармацыі, адным з найбольш плённых перакладчыкаў з беларускай на нямецкую мову з’яўляўся Н.Рандаў. У Беларусі яго імя вядома па водгуках і рэцэнзіях, артыкулах і кнігах пра яго публікацыі, пераклады, анталогіі і зборнікі. Ён зацікавіўся Беларуссю ў другой палове 1960-х гадоў. Нягледзячы на тое, што за мяжой нельга было падпісацца на беларускую перыёдыку, загадаў патрэбную беларускую кнігу, Н.Рандаў атрымліваў беларускую прэсу і камплектаваў беларускамоўную бібліятэку дзякуючы дапамозе родных, блізкіх і знаёмых людзей. Апроч ужо раней пералічаных яго перакладаў, у канцы 1980-х гадоў Н.Рандаў падрыхтаваў яшчэ два значныя выданні. У 1987 г. арыгінальнае прачытанне набыло беларускае класічнае апавяданне ў зборніку «Die junge Eiche. Klassische belorussische Erzählungen» («Малады дубок. Класічныя беларускія апавяданні», «Reclam», 1987). Тут прыведзены 29 апавяданняў 11 буйнейшых беларускіх пісьменнікаў. Над гэтай кнігай працавалі 10 перакладчыкаў.

У 1988 г. пабачыла свет адно з лепшых рандаўскіх выданняў – зборнік паводле твораў Я.Коласа «Mädchen des Lebens» («Казкі жыцця»; берлінскае выдавецтва «Der Morgen»). Гэта была сапраўдная прэм’ера, бо нічога падобнага на гэты час не было ні ў БССР, ні за яе межамі. Гэта – першае самае поўнае і дакладнае выданне. Тут змешчана 35 апавяданняў і частка паэмы, маюцца падрабязныя каментары і дакладная бібліяграфія, змястоўнае пасляслоўе.

Сувязі ў галіне літаратуры праходзілі не толькі па лініі СП БССР, але і па лініі Беларускага таварыства дружбы і культурнай сувязі з замежнымі краінамі (БТД). Беларускі паэт-перакладчык Я.Семяжонаў 15 лістапада 1966 г., на той момант вучоны сакратар секцыі літаратуры і мастацтва БТД, у сваім выступленні на II рэспубліканскай канферэнцыі БТД зазначыў:

1) БТД з’яўляецца каналам, праз які ідзе свабодны абмен культурнымі каштоўнасцямі паміж народамі;

2) беларуская культура як неад’емная частка ўсёй сацыялістычнай культуры «Краіны саветаў» становіцца вядомай за яе межамі;

3) адным з недахопаў у працы БТД з’яўляецца адсутнасць шырокай магчымасці годна прадставіць калег-літаратараў сацы-

ялістычных краін чытачу БССР, бо няма спецыялізаванага друкаванага выдання перакладной літаратуры [7].

Аднак нават у гэты час, калі не было спецыялізаванага друкаванага выдання перакладной літаратуры, у БССР актыўна перакладалі творы пісьменнікаў ГДР. Напрыклад, толькі з 1965 па 1967 г. у БССР пабачыла свет усяго толькі адна кніга перакладу на беларускую мову [8], але затое вялікая колькасць твораў усходнемяцкіх аўтараў друкавалася ў беларускіх газетах і часопісах. За гэтыя тры гады ў газетах «Гродненская правда», «Літаратура і мастацтва», «Чырвоная змена» і часопісах «Беларусь», «Полымя» з'явіліся вершы такіх аўтараў, як К.Альтэн, Г.Байэрль, У.Бергер, Б.Брэхт, І.Бэхер, Г.Вюншэ, Б.Іенч, Куба, Г.Кунэрт, В.Ліндэман, Е.Прывэ, Ф.Фюман, С.Хермлін, М.Цымерынг (на беларускую мову перакладалі П.Бітэль, А.Вярцінскі, Ю.Гаўрук, І.Дуброўскі, А.Клімчык, А.Клышка, М.Навіцкі, Я.Семязон, В.Сёмуха) і апавяданні такіх аўтараў, як В.Борхерт, Г.Бэль, П.Віп, Ф.Вольф, А.Зегерс, В.Іеха, Х.Магер, Ю.Мадзер, Ф.Ман, Г.Нахбар, Г.Продал, Б.Удэ, Ф.Фюман, Г.Хаге, К.Цюркэ, Р.Штраль, К.Г.Якабс (на беларускую мову перакладалі С.Куваева, С.Куваеў, М.Навіцкі, Г.Рудая і А.Шарахоўская ў газетах «Звязда», «Літаратура і мастацтва», «Мінская праўда», «Чырвоная змена» і часопісах «Полымя», «Беларусь», «Работніца і сялянка» [9].

У 1968 г. быў надрукаваны зборнік вершаў «Пярэднія ўвайшлі ў заўтра». Тут былі змешчаны вершы такіх усходнемяцкіх паэтаў, як І.Баброўскі, К.Бартэль (Куба), У.Бергер, І.Бэхер, П.Вінс, П.Гакс, Е.Герлах, У.Грунінг, Г.Дайке, Г.Калаў, Г.Кунэрт, Р.Кірш, С.Кірш, Р.Кунцэ, Р.Леангард, Р.Лейсінг, Г.Мюлер, І.Мюлер, Л.Фюрнберг, Г.Цыбулька, А.Шульцэ, Г.Эгерс і інш. дзякуючы беларускім перакладчыкам.

У 1971 г. у мінскім выдавецтве «Беларусь» пабачыла свет аповесць К.Мэнкэ «Макс у тунэлі» для дзяцей малодшага школьнага ўзросту ў перакладзе А.Зарыцкага. У 1973 г. у мінскім выдавецтве «Мастацкая літаратура» апублікаваны тры маленькія аповесці Б.Плудры для дзяцей дашкольнага і малодшага школьнага ўзросту ў кнізе пад назвай «Боцман на крызе» ў перакладзе С.Міхальчук.

У 1973 г. выйшаў зборнік апавяданняў пісьменнікаў ГДР пад назвай «Незабыўны дзень» (выдавецтва «Мастацкая літаратура»). Тут надрукаваны апавяданні такіх аўтараў, як Г. дэ Бройн, В.Брэдэль, Ю.Брэзан, Ф.Фюман, Шт.Хэрмлін і іншых (на беларускую мову перакладалі Н.Брэль, С.Дорскі, Н.Мяцяш, М.Навіцкі, Я.Семязон, В.Сёмуха, У.Чапега).

У 1977 г. у перакладзе В.Сёмухі пабачыў свет раман Г. дэ Бройна «Preisverleihung» пад назвай «Прысуджэнне прэміі», а ў 1979 г. у перакладзе В.Сёмухі і М.Навіцкага – раман О.Гофэ «SchliЯakkord» пад назвай «Фінальны акорд».

1985 г. стаўся годам з’яўлення на беларускай мове зборніка вершаў Ё.Бэхера «Вяртанне да сябе» ў перакладзе У.Папковіча (выдавецтва «Мастацкая літаратура») у серыі «Паэзія народаў свету» (заснавана ў 1971 г.).

У 1988 г. надрукаваны вершы і песні Б.Брэхта ў перакладзе Л.Баршчэўскага пад назвай «На шалях праўды» (выдавецтва «Мастацкая літаратура»).

У перыяд з 1965 па 1900 год на Беларусі працягваліся традыцыі спасціжэння класікі нямецкай літаратуры. У 1976 г. у Мінску, дзякуючы намаганням таленавітага перакладчыка В.Сёмухі, выйшла першае беларускае выданне несмяротнага «Фауста» Ё. – В.Гётэ. Гэтае выданне атрымала высокую ацэнку ў айчынай і замежнай крытыцы.

У 1981 г. апублікаваны тры кнігі агульнанямецкага значэння (ГДР і ФРГ маглі аднолькава пераканаўча даказваць, што аўтар адносіцца і да іх). Адну з іх – раман «Даўным-даўно ў нас дома: Перажытае, бачанае і прыдумане» Г.Фаланды пераклаў В.Сёмуха (выдавецтва «Юнацтва»), другую – «Балады» Ф.Шылера – Ю.Гаўрук («Юнацтва»). Выбраная лірыка Ё.Гётэ пад назвай «Спатканне і ростань» (выдавецтва «Мастацкая літаратура») была перакладзена А.Лойкам.

У БССР у 1983 г. выйшаў пераклад твора А.Аменды «Апасіяната».

У зборніку выбраных перакладаў В.Сёмухі «Прыйдзі, стваральны дух» (выдавецтва «Мастацкая літаратура», 1986) знайшлі месца і народныя балады, вершы Г.Бюргера, Ё.Гётэ, Ф.Шылера, Г.Гейнэ з нямецкай лірыкі.

Такая вялізная колькасць перакладаных выданняў сведчыць пра пэўную зацікаўленасць з боку рэспублік – БССР і ГДР, якія прымалі ў гэтым удзел. Літаратура была адным з асноўных кірункаў культурных кантактаў паміж гэтымі рэспублікамі. Але ў дачыненні да класікі нямецкай літаратуры, якая па праву магла лічыцца і набыткам ГДР, існавалі вялікія абмежаванні. Пры адборы гэтых твораў для перакладу патрэбна было прайсці ідэалагічны кантроль. Галоўнай праблемай з’яўлялася існаванне жорсткай цензуры.

СЕКЦЫЯ 6

ФАРМІРАВАННЕ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ Ё ХХ СТАГОДДЗІ

В.А. Космач

г. Віцебск

НАРМАНЫ – ВАРАГІ І СТАНАЎЛЕННЕ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ І БЕЛАРУСКАГА ЭТНАСА Ё СЯРЭДНЯВЕЧЫ

Зазірнем у «Аповесць мінулых гадоў». Пад 6370 (862) годам у ёй гаворыцца аб усходніх славянах і фіна-ўгорскіх плямёнах, якія жылі як суседзі, наступнае: «Изгнали варягов за море и не дали им дани, и начали сами собою владеть. И не было среди них правды, и встал род на род, и были меж ними усобицы, и начали воевать сами собою. И сказали они себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море, к варягам, к руси, ибо звались те варяги – русь, как другие зовутся шведы, иные же норманы, англы, другие готы, эти же – так. Сказали руси чудь, словене, кривичи все: «Земля наша велика и обильна... Приходите княжить и владеть нами». И избрались три брата со своими родами, и взяли с собой всю Русь, и пришли к словенам первым, и срубили город Ладогу, и сел в Ладоге старейший Рюрик, а другой – Синеус – на Белом озере, а третий – Трувор – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же, люди новгородские – от рода варяжского, прежде всего словене.

Два года спустя умерли Синеус и брат его Трувор. И принял всю власть один Рюрик, и пришёл к Ильменю, и срубил городок под Волховом, и назвал его Новгород, и сел тут княжить, раздавая волости и города рубить – пришельцы, а изначальное население в Новгороде – словене, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Белоозере – весь, в Муроме – мурома, и всеми ими обладал Рюрик.

И было у него два мужа, не племени его, но бояре, и относились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и проходя мимо, увидели на горе городок. И спросили: «Чеё это городок?». И сказали им: «Были три брата: Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и погибли, а мы, их потомки, сидим здесь и платим дань хазарам». Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали около себя много варягов, стали владеть землёй полян. Рюрик же в это время княжил в Новгороде» [1].

Адразу зробім некаторыя назіранні. Па-першае, бачна, што старажытнае насельніцтва будучай «Кіеўскай Русі» было не толькі славянскім. Яго ў асноўным можна звесці да двух галоўных этнасаў: першы – фіны ці фіна-ўгорскія народы (фіны, чудзь, лопары, мардва, чувашы, перм, зыране і інш.) і другі – славяне (паляне, драўляне, дрыгавічы, севяране, крывічы і інш.). Яны не называлі сябе рускімі, ні паасобку, ні разам. Па-другое, менавіта фіна-ўгры і ўсходнія славяне прасілі варагаў з-за мора аб дапамозе. І тут патрэбна асаблівая ўвага. Яны звярнуліся не да ўсіх варагаў, і не да нарманаў, як лічылася раней, да той часткі варагаў, якія называліся «русь». Дарэчы, скандынаўскія сагі гавораць аб тым, што першыя нарманы з'яўляюцца на Русі толькі пры Уладзіміру і службу яны неслі галоўным чынам у прыбалтыйскіх землях. Там, дзе жылі балцкія плямёны, дакладней, іх частка, блізкая па нейкіх прычынах да палачан-крывічоў. Далей стане зразумелым, чаму вялікі князь Уладзімір запрасіў менавіта сюды варагаў-нарманаў на службу. Полацк стаў дэманстраваць свой нораў і пачаў імкнуцца да поўнай дзяржаўна-палітычнай незалежнасці.

Дык хто ж такія варагі? Руская назва «варагі» – тое ж самае, што шведскае «Waring» і грэчаскае «Bαραnqos». Яго пераклад «Foederati», гэта значыць саюзнікі. Аб гэтым пісаў яшчэ ў XVIII ст. у сваім універсітэцкім курсе па гісторыі Расіі за мяжой вядомы ў свой час фінляндска-шведскі гісторык, філосаф і этнограф Хенрык Габрыэль Партан (1739-1804 г.) [2]. Гэта даволі цікавая акалічнасць. Аказваецца, варагі – гэта не адзін нейкі народ ці этнас, а збіральніцкая назва саюзнікаў – русі, шведаў, нарманаў, англаў і готаў, як гэта бачна з «Аповесці мінулых гадоў». Хаця выказваюцца і іншыя меркаванні. Напрыклад, вядомы сучасны расійскі гісторык Яўген Пчолаў адзначае, што мужчыны – жыхары Старажытнай Скандынавіі, продкі цяперашніх датчан, нарвежцаў і шведаў, «уходили в дальние походы, грабя и разоряя соседние и не слишком соседние страны. Сами себя они называли викингами. Это название означало не национальную

принадлежность, а профессию. На Западе викингов именовали норманами (северными людьми), на Востоке – варягами. Считается, что древнерусское слово «варяг» происходит от древнескандинавского var, что означает обет, клятва, которую давали викинги, отправляясь воевать. Впрочем, в историографии существуют и другие мнения. Полагают, что варяги на самом деле являлись балтийскими славянами и даже что они имели кельтское происхождение. Но большинство историков всё-таки предпочитают видеть в варягах жителей Северной Европы – Скандинавского региона» [3].

Такім чынам, адно з варажскіх плямёнаў – «русь» дало назву будучай, вядомай у свой час, канфедэратыўнай дзяржаве ўсходніх славян «Кіеўскай Русі», у склад якой непрацяглы час уваходзіла ўсходняя і паўночна-ўсходняя частка сучаснай Беларусі з цэнтрам у Полацку. А дзе жыла гэта «русь»? З «Аповесці мінулых гадоў» мы ведаем, што «за морам», і хутчэй за ўсё – гэта шведы.

Назву «русь» шведы атрымалі яшчэ да Рурыка. Яны належалі здаўна да так званых «народа вады, мора», галоўным заняткам якіх была вайна (а таксама гандаль, калі ў ваенных паходах не было патрэбы). Гэта абставіна датычылася, напэўна, не толькі шведаў, але і іншых народаў, у тым ліку славянскіх, якія сяліліся на ўзбярэжжы Балтыйскага (Варажскага) мора. Славянскія князі і нават візантыйскія імператары выкарыстоўвалі варажскія дружыны («варангаў», «марангаў») у барацьбе за ўладу і падчас войнаў з суседзямі. Падобна, што славяне навучаліся абазначаць гэтым імем шведаў «Ruozі». Нестар дакладна адрознівае «русь» на чале з Рурыкам ад славян, і гэта вельмі важная акалічнасць. Цікава і тое, што ў XII-XIII ст. у рускамоўных крыніцах слова «варажскі» абазначала таксама «каталіцкі» («варажская вера», «варажская бажніца» і інш.) [4]. Менавіта шведы ў XII ст. прынялі каталіцтва. Супадзенне, як бачна, не выпадковае [5].

У IX ст. фіна-ўгорскія плямёны і ўсходнія славяне апынуліся пад уладай «русі» (шведаў-варагаў). Але адбылося так, што паўночная частка іх тэрыторыі кантралявалася знатным княжацкім родам (племенем) Рурыкавічаў, а паўднёвая – менш знатнай часткай шведаў-русічаў на чале з Аскольдам і Дзірам. І калі ў 865 г. «ваявалі Аскольд і Дзір палачанаў і многа зла натварылі», захапіўшы пры гэтым значныя крывіцкія і дрыгавіцкія землі, якія былі пад уладай Рурыка, гэтага ім дараваць іх больш заможныя суродзічы не маглі. Ужо ў 882 г. нашчадак Рурыка Алег ідзе на Кіеў і забівае Аскольда і Дзіра, гаворачы: «Вы не князья и не княжеско-

го рода, я же княжеского рода» [6]. Тым самым шведы-русічы канчаткова авалодалі землямі ўсходніх славян, даўшы назву новай дзяржаўнасці. «И сел Олег княжить в Киеве, и сказал Олег: Это будет мать городам русским». И были у него варяги и словене, и прочие – прозваншиися Русью». Не выключана, што ў гэтай барацьбе Рурык і Алег выкарыстоўвалі супраць Аскольда і Дзіра частку ўсходнеславянскіх князёў (у тым ліку полацкіх) і што назва «Foederati» (саюзнікі) пашырылася ў сваіх межах і набыла новы змест, стаўшы з другой паловы IX ст. абазначаць палітычны саюз варагаў-русі (шведаў) з усходнімі славянамі, вядомы для Візантыі як «Baqanos» (саюзнікі па канфедэрацыі пад назвай «Кіеўская Русь»).

Патрэбна адзначыць і тое, што ў Заходняй Рымскай імперыі шведы былі вядомы пад сваім асабістым іменем, а ва Усходняй – насілі імя «рос», якім грэкі затым заўсёды абазначалі рускіх, успрыняўшы гэта абазначэнне ад фінаў. Нестар, які чэрпаў сваё апавяданне аб старажытнейшых часах у візантыйцаў і вусных паданнях, не ведаў, што рос і шведы – адзін і той жа народ, як, магчыма, не ведаў і аб фінскім паходжанні назвы, і таму яго апавяданне такое цямае (да Рурыка). Але пры гэтым патрэбна падкрэсліць, што ў канфедэрацыі ці саюзе варагаў-русі з усходнімі славянамі большая частка насельніцтва была ўсё ж славянскай, а самі ўсходнія славяне не былі захоплены шведамі-руссю ваеннай сілай. Таму не дзіўна, што асноўнай мовай у «Кіеўскай Русі» з'яўлялася старажытнаславянская.

Далей «Аповесць мінулых гадоў» адзначае, што «именно Олег начал ставить города и установил дани словенам и кривичам, и мери, и установил давать дань варягам от Новгорода по 300 гривен на лето ради сохранения мира, которая и давалась варягам до смерти Ярослава» [7].

Напэўна, гэта доўга працягвацца не магло. Найбольш моцныя аб'яднанні ўсходнеславянскіх плямёнаў выказвалі сваё незадавальненне. У першую чаргу гэта маглі быць крывічы як адно з самых магутных усходнеславянскіх саюзаў плямён, хутчэй за ўсё, палачане (крывічы славяна-балцкага паходжання). Ужо ў другой палове X ст. палачане на чале з князем Рагвалодам выйшлі са складу «Кіеўскай Русі» – канфедэрацыі ўсходнеславянскіх, фінаўгорскіх і іншых плямёнаў з «руссю» ці шведамі-варагамі. Полацкае княства было першым, хто свядома дамогся дзяржаўнай незалежнасці. Тое, што менавіта заходнія (полацкія) крывічы нейкі

час заставаліся пад уладай кіеўскіх князёў, гаворыць аб тым, што ў IX ст., а магчыма, і раней, палачане мелі сваю моцную дзяржаўнасць. У старажытных скандынаўскіх сагах, задоўга да Рурыка, маюцца звесткі аб Полацку як аб багатым і моцным уладанні, які меў свайго гаспадара (князя) [8]. Што датычыцца Рагвалода, то ён з'явіўся ў Полацку не раней сярэдзіны 40-х гадоў X ст. «з-за мора», прыбыўшы па Дзвіне з магутнай варажскай дружнай. Хутчэй за ўсё, гэта маглі быць хтосьці з заходніх славян.

У гэтай сувязі заслугоўвае ўвагі думка А.Рогалева аб тым, што варагі-русь маглі паходзіць (магчыма, і сам Рагвалод) з вострава Руяны, які размяшчаўся ў Одэрскім заліве. Ён і цяпер ёсць – востраў Руген. Адзначым у гэтай сувязі, што аўтар «Аповесці мінулых гадоў» лакалізуе нейкую частку варагаў паміж «ляхамі» і «англамі» (датчанамі). Што датычыцца вострава Ругена, то ён раней меў некалькі варыянтаў назвы ў розных крыніцах: Руяны, Ругія, Рутэнія, Русінія, Райана, Руйана, Рэўна. А насельнікі вострава называліся адпаведна ругамі, рутэнамі, русінамі, русцамі, райанамі, руйанамі. Заходнееўрапейскія хронікі апавядалі аб жыхарах Руяны наступнае: «Самае моцнае славянскае племя... народ жорсткі. Звыш меры адданы ідаласлужэнню, пераважна выдатны сярод усяго славянскага народа» [9].

Менавіта такое моцнае славянскае племя варагаў і спатрэбілася палачанам, каб зрабіць сваю Русь Белай, гэта значыць, свабоднай, незалежнай ад Кіева як у падатках, так і палітычна. Але не выключана, што такімі варагамі-славянамі, якія дапамаглі Полацку вызваліцца і ўтварыць сваю дзяржаўнасць незалежна ад Кіева, былі ўсё ж прусы (лац. Pruzzi, назва сустракаецца ўжо ў IX ст.) – група балцкіх плямёнаў, са старажытнасці жывых на паўднёвым узбярэжжы Балтыйскага мора паміж ніжнім цячэннем Віслы і Нёмана [10]. Археалагічныя дадзеныя, пачынаючы з ранняга палеаліту, паказваюць падабенства матэрыяльнай культуры старажытных прусаў з культурай блізкіх ім па мове плямёнаў ліцвінаў і славянаў.

Адсюль бачна, што фарміраванне беларускага этнасу адбылася на балцка-славянскай аснове, у адрозненне ад рускіх, якія фарміраваліся на славяна-фіна-шведскай аснове з вялікім дабаўленнем хазараў, печанегаў і асабліва татара-мангольскіх народаў у перспектыве. Можна сцвярджаць, што па сваёй этнічнай гісторыі беларусы непасрэдна звязаны з заходнееўрапейскай цывілізацыяй і яе каштоўнасцямі, а рускія маюць большы ўхіл да ўсходніх

цывілізацый і каштоўнасцей «азіяцкага спосаба вытворчасці». Адсюль традыцыйны манархізм і месіянізма расейцаў (у адбыўшайся ўжо гісторыі, але не абавязкова назаўсёды ці фатальна на перспектыву), у адрозненне ад памяркоўнасці і разважлівасці беларусаў, у этнічнай гісторыі якіх дарэчы аб'ядноўваюцца тэма ці іншыя рысы дзевяці народаў – славян і балтаў, готаў і фінаў, татар і палякаў, яўрэяў, шведаў і германцаў [11].

Такім чынам, назва «Белая Русь» усталявалася на сучасных землях паўночнага ўсходу і ўсходу рэспублікі і амаль усёй Смаленшчыны ўжо ў X – XI ст., хоць і фіксуецца пісьмовымі крыніцамі пазней (у XII – XIII ст.), а пашыраецца на ўсю сучасную тэрыторыю Беларусі на працягу XIV – XX ст.

А.Ш. Хасанов

г.Мінск

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ НА РАННИХ ЭТАПАХ СТАНОВЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

На протяжении всего периода существования государственности на белорусских землях чётко прослеживается различие правового статуса городских и сельских жителей. Начиная с зарождения государства на Беларуси, которое большинство исследователей относит к IX веку н.э., городское население фактически находилось в привилегированном положении по сравнению с сельским. Это отразилось прежде всего в правовых нормах периода раннего средневековья (Фехнер М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни. – М., 1959. – С.153-154; Грушевский А.С. Города ВКЛ в XIV-XVI в. – К., 1918. – С.14-15; Леонтович Ф.И. Очерки истории литовско-русского права. – СПб., 1894. – С.23). Существование же вечаевого строя в таких городах, как Полоцк и Витебск было одним из проявлений особого положения средневекового города в системе государственного управления древнебелорусских земель (Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. – М., 1959. – С.49; Штыхаў Ю. Палітычны лад Полацкай дзяржавы ў X-XIII ст. // Полацк. – № 6. – Кліўленд, 1993. – С.3-6; Wielhorski W. Okres unii personalnej // Dzieje Ziemi Wielkiego Księstwa Litewskiego. Cykl wykładów. – London: Ognisko Polskie, 1953. – P.58).

После вхождения белорусских земель в состав ВКЛ в XIII–XIV в. произошло окончательное оформление и разделение основной массы населения Беларуси по линии город-городок (местечко)-деревня. Начиная с XV в. жители белорусских городов выделились в отдельное сословие – мещан. Правовой статус мещан зависел в значительной степени от города, где они проживали, и от имущественного положения конкретного горожанина. Следует отметить, что в отличие от жителей городов Московского государства, белорусские мещане пользовались куда более широкими привилегиями, в особенности в городах, получивших магдебургское право (Копыцкий З.Ю. Магдебургское право в городах Белоруссии (к. XV – 1-я половина XVII в.) // Советское славноведение. – М., 1972. – С.28).

Сельское население белорусских земель тоже не было однородным. Крестьяне различались как по правовому статусу и юридической обеспеченности владения земельными участками, так и по путям закрепощения (Спиридонов М.Ф. Закрепощение крестьянства в Литве. – Вильнюс, 1962). В отличие от городских жителей, чьи интересы защищали как нормы обычного (традиционного) права, так и привилегии, выданные великим князем литовским тому или иному городу (Грушевский А.С. Указ. соч. – С.17), крестьяне свои права могли защищать только методом подачи челобитных в вышестоящие инстанции на действия представителей местной администрации. Неудивительно, что в обозначенный период, несмотря на некоторый социальный антагонизм, происходят постоянные миграции населения из деревень и города. Большинство городов средневековой Европы из-за высокого уровня смертности, связанного с тяжёлыми условиями жизни, эпидемиями, войнами, политической нестабильностью, не могли поддерживать численность своего населения за счёт внутренних ресурсов (Средневековая Европа глазами современников и историков. Ч.3: Средневековый человек и его мир. – М., 1994. – С.134). Приток новых жителей из деревень обеспечивал стабильное функционирование старых городов и подъём новых.

Такая ситуация будет характерна для всего периода раннего средневековья, и одной из её причин являлось недовольство значительной части сельского населения своим положением в обществе и стремлением изменить его в лучшую сторону путём миграции в города.

ЭТАПЫ ФАРМІРАВАННЯ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ (1917 – 1920 г.)

У справе фарміравання беларускай дзяржаўнасці выключна важнае месца займаюць падзеі 1917-1920 г. У працэсе станаўлення беларускай дзяржавы ў гэты перыяд можна выдзеліць тры галоўныя этапы:

1) 1917 г. – развіццё беларускага нацыянальнага руху, прызнанне на аўтаномію Беларусі. Вяршыняй гэтага этапу з’яўляецца правядзенне I Усебеларускага з’езда;

2) 1918 г. – перыяд існавання БНР, абвясчэнне незалежнасці Беларусі;

3) 1919-1920 г. – нацыянальна-дзяржаўнае будаўніцтва на савецкай платформе і абвясчэнне БССР, Літоўска-Беларускай ССР і ССРБ.

Перамога Лютаўскай рэвалюцыі садзейнічала ўздыму беларускага нацыянальна-вызваленчага руху, барацьбе за самавызначэнне беларускага народа. У авангардзе гэтай барацьбы знаходзілася Беларуска сацыялістычная грамада. У маі 1917 г. утвараюцца яшчэ 2 партыі – БНПС і БХД. На Беларусі і за яе межамі ўзнікаюць шматлікія культурна-асветніцкія арганізацыі і гурткі. У сакавіку 1917 г. у Мінску адбыўся з’езд беларускіх нацыянальных арганізацый. Важнейшае рашэнне з’езда – прызнанне аўтаноміі Беларусі ў складзе Расійскай Федэратыўнай Рэспублікі. Для гэтага на з’ездзе быў створаны Беларускі Нацыянальны Камітэт (БНК), адной з важнейшых задач якога з’яўлялася выпрацоўка асноў аўтаноміі Беларусі ў складзе дэмакратычнай Расіі і падрыхтоўка выбараў у Беларускую краёвую раду. У ліпені 1917 г. на II з’ездзе беларускіх нацыянальных арганізацый была створана Цэнтральная Рада, асноўным праграмным палажэннем якой з’яўлялася барацьба за аўтаномію Беларусі ў складзе дэмакратычнай Расіі, стварэнне беларускага войска, развіццё нацыянальнай культуры і мовы.

Пасля перамогі Кастрычніцкай рэвалюцыі адбываецца далейшае развіццё беларускага нацыянальнага руху. Для вырашэння лёсу Беларусі Вялікая Беларуская Рада і Цэнтральная Беларуская Рада, утвораныя ў кастрычніку 1917 г., незалежны ад іх Беларускі абласны камітэт пры Усерасійскім з’ездзе Саветаў сялянскіх дэпутатаў выступілі з ідэяй склікання Усебеларускага з’езда. Разга-

наны бальшавікамі І Усебеларускі з'езд паспеў прыняць рашэнне аб стварэнні новага краявога органа ўлады – Усебеларускага Савета сялянскіх, салдацкіх і рабочых дэпутатаў. Гэта азначала, што на тэрыторыі Беларусі абвешчаўся рэспубліканскі дэмакратычны лад, а ўлада Аблвыканкамзаха і СНК Заходняй вобласці і фронту была прызнана незаконнай.

Пасля разгону І Усебеларускага з'езда яго паўнамоцтвы былі перададзены Радзе з'езда, якая ўтварыла Выканаўчы Камітэт. 21 лютага 1918 г. Выканаўчы Камітэт абвясціў аб стварэнні Народнага Сакратарыята – беларускага ўрада. 9 сакавіка 1918 г. на пасяджэнні Выканкома ў прынятай 2-й Устаўной грамаце абвешчалася Беларуска-Народная Рэспубліка, а 25 сакавіка 1918 г. у 3-й Устаўной грамаце была абвешчана незалежнасць БНР.

Ва ўмовах германскай акупацыі Рада і ўрад БНР не маглі сфарміраваць рэальную сістэму органаў улады, стварыць уласныя ўзброеныя сілы, мясцовыя органы ўлады, фінансавую і судовую сістэмы. Нямецкая акупацыйная адміністрацыя не пайшла на прызнанне Беларускай Народнай Рэспублікі і не дазволіла стварыць атрыбуты беларускай дзяржаўнасці. Таму кіраўніцтва БНР магло рабіць толькі тое, што дазвалялі акупацыйныя ўлады – рашэнне задач у культурна-адукацыйнай галіне.

Крытыкі БНР, як правіла, заяўляюць, што БНР – не дзяржава, а толькі спроба, да таго ж няўдалая, стварыць беларускую дзяржаўнасць. Аднак у любым выпадку абвешчэнне БНР з'яўляецца адным з важнейшых этапаў фарміравання беларускай дзяржаўнасці.

Абвешчэнне БНР садзейнічала працягненню ўвагі грамадскасці да Беларусі, паскарэнню працэса стварэння беларускай дзяржаўнасці на савецкай платформе. Важнейшую ролю ў справе падрыхтоўкі і стварэння беларускай савецкай дзяржаўнасці адыгралі Беларускі нацыянальны камісарыят і Беларускія секцыі РКП(б).

Аднак барацьба за ўтварэнне Беларускай савецкай дзяржавы праходзіла ў складаных і цяжкіх умовах. Супраць абвешчэння Беларускай Савецкай Рэспублікі выступіла кіраўніцтва Паўночна-Заходняга камітэта РКП(б), якое лічыла, што беларускія губерні павінны ўвайсці ў склад Расійскай Федэрацыі як адміністрацыйныя адзінкі без усялякай аўтаноміі, тым больш, на іх думку, што эпоха нацыянальнай дзяржавы ўжо адышла, а цяпер галоўная задача – распаўсюджванне сусветнай сацыялістычнай рэвалюцыі.

Тым не менш, дзякуючы намаганням з боку прадстаўнікоў Белнацкома і беларускіх камуністычных секцый, а таксама ўлічваючы міжнароднае становішча Савецкай Расіі, ЦК РКП(б) 24 снежня 1918 г. прыняў рашэнне аб абвешчэнні БССР.

Абвешчэнне БССР адбылося 1 студзеня 1919 г. у Смаленску, пасля заканчэння VI Паўночна-Заходняй абласной канферэнцыі большавікоў. У склад тэрыторыі БССР цалкам павінны былі ўвайсці Гродзенская, Мінская, Магілёўская і часткі Віцебскай і Смаленскай губерняў.

Але ўжо 16 студзеня 1919 г. ЦК РКП(б) прыняў рашэнне аб перадачы ў склад РСФСР Віцебскай, Магілёўскай і Смаленскай губерняў, а астатнюю тэрыторыю БССР злучыць з Літоўскай ССР у новае дзяржаўнае ўтварэнне – Літоўска-Беларускую ССР, якое большавіцкае кіраўніцтва разглядала як буфер паміж буржуазным Захадам і Савецкай Расіяй, а таксама пры спрыяльных умовах і як плацдарм для разгортвання сусветнай сацыялістычнай рэвалюцыі. Абвешчэнне Літоўска-Беларускай ССР азначала значны крок назад у параўнанні з Маніфэстам ад 1 студзеня 1919 г. Па-першае, тэрыторыя БССР была зведзена да дзвюх губерняў; па-другое, Беларуская Рэспубліка стала толькі часткай новастворанай дзяржавы, па-трэцяе, у гэтай дзяржаве значна абмяжоўваліся ўмовы развіцця беларускай нацыі.

У час акупацыі тэрыторыі Беларусі польскімі інтэрвентамі дзеячы БНР спрабавалі вырашыць пытанне аб беларускай дзяржаўнасці на аснове перамоваў з польскім кіраўніцтвам. Але польскія кіраўнікі разглядалі тэрыторыю Беларусі толькі як складальную частку польскай дзяржавы.

Ізноў пытанне аб аднаўленні беларускай дзяржаўнасці паўстала ў той час, калі пачалося вызваленне Беларусі ад польскіх інтэрвентаў. 31 ліпеня 1920 г. была прынята Дэкларацыя аб паўторным абвешчэнні незалежнасці Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі Беларусь. Гэтым актам аб'яўлялася аднаўленне БССР, абвешчанае 1 студзеня 1919 г., але толькі на тэрыторыі 68 паветаў Мінскай і Гродзенскай губерняў. Пасля заключэння Рыжскага мірнага дагавору ў складзе БССР засталася толькі 6 паветаў Мінскай губерні.

Такім чынам, працэс стварэння беларускай дзяржаўнасці праходзіў у складаных, супярэчлівых умовах. У гэтым плане можна выдзеліць існаванне некалькіх тэндэнцый. Па-першае, гэта тэндэнцыя, якая знайшла сваё адлюстраванне ў прадстаўнікоў беларускага нацыянальнага руху і праявілася ў спробах стварэння

незалежнай беларускай дзяржавы ў этнаграфічных межах беларускага народа. Па-другое, спробы вырашэння беларускай дзяржаўнасці беларускімі дзеячамі на савецкай платформе ў межах пражывання беларускага народа. Трэцяя тэндэнцыя – вырашэнне пытання аб беларускай дзяржаўнасці без беларусаў – кіруючымі органамі Расійскай Федэрацыі з улікам сваіх інтарэсаў і без уліку этнаграфічных межаў беларускага народа.

П.С. Рамановіч

г. Брэст

ТЭРЫТОРЫЯ І ПАЛІТЫЧНА-ПРАВАВЫ СТАТУС ССРБ У 1919-1922 г.

Важнай вехай у станаўленні беларускай дзяржаўнасці з'явілася стварэнне 1 студзеня 1919 г. Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі Беларусі (ССРБ). ССРБ была абвешчана як суверэнная дзяржава. Якімі былі тэрыторыя ССРБ і яе палітычна-прававы статус на самай справе?

Гэты статус быў вельмі супярэчлівы. І з'езд Кампартыі Беларусі вызначыў тэрыторыю рэспублікі ў межах Мінскай, Магілёўскай і Гродзенскай губерняў цалкам, Віцебскай губерні без частак трох павеатаў, пяці павеатаў Смаленскай губерні і па адным павеце з Віленскай і Сувалкаўскай губерняў [1, с.33]. У такіх межах ССРБ праіснавала нядоўга. Урад Леніна, усталёўваючы паўнапраўныя адносіны з ССРБ (пастанова УЦВК ад 31 студзеня 1919 г. «Аб прызнанні незалежнасці Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі»), пайшоў на скасаванне ССРБ. 16 студзеня 1919 г. ЦК РКП (б) прыняў рашэнне аб перадачы РСФСР Віцебскай, Магілёўскай і Смаленскай губерняў. Дэлегатыі ЦБ КП(б)Б у Маскве заявілі, паколькі гэтыя губерні не маюць агульных граніц з суседнімі краінамі, то іх можна выключыць са складу БССР [2, с.133].

Кіраўніцтва РСФСР вылучыла план аб'яднання Беларусі і Літвы ў адзіную Сацыялістычную савецкую рэспубліку Літвы і Беларусі (Літбел). Першы Усебеларускі з'езд Саветаў (2-3 лютага 1919 г.) вызначыў тэрыторыю ССРБ у складзе Мінскай і Гродзенскай губерняў і прыняў рашэнне аб утварэнні Літбел (увайшлі тэрыторыі Віленскай, Мінскай, часткі Ковенскай і Гродзенскай губерняў).

Літбел праіснавала нядоўга. У лютым-верасні 1919 г. польскія войскі акупавалі тры чвэрці тэрыторыі Беларусі і Літвы. Літбел фактычна спыніла сваё існаванне (юрыдычна – пасля падпісання мірнага дагавора паміж РСФСР і Літвой ад 12 ліпеня 1920 г.).

Пасля вяртання Чырвонай Арміі на тэрыторыю Беларусі 31 ліпеня 1920 г. у Мінску на пасяджэнні Мінскага ВРК, ЦК КП(б) Літвы і Беларусі была прынята «Дэкларацыя аб абвяшчэнні незалежнасці ССРБ». Дэкларацыя пацвярджала палажэнні Маніфеста ад 1 студзеня 1919 г., але ССРБ аднаўлялася толькі ў межах Мінскай і Гродзенскай губерняў (усяго 18 паветаў). Гэта значыць, дакладнае вырашэнне тэрытарыяльнага пытання адкладвалася.

Савецкая Беларусь фармальна з’яўлялася незалежнай рэспублікай, але беларускую дэлегацыю так і не запрасілі на перагаворы ў Рыгу. Супраць удзелу дэлегацыі ССРБ была не толькі Польшча, але і дэлегацыя Савецкай Расіі. Аб гэтым сведчыць ліст наркома замежных спраў РСФСР Г.Чычэрына ў Палітбюро ЦК РКП(б) ад 30 снежня 1920 г. Ён пісаў: «...дэлегацыя застаецца руско-украінскай, но правительство РСФСР ... имеет полномочия от Белоруссии. Идти за пределы этой комбинации нецелесообразно ..., в случае появления непосредственно белорусской делегации в Риге она там опрокинет все наши дипломатические комбинации» [3, с.90]. Паводле Рыжскага дагавора ад 18 сакавіка 1921 г. (пад дагаворам стаяць подпісы савецкай расійска-украінскай дэлегацыі – А.Іофэ, Я.Ганецкага, Э.Квірынга, Ю.Кацюбінскага, Л.Абаленскага) да Польшчы адышла тэрыторыя Беларусі ў 108 тыс. кв. км з насельніцтвам больш за 4 млн чалавек. Урад Беларусі не пратэставаў супраць гэтага, чым садзейнічаў падзелу сваёй рэспублікі. У складзе ССРБ засталіся толькі 6 паветаў Мінскай губерні: Мінскі, Барысаўскі, Бабруйскі, Чэрвеньскі, Мазырскі і Слуцкі. Тэрыторыя рэспублікі складала 52 398 кв. км (1/6 частка этнічнай тэрыторыі Беларусі), на якой пражывала каля 1,5 млн чалавек [4, с.261].

Паўнацэннае палітычнае развіццё Савецкай Беларусі як сапраўднай дзяржавы было немагчыма. Цэнтральная Беларусь была адарвана ад ўсходніх раёнаў, а гэта парушала ўзаемадзеянне паміж рознымі галінамі вытворчасці, узнікала перашкоды і цяжкасці ў адраджэнні нацыянальнай культуры і мовы. Кіраўніцтва РКП(б) не спяшалася вяртаць БССР усходнебеларускія губерні. Адносіны ССРБ з РСФСР будаваліся ў асноўным на прынцыпах аўтаноміі. У лістападзе 1920 г. III з’езд КП(б)Б вызначыў дзяржаўна-прававы статус ССРБ: «Беларусь, будучы Сацыялістычнай Савец-

кай Рэспублікай, адначасова з'яўляецца складальнай часткай РСФСР, і ўсе органы ў галіне агульных мерапрыемстваў павінны быць падпарадкаваны адпаведным камісарыятам РСФСР, але мець пэўную свабоду ў галіне вырашэння пытанняў мясцовага жыцця, у якіх яны павінны кіравацца ЦВК і Саўнаркомам Беларусі» [5, с.187-188]. На тэрыторыю ССРБ аўтаматычна распаўсюджваліся рашэнні ЦК РКП (б), УЦВК і СНК РСФСР. Для аператыўнай кардынацыі партыйнай і савецкай работы ЦК РКП(б) і СНК РСФСР накіроўвалі ў Беларусь сваіх прадстаўнікоў. Знешнепалітычная дзейнасць, фінансы, ваеннае будаўніцтва, транспарт, пошта і сувязь рэспублікі рэгламентаваліся кіраўніцтвам Савецкай Расіі. Рэспубліка не мела сваіх грошаў і фінансавалася з бюджэту РСФСР.

Дыпламатычная служба Беларусі фарміравалася пад уплывам ЦК РКП(б) і ўрада РСФСР. У сакавіку 1921 г. у Маскве было адкрыта Паўнамоцнае прадстаўніцтва ССРБ пры СНК РСФСР. Яно было створана на падставе Дагавора аб ваенным і гаспадарчым саюзе (студзень 1921 г.) паміж ССРБ і РСФСР. У 1921-1923 г. БССР асобна ці разам з РСФСР і УССР заключыла 12 міжнародных дагавороў і пагадненняў. Дэлегатыя Беларусі прыняла ўдзел у Маскоўскай канферэнцыі па разбраенню ў снежні 1922 г. [6, с.125]. Беларускае прадстаўніцтва ўваходзіла ў склад дыпламатычнага корпуса РСФСР. Існаванне «незалежных» рэспублік дазваляла ЦК РКП(б) ажыццяўляць ад іх імя дыпламатычную дзейнасць. Створаны ў жніўні 1922 г. народны камісарыят замежных спраў (НКЗС), які ўзначаліў старшыня СНК ССРБ А.Чарвякоў, меў шырокія паўнамоцтвы, але ўсе знешнепалітычныя функцыі былі перададзены НКЗС РСФСР. Беларуская дыпламатыя адыгрывала ролю дапаможную.

Дыпламатычнае прызнанне ССРБ таксама было вельмі складаным. У 1921 г. ССРБ падтрымлівала адносіны дэ-факта з Латвіяй, Эстоніяй, Аўстрыяй, Чэхаславакіяй, Турцыяй, Італіяй, Англіяй. Рыжскі дагавор прадугледжваў дыпламатычнае прызнанне ССРБ Польшчай. Але толькі ў лютым 1924 г. у Мінску было адкрыта польскае генеральнае консульства. Другой дзяржавай, якая прызнала Савецкую Беларусь дэ-юрэ, была Германія. 5 лістапада 1922 г. у Берліне быў падпісаны дагавор аб распаўсюджванні Рапальскага дагавора паміж РСФСР і Германіяй (красавік 1922 г.) на савецкія рэспублікі. 13 снежня 1922 г. Прэзідыум ЦВК БССР і 31 жніўня 1923 г. рэйхстаг Германіі ратыфікавалі Берлінскі дагавор. 26 кастрычніка 1923 г. адбыўся абмен ратыфікацыйнымі граматамі ў Берліне.

Аналіз прававой базы 1920-1922 г. сведчыць, што грамадзянска-прававыя акты РСФСР абмяркоўваліся ЦВК ССРБ і ўступалі ў дзеянне на тэрыторыі Беларусі. Так, сямейныя адносіны на тэрыторыі Беларусі рэгуляваліся Кодэксам законаў аб актах грамадзянскага становішча, шлюбным, сямейным і апякунскім правам РСФСР 1918 г., у 1922 г. на тэрыторыі Беларусі былі ўведзены ў дзеянне Крымінальны кодэкс РСФСР, Кодэкс законаў аб працы, Крымінальна-працэсуальны кодэкс. Такім чынам, асноўнае заканадаўства Расійскай Федэрацыі дзейнічала на тэрыторыі Беларусі.

1920-1922 г. – час, калі адбыўся выхад Савецкай Беларусі на міжнародную арэну. ССРБ атрымала юрыдычнае прызнанне з боку РСФСР, іншых савецкіх рэспублік, Польшчы і Германіі. Аналізуючы тэрытарыяльнае становішча і палітычна-прававы статус ССРБ у разглядаемы перыяд, трэба прызнаць, што суверэнітэт ССРБ быў чыста фармальны і насіў дэкларатыўны характар.

З утварэннем СССР пачаўся новы этап працэсу вяртання ўсходнебеларускіх тэрыторый у склад БССР.

Л.Ю. Малыхіна

г.Брэст

ПРАБЛЕМА СТАНАЎЛЕННЯ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ Ў ДАСЛЕДАВАННЯХ БЕЛАРУСКАЙ ЭМІГРАЦЫІ

Станаўленне нацыянальнай гістарыяграфічнай канцэпцыі за мяжой звязана з арганізаваным беларускім рухам пасля ўсталявання на Беларусі савецкай улады. Дзеячы і стваральнікі Беларускай Народнай Рэспублікі (БНР) П.Крачэўскі, В.Ластоўскі, М.Крайцоў, А.Луцкевіч, А.Цвікевіч, К.Езавітаў, Я.Варонка сталі выдаваць у замежжы літаратуру па гісторыі свайго народа [1]. У гэтых публікацыях заяўляецца пра імкненне беларусаў да пабудовы сваёй дзяржаўнасці. Яны пазнаёмілі еўрапейскія навуковыя і палітычныя колы з тагачасным становішчам Беларусі, сталі апеляцца да сусветнай грамадскасці ў справе яго дзяржаўна-палітычных правоў. Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта У.І.Пічэта адзначыў у аглядзе замежнай літаратуры ў 1921 г.: «Все эти брошюры имеют политические задачи и написаны под влиянием глубокого убеждения в том, что Советская власть в России существовать не будет» [2].

Традыцыі нацыянальнай гістарыяграфіі пасля 2-й сусветнай вайны працягвалі навукоўцы, адны з якіх апынуліся на эміграцыі ў якасці сталых даследчыкаў (А.Адамовіч, Я.Станкевіч, І.Любачка, А.Калубовіч, В.Жук-Грышкевіч), другія атрымалі гістарычна-філасофскую адукацыю на Захадзе і звярнуліся потым да вывучэння гісторыі Бацькаўшчыны (Я.Запруднік, В.Кіпель і інш.). Дзяржаўна-палітычныя зрухі на Беларусі пасля Кастрычніка знайшлі сваё адлюстраванне на старонках беларускамоўных выданняў – «Шляхам жыцця», «Бацькаўшчына», (Мюнхен), «Зніч» (Рым), «Беларус на чужыне» (Лондан), «Пагоня» (Зальцбург) і інш.

Першым зародкам арганізацыйнага афармлення творчых навуковых сіл стала Крывіцкае (Беларускае) навуковае таварыства Ф.Скарыны, створанае ў Рэгенсбургу (Германія) у лагеры для перамешчаных асоб. Гэтае таварыства наладзіла выпуск навукова-літаратурнага часопіса. У 1950-я г. сфарміраваліся нацыянальныя навукова-культурныя цэнтры ў ЗША, Вялікабрытаніі і Германіі. Для падтрымкі навуковай працы ў 1951 г. у Нью-Йорку быў заснаваны Беларускі інстытут навукі і мастацтва (БІНІМ), які стаў выдаваць гадавік «Запісы». Была таксама створана фундацыя імя Крачэўскага для садзеяння вывучэнню і публікацыі беларускай спадчыны. Арганізаванае ў 1954 г. у Лондане Англа-Беларускае таварыства садзейнічала з'яўленню новых даследчыкаў – беларусазнаўцаў у Вялікабрытаніі. У 1965-1988 г. таварыства выдавала часопіс «The Journal of Byelorussian studies» («Часопіс беларускіх даследаванняў»), дзе друкаваліся артыкулы па гісторыі беларускага народа.

Важным цэнтрам гуртавання навуковых сіл у Заходняй Еўропе ў 1950-я г. стаў Мюнхен, дзе працавалі беларускае выдавецтва «Бацькаўшчына» і самастойны аддзел БІНІМа (1955-1966). З сярэдзіны 1950-х г. беларускія даследчыкі ўдзельнічалі ў працы Інстытута па вывучэнні СССР, створанага ў 1950 г. у Мюнхене савецкімі эмігрантамі. С.Станкевіч, В.Жук-Грышкевіч, А.Адамовіч, Ч.Сіповіч у якасці членаў яго асамблеі прымалі ўдзел у вызначэнні напрамкаў працы, забеспячэнні яго выданняў беларускай праблематыкай. Даследаванні рэдактара «Бацькаўшчыны» Антона Адамовіча (Г.Недасека), які скончыў у 1938 г. БДУ і быў рэпрэсаваны па справе «Саюза вызвалення Беларусі», раскрывалі ролю бальшавікоў у рэвалюцыйных падзеях на Беларусі, іх негатыўныя адносіны да нацыянальнага руху і шляхі ўстанаўлення «кантролю над Беларуссю» [3]. Паводле Адамовіча, бальшавіцкая ідэалогія не мела каранёў на беларускай зямлі, і толькі аб-

вяшчэнне БНР стала спробай «рэалізацыі сапраўдных інтарэсаў беларускага народа», а ўтварэнне БССР стала процівагай незалежніцкім ідэям у асяроддзі беларускіх патрыётаў. Іншы, чым у савецкіх выданнях, падыход да асвятлення ролі нацыянальных дзеячоў назіраецца ў артыкулах А.Адамовіча пра І.Луцкевіча [4].

У працах, выкладзеных у мюнхенскім «Беларускім зборніку», С.Станкевіча, Г.Паланевіча, П.Урбана на прыкладзе БССР востра крытыкавалася савецкая нацыянальная палітыка і практыка бальшавізму [5]. Толькі дзейнасць Рады БНР, упэўнены аўтары, прывяла да ўтварэння БССР. Прысвечаная 40-годдзю ўтварэння БССР 10-я кніга «Беларускага зборніка» (1959 г.) ахоплівае ўсе асноўныя падзеі на Беларусі за той час. На аснове крытычнага выкарыстання савецкіх выданняў (зборнікаў дакументаў і навуковых прац) у ёй разглядаюцца праблемы, звязаныя з утварэннем БССР (П.Урбан), палітыкай КПБ (Запруднік). Аўтары крытыкуюць тэзіс савецкіх гісторыкаў аб тым, што беларускі народ адразу прыняў камуністычныя ідэі і ўпершыню прыступіў да стварэння сваёй дзяржаўнасці пры савецкай уладзе; робяць высновы аб «чужым» паходжанні бальшавізму на Беларусі, завяршэнні канфлікту 1920-х гадоў «паміж беларускімі нацыянал-камуністамі і расейскімі бальшавікамі» масавымі неабгрунтаванымі рэпрэсіямі ў 1930-я г., ператварэнні КПБ у правінцыяльную арганізацыю КПСС. Яны адзначалі стан «нацыянальнага прыгнечання і дыскрымінацыі ў СССР», поўнага ігнаравання беларускіх нацыянальных інтарэсаў, фармальнасць суверэнітэту БССР ва ўсіх сферах.

Канцэпцыя беларускай гісторыі на эміграцыі карэнным чынам адрознівалася ад той, што існавала ў савецкай гістарыяграфіі. Вучоныя звярталіся да складаных пытанняў, якія з прычыны ўціску афіцыйнай ідэалогіі скажаліся на Бацькаўшчыне: вытокі дзяржаўнасці беларусаў, прычыны антысавецкіх пратэстаў у гэты час. Я.Станкевіч, В.Тумаш (Р.Максімовіч, Нью-Йорк, 1954), В.Пануцэвіч (М.Волаціч) звярнуліся да праблемы, якую абыходзіла беларуская савецкая гістарычная навука – гістарычнай тэрыторыі Беларусі, падзелу яе на часткі і ўключэння ў паслякастрычніцкі час у выніку палітычных меркаванняў суседніх краін у склад апошніх. У прыватнасці, Вацлаў Пануцэвіч робіць вывад – «пакліканьне да жыцця БНР прадстаўнікамі ўсяго Беларускага народа ў мамэнце, калі нашыя суседзі хацелі прыкрыць яго сваімі «апякунчымі» крыламі, як дабрадзеі і збавіцелі, было сапраўдным самавызначэннем Беларускага народа, адкідаючым чужацкую «апёку» і чужацкую ідэалогію» [6]. Акупанты «не мелі ў сваіх

планах адбудовы беларускай дзяржавы» і таму не дапусцілі дэлегацыі БНР на чале з А.Цвікевічам да ўдзелу ў нарадах у Брэсце. Найбольшых поспехаў урад БНР дамогся ў галіне нацыянальна-культурнага будаўніцтва і замежнай дыпламатыі [7]. Да падобных высноў прыходзіць і Ісідор Плашчынскі – нямецкія акупацыйныя ўлады не маглі спрыяць палітычнаму замацаванню абвешчанай БНР [8]. Ён жа робіць памылковы вывад аб тым, што Актам ад 25 сакавіка 1918 года ідэя беларускай нацыянальнай дзяржаўнасці была завершана і рэалізавана. У гэтым з ім згаджаецца В.Жук-Грышкевіч [9]. Публікацыі Льва Гарошкі (Пр. Каваля) асвятляюць узброенае супраціўленне савецкай уладзе, паказваюць Слуцкае паўстанне 1920 г. як змаганне за ідэалы БНР [10].

Значны ўклад у гістарыяграфію палітычнай барацьбы вакол беларускага пытання ў Дзяржаўнай Думе зрабіў Янка Запруднік, які ў 1969 г. у Нью-Йоркскім універсітэце абараніў па гэтай праблеме доктарскую дысертацыю [11]. Ён сабраў і апублікаваў шэраг дакументаў па БНР [12]. У артыкуле «БНР паміж варажымі Расеяй і Нямецчынай» Запруднік крытыкуе тагачасную пазіцыю савецкай гістарыяграфіі па праблеме БНР – «агаёсамленьне БНР з нямецкім акупацыйным рэжымам (не без псіхалагічнага разьліку падшыць пад беларускі незалежніцкі рух і зверствы гітлераўскае акупацыі) праводзіцца коштам манументальнага хвалешавання бальшавіцкіх жа дакументаў» [13]. Аўтарам робіцца выснова – беларуская незалежнасць супярэчыла планам бальшавікоў і немцаў, бальшавікі прымусява пайшлі на стварэнне БССР. Адна з апошніх прац Я. Запрудніка «Belarus: At a crossroads in history» (Беларусь: вандраванне ў гісторыю) прадстаўляе цалкам аформленую канцэпцыю мінулага нашай краіны [14].

Першы сістэматызаваны агляд гісторыі Беларусі савецкага перыяду амерыканскага прафесара Івана Любачкі пад назвай «Беларусь пад савецкім праўленнем (1917 – 1957)» апраўдвае дзейнасць нацыянальнай контррэвалюцыі. І.Любачка і прафесар Бостанскага універсітэту М.Дзеваноўскі [15] таксама падкрэслілі, што немцы не збіраліся падтрымаць суверэнітэт Беларусі, а разглядалі яе як крыніцу сыравіны і працоўнай сілы. І.Любачка падзяляе думку прафесара Йельскага універсітэту П.Вандыча аб тым, што стварэнне БССР было контрмерай, абвешчанай БНР, вынікам палітыкі «прымусявай інкарпарацыі» [16].

Гісторыю ўтварэння і станаўлення БССР праз трагічныя лёсы нацыянальных дзеячоў раскрываў Яўген Калубовіч. Звяртаючыся да гісторыі беларускай эміграцыі, ён прыводзіць новыя факты па

знешнепалітычнай дзейнасці Рады БНР [17]. Даследчыцкі падыход А.Калубовіча этанакіраваны: аўтар збірае і ўкладае факты гісторыі, іх не аналізуе, але ў кожным выпадку даводзячы іх колькасць да пераканаўчай высновы: БНР – рэальная дзяржава ў кожнай галіне свайго дзяржаўнага будаўніцтва; БССР – штучнае марыянэтакнае ўтварэнне, якое ўзнікла ў процівагу БНР і не прынесла шчасця беларускаму народу.

Для знаёмства грамадскасці Заходняй Еўропы і Амерыкі з пытаннямі беларускай дзяржаўнасці друкаваліся дакументы і матэрыялы [18]. Першай спробай скласці комплексны зборнік дакументаў па дзейнасці Рады БНР стала выданне І.Касцяка «За дзяржаўную незалежнасць Беларусі» [19]. Каштоўнымі крыніцамі па праблемах усталявання рэспублікі сталі апублікаваныя на эміграцыі дакументы па навейшай гісторыі Беларусі: сцэнаграма «Другога Усебеларускага кангрэса» (Мюнхен, 1954); дакументы і матэрыялы па БНР [20]; матэрыялы да 1-га Усебеларускага з'езда 1917 [21]; Устаноўчыя граматы БНР [22]; дакументацыя гісторыі Беларусі за 1902 – 1919 г. [23]. Зборнік, падрыхтаваны да 70-годдзя абвешчэння БНР «Byelorussian Statehood» (Беларуская дзяржаўнасць) [24], пад рэдакцыяй Вітаўта і Зоры Кіпеляў змяшчае дакументы, бібліяграфічныя нарысы 66 удзельнікаў беларускага нацыянальнага руху, храналогію гісторыі Беларусі 1914–1921 г. Значнай падзеяй у навуковым асяроддзі Беларусі і замежжа стала публікацыя «Архіваў Беларускай Народнай Рэспублікі» (пакуль у 2-х кнігах) [25]. На сённяшні дзень гэта самы поўны зборнік матэрыялаў па дзейнасці БНР, у якім змяшчаюцца фотадакументы, лісты, ноты, дэкларацыі, цыркуляры, фінансавыя дакументы, бібліяграфія тэмы (3 837 дакументаў). Гэтыя сведкі гісторыі яскрава адлюстроўваюць усе моманты будаўніцтва БНР, БССР, справаводства Рады ў эміграцыі. Матэрыял, апрацоўку якога вядзе рэдактар Сяргей Шупа, знаходзіцца ў дзяржаўных архівах Літвы, Беларусі, Цэнтральным Дзяржаўным Архіве – Музеі Літаратуры і Мастацтва. Як спадзяваецца С.Шупа, далейшая публікацыя мінскага фрагменту дапаможа аднавіць поўную гістарычную карціну перыяду 1917–1925 г. на Беларусі.

У 1960–1980-я г. заахвочванню даследаванняў па гісторыі Беларусі і публікацыі іх вынікаў садзейнічалі новыя нацыянальныя культурна-навуковыя цэнтры – філіял БІНІМа ў Таронта (Канада), Беларуская бібліятэка і музей імя Ф.Скарыны ў Лондане, беларускі музей у Ляймені (ФРГ), Беларускае культурна-мастацкае і навуковае таварыства ў Саўт-Рыверы, Вялікалітоўскі фонд

імя Л.Сапегі, фонд імя І.Любачкі і Беларускі харытатыўна-адукацыйны фонд (усе ў ЗША). Значную ролю ў пашырэнні гістарычных ведаў адыграў беларускі перыядычны друк – штомесячная газета «Беларус», штоквартальнік «Belarusian Review» («Беларускі агляд»), часопіс «Беларуская думка», «Беларускі съвет», іншыя. Для інфармавання заходніх палітычных і навуковых колаў у 1979 – 1991 г. выходзілі ў Боне (ФРГ) гадавыя агляды беларускага савецкага друку. Розныя аспекты сваёй канцэпцыі гісторыі Беларусі даследчыкі з нацыянальнай дыяспары выкладалі на міжнародных форумах па праблемах СССР і Усходняй Еўропы.

Актыўны навуковы асяродак беларусазнаўства склаўся ў Польшчы (Беласток, Варшава). Юры Туронак, польскі даследчык беларускай гісторыі, доктар гістарычных навук (1986), звярнуўся да праблемы дзяржаўнасці беларусаў праз даследаванне нямецкай акупацыйнай палітыкі, раскрыццё асабістай ролі В.Іваноўскага [26]. Упершыню ў беларускім друку Ю.Туронкам былі пастаўлены альтэрнатыўныя айчынным тэзісы ў часопісу «Кантакт» яшчэ ў 1989 годзе: «маніхвэст» Жылуновіча аказаўся папяровай дэкларацыяй; у складзе ўрада Літоўска-Беларускай ССР беларусаў не было; ліквідацыя ЛітБела – рашэнне Масквы, якая задавальняла тэрытарыяльныя паграбаванні за кошт Беларусі. На думку аўтара, фіктыўнасць юрыдычнага статусу БССР падкрэсліваў той факт, што летам 1920 г. не быў створаны ўрад рэспублікі, замест якога паўстаў у Мінску Ваенна-рэвалюцыйны камітэт з паўнамоцтвамі губернскага органа ўлады [27]. Блізкую тэматычную лінію прадоўжыў Юры Весялкоўскі [28]. Яго гістарычны нарыс «Беларусь у Першай Сусветнай вайне» адасабляе сучасную канцэпцыю перыяду 1914 – 1921 г. на Беларусі. Аўтар звяртае ўвагу чытача на тое, што менавіта беларуская інтэлігенцыя, якая гуртавалася вакол БСГ, выпрацоўвала гістарычную аргументацыю для абгрунтавання неабходнасці дзяржаўнай незалежнасці. Ю.Весялкоўскі аддае належнае – факту існавання ЛітБелССР. Нягледзячы на фіктыўнасць, упэўнены аўтар, гэтая рэспубліка ў вачах свету паставіла ўрад Польшчы перад усведамленнем таго, што выступае ў вайне супраць незалежных краін.

У БССР публікацыі замежных аўтараў па беларускаму адроджэнню былі недаступныя чытачу, а пры паступленні ў бібліятэку знаходзіліся ў спецсховішчах. Па ідэалагічных прычынах было немагчыма іх навуковае рэцэнзаванне. Высновы даследчыкаў падаваліся як фальсіфікацыі «буржуазных нацыяналістаў» і «буржуазных саветолагаў». Абвяшчэнне незалежнасці Рэспублікі

Беларусь паклала пачатак новым узаемаадносінам з вучонымі за мяжой, асэнсаванню іх спадчыны. Практычна гэта выражаецца і ў рэгулярных публікацыях вядомых за мяжою матэрыялаў у часопісе «Спадчына» [29].

Працэсы нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва актывізавалі навукоўцаў беларускай дыяспары. Заснаваны часопіс «Полацак» (Кліўленд), дзе друкуюцца даследаванні гісторыкаў Беларусі і замежжа. З'явіліся іх артыкулы ў часопісе «Весткі Інстытута беларусаведы» (Ляймен, Германія). Пачаў выходзіць часопіс «Прамень» (Манрэаль, Канада). Канцэптуальныя палажэнні, якія былі выпрацаваны ў замежнай гістарыяграфіі ў пасляваенны час, у асноўным, супадаюць з вывадамі, зробленымі непасрэднымі ўтваральнікамі БНР, БССР. Гэта можна растлумачыць агульным прызнаннем за беларусамі права мець уласную дзяржаўнасць, тым, што асноўнай крынічнай базай замежных даследчыкаў былі публікацыі палітычнай эміграцыі 1920-х г. У шэрагу публікацый адчуваецца недахоп крынічнай базы для даследавання. Многія працы эмігранцкіх вучоных вызначаюцца высокім навуковым узроўнем, хоць асобныя даследаванні носяць адбітак прапагандыскага характару, не пазбеглі палітычнай прадзятасці, уплыву «халоднай вайны». Зроблены першы крок у распрацоўцы бібліяграфіі замежных выданняў па праблеме. Асобны ўклад трэба адзначыць у публікацыі крынічнай базы да даследавання дзяржаўнасці Беларусі. Працы замежных навукоўцаў, нягледзячы на выкарыстанне іншых метадалагічных падыходаў, таксама не пазбаўлены істотных недахопаў – заведама негатыўнага стаўлення аўтараў да бальшавіцкай ідэалогіі і практыкі. Назіраецца тэндэнцыя: прадстаўнікі беларускай эміграцыі працуюць пераважна па аспектах праблематыкі БНР; замежныя саветолагі наадварот не вылучаюць тагачасную Беларусь для спецыяльнага даследавання, разглядаючы яе ў агульнарасійскім кантэксте. Супрацоўніцтва Я.Станкевіча, А.Адамовіча, Л.Гарошкі і іншых аўтараў з нямецкімі акупацыйнымі ўладамі ў час 2-й сусветнай вайны паўплывала на адмоўную ацэнку навуковай вартасці іх канцэпцый.

Сумесная праца вучоных Рэспублікі Беларусь і даследчыкаў замежжа спрыяе далейшаму развіццю навуковай канцэпцыі гісторыі Беларусі, умацаванню нацыянальнай свядомасці беларусаў.

АНТЫСАВЕЦКАЯ АПАЗІЦЫЯ ў БЕЛАРУСІ ў 1917 — 1918 г.

Становішча Беларусі ў расійскай рэчаіснасці 1917 — 1920 г. вызначалася наступнымі акалічнасцямі. Па-першае, яна была прыфрантавым рэгіёнам, дзе фактар «чалавека са зброяй» натуральна быў ключавым і адыгрываў выключную ролю. Гэта бачна хаця б з таго, што кіруючыя кадры Савецкай улады на Беларусі ў 1917 — 1918 г. у абсалютнай большасці складаліся з вайскоўцаў. Па-другое, Беларусь разам з іншымі нацыянальнымі рэгіёнамі былой імперыі ў пасляжудзейскі перыяд перажывала працэс адзяржаўлення нацый, які ў паслякастрычніцкі час уступіў у вырашальную фазу. Адсюль вынікалі важныя наступствы. Па-першае, народныя масы краю раней, чым у іншых рэгіёнах Расіі, пераканаліся ў неабходнасці пэўнай рэстаўрацыі дзяржавы і ўлады з усімі дзяржаўнымі павіннасцямі – найперш дзеля абароны ўласнага жыцця і ўласнай маёмасці. Па-другое, паколькі Беларусь была натуральнымі варотамі для ваенных уварванняў заходніх інтэрвентаў у Савецкую Расію і варотамі для савецкіх спробаў экспарту пралетарскай рэвалюцыі ў Еўропу, практычныя падыходы савецкага кіраўніцтва да вырашэння беларускага пытання вызначаліся суадносінамі сіл на заходнім напрамку, планами і патрэбамі палітыкі РСФСР. Ніколі не адмаўляючы ў прынцыпе права Беларусі на самавызначэнне аж да дзяржаўнага аддзялення, бальшавікі не звязвалі сябе загадзя вызначанымі формамі такога самавызначэння. Прыфрантавое становішча Беларусі мела наступствы і ў пануючых у беларускім грамадстве настроях адносна палітычнай будучыні краю. Практычна ўсім была відавочная няздольнасць Беларусі абараніць сваю незалежнасць і грамадскі лад. Таму незалежніцкія настроі ў беларускім грамадстве традыцыйна былі слабыя і непапулярныя. Носьбіт ідэалогіі беларускай незалежнасці – пераважна каталіцкая частка нацыянальнай разначыннасялянскай інтэлігенцыі і нацыянальнай аграрнай буржуазіі – арыентавалася на саюз з «цывілізаванай Еўропай» супраць «дэспатычнай варварскай Расіі». Праваслаўная і яўрэйская «грамадскасць» бачыла Беларусь будучай часткай «федэратыўнай дэмакратычнай Расіі». Рабоча-сялянскія масы не жадалі для сваёй Беларусі іншай долі, акрамя федэратыўнага саюза з Савецкай Расіяй. Знешні фактар, такім чынам, адыгрываў выключную ролю

ў вырашэнні пытання нацыянальна-дзяржаўнага самавызначэння Беларусі.

Высунуўшы на першы план лозунгі ўсталявання міру і справядлівага вырашэння зямельнага пытання, бальшавікі заваявалі сімпатыю народных нізоў і здолелі да сакавіка 1918 г. усталяваць уладу рабочых, сялянскіх і салдацкіх Саветаў у абсалютнай большасці рэгіёнаў Расіі. Ва Усходняй Беларусі бальшавіцкая рэвалюцыя перамагла да 20-х лічбаў лістапада 1917 г. Вынікі перамогі былі замацаваны на т.з. «трох Мінскіх з'ездах»: на II з'ездзе Саветаў рабочых і салдацкіх дэпутатаў Заходняй вобласці, II з'ездзе армій Заходняга фронту і III з'ездзе Саветаў сялянскіх дэпутатаў Мінскай і Віленскай губерняў. Органы ўлады, абвешчанае на гэтых з'ездах Заходняй вобласці-фронту, пачалі ажыццяўляць шырокую праграму палітычных і сацыяльных пераўтварэнняў. Праз руціну штодзённых «малекулярных» спраў, а не праз пыхлівыя грамагласныя дэкларацыі, бальшавіцкі рэжым сцвярджаў сваю легітымнасць у масах. Народ успрымаў Саветы як сваю родную ўладу; уплыў бальшавікоў і левых эсэраў у Саветах быў непадзельны; 14 лютага 1918 г. НКУС РСФСР канстатаваў, што дзейнасць меншавікоў і правых эсэраў у Заходняй вобласці была «звездзена амаль да нуля»[1, с.65-66].

Альтэрнатыву бальшавіцкаму праекту адбудовы Беларусі выставілі Беларуская Сацыялістычная Грамада і беларускія нацыянальныя партыі і арганізацыі, што групаваліся вакол яе. Імі быў прадстаўлены праект стварэння Беларускай Народнай Рэспублікі на ўзор буржуазных дэмакратый Заходняй Еўропы і яе паступовага аддзялення ад Савецкай Расіі. Праект, аднак, не быў падтрыманы на снежаньскім Усебеларускім з'ездзе 1917 г. Сялянская большасць дэлегатаў выказалася за знаходжанне Беларусі ў складзе будучай Расійскай Федэратыўнай Дэмакратычнай Рэспублікі. Ідэя дзяржаўнай незалежнасці Беларусі была ў гэты час блізкая беларускай інтэлігенцыі, шляхце, нацыянальнай буржуазіі. Нацыянальная самасвядомасць працоўнай масы праходзіла толькі этап афармлення.

Беларусь і беларусы не сталі суб'ектам Брэсцкіх перагавораў і Брэсцкага міру. Але становішча на беларускіх землях улічвалася германскім бокам пры распрацоўцы планаў ваеннай «дапамогі» рускім «сілам парадку». З асаблівае ўвагаю германскі Галоўны штаб сачыў за падзеямі ва Усходняй Беларусі. Тут паўстаў супраць Савецкай улады 1-ы Польшкі корпус заўзятка манархіста генерала Ю.Доўбар-Мусніцкага, які 6 лютага 1918 г. за-

явіў пра сваё падпарадкаванне марыянетачнай прагерманскай «Рэгенцыйнай Радзе» ў Варшаве.

16 лютага 1918 г. легіянеры ўзнавілі наступленне на Мінска-Слуцкім напрамку. Так рукамі сваіх польскіх марыянетаў кайзераўская Германія пачала ваенную інтэрвенцыю ў Савецкую Расію. Уварванне войскаў Чацвярнага саюза ў лютым 1918 г. паклала канец перыяду «чырвонагвардзейскай атакі на капітал». Першыя «сто дзён Саветаў» на Беларусі скончыліся. На землях Заходняй, Цэнтральнай і часткова Усходняй Беларусі ўсталяваўся германскі акупацыйны рэжым.

З самага пачатку першай сусветнай вайны Германія не мела адносна Беларусі якой-небудзь цэласнай палітычнай канцэпцыі. Яе анэксійныя планы ніколі не сягалі далей 8 працэнтаў тэрыторыі Беларусі ў трохкутніку Гродна — Ліда — Брэст. Астатнія акупаваныя беларускія землі з цягам часу пасля маючай адбыцця перамогі над Расіяй былі б вернуты пераможанаму боку. У перыяд паміж заключэннем Брэсцкага міру і падпісаннем Берлінскага дадатковага дагавора (3 сакавіка — 27 жніўня 1918 г.), калі пад германскай акупацыяй апынулася 85 працэнтаў тэрыторыі Беларусі, у германскіх планах адносна часова акупаваных раёнаў адбыліся пэўныя змены. Падараваўшы 6 палескіх павеатаў Мінскай і Магілёўскай губерняў сваім украінскім марыянеткам, акупанты мелі намер далучыць частку Віцебскай губерні да Германскай Імперыі ў якасці «Вялікага герцагства Полацкага», цэнтральную частку Беларусі з гарадамі Мінскам, Бабруйскам і Магілёвам перадаць марыянетачнаму «Польскаму Каралеўству» ў якасці кампенсацыі за страчаныя на карысць Германіі землі на захад ад Віслы. Германскае палітычнае і ваеннае кіраўніцтва планавала пасля перамогі на Захадзе ўзнавіць восенню 1918 года баявыя дзеянні супраць Расіі, сілаю зброі задушыць бальшавіцкі рэжым і стварыць на землях на ўсход ад Дняпра буфернае «Вялікае герцагства Смаленскае». Але грандыёзныя планы не ажыццявіліся. Ваенны крах Другога рэйха на Заходнім фронце прымусіў яго кіраўнікоў эвакуіраваць свае войскі на Усходзе за лінію дзяржаўнай граніцы — спачатку «Брэст-Літоўскай», а пасля анулявання Брэст-Літоўскай міжнароднай сістэмы — даваеннай.

Маючы патрэбу ў сацыяльнай базе ваенна-каланіяльнага «рэжыма парадку», акупанты знайшлі яе ў асяроддзі памешчыкаў, прамыслоўцаў і гандлёва-фінансавай буржуазіі. З іх асяроддзя рэкрутаваліся кадры дапаможнай «туземнай» адміністрацыі і «рэзервовых» урадаў будучых марыянетачных утварэнняў. Для на-

родных мас Усходняй Беларусі, якія ў лістападзе 1917 — лютым 1918 г. перажылі вопыт рабоча-сялянскай рэвалюцыі і будаўніцтва жыцця на савецкіх пачатках, гэта абярнулася кашмарам шалёнай рэстаўрацыі горшых рыс Старога Рэжыму і контррэвалюцыйным тэрорам. Разганяліся Саветы і скасоўваліся дэкрэты Савецкай улады. Аднаўлялася памешчыцкая ўласнасць на зямлю і ласы, нацыяналізаваныя прамысловыя і гандлёвыя прадпрыемствы вярталіся былым уладальнікам. З’явіўшыся ў сваіх былых маёнтках, памешчыкі сілаю вярталі захопленыя сялянамі жывёлу, інвентар, насенне і сельгаспрадукты, у мэтах спагнання «выдаткаў» нярэдка прыбегалі да кантрыбуцый. Прамыслоўцы адвольна павялічвалі працягласць працоўнага дня, зніжалі расцэнкі. Заканадаўства аб ахове працы не выконвалася. Усе, хто выказваў незадаволенасць, абвінавачваліся ў «бальшавізме» і падлягалі германскаму ваенна-палявому суду.

Германскі «рэжым парадку» не мог не выклікаць моцнай рэакцыі непрыяцця ў беларускім грамадстве. Да лета 1918 г. практычна ўсе працоўныя слаі насельніцтва Беларусі паяднана нянавісць да «ўсіх немцаў», якая пераносілася і на тых мясцовых дзеячоў, што па ўласнай ініцыятыве і з уласных разлікаў пайшлі на супрацоўніцтва з акупантамі. З самага пачатку партызанска-паўстанцкі рух у Беларусі развіваўся пад сцягам аднаўлення Савецкай улады і ўз’яднання з РСФСР. Да пачатку восені 1918 г. у раёнах германскай і ўкраінскай акупацыі дзейнічалі сотні партызанскіх атрадаў, партызанскія брыгады і нават арміі, якія трымалі пад сваім кантролем вялікія абшары.

Ужо летам 1918 г. падчас т. зв. «пратэстнай кампаніі» шматлюдныя тайныя сялянскія сходы ў раёнах германскай акупацыі прымалі рэзалюцыі, у якіх прасілі Савецкі ўрад у Маскве неадкладна пачаць вызваленне Беларусі ад захопнікаў, абяцаючы ўсялякае садзеянне Чырвонай Арміі. Падчас вызваленчага Заходняга пахода (лістапад 1918 — люты 1919 г.) выразна прасавецкія настроі і дзеянні насельніцтва перадумовілі палітычную і маральную ізаляцыю антыбальшавіцкіх сіл у Беларусі, перадухілілі развіццё падзей у краі па шляху грамадзянскай вайны. 10-я германская армія апынулася пад ударам з фронту і тылу і была вымушана эвакуіравацца на радзіму.

Умовы германскай акупацыі беларускія «незалежнікі» спрабавалі скарыстаць, каб правесці сваю праграму ў жыццё. 25 сакавіка 1918 г. у Мінску яны абвясцілі незалежнасць Беларускай Народнай Рэспублікі. Далей, аднак, справа не пайшла. Палітыкай

пакорлівага супрацоўніцтва Рада БНР дарэмна разлічвала дамагчыся юрыдычнага прызнання з боку Германіі. Немцы «Беларускай Радзе» перашкод не чынілі, але ўсякі раз яскрава давалі зразумець, што максімум, на што Рада можа разлічваць — гэта роля органа нацыянальнага прадстаўніцтва пры акупацыйнай адміністрацыі і «інкубатора» кадраў для будучых «рэзервовых туземных» урадаў. Бундаўска-эсэраўскія земствы і мясцовыя самакіраванні абвінавацілі Раду БНР у «здрядзе Радзіме і рэвалюцыі». Народныя масы і ўлады Заходняй вобласці ігнаравалі «ганебную Раду». Савецкі ўрад у Маскве пагаджаўся на ўдзел беларускіх сацыял-дэмакратаў у будучым «Савецкім урадзе Беларусі», але катэгарычна не жадаў прызнаваць БНР. Антысавецкія беларускія партыі і арганізацыі самі сябе загналі ў ізаляцыю.

Прыняццем «Акта 25 Сакавіка» здзейсніліся мары «невялікай групы «незалежнікаў», якія жадалі бачыць Беларусь вызваленнай..., а беларускі народ — гаспадаром на сваёй зямлі» [2, с.31]. «Акт» падаваўся яго аўтарамі як пратэст супраць невыносных для Беларусі ўмоў Брэст-Літоўскай сістэмы, як заклік да барацьбы з ёю. Але якраз змагацца «Беларуская Рада» не жадала. І размовы не ішло, каб заклікаць беларусаў да ўзброенага паўстання ў абарону «правоў і вольнасцяў». Раду палохалі непазбежныя ў такім выпадку рэпрэсіі з боку не толькі бальшавікоў, але і немцаў (што для «еўрапейцаў» было вельмі непажадана), зыход у падполле, а галоўнае — не было веры ў «збальшавізаваны», «нацыянальна неўсведамлены» народ. І Рада пайшла па шляху сервілізму ў дачыненні германскіх інтэрвентаў. Крызіс і ўнутраная смута ў «Беларускай Радзе» прычыніліся да папаўнення яе асабовага складу кансерватыўнымі і рэакцыйнымі элементамі, што акупанты ўспрынялі станоўча. Праектуемы іх лідэрам Р.Скірмунтам «Часовы ўрад Беларусі» з’явіўся б «рэзервовым туземным урадам» будучай калоніі, які да часу «набываў бы вопыт кіравання», займаючыся з дазволу акупантаў і пад іх поўным кантролем «вермішэльнымі», культурна-асветнымі і дыпламатычнымі справамі.

Апошнія да самага канца «радаўскай» эпопеі былі галоўным полем дзейнасці «Беларускай Рады». Ёй было надзвычай важна прарваць «дыпламатычную ізаляцыю», дамагчыся міжнароднага гучання «беларускай праблемы». Для гэтага яна накіравала надзвычайныя місіі ў Варшаву, Берлін, Берн, Капенгаген, Вільню, але безвынікова: замежныя ўрады часам прызнавалі дыпламатычныя паперы дзеячоў БНР, але БНР афіцыйна прызнаваць не збіраліся. Тыя консульствы, што дыпламаты БНР здолелі арганізаваць

за межамі былой Расійскай імперыі, юрыдычна былі прыватнымі канторамі, а не дыпламатычнымі прадстаўніцтвамі суверэннай дзяржавы.

Восенню 1918 г. усходнія губерні Беларусі ўпершыню ахапіла хваля паўстанняў т.зв. «зялёных», выкліканая палітыкай «ваннага камунізму». «Зялёны» рух з гэтага часу робіцца заўсёдным фактарам небяспекі на Віцебшчыне, Магілёўшчыне, Гомельшчыне, у асобных раёнах Міншчыны. Па сваёй сутнасці гэта быў рух сялянскага пратэсту супраць дзяржаўных павіннасцяў і злоўжыванняў мясцовых улад. Удзельнікі руху патрабавалі прызнання за сялянскімі гаспадаркамі права самім вызначаць сваю «гаспадарчую палітыку» і такой улады, якая будзе праводзіць гэты прынцып у жыццё. Папулярнымі былі лозунгі «Цара і свабоду гандлю!», «Далоў харчраскладку і рэкруцтва!», «Зямля і ўлада працоўнаму сялянству!», «Няхай жывуць бальшавікі, далоў камуністаў!» Лозунгі нацыянальнага самавызначэння Беларусі кіраўнікам і ўдзельнікам «зялёнага» руху былі чужымі. Палітыкі валаснога і павятовага маштабу з ліку правых эсэраў і чарнасценцаў марылі быць у першых шэрагах «выратавальнікаў Расіі». Выступленням «зялёных» былі ўласцівыя ўсе асаблівасці сялянскіх бунтаў: хаатычная арганізацыя, лакальнасць, сельскі партыкулярызм. Яны імкліва разгараліся, ахопліваючы часамі вялікія тэрыторыі, і хутка згасалі. Нярэдка былыя паўстанцы дапамагалі чырвоным пакончыць з важакамі, якія не спраўдзілі сялянскай мары аб вольным жыцці. У 1918 г. асобныя атрады «зялёных» трымалі сувязь з краёвай белагвардзейшчынай на акупаванай немцамі тэрыторыі Усходняй Беларусі. Аднак свайго «цэнтральнага краёвага штаба» ім стварыць так і не ўдалося. Прэтэндэнтамі на гэтую ролю ў 1918 г. былі альбо разгромленая чэкістамі вайсковая «арганізацыя Дормана», альбо «гарадское» па сваім складзе і памкненнях аб'яднанне – Часовы Савет земскіх і гарадскіх самакіраванняў Беларускага краю.

Урад «яго яснавяльможнасці гетмана ўсяе Украіны» і пасол Германіі пры «кіеўскім двары» бачыліся «Беларускай Радзе» важнейшымі саюзнікамі ў барацьбе за прызнанне БНР Савецкай Расіяй. Тыя ж, са свайго боку, імкнуліся скарыстаць саманадзейных «беларускіх дзеячоў» як дапаможную прыладу ў справе адабрэння ў РСФСР новых земляў. Па-сутнасці, гэта прывяло да ператварэння дыпламатычнай барацьбы паміж БНР і Саветамі ў частку барацьбы на савецка-германскім дыпламатычным фронце вакол Дадатковага расійска-германскага дагавора ад 27 жніўня 1918 г.

Падпісаны 27 жніўня 1918 г. у Берліне «Руска-германскі дадатковы дагавор» меў выразна кампрамісны характар. Шэраг палажэнняў быў для РСФСР цяжкі. Але многія артыкулы давалі відавочныя выгады РСФСР. Спыняўся рух германскіх войскаў на ўсход, лінія дэмаркацыі і дзяржаўнай граніцы падлягала дакладнаму вызначэнню. Германія абавязвалася не ўмешвацца ў адносіны РСФСР з асобнымі абласцямі былой Расійскай імперыі («ні выклікаць, ні падтрымліваць утварэння самастойных дзяржаўных органаў у гэтых абласцях») і не садзейнічаць адарванню ад Расіі новых тэрыторый. Акупаванне Германіяй землі РСФСР падлягала ачышчэнню яшчэ да заключэння ўсеагульнага міру. Дагавор ад 27 жніўня 1918 г. падмацаваў у германскіх правячых колах тэндэнцыю «ісці з бальшавікамі, пакуль яны яшчэ ва ўладзе», бо толькі пры гэтай умове можна было разлічваць на атрыманне кантрыбуцыі [3, с.646].

Дадатковы дагавор адбіўся на сітуацыі ў Беларусі. У пачатку верасня 1918 г. германскія акупанты абавязаліся адвесці свае войскі за Беразіну, а 16 верасня 1918 г. у Вільні было падпісана савецка-германскае пагадненне, якое вызначыла тэрміны і парадак ачышчэння немцамі тэрыторый на захад ад Беразіны. 28 лютага 1919 г. апошні германскі салдат павінен быў адысці за расійска-германскую дзяржаўную граніцу, вызначаную Брэсцкім мірам. Ужо ў сярэдзіне верасня 1918 г. германскія войскі пачалі эвакуацыю. На вызваленай зямлі пад кіраўніцтвам Аблвыкамзаха і пры ўдзеле губернскіх улад і ваеннага камандавання стваралася сетка ваенных Саветаў, ваенна-рэвалюцыйных камітэтаў і камітэтаў беднаты, якія аднаўлялі палітычнае і гаспадарчае жыццё на савецкіх пачатках.

Дадатковы дагавор збынтэжыў Раду БНР і іншыя антыбальшавіцкія сілы ў Беларусі. Падаў у адстаўку «чалавек-кабінет» Р.Скірмунт. Пасля пераходнага кабінета сацыял-федэраліста І.Серады да ўлады ў БНР прыйшла «Рада народных міністраў» — «аднародна-сацыялістычны» кабінет А.Луцкевіча. 9 кастрычніка 1918 г. Рада БНР папоўнілася прадстаўнікамі ад «усіх існуючых на Беларусі грамадзянскіх, культурна-прасветных, рэлігійных і прафесіянальных арганізацый», давяла свой лік да 100 чалавек і абвясціла сябе «правамоцным Краёвым Органам да склікання Беларускага Устаноўчага Сойму» [4, с.318]. Большасць месцаў у «Краёвым Органе» дасталася каталіцкім і праваслаўным святарам, што, вядома ж, сілы і папулярнасці «Беларускай Радзе» не дадало.

Усяяднасць «Беларускай Рады», яе гатоўнасць пайсці на самыя неверагодныя камбінацыі, каб атрымаць запаветны квіток са словамі афіцыйнага дыпламатычнага прызнання, выклікалі моцнае непрыяцце з боку БПС-Р. Беларускія эсэры, застаючыся прыхільнікамі БНР і прыныцапаў трох Статутных грамад, пракламавалі сваю гатоўнасць правесці іх у жыццё рэвалюцыйным шляхам. Эсэра-меншавікі і бундаўцы не толькі адмовіліся ўдзельнічаць у «радаўскай камедыі», – наадварот, яны прапанавалі нацыянальным партыям і арганізацыям стаць пад сцяг свайго «Часовага Савета». У Мінску, такім чынам, аформіліся два цэнтры, якія прэтэндавалі на ролю выразнікаў народнай волі і носьбітаў вышэйшай дзяржаўнай улады ў Беларусі — Рада БНР і «Часовы Савет Беларускага краю». Распад т.з. «першай урадавай кааліцыі» (блока партый і арганізацый, што ў сакавіку 1918 г. абвясцілі БНР) атрымаў лагічнае і «дзяржаўна-прававое» завяршэнне.

«Беларуская Рада» і пасля таго, як 13 лістапада 1918 г. урад РСФСР ануляваў Брэсцкі і Берлінскі савецка-германскія дагаворы, аказалася няздольнай ажыццявіць «ідэалы нацыянальна-вызваленчай рэвалюцыі 25 Сакавіка». І ў новых умовах «беларускія дзеячы» дэманстравалі інтэлігенцкі аўтызм, прыхільнасць ранейшай заганнай тактыцы «адзінага нацыянальнага фронту» і адстойвання ўсімі сіламі «цацачнай незалежнасці». Усё гэта не дало Беларускай Народнай Рэспубліцы магчымасці ператварыцца хаця б у дзяржавападобнае ўтварэнне. Яна так і засталася палітычным цэнтрам з прэтэнзіямі на прадстаўніцтва нацыянальна-дзяржаўных інтарэсаў Беларусі, цацкаю, якою цешыліся беларускія нацыянал-дэмакраты, — своеасаблівым «зародкам дзяржавы». 3 снежня 1918 г., калі стала зразумела, што немцы здадуць Мінск чырвоным без бою, «Беларуская Рада» эвакуіравалася ў Вільню. Што датычыцца «Часовага Савета Беларускага краю», то ён з набліжэннем да Мінска чырвоных войскаў ціхенька знік, нібы растаў у паветры.

Германскі праект адбудовы жыцця Беларусі – «рэжым парадку», – у якім для Беларусі і беларусаў не было месца, пацярпеў крах па ўсіх паказчыках. Антысавецкія беларускія партыі і арганізацыі самі сябе загналі ў ізаляцыю. Распад акупацыйнай германскай арміі і непрыхаваная падтрымка прасоўванню чырвоных з боку працоўных Беларусі дэмаралізавалі антыбальшавіцкія сілы ў краі, паралізавалі іх дзейнасць, зрабілі немагчымым разгортванне (як то было на Украіне і ў Прыбалтыцы) грамадзянскай вайны ў ачышчаемых ад акупантаў раёнах Беларусі. У канцы 1918 г.

антыбальшавіцкія сілы краю бачылі сваё выратаванне толькі ў хутчэйшым прыходзе на Беларусь новых «культуртрэгераў». Пагроза нашэсця з Захаду паскорыла самавызначэнне Беларусі на савецкай аснове.

М.И. Скринников

г. Гомель

СОВЕТЫ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ БЕЛОРУССИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941 – 1945 г.)

1. Великая Отечественная война – одна из наиболее ярких и героических страниц в истории Белоруссии. В суровые годы войны особенно тяжелые испытания выпали на долю Советов депутатов трудящихся. Оказавшись в трудных условиях, вызванных внезапным нападением фашистской Германии, они должны были в кратчайшие сроки осуществить перестройку народного хозяйства на военный лад. На них легло множество непривычных обязанностей: перепрофилировать работу предприятий на производство оружия и боеприпасов; наладить ремонт военной техники; провести мобилизацию граждан призывного возраста в ряды Красной Армии; осуществить эвакуацию населения, предприятий и учреждений, материальных ценностей на восток страны; мобилизовать население на оказание помощи Красной Армии в оборонительных и наступательных операциях.

2. Функция защиты Отечества стала определяющей в работе всех звеньев Советской власти.

За сравнительно короткое время местные Советы совместно с военными комиссариатами успешно провели военно-мобилизационную работу. К середине июля на пополнение воинских частей были отправлены около 220 тысяч призывников, свыше 2,5 тысяч автомашин, 35,8 тысяч лошадей и более 23 тысяч повозок [1, с.55]. В ряде мест были сформированы маршевые роты и батальоны. К сожалению, отдельные из них не смогли влиться в ряды Красной Армии. Промышленные предприятия были перестроены на выпуск военной продукции.

Немало усилий приложили Советы депутатов трудящихся по снабжению воинских частей продовольствием и фуражом. Их особой заботой были военные госпитали.

3. Военная обстановка потребовала от Советов исключительной оперативности в работе. Стремительно шла перестройка структуры и форм их деятельности, создавались чрезвычайные органы государственного управления. Белорусская республика одна из первых подверглась нападению фашистской Германии. Уже 22 июня 1941 года Указом Президиума Верховного Совета СССР на территории Белоруссии было объявлено военное положение [1, № 29]. В местах, объявленных на военном положении, все функции государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности передавались военным советам фронта, армий, округов. В частности, в Белоруссии указанные функции были переданы Военному совету Западного фронта. Однако, несмотря на известное усиление централизации государственного управления, Советы депутатов трудящихся в годы войны оставались самыми демократичными органами власти. Всю свою деятельность в это сложное время они осуществляли как полномочные представители народа. Формы и методы их работы определялись военно-мобилизационными, хозяйственно-организаторскими и культурно-воспитательными функциями, заботой об удовлетворении неотложных бытовых нужд трудящихся в условиях войны.

Советы депутатов трудящихся взяли на себя полное руководство по наведению общественного порядка и государственной безопасности, охраны объектов народного хозяйства в прифронтовой полосе, установление в городах и населенных пунктах высокой организованности и дисциплины. В этих целях были созданы истребительные батальоны и подразделения народного ополчения.

4. Одной из важных сторон деятельности Советов депутатов трудящихся Белоруссии в начальный период войны являлся их героический труд по эвакуации мирного населения и материальных ценностей на восток страны. Всего, по неполным данным, из Белоруссии были эвакуированы более 1,5 млн человек, не считая рабочих и служащих, выезжавших со своими предприятиями и учреждениями [3, с.59]. В глубокий советский тыл было эвакуировано свыше 100 заводов и фабрик, 4 220 тракторов и других сельхозмашин, а также 36 МТС с полным оборудованием [4, с.60-61].

Сельские Советы провели большую организаторскую работу среди населения по уборке урожая, эвакуации общественного скота и сохранности колхозного добра.

5. С первых дней оккупации кадры Советов, депутатский и хозяйственный актив возглавили партизанское движение и подпольную борьбу против немецко-фашистских захватчиков.

Характеризуя командный состав и руководителей подполья, следует заметить, что практически 90 процентов командиров партизанских отрядов состояли из руководителей Советов и хозяйственного актива. Секретари райкомов КП(б)Б, партийный актив, как правило, назначались или выбирались комиссарами отрядов. В последующем они входили в состав штабов партизанских соединений.

Совершенно в иных условиях пришлось работать Советам на временно оккупированной территории республики. Начиная с весны 1942 года, в Белоруссии появились партизанские зоны-территории, освобожденные партизанами в ходе вооруженной борьбы с фашистскими оккупантами. К концу 1943 года на оккупированной территории республики существовало 20 партизанских зон общей площадью 108 тыс. кв. км.

Деятельность органов Советской власти и управления на территории партизанских зон имела свою специфику. Она в основном была подчинена решению военно-политических и хозяйственных задач. В системе органов власти, действовавших в этих зонах, определяющая роль принадлежала партизанским отрядам и бригадам. Их командование формировало низовые звенья местного аппарата (назначало на должности председателей сельских Советов, комендантов, старост, определяло их функции и задачи), решало вопросы хозяйственного и оборонного значения.

Однако непосредственное руководство всей хозяйственной, экономической и оборонной деятельностью в партизанских зонах осуществляли органы Советской власти – исполкомы районных Советов депутатов трудящихся, сельские и поселковые Советы.

По мере освобождения территории Белоруссии от фашистских захватчиков возобновлялась и деятельность высших, центральных органов власти и управления довоенного периода: Президиума Верховного Совета, Совнаркома, наркоматов, местных Советов депутатов трудящихся, усилия которых направлялись на восстановление разрушенного оккупантами народного хозяйства, создание необходимых материально-бытовых условий для населения.

Таким образом, в условиях военного времени деятельность Советов депутатов трудящихся носила многогранный характер:

военно-оборонительный, хозяйственно-организаторский, социально-бытовой и культурно-воспитательный. Но, к сожалению, она не нашла должного освещения в белорусской исторической науке.

Без анализа составляющих политической основы общества, по представлению автора, не может быть полной истории Великой Отечественной войны как исторического явления.

6. Белорусские историки, по сути дела, комплексно этой проблемой не занимались. Во многом это объясняется тем, что бывший Институт истории партии при ЦК КП Белоруссии вольно или невольно не рекомендовал историкам всесторонне исследовать эту тему. Роль Советов депутатов трудящихся в Великой Отечественной войне рекомендовалось рассматривать через призму руководящей роли КПБ как руководителя и организатора борьбы белорусского народа против немецко-фашистских захватчиков. В то же время на территории бывшего СССР освещением этого вопроса занимались многие историки. Одним из первых обобщением опыта работы Советов депутатов трудящихся занялся академик И.П.Траинин [5]. Большой интерес по изучаемой проблеме представляют отдельные работы Б.В.Щетинина [6] и других о различных сторонах деятельности Советов депутатов трудящихся в тылу врага и в освобожденных от немецко-фашистской оккупации районах бывшего СССР.

Историография данной проблемы представлена белорусскими историками в ученых записках, журнальными статьями, очерками и др.

В фундаментальной литературе по истории Великой Отечественной войны в основном раскрыта организующая и мобилизующая роль Коммунистической партии Белоруссии и совершенно недостаточно освещен вклад Советов депутатов трудящихся, через которые она осуществляла руководство всей хозяйственно-организаторской, военно-оборонной, политической и экономической жизнью республики.

Обстоятельной аргументацией и глубокой теоретической разработкой отдельных аспектов деятельности Советской власти на оккупированной территории Белоруссии отличаются работы А.И.Залесского [7]. Отдельные аспекты деятельности органов власти и управления в период Великой Отечественной войны в Белоруссии нашли освещение в трудах Л.В.Павловой [8].

В 60-70-ые годы национальными историками опубликован ряд монографий, очерков, брошюр, научных статей, освещающих различные стороны борьбы белорусского народа в годы войны. В

них находит некоторое отражение работа Советов депутатов трудящихся Белоруссии по мобилизации сил и средств трудящихся на борьбу с врагом, их деятельность на оккупированной территории по восстановлению разрушенного народного хозяйства республики. В трудах Г.И.Олехнович, А.В.Люцко, Н.И.Старовойтова, П.Т.Петрикова, Я.С.Павлова, А.П.Факторовича [9] нашли отражение различные стороны деятельности Советов депутатов трудящихся в исследуемый период.

Определенный интерес для оценки и сравнения фактического материала о деятельности Советов депутатов трудящихся (органов власти и управления) в годы войны представляют отдельные трофейные немецкие документы, хранящиеся в Национальном архиве Республики Беларусь, фонды переводов.

Недостатки публикации по истории Советов депутатов трудящихся Белоруссии во многом восполняют мемуары, воспоминания непосредственных организаторов и участников борьбы белорусского народа против немецко-фашистских оккупантов.

Тем не менее, анализ историографии о деятельности Советов депутатов трудящихся Белоруссии свидетельствует о том, что тема требует более комплексного исследования для восполнения имеющегося пробела в военной истории республики.

С.А. Елизаров

г.Гомель

РЕФОРМИРОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ССР (1954 – 1964 г.)

С приходом к руководству страной и партией Н.С.Хрущева начинается длительный период реформирования советского общества, проводившегося в рамках прежней концепции административного государственного социализма. Четкой программы реформ у нового руководства не было, и главным методом деятельности стало устранение наиболее выраженных «слабых» мест, для чего использовались средства, приносящие быстрый (хотя чаще всего временный) эффект. В частности, пришедшее к власти руководство обратило внимание на реорганизацию управленческой системы – традиционную составляющую советских реформ. Предполагалось в кадровой политике решить две основные проблемы – сократить аппарат управления, сделать его более квалифи-

цированным за счет концентрации подготовленных управленцев, сократить расходы на его содержание, направить высвободившиеся средства в экономику и социальную сферу.

Данная стратегия делала неизбежными и изменения в административно-территориальном делении (АТД), как неизбежным стал и метод их осуществления – укрупнение административно-территориальных единиц, определивший на последующие 10 лет преобразования всей административно-территориальной системы во всех регионах Советского Союза.

Длительная полоса административно-территориальных изменений в БССР началась в январе 1954 г. с упразднения 5 областей – Барановичской, Бобруйской, Пинской, Полесской и Полоцкой. Основания для реорганизации областной структуры АТД БССР были вполне типичны для того времени, совершенно четко вписывались в указанную государственную политику сокращения административно-территориальных единиц, вопросы экономические и социально-культурные выступали в качестве уточняющего критерия при определении конкретных очертаний областных границ.

Новое областное АТД республики основывалось на выделении ведущих в экономическом, социально-культурном и административно-политическом отношении центров. Ими объективно являлись города Минск, Брест, Гродно, Витебск, Гомель и Могилев. Они и стали системообразующими элементами новой областной структуры. Выпадал из нее только г. Молодечно, однако, формирование Молодечненской области в тот момент вызывало огромные сложности из-за недостатка времени для детальной разработки наиболее эффективного варианта.

В этом же году произошло и укрупнение низового звена АТД – сельсоветов. Известное укрупнение колхозов 1950 г. настоятельно требовало изменений в сетке сельсоветов, так как во многих случаях объединялись колхозы разных сельсоветов. В июле 1954 г. Президиум Верховного Совета БССР издал семь указов (по каждой области отдельно) об объединении сельсоветов. В результате реформы сельсоветов в республике их количество сократилось в три раза.

Общая линия на укрупнение административно-территориальных единиц не могла не коснуться и районного звена. Необходимость перестройки районной системы в то время не вызывала сомнения. В справке, подготовленной в 1955 г. Президиумом Верховного Совета БССР, отмечалось, что отдельные районы респуб-

лики как по площади, так и по численности населения мелкие, центры их не получили должного развития, население тяготеет к центрам более крупных сельских районов [4, д.551, л.191]. В 1956 – 1959 г. было упразднено 28 районов.

Вместе с тем в 1956 – 1959 г. процесс ликвидации одних районов и укрупнения других носил эпизодический характер. Районная система менялась в результате отдельных решений, перспективы дальнейших шагов не были определены. Все это напоминало в большей степени не четко разработанную линию, а ликвидацию явных недостатков существовавшей районной системы.

В 1960 г. этому процессу попытались придать системный характер, одновременно ликвидировав одну область (Молодечненскую) и 15 районов. В 1961 г. был упразднен только 1 район, в апреле 1962 г. – еще 8 районов.

Фактически с 1956 по апрель 1962 г. вся районная система БССР была пересмотрена. За этот период количество районов сократилось со 175 до 123 (т.е. на 30 %), 87 районов (70 % всех районов, оставшихся после апрельской 1962 г. реорганизации) были расширены, причем 19 районов подвергались укрупнению по 2 раза.

В наибольшей степени изменения в районной системе коснулись Витебской и Брестской областей. В Витебской области за период с 1956 по апрель 1962 г. было ликвидировано 10 районов, а из оставшихся 22 районов изменения территориальных границ произошли в 20 районах (91 % от общего количества районов в области), территория 5 районов увеличивалась дважды. В Брестской области за этот же период было упразднено также 10 районов, в 16 – увеличилась территория (89 % от общего количества районов области), а в 4 из них расширение происходило дважды. Несколько в меньшей степени изменился облик районной системы в Минской области (здесь было ликвидировано 10 районов, изменили территорию 14 районов – 58 % всех районов области, 6 районов расширялись дважды), в Гродненской (ликвидировано 10 районов, расширено 15, т.е. 83 % всех районов области, 2 района по 2 раза подвергались укрупнению) и в Гомельской области (ликвидировано 7 районов, укрупнено 14, т.е. 58 % оставшихся районов области, 2 района – по 2 раза). В наименьшей степени изменения коснулись районной системы Могилевской области. Здесь было ликвидировано только 3 района, 9 районов (53 %) были укрупнены.

Однако и на этом упрощение районного звена не закончилось. Весной 1962 г. стали создаваться территориальные производственные колхозно-совхозные управления (ТПКСУ) как главное средство коренного улучшения руководства сельским хозяйством.

В апреле 1962 г. на территории республики были созданы 60 ТПКСУ, которые выступали в качестве межрайонных органов, охватывавших своим руководством сельское хозяйство 2-3 районов. В Брестской, Гродненской и Могилевской областях было создано по 9 ТПКСУ, в Витебской, Минской и Гомельской – по 11 [3, д. 1673, л.264-268].

Имея большие права, ТПКСУ по существу «отняли» значительную часть полномочий у районных Советов. Однако, обладая при этом достаточными административно-хозяйственными функциями, ТПКСУ были лишены административно-политических функций. В то же время за сохранившимися низовыми административными районами остались главным образом административно-политические и в очень ограниченном масштабе – административно-хозяйственные функции. Т.о. на районном уровне возникли 2 организации: административные районы с преобладанием административно-политических и социальных функций и ТПКСУ с преобладанием функций административно-хозяйственных. Это очень быстро создало неизбежную управленческую неразбериху.

Одновременно такой вариант реорганизации управления сельским хозяйством создавал разрыв между административно-территориальным делением (в том числе между территориальной структурой советского и партийного аппарата) и территориальной структурой управления сельским хозяйством. В результате с целью ликвидации этого несоответствия родилась идея реорганизации районного АТД в направлении укрупнения районов до размеров ТПКСУ.

Указом Президиума Верховного Совета БССР от 25 декабря 1962 г. эта коренная реорганизация районной системы была официально закреплена. Вместо существовавших 123 районов осталось 77 (по количеству производственных колхозно-совхозных управлений). Так стали официально называться бывшие ТПКСУ. По Брестской области было упразднено 7 районов, Витебской – 8, Гомельской – 10, Гродненской – 7, Минской – 9, Могилевской – 5 [1, с. 281-287]. Соответственно, дополнительно создано 17 ПКСУ: в Брестской области – 2, в Витебской – 3, в Гомельской – 3, в Гродненской – 2, в Минской – 4, в Могилевской – 3 [3, д. 1713, л.80].

В период 1954-1964 г. вопросы реформирования АДТ республики решались на административной основе исключительно опытным путем, проверка эффективности того или иного варианта осуществлялась временем. Идея единства административного и экономического районирования в период реформ «великого десятилетия» реализована не была. Ход реформы определялся прежде всего интересами совершенствования сложившейся административной централизованной системы руководства и субъективными настроениями в высшем партийно-государственном руководстве СССР.

М.Г. Волнистая, Э.Г. Войнилович

г. Минск

СТРУКТУРА ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК УСТОЙЧИВАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Социально-экономическая система как целостная самоорганизующаяся система представляет собой функционально упорядоченное единство составляющих её подсистем. В структуре социально-экономической системы «государство» выделяются главные, базисные её части, определяющие «лицо» государства, особенности его функционирования и развития. Это инвариантные, медленно меняющиеся или длительное время не изменяющиеся элементы структуры системы. В инвариант структуры государственной системы входят три её составляющие: идеологическая система, социально-экономическая система базовых отраслей экономики, административно-территориальная система.

Наивысшей по рангу составляющей инварианта структуры является идеологическая абстрактная система. Если она разрушается и заменяется иной, то разрушается и заменяется другим весь инвариант структуры государства. Идея представляет собой абстрактную самоорганизующуюся систему. Идея общегосударственного социально-экономического развития создает теоретически возможный образ будущей структуры функциональных отношений в государстве, определяющий желаемое для большей части народа направленное целесообразное развитие. Идея, таким образом, объединяет в себе некую цель государственного развития и пути её достижения, организацию социально-экономического процесса, предполагающего движение к этой цели. Есте-

ственно, что идеи общегосударственного развития могут быть утопическими, внешне красивыми, но внутренне состоящими из неразрешимых противоречий. Их необходимо отличать от идей, основанных на анализе реально существующих условий и учитывающих их изменения, позволяющих прогнозировать с достаточной точностью аттрактивные цели развития общества. Такая идея и организованная под нее государственная структура играют определяющую роль в развитии страны.

Идея государственного развития объединяет народ в устойчивую целостность, дает ей веру в будущее и силы для движения к нему. Разрушение идеи неминуемо предполагает деградиционные процессы и развитие хаоса. Разрушение идеи государственного развития осуществляется под воздействием других, в том числе и чуждых стране идей.

Прогрессивная идея государственного развития должна инициировать развитие и расширенное воспроизводство нравственности. Нравственные отношения есть производное самой системы, результат действия принципов ее функционирования, которые, безусловно, предполагают их развитие и воспроизводство. Значит, в таком государстве должны действовать конституционно закрепленные, законодательно поддерживаемые положения, предполагающие развитие высоконравственных отношений и девальвирующие развитие алчности. Однако какими бы сильными и действенными законы ни были, не вводя в систему функциональных отношений принцип равного вознаграждения за равный труд, добиться высокой нравственности невозможно.

Принцип равной оплаты за равный труд является источником высокой производительности труда и социальной устойчивости. Более того, этот принцип есть мера уровня развитости нравственных отношений и самая исчерпывающая интегральная характеристика государства как правового, социально справедливого общества. Поэтому, решая проблему высокоэффективной организации государства, необходимо, чтобы структура функциональных отношений предполагала жизненную реализацию данного принципа.

В настоящее время инвариант структуры идеологической системы в Республике Беларусь ещё не сформировался окончательно. В борьбе находятся две идеи общегосударственного развития: идея, направленная на удовлетворение потребностей трудящихся методом тоталитарного планирования социально-экономических процессов и управления ими на принципах армейского

устава, и идея рыночной саморегуляции социально-экономических процессов с организацией буржуазно-демократического государства. Обе идеи не соответствуют прогрессивному направлению развития цивилизации и этносу белорусского народа.

Этим определяется сложность современной социально-экономической ситуации в Республике Беларусь.

Г.М. Кривошекий

г. Гродно

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В современном мире глобализация как исторический феномен охватила все сферы жизни человеческого сообщества. Противоречивые процессы, связанные с ней, оказывают огромное влияние не только на регионы планеты, но и непосредственно затрагивают жизненные интересы всех социальных слоев и групп населения в каждой стране.

В последние десятилетия в условиях ускоряющейся глобализации глубокий структурный кризис, вызванный распадом Советского Союза, охватил все государства, возникшие на постсоветском пространстве. Эйфория ожидаемого быстрого прогресса в развитии по пути рыночной экономики подталкивала недальновидных политиков к забвению всего положительного, что было достигнуто в годы существования СССР. Грубые просчеты в выборе социально-экономической стратегии развития привели к тяжелым потерям во всех сферах жизни общества. Особенно огромны эти потери оказались в экономике и социокультурной сфере.

Произошло огромное сокращение промышленного и аграрного производства, резко сократился объем ВВП, начала быстро расти безработица. Масштабное ухудшение экономической ситуации на постсоветском пространстве вызвало значительное снижение качества жизни подавляющего большинства людей во всех странах СНГ. В ряде регионов бывшего СССР это привело к дестабилизации политической и социальной ситуации и возникновению военных и социальных конфликтов, что еще больше ухудшило материальное положение огромных социальных групп населения.

Первые годы трансформации в Республике Беларусь характеризовались также ухудшением всех основных экономических и

социальных показателей. И только после президентских выборов 1994 года и последующих всенародных референдумов были созданы необходимые предпосылки для стабилизации, а затем и движения вперед по пути общественного прогресса.

Стабилизация и первые успехи социального развития нашего общества связаны с правильным цивилизационным выбором и обусловлены рядом обстоятельств: во-первых, была разработана научно обоснованная стратегия трансформации общества с учетом национальных традиций и национальной специфики белорусского менталитета, а также учета места и роли Беларуси в едином народно-хозяйственном комплексе СССР. Во-вторых, экономические реформы в Республике Беларусь проводились и проводятся постепенно, без отрицания всего положительного, что осталось в наследство от социалистического строя. Причем реформирование всех секторов экономики имеет четкую социальную направленность. В-третьих, отказ от шоковой терапии и антинародной приватизации, жесткий контроль за деятельностью государственных структур препятствовали раскрадыванию государственной собственности, криминализации общества, неприемлемому социальному расслоению населения. В-четвертых, приватизация и переход к социально-рыночному хозяйству проводятся в интересах широких социальных слоев населения. В ходе этих трансформаций осуществляется поиск наиболее эффективных форм и методов управления экономической и социальной сферами. Сохраняется и в большинстве случаев растет занятость населения. Приватизационная стратегия направлена на формирование класса национальных собственников, и как обязательное условие – создание рыночных структур должно обеспечивать рост национального дохода Республики Беларусь.

Дальнейший социальный прогресс общества во многом будет зависеть от гармонизации социально-трудовых отношений. Опыт развитых стран убеждает в том, что для достижения новых рубежей в экономическом и социальном развитии необходимо использовать весь комплекс стимулирующих факторов для качественного и производительного труда, главной основы процветания общества. Академик НАН Беларуси Е.М.Бабосов отмечает: «Только труд создает все материальные и духовные ценности, только труд возрождает все разрушенное, поверженное в прах неразумием и гордыней, только труд претворяет в жизнь все дерзания и свершения человеческого разума» [2, с.4].

В последние годы в Республике Беларусь многое делается для повышения материального благосостояния трудящихся. В то же время система заработной платы еще в недостаточной мере способствует мотивации высокопроизводительного труда работников. Величина заработной платы не всегда отражает уровень квалификации и качества труда. Низка еще доля заработной платы в совокупном продукте. По данным официальной статистики, доля заработной платы в ВВП на протяжении 1992-2000 г. составляла от 31 до 36,5 %. В странах с развитой рыночной экономикой этот показатель составляет 50-55 %, в США он находится на уровне 66-68 % [5, с.45]. Конечно, «ни в какие рамки представлений об обоснованности и справедливости, трудового вознаграждения не вписывается ситуация, в которой средний уровень зарплаты в банковской сфере более чем вчетверо превышает средний ее уровень в области социального обеспечения» [2, с.4].

Однако переход к рыночной экономике, регулирование заработной платы не должны сказаться на ситуации на рынке труда. Для социальной стабильности в обществе нельзя допускать роста безработицы или необходимо ограничивать ее приемлемыми для общества количественными и временными параметрами.

Для социального развития в условиях глобализации Республики Беларусь крайне важно не только не растерять интеллектуального потенциала, накопленного ранее в составе СССР, но и значительно приумножить его. Наличие в обществе важнейшего ресурса (а именно таким ресурсом в современных условиях является интеллектуальный потенциал страны) является основным фактором конкурентоспособности, которая «...все больше определяется технологиями, передача и использование которых намного сложнее передачи и использования денег. Главный барьер – образование и благосостояние: необразованный человек не сможет использовать технологии, даже если получит их (купит или украдет); а бедное общество не сохранит достаточное для пользования ими количество образованных людей» [3, с.37].

Несмотря на значительные экономические трудности, Республика Беларусь не только сохранила, но и качественно совершенствует всю систему образования. Так, численность учащихся в государственных общеобразовательных школах возросла в 2000/2001 учебном году до 1594,8 тыс. человек по сравнению с 1507,7 тыс. в 1990/1991 учебном году. Одновременно увеличилась и численность учителей со 123,2 до 152,6 тыс. В 2000/2001 учебном году обучались также более тысячи юношей и девушек в 15 част-

ных общеобразовательных школах. Впечатляют достижения высшей школы страны. В 2000 году только на первый курс поступили более 60 тыс. человек. Всего в 2000/20001 учебном году в Республике Беларусь насчитывалось почти 260 тыс. студентов [2, с.7].

Перспективы всестороннего общественного прогресса в нашей стране непосредственно связаны с максимальным использованием интеллектуального ресурса, формированием качественного «человеческого капитала». Это возможно при развитии социокультурной сферы, при условии тесного взаимодействия государства, частного бизнеса и общественных организаций. По оценкам ученых, в развитых странах 80-95 % прироста ВВП приходится на долю новых знаний, воплощенных в технике, производственных технологий, новых методов организации производства и подготовки высококвалифицированных кадров для всех отраслей экономики [4, с.90].

Объективный анализ и строгая оценка реального положения в социально-экономическом развитии нашей страны убеждают в том, что в последние годы государство проявляет огромную заботу о социальном развитии общества. Это отвечает основным тенденциям мирового развития. «Если обратиться к современной мировой практике, – отмечает российский академик директор ИЭ РАН Л.Абалкин, – то уровень развития страны находится в прямой зависимости от вложений в социальную сферу. Речь идет о науке, образовании, культуре, здравоохранении и других связанных с ними сферах. Тот, кто вкладывает средства в достижение именно этих целей, тот смотрит в будущее» [1, с.5].

Сильная социальная конструктивная политика, инвестирование средств в здравоохранение, образование и науку будет способствовать формированию «человеческого капитала», отвечающего требованиям XXI века. Только такая стратегия социального развития общества на длительную перспективу позволит Республике Беларусь, как и другим странам СНГ, занять достойное место в мировом сообществе и активно участвовать в международном разделении труда. Ориентация на человека в социальном развитии общества откроет перед ним новые горизонты, позволит снять многие негативные последствия, которые могут возникнуть в результате сложных глобализационных процессов в современном мире.

И.О. Змитрович

г. Гродно

И.Л. Кирилкина

г. Москва

БЕЛАРУСЬ И РОССИЯ: ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ К ПРОЦЕССУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Переход России и Беларуси к рынку сопровождается усилением их вовлеченности в мировое хозяйство. Оба процесса проходят в русле либерализации внешнеэкономической деятельности обоих государств.

С точки зрения специалистов ООН, глобализация – глубоко противоречивый и сложный мир, открывающий перед человеком огромные возможности. С одной стороны, глобализация как прогрессивный процесс обеспечивает прорывы в области новейших технологий, которые, если ими беспрепятственно обмениваться посредством производственной кооперации и торговли и ориентировать их на удовлетворение потребностей людей, могут содействовать благу всего человечества. Но, с другой стороны, глобализация имеет и негативные тенденции, проявляющиеся, в частности, в вытеснении рыночных механизмов нерыночными видами деятельности (через сеть всевозможных формальных и неформальных связей и услуг), что ведет к получению преимуществ сильных государств над слабыми.

Эксперты сходятся во мнении, что глобализация усиливает, в особенности у народов экономически слабых стран, чувство безысходности и незащищенности по мере того, как темпы роста финансовой нестабильности, масштабы преступности и болезней опережают темпы борьбы с ними. Иными словами, глобализация создает новые угрозы безопасности человека, в первую очередь в бедных государствах.

Многие ученые считают, что, в принципе, нынешний период развития мирохозяйственных связей имеет положительный эффект для всех стран, но явное исключение составляют государства с переходной экономикой, в которых структурные кризисы нарушили нормальные экономические закономерности. Это еще раз подтверждает, что включение Беларуси и России в мировую экономику имеет неоднозначный характер для их социально-экономического развития.

Нынешний уровень глобальной интеграции сильно дифференцирован как в отношении стран и регионов, так и отдельных рынков. В арсенале промышленно развитых стран имеется срав-

нительно больше возможностей для получения максимальных выгод от участия в этом процессе. Периферийные страны, к которым, к сожалению, относится Беларусь, Россия и другие постсоветские государства, не могут конкурировать на равных с ведущими участниками глобальной интеграции и вынуждены приспособиться к процессам глобализации на правах новичков.

Формирование современной системы хозяйственных связей происходит в рамках так называемого неолиберального мирового экономического порядка. При этом Беларусь и Россия испытывают целенаправленное влияние со стороны мировых экономических центров (Северная Америка, Западная Европа, Юго-Восточная Азия и Восточная Азия) и международных экономических организаций (МВФ, МБРР, ВТО и др.). Согласно неолиберальной модели развития, право на существование имеют только конкурентоспособные по международным стандартам предприятия, каковых в постсоветском мире очень мало.

Такое развитие чревато многочисленными проблемами для постсоветских стран. Сильнее, чем при других моделях развития, растут социально-экономическое расслоение, маргинализация и обнищание основной части населения. Об их судьбе неолибералы практически не говорят, а лишь иногда называют их «лишним населением».

Важным элементом внедрения неолиберальной модели в постсоветском пространстве является кредитование и субсидирование новых стран, которое не всегда можно назвать полезным. Например, длительное поступление займов и кредитов в Россию от международных организаций не только способствовало деформированию социально-экономической структуры, но и создало секторы и социальные группы, ориентированные на постоянную внешнюю подпитку, усилило структурную и долговую зависимость России от мирохозяйственных центров.

Эпизодические мировые финансовые кризисы открывают кредиторам возможность оказывать давление на постсоветские страны как на хронических должников, скупать и приватизировать их государственную собственность.

Следует подчеркнуть, что вовлечение постсоветских стран в мирохозяйственные процессы постепенно изменяет соотношение внутренних и внешних факторов их экономического развития. Учитывая тот факт, что Россия и Беларусь находятся в разных социально-экономических условиях по сравнению с центрами мирового хозяйства, актуальной и стратегической задачей для них

в период создания союзного государства становится адаптация национально-хозяйственных комплексов к процессу глобализации мировой экономики. Адаптация означает, с одной стороны, повышение национальной конкурентоспособности, с другой, выработку защитных механизмов, направленных на предотвращение падения жизненного уровня и урегулирование социальных конфликтов, свойственных периоду структурной нестабильности.

Сравнение макроэкономических показателей дает право говорить о том, что в мировой экономике Беларусь и Россия занимают весьма скромные позиции. Так, совокупная доля СНГ в мировом экспорте насчитывает несколько более 2 %, в том числе на Россию приходится 1,2-1,3 %. В мировой торговле услугами новые государства занимают еще более слабые позиции – на долю РФ приходится примерно 0,8 % коммерческих услуг, предоставляемых странами друг другу.

Хотелось бы затронуть два аспекта данной проблемы, важных для понимания степени актуальности совместной стратегии как для Беларуси, так и для России.

Современная глобализация мирового хозяйства имеет характерную черту – динамичное развитие международной торговли. На мировом рынке товарообмен происходит по трем основным группам товаров: готовые изделия, минеральное сырье и сельхозпродукты. Положение каждой страны в мирохозяйственных связях характеризуется и соотношением долей ее товарного экспорта. При нынешней структуре российского и белорусского экспорта Беларусь имеет больше возможностей, чем Россия, идти в ногу с передовым миром в динамике товарного обмена. Даже в доле химической промышленности она имеет более широкий ассортимент, чем Россия, которая экспортирует в основном удобрения. Российский импорт по своей структуре существенно отличается от импорта развитых и многих развивающихся стран. Беларусь идет вровень с развитыми державами по ввозу продовольствия и сельхозсырья, а Россия превышает их удельный вес почти в два раза. За счет импорта продовольствия Россия формирует фактически половину ресурсов розничного товарооборота продовольственных товаров.

Степень и форма участия любой страны в системе международной кооперации непосредственно зависят от проводимой государством внешнеэкономической политики. Правящая российская элита по-прежнему следует курсом либерализации внешнеэкономической сферы. Опыт более успешного внедрения такой

модели в странах Центрально-Восточной Европы свидетельствует, что преобладание потребительского импорта над экспортом ведет к «перегреву» экономики.

В Беларуси стараются более прагматично использовать «правила игры», навязанные более сильными экономическими партнерами. Если в результате либерализации экономики Россия потеряла целые отрасли промышленности, в том числе работавшие непосредственно на внутренний потребительский рынок, то в Беларуси целенаправленно осуществляется модернизация всего промышленного комплекса, при этом преследуется цель импортозамещения и повышения конкурентоспособности белорусской промышленности на мировых рынках путем повышения ее качества и снижения себестоимости.

Нынешняя обстановка, сложившаяся вокруг внешнеэкономической деятельности Беларуси и России, характеризуется усилением ряда новых отрицательных тенденций. Акценты в стратегии западных стран по отношению к РФ и РБ из сферы военно-политического противостояния постепенно смещаются на экономику. Беларусь уже ощутила достаточно жесткую экономическую блокаду, а в сотрудничестве с Россией отчетливо прослеживается стремление западных партнеров к достижению односторонних преимуществ, сдерживания экономического развития России, скрытое проникновение в стратегически важные для страны отрасли промышленности, к устранению с мировых рынков конкурентоспособных российских производителей.

В условиях глобализации мирового хозяйства, когда постоянно нарастает процесс формирования общемировых рынков (валюты, материальных и сырьевых ресурсов, производства и потребления, рабочей силы, продовольствия), белорусская и российская экономики пока еще не сумели выработать комплекс мер по защите национальных интересов, адекватных складывающейся ситуации. Понимание связанных с глобализацией опасностей и необходимости приспособиться к новым условиям интернационализации экономической сферы ставит перед Россией и Беларусью задачу выработки совместной внешнеэкономической стратегии. Ее реализация в рамках союзного государства явится реальным ответом на вызовы глобализации, позволит учесть и использовать в полной мере преимущества двусторонних интеграционных связей, чтобы с наименьшими потерями адаптироваться к условиям глобального рынка.

ПЕРСПЕКТИВЫ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Завершившееся десятилетие, почти совпавшее со временем существования независимой Беларуси, оставило неясным перспективы страны. Это первое десятилетие после бесславно почившей в 1991 году bipolarности. После недолгого кризиса миросистемного регулирования, когда державы уже не могли управлять миром по-старому, а по-новому еще не умели, с середины 90-х годов в международных отношениях утвердилась плюралистическая однополярность с неформальным механизмом регулирования, эффективность которого оказалась выше, чем у официального, основного [1, р.3-50]. Этот период для Республики Беларусь ознаменовался получением властью впервые действительно суверенитета, что подтвердилось принятием в 1994 г. первой Конституции действительно независимой Беларуси. С этого момента можно говорить о начале формирования белорусской государственности как таковой. Ускоряющаяся глобализация усугубила проблемы государственного строительства в нашей стране, не оставив времени для выбора стратегии, которая определит её будущее. Остаются неясными ответы на ключевые вопросы, стоящие перед Беларусью, в том числе способна ли она встретить «вызов глобализации» и готова ли белорусская элита органически подключить страну к важнейшим тенденциям мирового развития, чтобы та не оказалась на периферии мира» [2, с. 43].

Несмотря на противоречивость указанного периода, процесс становления Беларуси как национального государства вписался в общую тенденцию развития государственности, характерную для XX века, когда наблюдался расцвет так называемых «государств-наций». Стремление создать своё государство было непреодолимым в течение всего столетия, явившись следствием естественного исторического развития национальной самосущности и формы власти, которой стало государство. Как следствие – складывание системы европейских национальных государств, приведшее к росту их численности в мире в целом. Беларусь также находится в поиске своего нового государственного «я», переживает глубокие социальные преобразования в условиях, когда разорваны предыдущие общественные связи и структуры. Кризисные явления, наблюдаемые с конца XX века на постсоветском

пространстве, не обошли и нашу республику. Но, что закономерно, они лишь способствовали становлению и развитию государственности, добавили к традиционным функциям государства новые, особенно в экономической и социальной сферах, где граждане оказались беспомощными перед рыночной свободой и самостоятельностью, испытывали «футурошок». Как результат – тенденция государства вмешиваться во все большее количество сфер жизни, брать на себя все большую ответственность за происходящее в стране, а значит, все более расширять сферу своей деятельности. Государство эволюционировало, постепенно превращалось из традиционного полицейского, функции которого были ограничены и сводились в основном к поддержанию порядка, в «государство – защитника», проводящее политику неограниченного государственного вмешательства. Таким образом, государство постепенно стало воплощением власти как таковой, что позволило рассматривать его как силу, способную изменить судьбы людей. Поэтому сегодня граждане Беларуси ждут от него помощи в удовлетворении своих потребностей, требуют действий, направленных на преобразование в обществе. Это уже своего рода «естественный рефлекс». К тому же, если учесть, что со временем увеличилось количество сфер человеческой деятельности, в которые власти призваны вмешиваться, то функции государства ещё разрастаются. Всё вышесказанное лишь подтверждает рациональность выбора государственной формы организации власти в Беларуси на этапе, когда ещё не сформированы базовые интересы, вокруг которых сплотится белорусское общество в своем национальном государстве. В этом случае кризис национальной идентификации способствует, как любой другой кризис в обществе, увеличению власти государства, которое в кризисной неразберихе оказывается единственным центром политической рефлексии.

Такие перспективы развития государственности Беларуси были бы неоспоримо радужными, если бы речь шла о традиционной государственности. Но общество и государство в равной мере нуждаются как в архаичном, так и в современном. Действительность 90-х годов XX века обнаружила ряд важных закономерностей. Изменилась и продолжает меняться структурная конфигурация мира. Его можно считать биполярным лишь условно. Вместе с США функции нового полюса перешли к другим «старым» членам большой семерки, среди которых Соединенные Штаты - партнер «более равный, чем остальные» [3, р.30]. Во всяком случае,

Запад спешит использовать ситуацию, сложившуюся в международных отношениях на рубеже веков, и закрепить за собой как минимум на двадцать – пятьдесят лет наиболее благоприятные позиции в мире. Он с 1996 года ужесточил свою политику. Началось выдвижение передовых рубежей НАТО на Восток (в Венгрию, Польшу, Чехию, Югославию, Афганистан и т.д.). Неоднократно были опробованы механизмы принятия военных решений в условиях кризиса и непосредственного использования вооруженных сил альянса в наступательных целях за пределами национальной территории государств-членов. Произошёл серьёзный концептуальный сдвиг в понимании элементов международного порядка. Мировое сообщество фактически отказалось от принципа разрешительности, который считался системообразующим со времён Вестфальского мира 1648 года и предусматривал неограниченную свободу суверенных государств во внутренней политике, если они непосредственно не угрожали безопасности других стран. Страны НАТО, руководствуясь новой доктриной международного порядка – доктриной «Избирательной легитимности» – присвоили себе право не только определять, насколько легитимны внутривнутриполитические действия суверенных правительств, но и устанавливать пределы государственного суверенитета. ООН и другие международные организации всё чаще рассматривают вопрос о «законности» правительственной политики в отдельных государствах, практикуют введение санкций и силовое вмешательство. Сложилось ясное соотношение сил и возможностей, определяющих чёткую иерархию стран в мировой политике. Современный порядок не благоприятствует Беларуси. По ходу его складывания и регулирования ей выпало играть пассивную и ограниченную роль. Но, соглашаясь или не соглашаясь с фактическим положением дел, она должна принимать его в расчёт и исходя из этого строить свою международную политику. Встаёт вопрос: суверенна ли Беларусь в условиях современного международного порядка?

Многие теоретики видят в этом кризис государственности, когда суверенитет, во всяком случае, экономически, становится фиктивным. Государство упрекают и пророчат его отмирание в условиях глобализации как процесса унификации мира, формирования в нём единообразных пластов социальной, международной и иной реальности (общие стандарты потребления, поведения и быта, единые ценности, сходные политические практики, модели поведения, родственные художественные вкусы и т.п.).

Слабости государства становятся всё очевиднее. В современной практике надгосударственные и трансгосударственные субъекты (международные финансовые институты и МНК) обладают ресурсами, превосходящими возможности большинства государств. «Обычное» государство уже не способно регулировать многие вопросы, которые разрешимы в рамках надгосударственных общностей. Каждый гражданин в отдельности может обратиться для защиты своих интересов в международные правозащитные, судебные и другие органы.

В таких противоречивых условиях приходится модернизироваться белорусской государственности, когда, с одной стороны, стоит задача укреплять только что полученный суверенитет, с другой, – реагировать на внешние импульсы и мировые тенденции, избегая уподобления, прагматически используя благоприятные элементы внешних воздействий. Перспектива развития белорусской государственности видится в этом случае в поиске оптимального сочетания новаций и архаики, не уничтожающих друг друга, в развитии особой внутренней структуры – конгломерата, образуясь в отдельный анклав [4]. В противном случае транснационализация как основная характеристика современного этапа глобализации приведет в перспективе к «растворению» наций и государства в новых, более сложных международных структурах, к образованию постнационального пространства, «мира миров» [5, с.81]. Происходящие в мире глобальные процессы можно назвать новой стадией общественной эволюции, когда человечество, оставляя потребительское отношение к среде обитания, культивирует уже не природу, а социальную среду обитания, страновую, межстрановую и т.п. Это в свою очередь приводит к кризису традиционной государственности и роли государства в системе нового мирового порядка. Государство становится одним из центров политического влияния, который не обладает преимуществами перед другими институтами власти. Такого рода проблемы ставят вопросы о поиске государством (белорусским в том числе) новых форм своей внутренней организации, о повышении адаптивности к новым вызовам времени. Иными словами, нарастание информационной и экономической проницаемости границ сокращает суверенные права национальных государств в области внутривнутриполитического регулирования соответствующих процессов, поднимает проблему «устаревания» национального государства. Это показывает необходимость развития в современных странах

альтернативных государственным средств поддержания общественного порядка, например, путем создания механизмов регионального контроля, повышения интенсивности инокультурных контактов между народами, усиления интернациональных процессов и т.п. Подтверждением является практика России и Беларуси и ряда других западных государств. Как долго могут сохраняться подобные перспективы? Ответить на этот вопрос – задача современных аналитиков международной реальности.

В.М. Курбатов

г. Гомель

СТАНОВЛЕНИЕ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КЛАСС

Понятие «политический класс» в западной исторической науке давно в ходу, у нас, к сожалению, используется редко. По нашему мнению – это не просто политическая элита. Это совокупность всех, кто имеет отношение к политической жизни в рамках политических партий и движений, к формированию законов во всех областях общественной жизни, к исполнению этих законов и к контролю за их исполнением. И так на всех уровнях.

Нам представляется, что в идеале политический класс должен обладать следующими признаками:

- высокой мерой ответственности перед народом и контролем со стороны демократически избранных представителей народа, т.к. только так можно обеспечить эффективное народовластие;

- реализмом, понимаемым как способность своевременно и ясно наметить исторически оправданные, практически достижимые, последовательные и осознанные общественным мнением очередные цели общественного развития;

- нравственной чистоплотностью;

- мировоззренческой зрелостью, т.е. умением выработать единое, целостное и самобытное мировоззрение, основанное на национальных интересах и свободное от безумных заимствований.

Первая письменно зафиксированная оценка деятельности политического класса на Руси относится к 859 году. В Устюжской летописи сказано: «Земля наша добра и велика, и обильна, а на-

рядчика в ней нет». С тех пор прошло более тысячи лет, а с «нарядчиками» по-прежнему трудности. Особенно в кризисных ситуациях.

Политический класс у нас имеет свои исторические особенности. Во-первых, веками он был одновременно и правящим классом. Только с момента появления механизмов разделения властей и установления многопартийности в политический класс входят и те, кто сегодня правит, и те, кто находится в оппозиции. В таком состоянии российское общество пребывало недолго – с момента существования отечественного парламента – Государственной Думы, то есть с 1906 по 1917 г. и с декабря 1993 г. по настоящий день.

Во-вторых, сложились определенные традиции. Служение отечеству не рассматривалось как высокая цель, стоящая перед человеком, считавшим себя просвещенным гражданином. Петр Первый создал первую табель о рангах, которая открывала возможность продвигаться по государственной службе людям с разным социальным положением и, следовательно, позволяла вливать свежую кровь в окостенелые властные структуры. Однако дворяне необходимость служить рассматривали как тягостную повинность. Они охотно воспользовались Манифестом о вольности дворянства, дарованном в 1762 г., предпочитая жить в своих поместьях или отправляться в зарубежные путешествия. Это означало, что правящий класс лишь частично пополнялся из наиболее образованной части общества.

В-третьих, положение усугублялось тем, что российская интеллигенция, происходившая, в первую очередь, из дворянства, находилась в оппозиции государственному режиму и считала неприличным идти в услужение к властям предрежущим. Исключение представляло собой земское движение, в которое входила интеллигенция российской провинции, занимаясь вопросами благоустройства народной жизни, включая сюда в первую очередь здравоохранение и образование. Однако к политической жизни она непосредственно не подключалась, да и закон не давал такой возможности.

В-четвертых, лишь с большой натяжкой можно говорить о политическом классе в условиях тоталитаризма. Интересы поставленных в одинаковое уравнилельно-распределительное положение различных социальных слоев регулировались механизмами единственной и правящей политической партии. Ее структуры формировались руководящей верхушкой этой партии. Политичес-

кий класс той поры имел свои особенные черты, без определения которых невозможно понять многое из происходящего ныне:

- строгая иерархичность правящей партийной пирамиды;
- безусловное выполнение указаний вышестоящих;
- отрицательная селекция руководящих кадров, которая во многом объясняет, как нам представляется, негативное отношение к национальному возрождению части белорусского политического класса и их неспособность к последовательным демократическим преобразованиям. Система рекрутирования политического класса у нас выглядела и продолжает оставаться следующей: 1) закрытость, отбор выдвиженцев из нижестоящих слоев политического класса, постепенный путь наверх; 2) наличие многочисленных формальных требований для занятия должностей. Это могут быть возраст, стаж работы, положительная характеристика и т.п.; 3) небольшой, относительно закрытый круг селектората; 4) тенденция к воспроизводству уже существующего типа лидерства; 5) большая роль клановых и земляческих отношений:
 - крайняя степень бюрократизации всех общественных отношений;
 - наличие необоснованных привилегий и льгот;
 - постепенное вытеснение из власти людей с определенными убеждениями и замена их циничными расчетливыми карьеристами.

Именно эта зараженная цинизмом партийная хозяйственная и административная верхушка, давно отбросившая в сторону большевистский аскетизм, инициировала и приняла активное участие в том процессе, который получил название «перестройка». Эти люди, пользуясь неразберихой, ринулись в «черный передел» государственного имущества. Они скупали за бесценок помещения, оборудование, сырье, обзаводились фирмами и перебрасывали сколоченные таким образом капиталы на счета зарубежных банков. Факты эти общеизвестны. Важно не упустить из виду, что новый политический класс на переходе от тоталитаризма к представительной системе формировался в первую очередь из состава прежней номенклатуры. Она, правда, «переоделась» в другие «идеологические одежды», перешла на иной политический язык.

Другой источник пополнения – бывшие оппозиционеры, представители правозащитного движения, в основном, известные гуманитарии. В отдельных случаях им удалось прийти к власти (Гамсахурдия в Грузии, Эльчибей в Азербайджане). Кратковременное правление этих политиков по разным причинам нельзя

считать успешным. Характерна в этом смысле судьба Шушкевича и Шарецкого. Затем эти люди в своей основной массе покинули политическую сцену, не примкнув, за редким исключением, к деятельности новых политических партий.

Все более заметной становится деятельность политиков, отражающих интересы предпринимательских групп, развивающихся на собственной основе. В Беларуси подобные процессы не происходят. Велика роль в политическом классе прагматических представителей номенклатуры (к примеру, Ю.Лужков в Российской Федерации и оппозиция – А.Зюганов). Возможный компромисс таких сил в ряде стран СНГ позволил бы направить события по так называемому «испанскому варианту». После смерти Франко единение здравомыслящей франкистской номенклатуры и прагматической части оппозиции способствовало преодолению авторитаризма, раскола общества и, в конечном счете, процветанию страны.

Наконец, в составе политического класса появилась пока еще тонкая прослойка, на наш взгляд, перспективных молодых профессиональных политиков, не отягощенных грузом тоталитарного и номенклатурного прошлого. К сожалению, они не всегда придают значение нравственному кодексу поведения.

Сопоставление реального веса всех этих групп политического класса дает основание для вывода, что ведущие позиции сохраняет за собой номенклатурная прослойка. И это объясняется, помимо прочего, тем обстоятельством, что при решении вопросов, связанных с освоением рыночных механизмов, больше всего опыта у номенклатурщиков. Это же касается и административной деятельности.

В этих процессах есть определенные трудности. Во-первых, одна часть политического класса всерьез занимается реформированием, тогда как другая подстраивает реформы под собственные интересы.

Другая трудность – раскол в понимании того, какая политическая конструкция необходима постсоветским странам после выхода из тоталитаризма. Наблюдаются три основных потока усилий.

1. Сторонники представительной демократии на базе развитой рыночной экономики.

2. Сторонники возврата к системе Советов с допущением рыночных отношений, но с сильной управляющей ролью государства.

3. И, наконец, сторонники особого пути, представляющего единение народа в форме традиционных коллективистских способов бытия в сочетании с сильной фигурой президента или даже монарха.

Ни одна страна, выходящая из тоталитарного режима, ничего подобного не переживала. В послевоенной Германии, например, на западе страны вели борьбу за политическое первенство две основные политические партии – христианские демократы и социал-демократы. У них были расхождения, но обе строили с разных сторон парламентскую систему с сильной властью канцлера и широкими правами земель. О какой-либо особой «германской идее» и речи не было. При своей самобытности не рассуждали о японской идее и японцы, также начавшие выстраивать парламентскую систему при сохранении традиционного института императора. В странах Восточной Европы политическим классом поддерживается становление обычной представительной демократии. Необходима ясность в этом смысле и в поведении политического класса Беларуси.

Он в нашей стране условно может быть дифференцирован на три уровня.

1. Политическая элита, отличающаяся теми качествами, о которых речь шла выше.
2. Производственно-управленческий аппарат среднего уровня.
3. Низший уровень аппарата (к примеру, поселковая администрация).

К сожалению, политический класс Беларуси отличается рядом негативных черт: а) ярко выраженным конформизмом; б) авторитарным синдромом, особенно нелепо выглядящим на низшем уровне управления; в) нерасчетливой, безумной эксплуатацией идеи славянского братства; г) некомпетентностью.

Думается, с большим трудом, откатами, отступлениями и ошибками, но все же удастся реализовать представления той части политического класса, которая выступает за представительную систему и рыночные отношения, национальное возрождение и полноценную государственность.

ЛИБЕРАЛИЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ МНОГОПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

Опыт политического развития в СССР во 2-й половине 80-х – начале 90-х годов, процессы становления суверенной государственности бывших советских республик (в том числе Беларуси) в 90-е г., печальный финал исторической судьбы КПСС наглядно показали эфемерность надежд на формирование общества современного (демократического) типа с эффективной, а не псевдорыночной экономикой без полноценного функционирования многопартийной политической системы, причем, даже при наличии мощной партии власти (в белорусских условиях ее роль играет «вертикаль», состоящая в абсолютном большинстве из представителей бывшей советской партийно-государственной номенклатуры). Как известно, в силу ряда причин внутреннего порядка организационно-политический плюрализм в РБ формировался гораздо медленнее, нежели в соседних странах Восточной Европы. Это обстоятельство, однако, вовсе не означает, что политическое развитие Беларуси неопределенно долго будет идти и дальше своим особым (так сказать, «тутэйшим») путем. Поэтому представляется полезным обратиться к истории (пока еще достаточно короткой) возникновения крупнейшей (на сентябрь 2001 г. – более 45 тыс. членов) в современной политической партии – ЛДП(Б) и порассуждать о ее возможной роли в будущем нашей страны. Целесообразность обращения к этой теме может быть объяснена рядом очевидных причин. Не лишним будет вспомнить о том бесспорном факте, что большинство наиболее развитых государств мира были выведены в лидеры современной цивилизации именно либеральными политическими силами (в Японии и Канаде, к примеру, либералы находятся практически бессменно у власти несколько десятилетий). А либерализм в политике, экономике, идеологии и др. сферах общественной жизни есть антипод любой формы тоталитаризма (от авторитарного режима до неограниченной законом диктатуры).

Отметим в порядке перечисления упомянутых причин и то, что, несмотря на относительную слабость белорусского национально-демократического движения в сравнении с соседними народами (украинцами, поляками, прибалтами, русскими), на на-

шей земле либеральные идеи тоже имели давние корни. Викентий Дунин-Марцинкевич, Винсент Коротынский, Владислав Сырокомля и другие его (либерализма как политического течения) представители основной задачей считали безболезненную ликвидацию системы крепостничества, установление белорусской государственности, проведение реформ, направленных на установление капиталистических (т.е. эффективных, современных товарно-денежных) отношений. Однако политика русификации в Белоруссии со стороны царизма, длительность феодально-монархического строя, приход в октябре 1917 г. к власти радикалов-большевиков не позволили либерализму как идеологии и политической практике занять достойное место (и до сей поры) в общественно-политической жизни нашей страны.

Только с восстановлением белорусской государственности в 1991 году возникли условия для возрождения либерально-демократического движения.

5 февраля 1994 года в г.Минске состоялся первый учредительный съезд активистов этого политического течения, на котором было объявлено о создании Либерально-демократической партии Республики Беларусь.

Настоящая история Либерально-демократической партии как самостоятельной политической силы ведет свой отсчет с августа 1995 года.

На внеочередном 5-м съезде партии, созванном по требованию большинства руководителей областных и городских организаций, стоящих на позиции идеологического и организационного отделения ЛДП Беларуси от влияния партии В.Жириновского, избирается новый председатель партии – молодой, но достаточно известный политик С.В.Гайдукевич. С этого момента Либерально-демократическая партия начала процесс переосмысления своей программы и устава, линии поведения, отвечающей интересам прежде всего белорусского народа, защите независимости его государства, укреплению законности и правопорядка.

Из бывших разрозненных организаций белорусского филиала ЛДПР партия Гайдукевича С.В. за последние 6 лет становится самой многочисленной и структурированной силой в Республике Беларусь. Динамика роста численности членов партии превзошла все ожидания: 1992 год – 892 чел., 1994 – 653 чел., 1995 – 1719 чел., 1996 – 16467 чел., 1997 – 18903 чел., 1998 – 19649 чел., 1999 год конец сентября – 26897 чел., начало сентября 2001 г. – более 45000 чел.

Сегодня организации партии действуют по всей территории страны в 6 областях и в 112 районах и городах.

Либерально-демократическая партия не ограничивает свое влияние только территорией Республики Беларусь. Она имеет широкую сеть представителей, советников, помощников, экспертов почти во всех республиках бывшего СССР, поддерживает тесные контакты с представителями определенных политических, финансово-промышленных, правительственных кругов России, Украины, Прибалтийских стран, стран Восточной и Западной Европы, Ближневосточного региона. Недавно на встрече в Будапеште ЛДП(Б) стала членом либерального Интернационала.

Под патронажем партии были созданы Либерально-демократический союз молодежи, Общественное объединение «Женская либеральная ассоциация», Общественное объединение «Ассоциация владельцев и водителей автотранспорта», Общество дружбы с народами стран Ближнего Востока. ЛДП контролирует и оказывает финансово-организационную помощь ряду общественных, профсоюзных и ветеранских организаций. ЛДП насчитывает в своем политическом активе более 100 тыс. человек.

Имеются, на наш взгляд, основания для предположения, что, по мере приближения неизбежной для сегодняшней Беларуси приватизация госсектора экономики, резко возрастут политические перспективы и исторические шансы ЛДП(Б). Каковы же основания для оптимизма?

Во-первых, это потенциальная широта социальной базы либерализма в Белоруссии, что красноречиво, хотя и опосредованно, показывает опыт политического развития России в последние три года.

Не в пример ординарным политическим организациям, выступающим ограниченно, в интересах какой-либо одной группы, социального слоя либо национальности, ЛДП стала на более перспективную идейную позицию – позицию выразителя и защитника наиболее общих интересов практически всех слоев нашего населения.

ЛДП(Б) исходит из того, что «родимые пятна» коммунистического прошлого пока не изжиты не только в душах белорусских граждан, но и в экономике и государственном устройстве. Поэтому реализация социал-демократических идей в нашем прокоммунистическом обществе не имеет сегодня реального фундамента.

Таким образом, деятельность партии социально-демократической направленности в Беларуси еще долго не будет иметь ус-

пеха. Для ее реального влияния необходимо длительное время развития соответствующей социальной базы и для «оцивилизации» политической надстройки. Поэтому необходим переходной период от пост-коммунистического политустройства к демократизации общественного бытия. Сущность его, содержание можно определить как период всеобщей либерализации общественной жизни, подготовки общества к восприятию социал-демократического пути развития. Имеется еще одна более конкретная, но не менее весомая причина для оптимистического прогноза. Она связана с тем, что в России после парламентских и президентских выборов 1999-2000 г. к власти пришла новая политическая элита, которая отодвинула на второй план бывшую советско-партийную номенклатуру. Но именно последняя составляет костяк властных структур в РБ. Поэтому политического гешефта здесь с Россией не получится. Наоборот, новые политики России достаточно прозрачно дали понять, что прежняя концепция интеграции России и Беларуси их не устраивает. Речь сегодня со стороны России идет не о «равноправной» интеграции двух экономик, а совсем о другом варианте – включении народного хозяйства Беларуси в громадное экономическое пространство России. Основа общественного прогресса, как показывает мировой опыт, сегодня – это два краеугольных камня: политический плюрализм, т.е. реальная демократия и рыночная экономика. В таких условиях новая российская политическая элита будет искать себе политических партнеров в РБ, сходных с ней по общественно-политическим позициям. Именно ЛДП(Б), на наш взгляд, больше других политических партий РБ подходит на эту роль.

Л.Л. Голубева

г. Минск

ЗНАЧЕНИЕ ОБЫЧНОГО ПРАВА В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННОГО (ОБЩЕЗЕМСКОГО) ПРАВА

Самым важным и незаменимым источником знаний о праве, в том числе и о правовой регламентации наследования имущества являются источники права.

Первоначальным источником права считается обычай, который долгое время был основой права, определял способы его использования и развития. В отдельных княжествах древней Беларуси (Полоцком, Пинском, Витебском, Берестейском, Смоленс-

ком и др.) действовало свое местное, обычное право. Истоки обычного права имели в совокупности множество факторов (Якушин К. Обычное право // Вести Европы. – 1875. – Т. 6. – № 11. – С. 429 – 432). Началом возникновения обычного права служило не только отношение общества к средствам производства, но и индивидуально-психологические особенности его членов, культурные и национальные традиции определенного региона, общность языка, религиозные убеждения и многое другое. Этим можно объяснить стабильность отношений к обычаю на определенных территориях и в общественных группах даже после изменения экономических формаций. Сила традиционного понимания справедливости членами общества позволяет поставить обычное право на первое место среди источников права. Обычаи к моменту пробы их систематизации в какой-нибудь законодательный акт передавались из поколения в поколение. Справедливость и человечность были особенностями поступков и правил поведения людей. Система неписаных правил поведения (обычаев), которые строились на общепринятости («так деды и прадеды делали, так и мы будем поступать») и давности (так называемой «старины») существовала довольно длительное время. Такие исследователи феодального права XIV – XV столетий, как М.Ф. Владимирский-Буданов, И.Н. Данилович, Ф.И. Леонтович и др. считали правовой обычай основным и практически единственным источником права в достатутный период. Это связывалось в первую очередь с отсутствием в Великом княжестве Литовском до середины XV ст. универсальной кодификационной деятельности в области законодательства. Лишь в середине XV ст., в 1447 и 1468 г., были изданы первые общегосударственные законодательные акты Великого княжества Литовского (Юхо І.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. – Мінск, 1992).

С появлением Судебника Казимира 1468 г., а затем, несколько позже, грамоты Александра 1492 г. и Статута Великого княжества Литовского 1529 г., писанные законы не подавляют живучести обычая и не исключают его из области действующего права. Законодатель стремился, с одной стороны, узаконить обычай, с другой стороны, когда законодательные нормы на практике оказывались недостаточными и когда по данному случаю не было «Подходящих «артыкулов»: «А которых бы артыкулов не было еще в тых правах выписано, тогды тое право маеть сужоно быти водлуг старого обычая» (Статут 1529. Р. VI, арт. 1), оставляя за обычаем значение дополнительного источника действующего права.

По исторической последовательности обычное право предшествует закону. Ученые-правоведы по-разному трактуют обычное право. Так, Г.Ф. Шершеневич обычным правом считает юридические нормы, которые сложились силою бытовых отношений независимо от верховной власти и приобрели в сознании общества обязательное значение (Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – М., 1995. – С. 495 – 680). Относительно происхождения этого источника в древности существовало мнение, что обычное право возникает вследствие обычной привычки: случайно совершенные действия составляют предмет подражания, и на повторяемости их основывается убеждение в их необходимости. Представители исторической школы права (Савиньи, Пухта) иначе объясняли происхождение обычного права. Они подняли в науке его значение и поставили наряду с законом. Выбор тех или иных действий, не случайный, а сознательный, основанный на убеждении в их правильности, подражание и повторяемость основываются на согласии общества с этой точкой зрения. Сами обычаи не создают обычного права, но являются лишь выражением предшествовавшего им народного правосознания. Влияние исторической школы сказалось, например, при подготовке Германского уложения. Если первоначально предполагалось устранить обычное право или предоставить ему второстепенное место, то в окончательной редакции Германское уложение не определяет соотношения между двумя источниками права: законом и обычным правом.

Обычное право, как отмечает профессор И.А. Юхо, – это система неписаных правовых норм, которые основаны на общепринятости и давности действия (Статут Великого княжества Литовского 1588. – Минск: БСЭ, 1989).

Возникает обычное право непосредственно из общественных отношений и санкционируется государственной властью. В Беларуси обычное право было доминирующим до середины XV ст. и имело важное значение. В XV – начале XVI ст. оно начало вытесняться писаным правом, в котором наряду с новыми нормами сохранились нормы обычного права в форме закона. После издания Статута Великого княжества Литовского 1529 г. обычному праву отводится вспомогательная роль в регулировании тех правоотношений, которые не были предусмотрены законом.

Одной из характерных черт обычного права являлся традиционализм и консерватизм правовых норм, их неизменность. Древняя правовая теория была основана на церковном учении о том,

что в обществе и во всем мире существует раз и навсегда установленный Богом неизменный порядок. Попытки критиковать или изменять в древности социально-экономическую, политическую и правовую систему считались выступлением против церкви и Бога. Это ограничивало законодательную деятельность органов власти, великий князь не был уполномочен создавать или изменять нормы права. Даже в XV – XVI столетиях правительство вынуждено было обещать не нарушать древности и не вводить новых порядков: «бо мы новин не уводим, а старины не рухаем» (Русская историческая библиотека. – СПб., 1910. – Т. 27).

С традиционализмом в праве была тесно связана иерархичность общества с его сложной социальной структурой и правовой регламентацией различных социальных групп. В связи с этим личность имела очень мало самостоятельности: вся жизнь каждого человека должна была укладываться в рамки своего класса, социальной или религиозной группы. Особенностью древнего обычного права была также идея полного бесправия рабов (холопов, челяди невольной) и формальное равенство свободных людей при фактическом создании льгот и преимуществ господствующему классу. Рабы, холопы, челядь невольная не признавались самостоятельными субъектами правоотношений. «А холопу и робе веры не няти», – говорилось в Полоцкой грамоте 1511 г. Равноправие свободных людей заключалось в том, что они могли участвовать в решении государственных дел на вечевых собраниях, избирать и быть избранными в органы управления, нести определенные повинности, в том числе и военную.

Обычное право в древности регулировало все правоотношения в общественной жизни: структуру и компетенцию органов государственной власти, права и обязанности различных классов и социальных групп населения, семейные, земельные, судебнопроцессуальные и др. правоотношения (Смирнов А. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. – М., 1878. – Вып. 1).

Из дошедших до нас писанных источников права мы видим, что наследниками первой очереди были сыновья. Замужние дочери, которые жили отдельно от родителей, в круг наследников не входили (свою часть они получали в качестве приданого, когда выходили замуж). Незамужние дочери наследодателя имели право на часть имущества, размер которого определялся обычаем либо завещанием родителей. С возникновением писаного права наследование по обычному праву не отменялось, а приобретало форму

наследования по закону. С течением времени появлялись новые нормы, которые регулировали право наследования по завещанию. Обычай, который был различным относительно местностей и групп населения, сталкивался с законом. Иногда одна норма обычного права противоречила другой норме права, что нарушал один обычай, могло совпадать с другим (Демченко Г.В. Наказание по литовскому Статуту в его трех редакциях (1529, 1566 и 1588 г.). – Ч. 1. – Киев, 1894). Во многих случаях закон брал начало из обычного права. Обычай в Великом княжестве Литовском конкурировал с законом, дополнял его. В древние времена значение права в смысле обязательности общей нормы признается за обычаем. Признание за великим князем способности создавать право – явление вторичное, оно возникает исторически и развивается медленно. Как отмечает В.И. Сергиевич, московские князья в XVI ст. ссылались и оправдывали свои постановления «старинной», так как еще не осознавали того, что они являются субъектами верховной власти и в их воли творить право (Сергиевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. – СПб., 1899).

Нормами обычного права руководствовались судьи и в XV – XVI столетиях. Часто источником при ведении судебного процесса был обычай, потому что в судебных постановлениях мы находим слова: «водлуг обычая», «водлуг обычая права», «водле обычая права» и др. (Литовская метрика. (1528 – 1547 г.). 6-я книга судных дел. – Вильнюс: Вильнюсский ун-т, 1995). Переход от обычного права к общему государственному кодифицированному закону (на протяжении XIV – первой половины XVI ст.) сопровождался существенными изменениями в праве (в его сущности, принципах, содержании) и резким отступлением от средневекового стереотипа права, которое не отводило закону важной роли. В средневековье считалось, что право существует издавна независимо от верховной власти, потом, что великий князь (как и каждый иной суверен) мог принимать законы, давать указания по применению права, в первую очередь в публичной сфере. Роль законодательства в сфере частного права этого периода мизерная, потому что по традиции князь не мог по собственной воле изменять нормы частного права.

С анализа законодательных актов XIV – XV столетий следует, что дальше относительно системного изложения норм обычного права верховная власть не шла. В этот период существует партикулярная система права, которая строится по принципу: местное право превышает и даже отменяет общее.

КОЛЛЕКТИВНО-ДОГОВОРНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В БЕЛАРУСИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Эффективной формой участия трудовых коллективов в управлении предприятиями, мощным инструментом защиты прав и законных интересов работников является коллективный договор. Становление коллективных договоров, изменение их содержания и роли происходило под влиянием социально-экономической политики государства и являлось её отражением. В отечественной истории формирования и развития коллективно-договорных отношений можно выделить ряд основных этапов: 1) 1905-1917 г., 2) 1918-середина 30-х годов, 3) 1947 г. – конец 80-х г., 4) с 1991 г. по настоящее время.

Начало XX века было периодом становления социальных отношений на рынке труда наемных работников, которые завоевывали право на ведение коллективных переговоров посредством забастовок. Возникновению практики коллективных договоров способствовало создание профессиональных союзов. Следует отметить, что в Беларуси профсоюзы появились несколько раньше, чем в центральных губерниях России. Еще в октябре 1895 г. в результате объединения «касс борьбы» возник Всеобщий союз щетинщиков, объединявший рабочих Беларуси, Литвы и Польши. К 1900 г. в него входили более 800 человек, имелись десятки отделений. Профсоюз с 1898 г. выпускал первое профсоюзное издание в России – журнал «Будильник». Движением кожевников в западных губерниях руководил с 1898 г. подпольный централизованный профсоюз, его отделения существовали в Вильно, Ошмянах, Могилеве, Гомеле, Витебске и других городах и местечках [1]. Профсоюзы активно включились в борьбу за трудовые права работающих: сокращение продолжительности рабочего дня, повышение оплаты труда, ликвидацию штрафов, улучшение условий труда. Активные выступления рабочих и профсоюзов в 1905-1906 г. вынудили царское правительство принять 4 марта 1906 г. «Временные правила о профессиональных обществах», которыми разрешалось учреждать союзы наемных рабочих на промышленных и торговых предприятиях для согласования и защиты экономических интересов, улучшения условий труда и быта. К концу мая 1907 г. на территории Северо-Западного края существовал

101 профсоюз, в них насчитывалось 14 553 члена. Переговоры с нанимателями осуществлялись представителями профсоюзов, посредниками на них зачастую выступали фабричные инспекторы как представители государства. Так, контора машиностроительного завода Вечерека в Гродненской губернии согласилась на пересмотр расценок вместе с выборными от рабочих [2]. Однако коллективные договоры в дореволюционный период не получили распространения. Не существовало специального законодательства о колдоговорах, они были действительны только «де-факто». Незначительные уступки со стороны владельцев предприятий достигались главным образом не в результате переговоров, а стачечных боев, изредка являлись следствием разумной социально-экономической политики управляющих предприятиями. Наиболее ярким примером последней стало введение на Добрушской бумажной фабрике впервые в России 8-часового рабочего дня по инициативе директора-распорядителя А.И.Стульгинского. Но он не был типичной фигурой отечественного предпринимателя начала XX века.

После Октябрьской революции зачатки социального партнерства дореволюционной эпохи квалифицировались как подкуп рабочего класса буржуазией, как средство эксплуатации трудящихся. Вместе с тем коллективные договоры и отраслевые соглашения не отвергались. СНК РСФСР в 1918 г. издал декрет «О порядке утверждения коллективных договоров (тарифов), устанавливающих ставки заработной платы и условий труда», в соответствии с которым колдоговоры приобретали статус нормативно-правовых актов. Однако в годы «военного коммунизма» подписание коллективных договоров и соглашений не практиковалось. Возрождение коллективно-договорных отношений в трудовой сфере произошло в 1922 г. во время перехода к НЭПу. В Беларуси первый коллективный договор был заключен в начале 1922 г. между профсоюзом химиков и групповым управлением стекольной промышленности. К октябрю 1922 г. коллективными договорами и соглашениями были охвачены свыше 22 тыс. рабочих и служащих [3]. Особенно большое значение в защите интересов рабочих и служащих имело заключение коллективных договоров на частных предприятиях. Наниматели в своем большинстве не хотели заключать коллективные договоры, но благодаря настойчивости профсоюзов и содействию органов советской власти эти трудности были преодолены. К апрелю 1923 г. предприниматели заключили с рабочими и служащими более 750 колдоговоров и тариф-

ных соглашений, охватывавших 2 370 человек, работающих на частных предприятиях.

Вместе с тем, уже с конца 20-х годов наметилась тенденция недооценки коллективных договоров и соглашений. Решающее значение для изменения их роли и характера имело постановление ЦК ВКП(б) «О колдоговорной кампании на 1929-1930 годы». С 1929 г. получили распространение директивные письма руководящих партийно-правительственных и профсоюзных органов относительно предмета и процедуры переговоров, содержания коллективных договоров. В них в обязательном порядке рекомендовалось включать обязательства по выполнению и перевыполнению производственных заданий. Свертывание НЭПа, огосударствление профсоюзов, распространение командно-административных методов управления на социально-трудовые отношения вытеснили коллективные переговоры как способ согласования интересов различных социальных групп и колдоговоры как форму фиксации равновесных условий на рынке труда. С 1934 по 1946 г. коллективные договоры, как в Беларуси, так и в целом по стране не заключались. Они в это время рассматривались как изжившая себя, неприемлемая в условиях социализма форма регулирования трудовых отношений.

Возобновление практики заключения коллективных договоров произошло после войны, с выходом в феврале 1947 г. постановления Совета Министров СССР «О заключении колдоговоров на предприятиях промышленности, транспорта и строительства». Но в соответствии с данным постановлением смысл колдоговоров существенно изменился. Теперь они являлись главным образом политико-юридическим документом и важнейшим средством мобилизации трудящихся на успешное выполнение и перевыполнение хозяйственных планов. На собраниях по заключению колдоговоров, как правило, участвовало не менее 80-90 % рабочих и служащих. В 1947 г. в республике при обсуждении 889 проектов колдоговоров выступили 13 150 человек, было внесено свыше 10 тысяч предложений, в большинстве своем производственной направленности. В то же время явно недостаточно внимания уделялось социально-бытовым условиям работников.

В середине 60-х годов была предпринята попытка активизировать переговорный процесс в сфере трудовых отношений. Постановлением Совета Министров СССР и ВЦСПС от 6 марта 1966 г. «О заключении коллективных договоров на предприятиях» сто-ронам, участвовавшим в их подготовке и подписании, предостав-

лялось право регулировать отдельные вопросы зарплаты, условий труда и быта, восстанавливался нормативно-правовой статус колдоговоров. Президиум ВЦСПС и Госкомтруда СССР в 1966 г. подготовили совместное «Положение о порядке заключения колдоговоров». В нем определялись порядок подписания договоров, их структура, содержание, условия применения и контроля. Утверждается практика проверки хода и подведения итогов выполнения договоров. Например, в 1974 г. ход выполнения колдоговоров в Беларуси был обсужден более чем на 27 тысячах рабочих собраниях и конференциях, в которых принимали участие 92-97 % рабочих и служащих [4].

Коллективные договоры заключались на предприятиях государственной формы собственности. Вместе с тем, с созданием осенью 1964 г. профорганизаций в колхозах многие профкомы по почину профсоюзного комитета колхоза «Октябрь» Гродненского района начали ежегодно заключать с правлениями соглашения по социальным вопросам и охране труда [5]. Роль и значение коллективных договоров возросли в связи с принятием в 1983 г. Закона СССР «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями и организациями». Отныне колдоговор являлся важнейшим документом, регламентирующим внутреннюю жизнь трудового коллектива. Положением о порядке заключения колдоговоров, утвержденным постановлением президиума ВЦСПС и Госкомтруда СССР от 28 сентября 1984 г., было установлено обязательное ежегодное заключение коллективных договоров на предприятиях, ПО и НПО всех отраслей, а также в НИИ, организациях культуры, искусства и др. Повысилась ответственность административно-управленческого персонала за их выполнение. В 1989 г. был принят Закон СССР «О порядке разрешения коллективных трудовых споров», в котором подчеркивалось, что он регулирует порядок разрешения коллективных трудовых споров по вопросам применения законодательства о труде, заключения и исполнения условий коллективных договоров и соглашений. Однако колдоговорная практика в бывшем СССР имела ряд особенностей. Прежде всего, работники и наниматели выступали не как стороны социального партнерства, имеющие свои интересы, а как представители одного коллектива, решающие одинаковые задачи. По существу колдоговор представлял собой план совместных действий администрации и профкома по улучшению условий и охраны труда, решению других социально-бытовых вопросов в коллективе предприятия. В

соответствии с Положением 1984 г. в колдоговоры необходимо было включать мероприятия, предусмотренные комплексным планом улучшения условий охраны труда. К договору следовало прилагать план технического развития и организации производства, план внедрения передового производственного опыта, изобретательских и рацпредложений, сметы расходования фондов экономического стимулирования и другие материалы.

Новый этап в коллективно-договорном регулировании социально-трудовых отношений начался в начале 90-х годов с провозглашением государственной независимости Республики Беларусь и переходом к рыночным отношениям. В этих условиях колдоговор приобретает все большее значение для защиты наемных работников. В республике стала складываться новая система взаимоотношений профсоюзов с объединениями нанимателей и органами государственного управления, принципиальные основы которой закреплены в статье 14 Конституции. В числе первых среди стран СНГ в Беларуси были приняты нормативные акты по вопросам социального партнерства, закрепляющие принципы, провозглашенные Международной Организацией Труда. С 1991 г. заключается Генеральное соглашение между правительством и республиканскими объединениями нанимателей и профсоюзов. Помимо Генерального соглашения, заключаются отраслевые и региональные соглашения и несколько тысяч коллективных договоров на предприятиях. Система разработки, заключения и реализации колдоговоров и соглашений является несущей конструкцией партнерских отношений. Заключение коллективных договоров и соглашений и рассмотрение коллективных трудовых споров на принципах социального партнерства и равноправия сторон предусматривают Закон РБ от 24 ноября 1992 г. с изменениями и дополнениями от 4 ноября 1998 г. «О коллективных договорах и соглашениях» и Закон РБ от 18 января 1994 г. с изменениями и дополнениями от 5 февраля 1999 г. «О порядке рассмотрения коллективных трудовых споров (конфликтов)». С 1 января 2000 г. вступил в действие новый Трудовой кодекс. В нем содержится около 100 статей, регулирующих отношения, связанные с социальным партнерством, заключением коллективных договоров и соглашений.

Статья 6 Закона РБ «О коллективных договорах и соглашениях» приводит развернутый перечень вопросов (около двадцати), которые могут быть предметом коллективного договора. К ним относятся, прежде всего, нормы и обязательства, обеспечи-

вающие оплату труда, гарантии занятости, продолжительность рабочего времени и времени отдыха, вопросы, связанные с получением жилья и улучшением материально-бытового положения работников, с предоставлением дополнительных гарантий и льгот определенным категориям работников. В соответствии с Законом, сторонам колдоговора предоставлено право определять срок, на который он заключается, но не менее чем на год и не более чем на три года. В 1999 г. в Беларуси было заключено 19,5 тысяч коллективных договоров и 479 отраслевых тарифных и местных соглашений. Коллективно-договорным регулированием трудовых отношений было охвачено 81,6 % предприятий, учреждений, организаций, а в отраслях радиоэлектронной промышленности, автотракторного и сельскохозяйственного машиностроения – около 100 % [6].

С подписанием договора коллективно-договорная деятельность не свертывается. Тем более в наше время, когда социально-экономическая обстановка быстро меняется. Принципиальное значение приобретает порядок осуществления контроля за выполнением включенных в договор условий, норм и обязательств. Такой контроль осуществляется сторонами социального партнерства, органами государственного надзора и контроля за исполнением законодательства. В вопросах выполнения заключенных договоров о труде стороны не всегда достигают необходимого согласия. Порой дело доходит до конфликтов между ними. В этом случае спор решается в Республиканском трудовом арбитраже. Основная проблема реализации колдоговоров – в ответственности сторон за выполнение подписанных соглашений и договоренностей. На некоторых предприятиях в коллективном договоре предусматривается, что систематическое невыполнение обязательств договора может быть причиной досрочного расторжения контракта с руководящими работниками предприятия. Однако следует признать, что конкретные нормы такого рода в коллективных договорах встречаются редко. В большинстве колдоговоров положения об ответственности сводятся к трафаретным фразам вроде «привлекать к строгой ответственности виновных должностных лиц». Как правило, в этом случае никто ответственности не несет. В итоге у работников складывается мнение, что колдоговор – не более чем дань моде, а не инструмент защиты их прав. По данным проведенного в 2000 г. социологического опроса, достаточно большое число работников оценивают коллективные договоры как важное звено системы социального партнерства и защиты

их экономических и социальных интересов на уровне организации. Это находит свое отражение в высокой степени участия работников в обсуждении колдоговора во время его принятия. В нем приняли участие 71,4 % работников непромышленной сферы и 66,5 % работников отраслей материального производства. Однако, оценивая реальные возможности колдоговора, только 29,9 % респондентов высоко оценили его результативность в решении социально-трудовых вопросов. Примерно треть опрошенных склонны считать, что коллективные договоры в недостаточной мере отвечают своему назначению, а 11,4 % вообще отрицают какое-либо влияние колдоговоров на положительное решение трудовых и социальных вопросов. Значительная часть опрошенных (23,2 %) затруднились ответить на этот вопрос [7].

Коллективно-договорная система не является единственным способом регулирования трудовых отношений, она применяется наряду с системой регулирования трудовых отношений работника и работодателя на индивидуальной основе и государственно-правовым регулированием трудовых отношений. Вместе с тем нормы коллективно-договорного акта обладают большей гибкостью и позволяют учесть особенности труда в каждой конкретной организации, ее финансовые возможности и обеспечивают работнику большую защиту, чем индивидуальные договоры (контракты).

И.Л. Кирилкина

г. Москва

СОЮЗ РОССИИ И БЕЛАРУСИ: РОССИЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Тема российско-белорусского союза наиболее отчетливо зазвучала во второй половине 90-х годов XX века. Но это отнюдь не означает, что до этого она не обсуждалась в белорусских и российских СМИ. Особую актуальность ей, по-видимому, придавал ряд шагов, направленных на документальное оформление процесса интеграции. Пик интереса к данной проблеме приходится на 1999 г., именно на период обсуждения договора о создании Союзного государства России и Беларуси. Наиболее острые баталии между сторонниками и противниками интеграции начались накануне и стали наиболее острыми после подписания этого документа. На протяжении достаточно долгого времени процесс обсуждения проблем российско-белорусской интеграции шёл в виде вялоте-

кущей дискуссии, в которой более преобладали эмоции, а не конкретные исследования, проведенные в этой области. Интересно, что за 1995-1998 годы так и не были опубликованы серьезные аналитические доклады, основанные на достоверных расчётах и имевшие целью прогнозирование результатов и последствий такого объединения двух стран. Очевидно, что для такого сложного и ответственного решения, как интеграция двух стран, недостаточно апелляции к историческому прошлому и желания народов жить вместе (достаточно неопределённое понятие). Таким образом, можно согласиться с тем, что вспышки интереса к интеграции и как следствие – возобновление полемики в СМИ в определенной степени объясняются политической конъюнктурой как российского, так и белорусского общества. В определенные моменты в политической жизни России тема российско-белорусского союза становилась объектом беззастенчивой спекуляции.

В этом контексте интересен взгляд на проблему польских политиков Ч.Белецкого (председателя комиссии по международным делам сейма Польши) и Е.М.Новоковского (советника премьер-министра РП), заявивших в 1999 г., что «этот договор не многое изменит по существу. Поэтому и российские политические устремления, и личные амбиции Лукашенко не могут в решающей степени повлиять на глубинные процессы в белорусском обществе ...Союз России и Беларуси конструируется уже не один год. Он не будет представлять опасности большей, чем она существует сегодня, до той поры, пока не наступит слияние обществ обоих государств». Хотелось бы добавить, что такая точка зрения излишне пессимистична, поскольку, несмотря на объективно медленные темпы и запутанный характер объединительного процесса, факторы интеграции остались по-прежнему актуальными как для российского, так и для белорусской стороны.

Более шести лет прошло с начала российско-белорусских объединительных процессов. На сегодняшний день некоторые политические деятели констатируют, что в отношениях России и Беларуси наблюдается определенная дезинтеграция, которая якобы имеет тенденцию к углублению. Договор, подписанный на исходе президентства Б.Н.Ельцина, ещё раз подтвердил вполне очевидную истину – интеграция, новое международно-правовое государственное объединение невозможно без конкретных действий и выраженной политической воли с обеих сторон.

Идея российско-белорусской интеграции, на наш взгляд, пережила четыре основных периода в своём развитии, на протяже-

нии которых её поддерживали разные политические силы. Несмотря на некоторую условность, можно представить попытку периодизации процесса формирования союза двух государств следующим образом:

1) 1991-1994 годы (пиком этого периода являлось подписание договора об объединении денежных систем, который в силу ряда причин так и не был реализован);

2) 1995-1996 годы (апогеем стало подписание в апреле 1996 г. договора об образовании Сообщества Беларуси и России);

3) 1997-1998 годы (подписание 2 апреля 1997 г. Договора о Союзе Беларуси и России и 25 декабря 1998 г. – Декларации о дальнейшем единении Беларуси и России);

4) 1999 г. – по настоящее время (подписание Договора о создании Союзного государства Беларуси и России в декабре 1999 г.).

Довольно условное разделение процесса развития взаимоотношений России и Беларуси на этапы можно завершить характеристикой основных трудностей современного этапа интеграции. Следует отметить, что сегодня в вопросе объединения России и Беларуси наиболее рельефно обозначались концепции государственно-политического объединения и создания экономического союза.

Сторонники государственно-политического объединения первоосновой успешной интеграции считают объединение двух стран на федеративной или конфедеративной основе. С этой точки зрения интересен проект, с которым выступил заместитель председателя Государственной Думы С.Н.Бабурин. Данный проект предлагал создание Российско-Белорусской Федерации. Однако белорусская депутация не поддержала это предложение, посчитав эту инициативу преждевременной. Трудно не согласиться с тем, что слияние двух государств с разным экономическим, геополитическим и социальным потенциалом, учитывая различия в их политико-экономических моделях развития, может вызвать ряд негативных и даже опасных последствий, начиная с полной потери суверенитета и заканчивая насильственной приватизацией белорусского сектора, а также навязывание неравноправных инвестиционных договоров и падение уровня жизни белорусов. К тому же неразработанность организационно-правовой стороны объединения может усложнить ситуацию внутри Российской Федерации, обострив уже существующие противоречия между её субъектами.

Сторонники экономического союза полагают, что без установления эффективного торгово-экономического сотрудничества, сближения курса реформ, унификации законодательств преждевременно и бесперспективно ставить вопрос о политическом объединении государств. Наиболее ярко эта позиция представлена в альтернативном проекте договора об экономическом союзе между Российской Федерацией и Республикой Беларусь, внесённом объединением (в настоящее время – партией) «Яблоко». В документе главный упор был сделан на постепенную экономическую интеграцию, то есть взят вариант модели формирования объединённой Европы.

Можно говорить о трёх основных точках зрения на перспективы развития отношений между Россией и Беларусью. Во-первых, это праворадикальная позиция. Её сторонники с белорусской стороны выступают против любого варианта «союзного государства с Россией – империей, угрожающей суверенитету независимой РБ» (Белорусский народный фронт, Объединенная гражданская партия). А российские СПС «Яблоко» и др. следуют тезису «никакого союза молодой российской демократии с «тоталитарным» режимом». Во-вторых, леворадикальная точка зрения, которая отстаивает «союз, несмотря ни на что, любой ценой, во имя славянского единства» (ряд депутатов Госдумы из фракций КПРФ, ЛДПР и др.). В-третьих, умеренные либералы считают своей задачей и целью «поэтапное, постепенное формирование конфедеративного, межгосударственного союзного государства» (Социал-демократическая и демократические партии в Беларуси и др.).

Как видно из вышесказанного, откровенно против сближения России и Беларуси выступают националистические и прозападно настроенные партии и движения Беларуси (БНФ, Белорусская социал-демократическая Грамада, Объединенная гражданская партия и др.). В России налицо практически полная поддержка населением России интеграции с Беларусью, против которой ни одна партия открыто выступать не может.

Дальнейшая судьба проекта объединения России и Беларуси тесно связана с внутривнутриполитическими процессами в обоих государствах, с конкретной конфигурацией политических сил. В данной ситуации, на наш взгляд, помимо объективных факторов, важное значение приобретает так называемый субъективный фактор, а именно позиция ведущих политических лидеров в вопросе объединения и личностные характеристики, предпочтения людей, ответственных за реализацию этого проекта.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА БЕЛАРУСИ: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Политическая символика – это определенная знаковая система, выражающая в себе степень внедрения и функционирования политических идеологий в общественном сознании, обеспечивающая стабильность и преемственность различных этапов развития политической системы. В политической символике, как в любой семиотической системе, можно выделить три уровня семиотического пространства: 1) синтактика рассматривает отношения между элементами системы; 2) семантика несет ответственность за взаимосвязь между знаком и объектом, который он выражает; 3) уровень – прагматика, которая изучает отношения между системой и теми, кто расшифровывает и декодирует информацию, содержащуюся в символе.

Автор данной работы ставит перед собой цель объяснить семиотическую природу белорусской политической символики. Особное место политических символов в жизни нашего государства и общества фиксирует Основной Закон Республики Беларусь. Статья 19 Конституции гласит: «Символами Республики Беларусь как суверенного государства являются ее Государственный флаг, Государственный герб и Государственный гимн» [1, с.8]. Данным правовым документом определено приоритетное положение этих государственных символов среди остальных видов политико-символических форм.

Надо отметить, что многообразие политических символов не ограничивается только национально-государственными формами. Они представляют незначительную часть всего символического комплекса, задействованного в политической сфере жизни общества. В политической науке выделяют несколько видов политической символики: 1) национально-государственная символика; 2) архитектурные комплексы (здания, сооружения и т. д.); 3) скульптурные памятники; 4) знаки отличия; 5) денежные знаки; 6) политическая топонимика; 7) ритуально-процессуальная символика; 8) наглядно-агитационная символика; 9) политико-музыкальная символика (революционные песни); 10) предметно-объектная политическая символика (Царь-пушка, Статуя Свободы и пр.); 11) люди как политические символы (политические лидеры и общественные деятели); 12) условно-графическая символика; 13) по-

литический язык; 14) политическая мода; 15) символы места и времени (эпоха Хрущева, эпоха Петра I и т. д.); 16) математическая политическая символика [2, с.46-47.]. На основании указанной классификации мы попытаемся рассмотреть существующий сегодня комплекс политической знаковой системы Беларуси.

В периоды социально-экономических и политических трансформаций символический комплекс претерпевает как качественные, так и количественные изменения. Но политическое пространство не терпит отсутствия символических форм, поэтому последние всегда присутствуют в нем в том количестве, которое необходимо для нормального функционирования всей политической системы определенного общества.

Современная белорусская символическая система политики состоит из множества разных по своему идеологическому происхождению знаковых образований. Качественные идеологические отличия современной белорусской знаковой системы от советской символики заметны уже на главных государственных символах – флаге, гербе и гимне. По своей семантической природе они несут на себе смысловую неопределенность нашего переходного периода и соответствующего ему массового сознания. Государственные символы Республики Беларусь, в силу сложившихся жизненных реалий, могут рассматриваться одновременно как наследники белорусской советской символики, но в то же время они несут на себе значительную идеологическую нагрузку суверенного, независимого государства. На государственном флаге РБ отсутствует главный символ коммунистической идеологии – серп и молот. С государственного герба также исчезли символы советского прошлого. Все они уступили место новым символическим формам.

Указанный выше идейно-символический дуализм заметен также на остальных видах нашей политической знаковой системы. Например, в городе Минске больше нет Ленинского проспекта (сейчас это проспект Фр. Скорины) и площади Ленина (площадь Независимости), но в то же время большинство улиц и площадей столицы и остальных городов республики сохранили за собой «старые» советские названия. На основе советской наградной системы, с учетом национальных традиций и истории, создана своя наградная система. Главным архитектурным политическим символом страны стала резиденция Президента РБ. Комплекс минской площади Победы постепенно превращается в одно из мест проведения праздничных государственных мероприятий.

Этот процесс затронул также Октябрьскую площадь г. Минска. Ключевым государственным праздником, сменив в этой роли День Великой Октябрьской Социалистической революции, стал День Независимости или День Республики.

Наиболее ярко идеологический дуализм белорусской политической символики проявляется в противостоянии между современными государственными и оппозиционными символами государственного суверенитета. Оппозиция ратует за возвращение бело-красно-белого флага и герба «Погоня» и проводит кампанию популяризации данной символики. В силу сложившейся политической конъюнктуры и консервативности массового сознания белорусов, указанные символы не могут занять должного места среди знаковых систем белорусского политического пространства. Непримируемую позицию в данном вопросе занял действующий президент и его вертикаль, рассматривающие принятие в качестве государственных символов – бело-красно-белого флага и герба «Погоня» – как «... звонкую оплеуху уже мертвым и еще живым бывшим воинам Красной Армии, партизанам, подпольщикам, которые боролись с фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны под традиционным красным флагом и которые герб «Погоня» и бело-красно-белый флаг белорусских колобогрантов, воспринимали как знаки (символы. – Р.Д.) позора и предательства» [3, с.52]. Приведенный выше аргумент был самым основным и решающим, который склонил общественное мнение к принятию «старых» новых государственных символов в результате проведения республиканского референдума 14 мая 1995 года.

Результаты майского плебисцита 1995 года и следующего референдума, проведенного 24 ноября 1996 года, сказались не только на национально-государственной символике. Процесс консервирования или возврата к старым советским символам затронул почти все виды символических форм белорусского политического пространства. Основные государственные праздники, например, День Независимости, проводятся на площади Независимости, на которой еще стоит памятник В.И. Ленину, или на Октябрьской площади белорусской столицы. Памятники Ленину сохранились на центральных площадях во всех областных и районных городах республики, являясь одновременно скульптурно-архитектурными комплексами, в которых проводятся мероприятия, приуроченные к государственным или местным праздникам. Например, присяга представителей всех родов войск силовых ве-

домств РБ новоизбранному президенту страны проводилась осенью 2001 года на Октябрьской площади столицы. Все это свидетельствует о том, что сознание белорусской политической элиты и всего нашего общества не освободилось от символических форм советской идеологии, а новая идеология с новой знаковой системой еще не создана. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что период идеологической неопределенности не способствовал как интеграции общества, так и значительной его дезинтеграции. В сознании белорусского общества, в связи с социально-экономическим кризисом и политическим противостоянием между президентом и оппозицией, развилась в последнее время некая индифферентность по отношению к политическим символам, которая в последующем может привести к символическому абсентеизму в массовом сознании.

Данное явление – негативная тенденция, которая может существенно осложнить процесс выбора белорусским обществом своей политико-государственной идеологии, а вместе с ней знаково-символической системы упорядочения и кодировки политического пространства. Символ, в свою очередь, является материально-духовным олицетворением социально-политического мифа. Отмечая этот факт, российский политолог А. Кольев констатирует: «Всякая идеология наполнена мифами. Научная идея что-нибудь значит в обществе (именно в обществе и отчасти в ученом обществе), когда она отлита в символ» [4, с.179]. Таким образом, на основе символики происходит социально-политическая адаптация индивида, группы целого общества к сложившимся и быстро меняющимся общественным условиям. В белорусской политике, наоборот, намечается тенденция сведения к минимуму данной функции знаковой политической системы, что в будущем может привести к полному символическому абсентеизму в сознании людей. «Для того, чтобы поверить в реальность группы или целей, нужно предварительно поверить в силу ее иллюзии, эмблемы или символа, которые ее представляют. Общество, не соблюдающее этих правил, уклоняющееся от них, ослабляется, распадается, теряет влияние на своих членов» [5, с.74] – отмечает С. Московичи. Если наша политическая элита не хочет развития данного сценария событий, она должна в скором будущем завершить процесс становления и институционализации белорусской политической символики с последующим учетом меняющихся факторов общественной жизни.

Таким образом, говоря о символической структуре политического пространства нашего государства, можно одновременно выделить ее интегративный и дезинтегративный характер. Интегративную функцию она выполняет на уровне политических сил, участвующих в общественной жизни страны. Дезинтегративная функция выполняется символикой на уровне всего белорусского общества. Результатом является противостояние оппозиции и власти, символическая неопределенность и абсентеизм белорусских граждан, развившиеся в период социально-политических трансформаций. Знаково-политическая система помогает членам общества и целым сообществам людей осуществлять на ее основе выбор своего социального поведения или, наоборот, затрудняет его. В кризисных условиях, особенно в обществах транзитного типа, к которым можно отнести и Республику Беларусь, устоявшиеся политические ценности и символические формы подвержены эрозии в массовом сознании. Они вступают в конфликт с новыми, уже зародившимися, но еще не устоявшимися в сознании людей, символично-ценностными структурами, которые, в свою очередь, могут восприниматься неадекватно как субъектами, так и объектами властных отношений. Словом, политическая символика, наряду с другими компонентами политической культуры и общественного сознания, составляет некий идейно-ценностный стержень политической жизни общества, способный оказывать также и обратное влияние на политические интересы и потребности, выступая при этом одним из важнейших мотиваторов и регуляторов политического поведения социальных общностей, лидеров и элит.

СЕКЦИЯ 7

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ

У.Д. Розенфельд, С.В. Донских

г. Гродно

ПОЛОНИЗАЦИЯ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ в 20-х г. XX в.: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

В современных отечественных социогуманитарных исследованиях этническая и национальная проблематика занимает видное место. Ее актуальность очевидна: под национальными лозунгами прошел распад СССР, национальные проблемы определяют значительную часть политических коллизий в новых независимых государствах – бывших советских республиках. Злободневность этнологических работ зачастую смыкается с примитивной политической актуальностью, со старыми стереотипами мышления, неоправданной модернизацией сложных этносоциальных процессов. Вместо вдумчивого анализа – старые идеологические клише. Одна из причин подобного явления носит теоретический характер – несовершенство надежно верифицируемых концепций, методологии этнических исследований и понятийного аппарата. Особенно ярко это ощущается в исторических работах, где объективно невозможно использовать многие наработки эмпирической социологии и существует проблема репрезентативности источников. Результатом является подмена всего многообразия этносоциальных феноменов и их динамики несколькими неопределенными понятиями с ярко выраженным политическим подтекстом. Одно из самых популярных – полонизация.

В работах по истории Беларуси этот аморфный термин встречается едва ли не с XV в. Под него подпадают почти все значительные этносоциальные процессы: формирование в рамках Речи Посполитой единого шляхетского сословия, распространение католицизма и попытка создания униатской церкви в XVI – XVII в.,

реформы системы образования рубежа XVIII – XIX в., национальные возрождения начала XX в. и, наконец, политика польских властей в Западной Беларуси в 20–30-х г. XX в. Вряд ли во всех этих случаях правомерно говорить об одной и той же полонизации. Более того, понятие полонизации сводит весь широкий спектр этносоциальной динамики лишь к межэтническим взаимодействиям, вектор которых направлен на полную ассимиляцию белорусов, оно не учитывает внутреннюю динамику, развитие и трансформацию этнических общностей. Последнее особенно важно для пограничных регионов или бывших имперских провинций со смешанным населением. Полиэтничность подобных территорий складывалась веками, а развал империй (Габсбургов, Османов или Романовых) поставил перед национальными возрождениями практически неразрешимые мирным способом проблемы. К сожалению, попытки федеративного устройства (Чехословакия, Югославия) не выдержали проверки временем.

Рассматривая теоретический аспект понятия полонизации, необходимо прежде всего четко придерживаться принципа историзма. Как нельзя требовать от варваров эпохи великого переселения народов того, чтобы они разделяли принципы и идеи ренессансного гуманизма, так невозможно подходить к этническим проблемам начала XX века с позиций модных ныне идей гражданского общества, единой Европы, прав национальных меньшинств и т.д. Появившаяся в 1918 г. на политической карте Европы Польская республика хотя и претендовала на роль наследницы старой шляхетской Речи Посполитой, была государством нового национального типа. На ее развитии закономерно отражались общеевропейские тенденции и исторические особенности, которые в большинстве своем были неблагоприятны для национальных меньшинств. Одним из них являлось белорусское население «крэсов восточных» (современный западный регион Беларуси). По официальным польским данным, оно насчитывало около 1 млн человек. Современные польские историки называют цифру около 1,5 млн человек, а белорусские исследователи доказывают наличие свыше 2 млн белорусов, испытавших на себе воздействие колонизации.

Воссозданная из разнородных частей бывших австрийской, германской и российской империй межвоенная Польша испытывала сильнейшие центростремительные тенденции, стремление как можно скорее преодолеть и унифицировать региональные различия, как наследие иноземного господства. Результат – неизбеж-

ное обострение национальных вопросов на белорусском, литовском и украинском пограничьи Польской республики. Эта была грустная закономерность формирования национальных государств в Восточной и Центральной Европе начала XX века. Освободившись от имперской власти, они сразу же вступили в междоусобную борьбу за спорные, полиэтнические территории. «Камнями преткновения» становились для Венгрии и Румынии Трансильвания, для Болгарии и Румынии – Добруджа, для Болгарии, Греции и Сербии – Македония, для Польши и Украины – Волынь, для Беларуси, Литвы и Польши – Принеманье и Виленский край. Помимо этого, 20 – 30-е г. XX в. – «золотое время» для европейских тоталитарных режимов: коммунистических, фашистских или, в лучшем случае, диктаторских. Все они воспринимали национальное движение нетитульных этносов как угрозу своей власти. Межвоенная Польша не была исключением из этого правила. Как бы ни оценивать установленный в мае 1926 г. режим Ю. Пилсудского, несомненно, что он не был демократическим, что закономерно отразилось на положении национальных меньшинств, в том числе белорусского.

Относительно либеральные условия для национального развития нетитульных наций существовали лишь в начале 20-х г. XX в. «Декларация прав народов России» от 15 ноября 1917 г. провозгласила право народов на свободное самоопределение вплоть до создания независимых государств. Вступление США в первую мировую войну в 1917 г. проходило в немалой степени под национально-освободительными лозунгами, которые поддержали ослабевшие западные союзники (Англия и Франция): освобождение Бельгии, Сербии и Черногории, возвращение исконных территорий Франции, России, Румынии, освобождение румын, итальянцев и славян, живущих в границах Австро-Венгрии [1, s.15]. Закономерно, что после 1918 г. широкую популярность приобретают демократические федеративные идеи. Как отмечал в 1918 г. Ю. Пилсудский: «На Божьем свете начинают, судя по всему, побеждать разговоры о братстве людей и народов и доктринки американские, перехожу с большим удовольствием на сторону федералистов». В соответствии с новыми кратковременными историческими веяниями провозглашенное весной 1919 г. в Вильно польскими властями «Воззвание к жителям бывшего ВКЛ «обещало: «...дать Вам возможность разрешить дела внутренние, национальные и вероисповедальные так, как сами будете желать, без какого-либо насилия и принуждения со стороны Польши» [2,

s. 201, 203]. В этих условиях были возможны массовое открытие белорусских школ, активная деятельность белорусских общественно-политических объединений, попытки формирования белорусских военных подразделений, а на выборах в Сейм и Сенат в ноябре 1922 г. блок национальных меньшинств смог получить 22 % депутатских мест. Однако, в силу вышеуказанных исторических закономерностей, дальнейшее развитие Польши пошло по пути дискриминации и поглощения национальных меньшинств. При этом перепись 1921 г. фиксирует в Новогрудском и Полесском воеводствах 657 753 поляка (39,6 %) и 685 372 белоруса (40,2 %), а перепись 1931 г. выявляет 711 100 поляков (33,9 %) и 1 120 500 белорусов (53,5 %). Получается, что по мере усиления полонизации в 20-х г. XX в. на большей части территории Западной Беларуси в процентном отношении число поляков снизилось почти на 6 %, а белорусов возросло более чем на 13 %! Дело здесь не только в статистических параметрах определения национальности – самосознание 1921 г. и язык 1931 г., а в изменении характера полонизации за данное десятилетие.

В общетеоретическом плане полонизации соответствует понятие ассимиляции – поглощения одной этнокультурной общностью другой. На практике в чистом виде ассимиляция встречается редко, проходя через ряд этапов или, точнее говоря, уровней: сегрегации, аккомодации, аккультурации (или культурной ассимиляции), собственно ассимиляции (или структурной ассимиляции) и амальгирования. Если сегрегация предполагает этнокультурную самодостаточность, относительно изолированное, параллельное сосуществование нескольких этносоциальных групп, то аккомодация – это освоение этническим меньшинством норм и ценностей титульной нации, но не усвоение их, а лишь эпизодическое применение в межэтнических контактах. На уровне аккультурации или «культурной ассимиляции» этническое меньшинство усваивает господствующие в обществе нормы и ценности доминирующей группы, но сохраняет бытовое своеобразие и самосознание (уровень этнографической группы). Наконец, в процессе структурной ассимиляции происходит культурное, социальное, политическое и профессиональное «выравнивание» этнического меньшинства. Охватывая семейный и бытовой уровни, структурная ассимиляция перерастает в амальгирование – смешение нескольких этнокультурных компонентов в единое целое (реально наблюдается лишь в некоторых латиноамериканских странах). Эвристические возможности указанной модели этнокультурной

динамики были продемонстрированы работами А. Садовского. Адаптируя популярную концепцию к реалиям польско-белорусского пограничья, исследователь выделил четыре этапа этнического бытия белорусского меньшинства в послевоенной Польше: «стабилизации меньшинства» (1944 – 1946), «аккультурации» (1947 – 1955), «интеграции» (1956 – 1970 как начальный этап структурной ассимиляции) и «ускоренной структурной ассимиляции» (1971 – 1980). Два фактора – государственная политика и время оказывали решающее влияние [3].

Обращаясь с учетом вышеизложенных теоретических моделей к проблеме полонизации на территории Западной Беларуси в 20-х г. XX в., можно констатировать, что под этим термином выступают два далеко не тождественных этносоциальных явления. Полонизацию в 1920 – 1925 г. следует рассматривать как аккомодацию. От белорусов требовалось лояльное отношение к польской власти и признание польской государственности. Для полномасштабной ассимиляции здесь не было ни сил, ни времени. Поэтому перепись 1921 г. главным фактором этнической идентификации вводит самоопределение, чем незамедлительно воспользовалась часть неполяского населения Западной Беларуси. В Новогрудском воеводстве около 25 %, а в Полесском 17,5 % православных и иудеев декларировали свою «польскость». Полицейские отчеты за 1924 – 1928 г. интересуют в первую очередь отношения белорусского и еврейского населения к польской власти и выполнение ее распоряжений [4]. Насколько позволяют судить официальные польские источники, отношение к польской власти в середине 20-х г. XX в. постепенно меняется от враждебного («это оккупационная, временная власть») к неприязненному и далее – к удовлетворительному и выжидательному. В это время входят в официальный лексикон такие любопытные выражения, как «поляк моисеева закона», «православный поляк». Уже само участие белорусского меньшинства в парламентских выборах рассматривается как определенный шаг к признанию польской государственности.

Характер полонизации меняется в 1926 г., когда она приобретает все более яркие черты аккультурации. Широкое распространение польской школы и польских культурно-просветительских организаций, запрет национальных школ, обязательность польского языка (в том числе в православном богослужении), запрещение юлианского календаря и борьба с национальными культурными организациями – вот далеко не полный перечень при-

знаков аккультурации. Любопытны полицейские отчеты по Новогрудскому воеводству за 1929 г., которые фиксируют, не только на каком языке православные священники разговаривают в храме и при контактах с консисторией, но и используют ли они польский язык в повседневной жизни. Закономерно, что перепись 1931 г. требовала для определения национальности указать язык, а не формальное самоопределение. Важной характеристикой аккультурации белорусов во второй половине 20-х г. XX в. был ее насильственный характер. С одной стороны, он вытекал из установившегося политического режима – полувоенной диктатуры, с другой, был обусловлен отсутствием экономических стимулов для аккультурации в условиях острого экономического кризиса рубежа 20 – 30-х г. XX в. (экономический фактор, стремление к материальному благосостоянию является одним из важнейших стимулов аккультурации в Северной Америке, Западной Европе, Австралии). Необходимо учитывать и мощный политический фактор, препятствовавший углублению полонизации – существование БССР и деятельность КПЗБ.

Таким образом, понятие полонизации применительно к Западной Беларуси в 20-х г. XX в. включает в себя несколько моделей этнокультурной динамики, из которых наиболее ярко выражены аккомодация и аккультурация. Достижение конечной цели полонизации – ассимиляция белорусского меньшинства в межвоенной Польше – было вряд ли возможным в тогдашних исторических условиях, но эти попытки продлили скрытые этнические конфликты и сыграли свою роль в гибели «Второй Речи Посполитой».

У.Д. Розенфельд

г. Гродно

НОВЫЙ АРХИВНЫЙ ИСТОЧНИК ОБ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ

Архивные документы не только фиксируют действительность исторического события, тем самым создавая фактологическую основу «чёрного хлеба» истории, но зачастую сами выступают ключом к объяснению исторической жизни народа. Именно поэтому их заключают в секретные хранилища, устанавливают сроки возможного пользования, вырабатывают (особенно в государствах с тоталитарными режимами) специальные инструкции хра-

нения, допуска и использования. Одним словом, создают все необходимые условия для манипулирования историей, дозирования её и фальсификации в нужных идеологических надобностях.

И всё же «серьмяжная правда истории» прежде всего в том, что рано или поздно архивные документы оживают – становятся доступными для всех интересующихся историей и человечеством. И это особенно важно по отношению к истории народов, предвзятость к которым чуть ли не стала добропорядочной нормой у многих историков. Видимо, в первую очередь здесь следует назвать еврейский народ. Его история (особенно в контексте Восточной Европы, прежде всего в рамках бывшего СССР) зачастую нуждается в достоверной документации, в использовании источников, осевших в советских архивах и фактически оказавшимися вне исследовательского поля. Историческая судьба белорусов (особенно в XX столетии) в последние десятилетия стала объектом обострённой борьбы, зачастую связанной с фальсификациями, этническими предвзятостями, сокрытием фактов и документов, осевших в архивах.

К документам такого рода, безусловно, относится докладная записка Белостокского воеводы Генриха Осташевского «Проблемы укрепления польского владеющего положения в Белостокском воеводстве» в Министерство внутренних дел Польши № 58/39, составленная 23 июня 1939 года, т.е. фактически в преддверии кризисных социальных изменений на этих территориях. Записка носит гриф секретности. Интересно отметить, что, попав в советский архив, она тоже оказалась засекреченной. Русский перевод докладной записки Белостокского воеводы выполнен, видимо, по распоряжению представителей новой советской власти Белостокской области. Находится в Государственном архиве общественных организаций Гродненской области (Ф.6195. Оп.1. Д.28. Л.1-38), представляет машинописный текст с небольшими купюрами (отсутствуют отдельные слова), имеет пометки. Язык перевода – канцелярский, с ограниченной и не всегда точной лексикой (например, «владеющее положение» вместо «господствующего положения» и т.д.)¹.

¹ Уточненный вариант записки опубликован в: Знешняя палітыка Беларусі: Зборнік дакументаў і матэрыялаў. Т.3 (1928 - чэрвень 1941). – Мн., 2001. – С.115-149.

В литературе справедливо отмечалось, что фактически II Речь Посполитая так и не сумела разработать цельную национальную политику, что было связано с существенными изменениями в государственном строе до и после переворота 1926 года, отсутствием единого центра, отвечающего за национальную политику (она оказалась в ведомстве четырёх министерств – внутренних дел, военного, иностранных дел, вероисповедания и образования), быстрой сменяемостью министров и т.д. Поэтому закономерно возрастание роли и значения «локальной администрации» и воевод в осуществлении национальной политики (см. например: Мірановіч Я. Навейшая гісторыя Беларусі. – Беласток, 1999).

Необходимо подчеркнуть, что при всей, казалось бы, невыстроенности национальной политики II Речи Посполитой она всегда (гласно или негласно) в основе своей имела этническую предвзятость, определяющую жёсткое стремление к ассимиляции национальных меньшинств. Более того, проекты решения национального вопроса, предлагаемые воеводами, оказывали значительное влияние на центральную власть, с одной стороны, подтверждая «справедливость» и закономерность жёсткой ассимиляционной политики, с другой, демонстрируя возможность и результативность подобных решений в различных регионах Польского государства. Поэтому попытки разработать хоть какую-то либеральную политику в этом вопросе были обречены на провал (см. например: «Директивы по отношению государственной власти к национальным меньшинствам» Министра внутренних дел К.М.Младзяновского).

В этом контексте особую роль играли «восточные крессы» (Западная Беларусь), в которых решение национальных проблем становилось основой для реализации государственных задач установлением господствующего польского влияния. Их ответ как бы предопределял решение этих проблем и в других регионах Польши. Отсюда вытекает и особое значение записки Белостокского воеводы, в которой прежде всего разрабатывается концепция полонизации «восточных крессов» на основе решения национального вопроса. Для Белостокского воеводства это означает, прежде всего, решение исторической судьбы белорусов и евреев, а также русских и других малочисленных этносов этого региона. Белорусов и евреев преимущественно не только потому, что они наиболее многочисленные среди национальных меньшинств, но и потому, что они отличаются своей устойчивой ролью в общественном развитии Западной Беларуси (первые фактически во

многим определяют жизнь сельскохозяйственных территорий, вторые – городов, причём, и первые, и вторые обладают своеобразной культурной ментальностью).

Поскольку Белостокское воеводство по определению сельскохозяйственное, а следовательно, владение землёй определяет уровень жизни и социальный статус его жителей, то именно те этносы, которые населяют его сельские территории, должны стать объектом прежде всего колонизации. Разумеется, на основе чёткого понимания интересов господствующей в воеводстве нации, т.е. поляков, которые составляют 66,85 % его населения. Это прежде всего белорусы, составляющие 18 % населения (тогда как русские только – 1,6 %, немцы – 0,4 %, литовцы – 1,15 %; особая проблема – евреи, составляющие 12 % населения).

Итак, белорусы, хотя на всём протяжении записки белостокский воевода на первое место в трудностях решения национальной проблемы ставит евреев, видя именно в них главное препятствие для колонизации края.

Роль и значение белорусского этноса осмысливается воеводой фактически в трёх плоскостях: хозяйственной, религиозной (в конечном итоге культурной), политической (государственной). В основе разрабатываемой воеводой концепции лежит твёрдая уверенность в том, что землепользование является основным рычагом воздействия на жизнь государства, ибо «с точки зрения политики страны – стоят выше те, в чьих руках находится земля» (Л.4). Особенно это относится к этносам, проживающим на сельскохозяйственных территориях, т.е. по преимуществу – к белорусам. Их надо заинтересовать землёй. Однако помня о главном (о необходимости все возрастающего влияния на них), – продемонстрировать высокий уровень жизни поляков, на который белорусы должны ориентироваться. Следовательно, именно в местах компактного проживания белорусов «должен быть поднят до высшего уровня материальный уровень поляков» (Л.4). Поэтому при всех земельных переделах земля должна передаваться полякам... и белорусам. Последним, разумеется, по остаточному принципу. Перераспределение земли в таком контексте в пользу белорусского населения превращается в главный хозяйственный рычаг оплодотворения последних, так как получают землю только те белорусы, которые проявляют «тенденции оплодотворения».

Так сказать, материальное стимулирование белорусского населения, по мнению воеводы, должно дополняться культурным воздействием, прежде всего учитывающим конфессиональные

предпочтения белорусов. В сложившихся на этих землях ментальностях традиционно католик-поляк, православный-русский и белорус (правда, особая проблема – роль униатской церкви в исторических судьбах белорусов).

Воевода вынужден констатировать приверженность широких слоёв белорусского населения к православию, хотя стремится (опираясь на перепись 1931 года) явно приуменьшить количество белорусов, вывести из их состава так называемых «тутэйшых». И тогда, по его явно несправедливому мнению, из 308 818 православных воеводства «немногие считают себя белорусами» (Л.7). Но это противоречит его же инвективам в адрес польской автокефальной православной церкви, которая в конечном итоге сопротивлялась систематическому процессу «ополячивания», пропагандируя «русский дух... и русскую культуру».

Воевода вынужден констатировать, что процесс ополячивания белорусов опосредуется их культурным менталитетом. Он стремится прокламировать (зачастую не обременяя себя доказательствами), что белорусы «часто ещё ниже стоят от него (польского населения. – У.Розенфельд) в культурном развитии» (Л.8). Более того, «как масса населения» белорусы не имеют «образованного народного сознания» (Л.10), и следует создать все условия, чтобы они его не приобрели. Отсюда, добавим, жесткая позиция по отношению к развитию белорусского образования, культуры, преследование белорусской интеллигенции и т.д. И тут же (вопреки собственным аргументам) воевода вынужден констатировать, что одним из главных препятствий на пути полонизации белорусов является «древняя белорусская культура», которую обязательно следует «одолеть» (Л.16).

«Одоление» белорусского культурного менталитета хочет воевода осуществить за счёт, во-первых, приобщения белорусов к польской культуре; во-вторых, аннигиляции белорусского языка и перехода на польский; в-третьих, в конечном итоге – перехода на польскую ментальность (белорусы должны «думать по-польски»).

Для достижения этого необходимы «соответствующие вложения в народное образование, транспорт, здравоохранение и т.д.» (Л.16), и осуществить это надо как можно быстрее, ибо, полагает воевода, ещё не всё упущено, так как белорусское население пока «представляет из себя пассивную массу, без широкого народного сознания, без собственных государственных традиций» (Там же).

Так неизбежно возникают проблемы политические. Тогда становится необходимым констатировать рост национального самосознания белорусов, их борьбу за собственное «школьное дело», расширяющееся культурное поле и т.д. Растёт «сознательный белорусский элемент» (Л.15). Усиливается «движение прорусской ориентации», реализующее «давние русские симпатии» белорусского населения. Эти тенденции поддерживают и усиливают «православное духовенство», «русские националисты», «советская пропаганда». Велика роль революционного и освободительного движений, делающих привлекательными идеи «коммунизма», «лозунгов сепаратизма» (что на нормальном языке означает стремление к государственной независимости и т.д.). В результате вырисовывается картина, свидетельствующая о нарастающих тенденциях социальной активности белорусского населения, которую и пытается преодолеть воевода выработкой жёстких, но гибких средств последовательной колонизации белорусов.

Ему кажется, что это достижимо применительно к белорусскому этносу. Подобный подход, по мнению Осташевского, безрезультатен по отношению к евреям. Их менталитет и хозяйственная самостоятельность делают процесс их ассимиляции почти невозможным. Поэтому он постоянно возвращается к евреям, видя в них главное препятствие на пути колонизации воеводства. Причём, следует обратить внимание на то, что подобное положение евреев в воеводстве «возможно более выразительнее и острее», однако, «не отделяется в основном от условий и потребностей остальной части страны» (Л.4). Поэтому анализ и рецепты решения «еврейской проблемы», предлагаемые Осташевским, претендуют на общегосударственное значение. В докладной записке обстоятельно, на основе польской переписи 1931 года, анализируется жизнь еврейской общины Белостокского воеводства. В центре анализа – «хозяйственное» положение евреев. Следует обратить внимание на таблицу (Л.38), в которой суммируются экономические возможности еврейской общины. Ценность их имущества исчисляется миллионами, что, действительно, делало их достаточно мощными собственниками, имеющими возможность влиять на жизнь воеводства. Именно эти «значительные материальные средства» и приводят к господствующему положению евреев в городах и объективно противостоят польскому влиянию в промышленности и торговле (Л.5). Экономические возможности еврейской общины усиливаются стократно, по мнению воеводы, за счёт еврейского менталитета – особой духовной ауры,

которая отличает евреев вообще и белостокских евреев в особенности. Поэтому у последних и есть отдельное название – литваки.

Литваки (как и евреи вообще) характеризуются:

- 1) «крайним материалистическим мировоззрением»;
- 2) руководствуются «только собственными интересами»;
- 3) по сути, обладают «безотечественной психологией», т.е., интернациональны.

Эти психологические черты при солидной хозяйственной самостоятельности и привели в конечном итоге к тому, что еврейские общины приобрели особые черты и функции. Прежде всего начали превращаться в «суррогат еврейской культурно-национальной автономии» (Л.36), которая усиливает самостоятельность и самодеятельность евреев, следовательно, укрепляет их господствующее положение в разных сферах жизнедеятельности воеводства.

Этот вывод Белостокского воеводы, безусловно, заслуживает внимания. Он акцентирует интерес к явно малоизученной стороне жизнедеятельности еврейской общины, ибо, к сожалению, приведённый в записке конкретный материал подобный вывод вряд ли верифицирует. Однако анализируемого воеводой материала оказывается достаточно, чтобы констатировать:

1) решение задачи достижения польского господствующего положения в городах прежде всего упирается в «еврейскую проблему»;

2) эта проблема требует «скорого и надлежащего решения» (Л.6), ибо, как показывает история польской политики в восточных областях, принимаемые меры были непродуманы, малоэффективны и явно недооценивали «еврейскую опасность» для процесса полонизации. Именно поэтому он настаивает на том, что «евреи составляют преимущественно разрушающий элемент» (Л.5), а, следовательно, вне решения этого вопроса не может идти речи об успешной ассимиляции восточных земель. Скорое же и успешное решение этого вопроса, по его мнению, обязательно именно потому, что в предыдущие времена отсутствовала «плановая борьба, соответствующим образом организованная и продуманная» (Л.13). И хотя воевода критически относится к «методам скорее демонстрационным (еврейские погромы, разрушение торговых ларьков)», он настаивает на «скорых и надлежащих решениях». Они явно, как следует из контекста, должны быть суровыми и окончательными. Видимо, в записке воевода не хотел их перечислять. Поэтому сегодня можно строить гипотезы. Их достоверность будет зависеть от того, насколько точно будет иссле-

дованы процессы, определяющие жизнь евреев Белостокского воеводства. Однако ясно, что разрабатывалась жёсткая политика, ведущая к принципиальному решению «еврейской проблемы» – главного препятствия на пути колонизации восточных земель. Это и закономерно, ибо, по мнению воеводы, «о присоединении этого элемента (т.е. евреев. – У.Р.) или включении его в какой-либо источник жизни государственного организма не может быть и речи» (Л.6). Небезынтересно отметить, что жёсткая альтернатива предлагалась в преддверии страшных лет, приведших еврейский народ к Катастрофе. Символическое совпадение! Сумерки истории, к сожалению, не бывают единичными!

Делая основной упор в своей разработке национальной политики на белорусах и евреях, Белостокский воевода не забывает и другие национальные меньшинства. Это русские (2 % населения воеводства), немцы (0,5 %) и литовцы (0,9 %). Важно подчеркнуть его принципиальный вывод – эти меньшинства «польской экспансии на территории воеводства основательно не препятствуют и не составляют для неё значительной опасности» (Л.11). Заботят воеводу русские как в силу исторических причин (вхождение этих земель в Российское государство), так и современных событий (влияние СССР). Поэтому отношение к русскому населению должно быть настороженным. Особенно в связи с его возможным воздействием на белорусское население. Определённые русские круги (эмигранты, «давние русские жители», представители «православного духовенства») «обрабатывают в прорусском духе белорусские массы ... культивируют язык и также русскую культуру» (Л.11). Они и опасны не столько сами по себе, сколько в их радикализирующем воздействии на белорусов. Поэтому нужна жёсткая политика по отношению к русскому меньшинству, дающая возможность «административной власти» ограничить и снять его воздействие на общество.

Таким образом, докладная записка Белостокского воеводы позволяет достаточно чётко охарактеризовать жизнь и перспективы народов, населяющих эти территории, скорректировать общую картину, представляемую официальными документами, верифицировать многие тезисы и лозунги, зафиксированные в исследовательской литературе, осмыслить «кухню» политических технологий, которые фактически оказываются реализованными в общественном развитии.

О ПОЛЬСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1921-1939 г.)

Со времен разделов Речи Посполитой и вхождения территории Беларуси в состав Российской империи политика сменявшихся здесь властей была сходна по своей сути – на смену полонизации приходила политика русификации. Особое значение приобретал вопрос о языке. Царское правительство контролировало учебные заведения, рассматривая вновь назначенный учительский корпус как деятельного проводника русских идей, русского образования в народе, а школу – как орудие борьбы с польско-католическим влиянием.

В 20-30-е годы XX века польское правительство стремилось как можно скорее обеспечить этническую однородность населения на западнобелорусских землях и при проведении образовательной политики не признавало белорусов как нацию. Сущность политики польских властей в отношении населения Западной Беларуси обуславливалась интересами укрепления позиций Польши на этих территориях. Правящие круги Польши проводили ассимиляции белорусского населения. Политика в области образования при этом играла немалую роль. В начале 20-х годов XX столетия, после заключения Рижского договора 1921 г., польские власти активно использовали для устранения русского и белорусского влияния кадровый фактор. Белорусских учителей направляли на курсы повышения квалификации в Краков. После завершения учебы они получали направления на работу в школы, находившиеся на этнических польских землях, места в белорусских школах занимали выходцы из Польши [1].

Закрытие белорусских школ, замена учителей белорусской национальности поляками, ограничение приема в средние школы и лицеи белорусских детей вызывало открытое недовольство населения и даже бойкот польских школ. Так, в рапорте полицейского Индурского участка коменданту участка об отказе крестьян д.Лаша Индурской гмины Гродненского повета посылать своих детей в польскую школу говорится, что в деревне с декабря 1923 до конца 1924 г. ни один ребенок не пришел в польскую школу. В начале сентября 1924 г. явились всего лишь 17 детей, хотя ранее школу посещали около 200 учеников [2]. Население надеялось таким путем вынудить польское правительство открыть белорусскую школу.

После Рижского договора перед новой администрацией встал вопрос о подготовке педагогических кадров для вновь открывшихся польских школ. В частности, в Свислочи на месте ранее существовавшей первой в Беларуси белорусской учительской семинарии в 1924 г. открыли польскую, подготовившую за 11 лет своего существования 241 специалиста.

Развитие польской школы в Западной Беларуси шло в русле программы развития системы народного образования, утвержденной на проходившем ещё в 1919 г. в Варшаве общепольском сейме учителей и рассчитанной на 20 лет. В начале 20-х годов преобладающим типом польских средних школ были 8-классные гимназии с преподаванием латинского и греческого языков. Кроме гуманитарных гимназий, которые составляли большинство, были и математикоприродоведческие. Значительное место занимали профессиональные школы – здесь больше всего было ремесленных и торговых, меньше – сельскохозяйственных и технических гимназий, что было обусловлено потребностями экономики страны. Срок обучения в профессиональных гимназиях составлял 3-4 года. Принимали в них в возрасте 13-17 лет. Гимназии подразделялись на государственные и частные. Первых было значительно больше. Так, в середине 20-х годов в Полесском воеводстве насчитывалось 5 польских государственных гимназий – в Бресте, Кобрине, Пинске, Пружанах и Лунинце [3].

И государственные, и частные гимназии выдавали аттестаты зрелости своим воспитанникам после окончания ими учебы и сдачи государственного экзамена. Выпускник, получивший такой документ, мог поступить в высшее учебное заведение [4].

Высшее образование в регионе можно было получить только в Виленском университете, куда удавалось попасть лишь немногим белорусам, так как либо не признавалось предъявляемое поступающими в университет свидетельство об окончании средней школы, либо отказ мотивировался тем, что молодой человек не служил в польской армии. Интересно, что свидетельство об окончании белорусских средних школ, не признаваемое Виленским университетом, давало право на поступление в университеты Латвии, Чехословакии, Италии, Швейцарии. О способах решения языковых проблем в университете красноречиво свидетельствует следующий факт: кафедру белорусского языка и литературы в Виленском университете предложили одному из профессоров с условием ведения преподавания на польском языке.

Открыть частную гимназию было очень сложно. Для этого нужно было выполнить ряд условий: иметь устав, программы, установить язык обучения, иметь оборудование, источники на содержание школы, предъявить документы от местных властей о моральных качествах владельца гимназии и его лояльности к государству.

Для частных средних школ существовал особый порядок работы. Ежегодно руководство гимназии подавало в надзирающие органы прошение о позволении школе работать очередной учебный год. Кроме этого, требовался список педагогического персонала. «Кураториум» просматривал его и имел право не допускать к работе тех, кто вызывал подозрения в неблагонадежности. Процедура эта обычно проходила перед самым началом учебного года, и поэтому неутверждение учителей ставило школу в сложное положение, а неутверждение директора и вовсе препятствовало началу занятий [5]. Эта картина была достаточно типичной и для польских, и для белорусских частных гимназий.

Школьные программы для польских гимназий разрабатывались и утверждались министерством просвещения вероисповедания. Они предусматривали изучение не только основных предметов, но и развитие индивидуальных качеств учеников. Известный историк-краевед А.С.Полубинский, около полувека проработавший в школе в Свислочи, отмечает, что «...сильной стороной в работе польских школ было то, что комплектовались они высококвалифицированными педагогами. Все учителя, включая и начальную школу, имели, как минимум, диплом учительской семинарии. В учительских семинариях, в том числе и Свислочской, учителя получали отличную педагогическую и методическую подготовку. Перед зачислением на работу учителя должны были пройти практику под руководством педагога с большим стажем. В школах уделялось большое внимание наглядности, оборудованию уроков дидактическими средствами обучения, экскурсиям, краеведению» [6].

Приступая к работе, учитель должен был подписать условия, где говорилось: «Учитель должен целиком подчиняться уставам, приказам и инструкциям школы или власти, которая управляет школой. В случае невыполнения условий устава и служебных обязанностей он может быть привлечен к денежному наказанию в размере 10 % от вознаграждения» [7].

В Гродно в исследуемый период работали две государственные гимназии – мужская и женская. Контингент учащихся состо-

ял как из местных, так и из приехавших из других городов детей, разных по национальности и вероисповеданию. Большую помощь в материальном обеспечении гимназий оказывал родительский комитет. На протяжении ряда лет за счет средств комитета покупали топливо, школьные принадлежности, гимнастическое оборудование, ремонтировали здание. Педагогические коллективы гимназий состояли из 18-22 человек католического вероисповедания. Гимназии вначале находились в подчинении куратора Варшавского, а с 1930 г. – Виленского школьного округа. Большую роль в жизни Гродненской гимназии играл «Кружок любителей природы», возникший в 1921 г. по инициативе учителя природы, инженера Яна Кохановского, смотрителя гродненского ботанического сада, редактора журнала «Неман».

Женская гимназия в г.Гродно действовала с 1921 по 1939 г. Первый выпуск состоялся в мае 1925 г. В уставе гимназии содержались положения об обязанностях учениц в школе, дома, с подругами и в обществе. Подчеркивалось, что свобода и значение каждого народа зависит в первую очередь от того, какой процент составляют в нем люди, умеющие выполнять в каждой отрасли труда свои обязанности, а точное исполнение обязанностей «намного углубляет независимость человека, укрепляет его волю». Устав был сориентирован на воспитание польского патриотизма.

Ученицы должны были следовать 30 подобным правилам, значительная часть которых касалась одежды, которая «состояла из юбки в складку, блузки с матросским воротничком с нашивкой в низшей гимназии и с английским воротничком в высшей гимназии». Обязательно было также иметь «черный фартук и берет со значком гимназии». Другое правило напоминало, что «хождение по городу без родительской опеки или опекунов разрешается с 1 октября до 1 апреля до 7 часов вечера, а с 1 апреля – до 8 часов вечера». Правила также позволяют посещать только те развлечения, которые были разрешены и рекомендованы школой, при этом ученицы «в публичных местах должны быть спокойными, тактичными, громко не разговаривать и не вести себя недостойно» [8].

В гимназии получали образование ученицы разных национальностей. Причем, конфликты на национальной и религиозной почве не допускались.

Таким образом, в межвоенное двадцатилетие правительство Польши уделяло особое внимание польскому национальному образованию на территории Западной Беларуси. Среди местного населения активно пропагандировались и утверждались идеи польской государственности.

ДЗЕЙНАСЦЬ БЕЛАРУСКАЙ ХРЫСЦІЯНСКА- ДЭМАКРАТЫЧНАЙ ЗЛУЧНАСЦІ ў 1917 –1926 г.

Арганізацыйнае станаўленне і структурнае афармленне беларускага хрысціянска-дэмакратычнага руху адбылося на Мінскім з'ездзе каталіцкага святарства 24-25 мая 1917 г. Ініцыятарамі з'езду выступілі ксяндзы Л.Хвецька, В.Гадлеўскі, А.Астрамовіч, Ф.Будзька і А.Цікота. Удзел у ім бралі каля 30 беларускіх святароў [5, с.93]. На з'ездзе былі разгледжаны пытанні аб адносінах да беларускага нацыянальнага руху, аб палітычна-народнай, сацыяльна-эканамічнай, культурна-асветніцкай і выдавецкай дзейнасці ксяндзоў-беларусаў. На ім таксама былі вызначаны адносіны і патрабаванні каталіцкага святарства ў дачыненні будучыні Беларусі. Так, у рэзалюцыях дэкларавалася неабходнасць аўтаноміі краю ў складзе федэратыўнай Расіі, увядзенне выкладання ў школах на беларускай мове, правядзенне казанняў і дадатковых набажэнстваў па-беларуску, перавод на радзіму ўсіх ксяндзоў-беларусаў. З'езд прыняў рашэнне стварыць беларускую каталіцкую арганізацыю і распачаць у Петраградзе выданне газеты.

Вынікамі Мінскага з'езду ксяндзоў-беларусаў стала стварэнне дзвюх хрысціянска-дэмакратычных арганізацый. Першая з іх была ўтворана ў маі 1917 г. у Петраградзе. Яна атрымала назву Хрысціянская Дэмакратычная Злучнасць. Яе кіраўнікамі і ідэолагамі з'яўляліся ксяндзы Ф.Абрантовіч і Л.Хвецька. Апрача ксяндзоў і клерыкаў Духоўнай Акадэміі, сябрамі ХДЗ з'яўляліся і свецкія асобы (Б.Эпімах-Шыпіла і іншыя). 8 кастрычніка 1917 г. гэтая група пачынала выдаваць газету «Крыніца». Асноўныя напрамкі дзейнасці ХДЗ былі сфармуляваны ў 5 нумары газеты ў артыкуле «Хрысціянская Дэмакратычная Лучнасць». У першую чаргу дэкларавалася, што дзейнасць арганізацыі «будуецца на вялікіх Хрысціянскіх законах, выказаных праз папежа Леона XIII у яго акружных лістах» [3]. Далей гаварылася аб неабходнасці аб'яднаць усіх каталікоў у адну арганізацыю, мэта якой – вырашаць праблемы эканамічнага і сацыяльнага жыцця без нянавісці і несправядлівай барацьбы. Дасягнуць гэтай мэты партыя збіралася «праз прасьвету старых і дзяцей, праз сходы, праз стварэнне розных эканамічных хаўрусаў» [3]. Апрача гэтага, артыкул даваў практычныя парады па стварэнню нізавых структур арганізацыі. У хуткім часе ХДЗ аб'ядноўвала ў сваіх шэрагах звыш 300 сяброў [5, с.113].

Другая хрысціянска-дэмакратычная арганізацыя была створана ў Мінску. У адрозненне ад ХДЗ, якая складалася выключна са свядомых беларусаў, хаця і не акцэнтавала на гэтым увагі. Мінская хадэцыя мела інтэрнацыянальны характар. Апрача беларусаў, у яе склад уваходзілі палякі. Агульны лік сяброў мінскай хадэцыі сладаў прыблізна 600 чалавек [2]. Аднак у хуткім часе польская частка паспрабавала надаць арганізацыі польскі нацыянальны характар. Беларусы на чале з ксяндзом В.Гадлеўскім выйшлі з яе складу і 5 верасня 1918 г. на сваім сходзе ўтварылі Беларускаю Хрысціянскую Дэмакратыю. Але новая хадэцыя не змагла разгарнуць актыўнай дзейнасці, бо ў хуткім часе апынулася без лідэра: біскуп З.Лазінскі, незадаволены нацыянальнай дзейнасцю Гадлеўскага, высылаў ксяндза ў Нясвіж [1, с.126].

У канцы 1918 г. бальшавікі зачынілі ў Петраградзе каталіцкую Духоўную акадэмію. Беларускія ксяндзы пакінулі горад і вярнуліся на радзіму. У гэты ж час у Мінск прыехаў стваральнік і ідэолаг ХДЗ кс.Ф.Абрантовіч, запрошаны на пасаду рэктара Духоўнай семінарыі. Дзякуючы яго намаганням ХДЗ і БХД аб'ядналіся ў адну арганізацыю – Беларускаю Хрысціянска-Дэмакратычную Злучнасць, якую ён і ўзначаліў. На пачатак 1919 г. БХДЗ аб'ядноўвала ў сваіх шэрагах звыш 200 сяброў [5, с.120].

У Мінску арганізацыя дзейнічала да восені 1920 г. Тут былі распрацаваны Статут і Праграма БХДЗ. Згодна з дакументамі, сябрам хадэцыі мог быць той хрысціянін, які прызнаваў Статут і ажыццяўляў яго на практыцы. Праграма БХДЗ па сутнасці паўтарала змест асноўных пастулатаў сацыяльнай дактрыны і хрысціянска-дэмакратычных прынцыпаў, якія былі дэклараваны папскімі энцыклікамі. Так, галоўнай прычынай беднасці працоўных мас, паводле праграмы, з'яўляецца капіталізм, з якім арганізацыя вядзе змаганне. Мэта хадэцыі – усталяванне ў свеце справядлівага грамадскага ладу, пры якім кожны чалавек праз сваю працу змог бы здабыць сабе сродкі на жыццё. Асновай такога ладу павінна быць прыватная ўласнасць, якая «ёсьць падставай цывілізацыйнага поступу грамадзянства» [5, с.143].

Асноўнае месца ў праграме займае праблема абароны правоў рабочых. Хадэцыя патрабавала ўстанаўлення мінімальнага заробку, роўнай аплаты за мужчынскую і жаночую працу, абавязковага адпачынку ў нядзелі і святы, абмежаванне працоўнага дня, забароны наймаць на працу дзяцей да 14 гадоў, аплату лісткоў захворвання, прызначэння фабрычнай інспекцыі і г.д. [5, с.144-146].

Значна слабей было распрацавана сялянскае пытанне. Так, праграма БХДЗ патрабавала падзелу дзяржаўных зямель паміж беззямельнымі і малазямельнымі сялянамі, абмежавання вялікай прыватнай уласнасці праз сістэму спецыяльных падаткаў [5, с. 144]. Нераспрацаванасць сялянскай праблематыкі ў праграме, на нашу думку, тлумачыцца, магчыма, тым, што яна як не актуальная для Еўропы амаль не была распрацавана ў афіцыйных дакументах касцёла.

Асаблівая ўвага звярталася ў праграме на правы касцёла, што было выклікана крытычнымі варункамі рэлігійнага жыцця ў Савецкай Расіі. Паводле праграмы, дзяржава не павінна ўмешвацца ў справы рэлігіі і царкоўнага жыцця, забараняць дзейнасць касцёла [5, с. 141-142]. З гэтым блокам праблемаў былі звязаны і этычныя пытанні, у першую чаргу – пытанне сям’і. Так, хадэцыя выступала за непарушнасць шлюбу, за забарону змешаных шлюбаў, супраць абортаў [5, с. 142-143].

Разам з распрацоўкай праблематыкі, агульнай для каталіцкай сацыяльнай дактрыны, праграма БХДЗ адлюстравала і спецыфіку беларускай рэчаіснасці. Так, у раздзеле «Хрысціянская Дэмакратыя і рэлігія» адзначалася: «На Беларусі ХДЗ ставіць сабе за мэту зблізіць усіх каталікоў і праваслаўных і аб’яднаць іх у адной веры з рознымі абрадамі» [5, с. 142]. Апошнія тры пункты раздзела «Народ і гаспадарства» таксама былі прысвечаны беларускай спецыфіцы. Паводле праграмы, Беларусь павінна быць цэлай, непадзельнай і самастойнай. У краіне павінны панаваць раўнапраўе і свабода ўсіх грамадзян, паважання правы нацыянальных меншасцяў. Кіраваць Беларуссю павінен Сойм, які абіраецца на аснове справядлівага і ўсеагульнага галасавання [5, с. 147].

Такім чынам, праграма БХДЗ 1920 г. з’яўлялася па-сутнасці дэкларацыяй хрысціянска-дэмакратычных ідэй. Разам з тым, ва ўмовах Беларусі яна была неажыццявімай з-за таго, што амаль не ўлічвала рэгіянальнай спецыфікі краю. Дасканала распрацаваўшы пытанні абароны правоў рабочых, праграма амаль не развіла сялянскай праблематыкі – самай балючай для тагачаснага беларускага грамадства. Хадэцыя не ўлічыла і таго, што яе адзінай патэнцыяльнай сацыяльнай апорай маглі быць толькі сялянства, клір і інтэлігенцыя.

Пасля прыходу ў Мінск восенню 1920 г. бальшавікоў дзейнасць БХДЗ тут спынілася. Цэнтр беларускага хрысціянска-дэмакратычнага руху перамясціўся ў Вільню, дзе з лета 1919 г. выходзіла «Крыніца». Рэдактарам і выдаўцом газеты з’яўляўся ксёндз А. Станкевіч. Вакол яго і газеты аб’ядноўваліся беларускія хадэкі.

У першай палове 20-х г. БХДЗ амаль не праводзіла ніякіх відавочных актыўных палітычных дзеянняў. Аднак у нетрах арганізацыі ажыццяўлялася складаная і важная работа па прыстасаванню хрысціянскай грамадска-палітычнай ідэалогіі да рэальнасцяў беларускага жыцця. Гэтая напружаная праца адностравалася ў першую чаргу ў змене падзагалоўкаў «Крыніцы»: 1917 – 1918 г. – беларуская газета; 1919 г. – каталіцкая газета; 1920 г. – хрысціянская, хрысціянска-дэмакратычная газета; 1921 г. – хрысціянска-дэмакратычная, хрысціянска-сялянская, сялянская газета; 1922 – 1926 г. – сялянская газета.

Гэта ў першую чаргу сведчыла аб тым, што БХДЗ пераарыентаўвалася на сялянства, робячы яго сваёй сацыяльнай асновай. Сведчаннем гэтага працэсу з’яўляецца і змест газеты, тыя мэты, якія яна ставіла перад сабой: «Як бачым, «Крыніца» [...] выявілася ў канцы як беларуская **сялянская** газета, мэта якой – будзіць нацыянальную сьвядомасць, служыць роднай культуры і бараніць правы Беларускага Народу як народу сялянскага, правы ня толькі культурныя, духоўныя, але ў **роўнай меры** правы і інтарэсы сацыяльныя, эканамічныя» [4].

Такім чынам, зыходзячы з вышэйсказанага, перыяд з 1917 па 1926 г. з’яўляецца этапам станаўлення БХД. У гэты час адбывалася арганізацыйнае афармленне беларускага каталіцкага руху, пошукі ім свайго адметнага шляху. Пачаўшыся з невялікіх гурткоў клерыкаў, ён у 1917-1918 г. фармуецца ў хрысціянска-дэмакратычную арганізацыю – БХДЗ.

У той жа час, было б памылковым лічыць БХДЗ 1917-1925 г. класічнай палітычнай партыяй. Аўтар артыкула перакананы, што гэта была касцёльна-грамадская арганізацыя. У першую чаргу аб гэтым сведчыць праграма хадэцыі: «ХД ёсьць грамадзкая сувязь, што хоча завесці лад на сьвеце на аснове хрысціянскай дэмакратычнай справядлівасці, роўнасці, міласці і свабоды. З натуры сваёй ХД ёсьць эвалюцыйная, надпалітычная, міжнародная, надставовая» [5, с. 141]. Другім сведчаннем касцёльна-грамадскага характару БХДЗ з’яўляецца яе структура. Амаль усе нізавыя суполкі хадэцыі былі створаны пры парафіяльных касцёлах, і на чале іх стаялі ксяндзы. Таму зразумела, што склад сяброў арганізацыі быў выключна каталіцкі, а сама яна ў пэўнай ступені насіла клерыкальны характар.

Стварэнне ў 1925 г. Беларускай Сялянска-Работніцкай Грамады і поспех яе дзейнасці сярод беларускага насельніцтва паскорылі працэс перафармавання БХДЗ з касцёльна-грамадскай арганізацыі ў паўнаважную палітычную партыю.

ВЛИЯНИЕ ПРОЛЕТАРСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ в 20-30-е годы XX в. (НА ПРИМЕРЕ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ)

Важной стороной политической жизни в 20-30-е годы XX века была борьба коммунистических партий и близких к ним организаций за социалистические и демократические преобразования. Популярным в этом контексте являлся лозунг пролетарской солидарности, мировой революции. Он был одним из факторов, повлиявших на создание социалистического лагеря после второй мировой войны.

В свете кризиса и распада социалистической системы в большинстве этих стран все же неправильно однозначно отрицательно оценивать лозунг пролетарской солидарности, его воздействие на политические процессы.

Борьба рабочих, крестьян, интеллигенции Западной Белоруссии находила отклик на международной арене. В этом большую роль играла Международная организация помощи борцам революции (МОПР). МОПР Западной Белоруссии был создан в 1924 г. и являлся автономной частью польской секции.

В 1923 г. на территории Западной Белоруссии находилось 1 300 политических заключенных, в 1927 г. – 3 000. Только через концлагерь в Березе Картузской (создан в 1934 г.) прошли более 100 00 человек, многие из которых – деятели освободительного движения в Западной Белоруссии.

Летом 1926 г. мопровские секции многих стран организовали кампанию протеста против террора правительства Пилсудского. Так, Анри Барбюс (французский писатель, издал гневное воззвание протеста. 2 октября 1926 г. в Чикаго состоялась массовый митинг против террора в Польше [1]. Большого размаха достигла в 1926 году кампания за амнистию политзаключенного в Польше. Был создан французский комитет борьбы за амнистию в Польше, в котором приняли участие Северин, Анри Барбюс, госпожа де Сен-При, Магдалина Маркс, Леон Базальтет, Анри Торрес и др. Издавались воззвания, в которых отмечалось истинное положение политических заключенных [2].

6 августа 1926 г. протест против террора в Польше выразили выдающиеся германские ученые, литераторы, художники и поли-

тические деятели Эйнштейн, Кольвиц, Курт, Розендгельд, Эгон, Эрвин, Кинг и другие [3].

В 1927 году была проведена широкая международная кампания против разгрома рабоче-крестьянских организаций в Польше и Западной Белоруссии. Особенно активно она проходила в Советском Союзе, в том числе в Советской Белоруссии. Здесь одновременно была проведена кампания помощи политзаключенным и голодающим в Западной Белоруссии. Так, 29 января 1927 г. в Витебске состоялся митинг с участием 1 000 человек. Широко развернулась кампания протеста в Оршанском и Бобруйском округах, Мозыре. Резолюцию протеста приняли рабочие предприятий Гомеля, Новобелицы, Речицы, крестьяне Слуцкого округа и др. Волна протестов против политики польских властей в Западной Белоруссии докатилась до самых глухих уголков Советской Белоруссии [4]. Трудящимися Советской Белоруссии во время кампании было собрано 68 000 рублей. Ход этой кампании широко освещался в печати.

Во многих городах Европы проходили рабочие митинги, на которых выносились резолюции протеста против белого террора в Польше. Протестовали рабочие в Канаде, белорусские организации в Чехословакии, Латвии и Литве. Коммунистические фракции в Германии, Франции и Бельгии послали правительству протест против массовых арестов послов и разгрома рабоче-крестьянских организаций. Так, по данным газеты «Бальшавік», только в Канаде в 1927 г. состоялось свыше 35 митингов протеста против репрессий в Западной Белоруссии, под резолюциями протеста были собраны десятки тысяч подписей. В Англии депутаты парламента – «друзья» рабочей партии подняли широкую кампанию против погромной политики правительства в Польше [5].

Особый размах приобрела эта кампания в связи с процессом над послами и ЦК Белорусской крестьянско-рабочей Громады. В январе 1928 г. Исполком МОПРа издал воззвание по поводу процесса над Белорусской Громадой в Польше. На территории БССР, как и всего Советского Союза, проходило широкое движение протеста против процесса над громадовцами. Везде созывались собрания и выносились резолюции протеста, проводился сбор денег [6]. Председателем комитета был народный поэт Белоруссии Янка Купала, членами – народный поэт Белоруссии Якуб Колас, ректор БГУ В.И.Пичета и другие видные общественные деятели БССР. Секция МОПРа в США (международная защита труда) создала комитет борьбы с польской реакцией, провела демонстра-

ции у польских консульств. Видный участник польского революционного движения Д. Богеп побывал в 28 городах США, выступал в рабочих коллективах, перед общественностью с информацией о репрессиях в Польше, о процессе над Громадой. В Париже по инициативе Красной помощи 1 июня 1928 г. состоялся массовый митинг, на котором была избрана делегация для вручения польскому посольству протеста против Процесса над членами Громады и была послана телеграмма протеста Пилсудскому.

В годы мирового экономического кризиса МОПРом был успешно проведен ряд международных кампаний. Довольно широкую поддержку получила борьба против введения нового тюремного Устава. В СССР и БССР создавались фонды помощи политзаключенным. Крестьяне отдавали 1 % своих заработков в пользу МОПРа, вступали в его ряды. Ученые Советской Белоруссии подняли свой голос протеста и призвали к этому ученых всего мира. Аспирант Герман внес 100 рублей и призвал последовать его примеру всех научных работников г. Минска [7]. Польские пролетарские писатели, проживающие в СССР, также встали на защиту политических заключенных в Польше.

Борьбу политзаключенных Польши и Западной Белоруссии против введения тюремного Устава поддержали рабочие во Франции, Германии, Австрии, Америке, где проходили демонстрации протеста.

Вместе с тем мопровские организации не отреагировали на начавшуюся волну репрессий в Советском Союзе, в т.ч. в БССР, борьбу с «национал-демократизмом», «раскулачиванием». В 1933 году подверглись репрессиям в БССР бывшие руководители БКРГ и клуба «Змаганне» П. Волошин, Ф. Вольнец, И. Гаврилик, И. Грецкий, И. Дворчанин, П. Кринчик. Были репрессированы Б. Тарашкевич и С. Рак-Михайловский. Были репрессированы и руководящие работники КПП и КПЗБ Я. Бобрович, А. Капуций, С. Клинецевич, Л. Родзевич, в 1937 г. – С. Мертенс, В. Хоружая и др. Только по делу БНУ – «Белорусского национального центра» проходил 161 человек, 22 расстреляны. Поэтому в дальнейшем участие СССР в поддержке революционного, национально-освободительного движения мы должны рассматривать как безусловно положительное.

Широкую поддержку демократических сил всего мира получило требование освобождения политзаключенных и ликвидации концлагеря в Березе Картузской, выдвинутое МОПРом.

Помощь узникам и их семьям постоянно оказывали трудящиеся Советского Союза, Франции, Бельгии, Канады и других

стран. Во многих европейских странах выпускались листовки с требованием ликвидации концлагеря в Березе Картузской. Во Франции издавался информационный бюллетень в защиту политических узников в Польше. Большое значение имел приезд в Польшу по инициативе Исполкома МОПРа Международной антифашистской делегации в июне 1935 г., в нее входили Международная ассоциация юристов, Антифашистский комитет Франции, Всемирный комитет женщин и др. Борьба за ликвидацию концлагеря в Березе Картузской сочеталась с борьбой за амнистию политзаключенных.

Большое значение имела кампания в защиту С.О.Притыцкого. Во многих государствах проходили многолюдные митинги и демонстрации с требованием отмены ему смертного приговора. Широко проходила кампания в СССР, Англии, Франции, США и др., были созданы комитеты защиты С.О.Притыцкого. Организаторами борьбы были международная организация Лига защиты прав человека и гражданина с центром в Париже, патронаты, мопровские организации. Только из США перед процессом 1936 года было послано 100 телеграмм в Верховный суд Польши, а в 1937 году в специальной программе Комитета защиты Притыцкому в США подписались более 70 крупных организаций и союзов разных городов Америки. В кампании участвовали сотни американских, еврейских, украинских, польских, русских, литовских и других массовых организаций [8]. Смертный приговор С.О.Притыцкому был отменен. Ведущую роль в этом сыграли борьба внутри страны, тактика единого антифашистского народного фронта, международная солидарность.

Над тюрьмами Западной Белоруссии было организовано шефство мопровских организаций и патронатов СССР, БССР, Канады, Аргентины, США, Франции, Германии

Трудящиеся Западной Белоруссии также откликались на факты террора и репрессии, поддерживали борьбу за улучшение экономического положения и демократические права в других странах.

Широкое участие в кампании поддержки английских горняков в 1926 г. приняла МОПР Польши и Западной Белоруссии. Мопровские организации посылали письма к английским горнякам, политзаключенные делали пожертвования из мопровских средств для оказания помощи английским шахтерам [9]. Например, все политзаключенные Гродненской тюрьмы в ноябре 1926 г. отдали продукты и деньги из мопровской помощи за неделю в пользу английских углекопов и послали им приветствие и пожелания успеха в борьбе, выразили полную солидарность с ними.

Трудящиеся Польши и Западной Белоруссии принимали активное участие в международной кампании в защиту профсоюзных активистов Н.Сакко и Б.Ванцетти, которые были приговорены американским судом по ложному убийству к смертной казни. ЦК МОПРа Польши и Западной Белоруссии выступили с совместным обращением к трудящимся. В августе 1927 г. в поддержку американских рабочих выступили политзаключенные гродненской, брестской, кобринской тюрем, мопровскими организациями Западной Белоруссии были посланы телеграммы протеста по поводу процесса над Сакко и Ванцетти, прошел ряд демонстраций и забастовок.

Большое значение имела международная мопровская кампания за спасение 9 негритянских юношей из Скоттсборо (США), приговоренных к смертной казни. Кампания продолжалась несколько лет, в ней приняла участие и МОПР Западной Белоруссии. Впервые в истории США был отменен приговор суда по делу о неграх, все 9 были спасены от смертной казни, четверо освобождены из тюрьмы.

Яркой страницей явилась международная кампания в защиту жертв германского фашизма. Наиболее значительным проявлением ее была борьба против Лейпцигского процесса и за освобождение Э.Тельмана.

Летом 1933 года МОПР провела неделю интернациональной солидарности с жертвами германского фашизма. Повсеместно в городах и деревнях Западной Белоруссии проходили многочисленные демонстрации, на которых рабочие и крестьяне Гродненщины, Новогрудчины, Виленщины и др. принимали резолюции. В 1934, 1935 г. кампания активизировалась еще значительнее, были организованы в июле международные тельмановские дни.

С 1936 г. кампания в защиту жертв германского фашизма проходила одновременно с кампанией в защиту республиканской Испании. Кроме широкого проявления солидарности в виде сбора средств, забастовок, демонстраций и др., в Испанию отправлялись добровольцы из 34 стран мира. В составе созданной из поляков-добровольцев интернациональной бригады им. Я.Домбровского насчитывалось 137 белорусов.

Таким образом, революционная борьба, с одной стороны, приводила к определенному усилению политических репрессий со стороны властей в капиталистических странах. Вместе с тем правительства вынуждены были идти на уступки. Это ярко проявилось в государствах, принявших курс буржуазно-либеральных

реформ (США, Англия), и скандинавских странах (социал-демократический путь которых практически не отличался в этот период от либерального). Во II Речи Посполитой и Западной Белоруссии как ее части, наряду с усилением политики диктатуры, удалось сохранить белорусское национально-освободительное движение, действовали атрибуты демократии: сейм, многопартийная система. Были достигнуты конкретные успехи: объявление двух частичных амнистий (1928, 1936 г.), ослабление режима в концлагере в Березе Картузской, сдерживание процессов фашизации и др. В данный период характерны подвиги в ослаблении расизма (напр., в США), в международных кампаниях приняли участие и жители Западной Белоруссии.

Хотя не удалось предотвратить установление фашизма в Германии, Италии, вторую мировую войну, все же капиталистическая система, особенно в середине – второй половине 30-х годов сделала шаги в сторону трансформации, учета интересов населения. Безусловно, ускоряли этот процесс наряду с борьбой внутри стран существование СССР и фактор международной пролетарской солидарности.

В. Слежыньский

г. Белосток

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ НА БЕЛОСТОЧЧИНЕ в 1939-1941 г.

Приближение второй мировой войны ускорило подписание в Москве 23 августа 1939 года Договора Риббентропа-Молотова. Отряды Красной Армии пересекли польскую границу 17 сентября 1939 года в 3.00 (польского времени). Белорусским фронтом командовал 42-летний генерал-полковник Михаил Ковалёв. На последнем этапе военных действий территория вокруг Белостока была разделена между СССР и Германией. Узнав, что СССР присоединился к войне, немецкие войска, наступающие с запада, задержались на линии Кнышын – Белосток – Нарев – Хайнувка – Брест Литовский.

По окончании военных действий СССР и Германия подписали в Москве 28 сентября 1939 года соглашение, регулирующее разделение сфер влияния в Польше. Согласно договору, подписанному 23 августа 1939 года, фашистская Германия отрёклась от своих прав на Литву, а вместо этого получала польские земли,

находящиеся между Вислой, Саном и Бугом, а также район Сува-лок. Кроме этого, обе стороны обязались не возвращаться в будущем к польскому вопросу, который сочли полностью решенным.

На начальном этапе советские власти делали упор прежде всего на формальную (правовую) организацию новых административных структур. К созданию временного управленческого аппарата обычно приступали сразу после окончания военных действий. Сознательно отказались от создания официальных административных структур, заменяя их «независимыми» местными органами самоуправления. Главными учреждениями были временные управления воеводств, а также временные управления городов и уездов, которым в свою очередь подчинялись крестьянские комитеты, создаваемые в гминах и деревнях.

В течение нескольких недель административный аппарат временных властей увеличился до огромных размеров, образцом для создаваемых отделений были структуры, уже созданные в СССР. Одним из основных неоспоримых правил организации учреждений была их полная независимость от партийных органов. Временные правительства всех уровней (воеводские и уездные) в действительности были созданы из отобранных членов КП(б)Б из восточных областей БССР, имеющих большой опыт партийной работы.

Создание временных властей было первым шагом, направленным на полную реализацию советского сценария «правового» присоединения оккупированных земель. 1 октября 1939 года в Москве на заседании ЦК ВКП(б) было принято окончательное решение относительно даты проведения выборов в «местный парламент», т.е. Народное Собрание Западной Белоруссии.

Проводимой выборной кампании сопутствовал необычайный информационный шум. Все населённые пункты были украшены плакатами и лозунгами коммунистического содержания. Из громкоговорителей, установленных в крупнейших городах Белосточчины, разносились воззвания, восхваляющие советскую власть, Красную Армию и Сталина, из самолётов сбрасывались листовки. Каждый день группы агитаторов посещали города и деревни, призывая местное население активно участвовать в продолжающемся выборном празднестве.

Частота предвыборных собраний (происходили 3 – 4 раза в неделю) не только утомляла местное население, но поражала своей напористостью и размахом предпринятых подготовительных действий. Местные жители, ошеломлённые информационным

бумом и измученные большим количеством встреч, не всегда отдавали себе отчёт, какова была истинная цель проводимой кампании. Часто агитаторы, чтобы не потерять симпатии участников собраний, не до конца разъясняли настоящую цель выборов.

Официальная пропагандистская версия хода выборов подчёркивала торжественный характер этого своеобразного «народного праздника».

В действительности же на избирательных участках, вопреки официально провозглашаемым лозунгам, не соблюдалось правил секретности. В некоторых комиссиях бюллетени для голосования были обозначены номерами, соответствующими порядковым номерам в списках, в которых были записаны избиратели. Позже облегчило это идентификацию людей, зачеркнувших фамилию кандидата, что отождествлялось с недоброжелательным отношением к коммунистической власти. Желая получить наибольшее участие в выборах, члены комиссий посещали с урнами дома избирателей, тем самым заставляя их голосовать. Похожая техника использовалась также по отношению к людям старым и больным. Часто разрешалось также членам семьи голосовать от имени отсутствующего человека. Конечные результаты голосования имели единственную цель – должны были подтвердить общественную поддержку для действий новых властей. Поэтому не должна удивлять высокая посещаемость и окончательные положительные результаты.

В выборах в Народное Собрание Западной Белоруссии с территорий северо-восточных областей ЩЩ Республики избрано в общей сложности 929 депутатов: 283 – из Белостокского воеводства, 238 – из Полесского, 226 – из Новгородского и 182 – из Вильнюсского.

На заседаниях избранного Собрания должны были рассматриваться только четыре вопроса: а) определение характера власти; б) официальное присоединение земель Западной Белоруссии к БССР; в) проведение земельной реформы (экспроприация богатых землевладельцев); г) национализация промышленности и банков. Не принималась во внимание возможность обсуждения иных вопросов, которые выходили за официальный сценарий. Депутаты без каких-либо проблем проголосовали «за» по всем пунктам заседания, включая территориальный.

Избранная на четвертом заседании Народного Собрания Западной Белоруссии Уполномоченная Комиссия сразу же после окончания обсуждений отправилась в Москву, где во время V сес-

сии Высшего Совета СССР была одобрена и принята её просьба о присоединении Западной Белоруссии к Стране Советов.

Решения Народного Собрания Западной Белоруссии были началом изменений по советскому образцу. «Правовым» результатом этих постановлений было введение «паспортизации», создание похожей администрации, национализация промышленности и начало коллективизации. Политическим – правовая унификация западных территорий закончилась проведением «выборов» в Верховные Советы СССР и БССР (24 марта 1940 г.), а также в местные советы (12 декабря 1940 г.).

Параллельно с «правовым» процессом унификации проводилась кампания изменения культуры и образования на советский образец. Существующие культурно-просветительные учреждения, при вложении значительных финансовых средств и привлечении огромного количества агитаторов, были в течение нескольких месяцев изменены в органы, распространяющие коммунистическую идеологию. Расширение сети кинотеатров, театров, библиотек, домов культуры, а также создание в быстром темпе новой сети школ должны были обеспечить всестороннее воздействие коммунистической идеологии на граждан. Действия советских властей принципиально отличались от политики фашистских оккупантов тем, что не ограничивались только элементами пропаганды, а стремились к полной индоктринации всех граждан.

В планах советского строя было уничтожение в возможно короткие сроки всех предыдущих форм общественной жизни и сведение человека к роли послушного исполнителя распоряжений правящих кругов. Личность потеряла свои отличия и внутреннюю независимость – гражданин стал собственностью государства. Этих целей предполагалось достичь, подобно как и раньше на территории СССР, благодаря использованию двух основных элементов тоталитарной системы – террора и индоктринации. Введение как можно скорее новых правил общественно-хозяйственной жизни путём раскола существующих общественных структур привело к хаосу и вездесущей импровизации. Преподносимая жителям «мрачно – серая», с примесью красных лозунгов, действительность не была манящей перспективой. Граждане, вдавленные грубой силой в новый советский мир, если хотели в нём существовать, должны были приспособиться к новым условиям – подделки планов и отчётов, всеобщей коррупции, хронической нехватки основных товаров, а также искусному обхож-

дению разного рода запретов и предписаний. Поэтому эффективность воздействия пропагандистских лозунгов, провозглашаемых не заслужившими доверия агитаторами (неудовлетворительный уровень культуры, непривлекательная одежда), была тем более низкой, что была острой противоположностью окружающей действительности.

Общество прошло быстрое обучение выживания в новой системе, остатки независимости люди старались сберечь, разделяя повседневную жизнь на часть официальную (работа, обязательное участие на митингах и собраниях) и частную (дом, семья). Переход к двойной действительности (хотя и чрезвычайно трудной в советской реальности) – государственной и частной – создавал видимость нормальной спокойной жизни. Официальное неприятие нового строя было исключено и раньше или позже могло закончиться арестом. Зато полное включение в течение жизни, предложенное большевиками, обозначало потерю не только остатков собственной независимости, но и индивидуальности.

Советские власти в используемой пропагандистской риторике в зависимости от международной политической ситуации прибегали к помощи соответствующих аргументов. Первый период характеризовался выдвиганием на первый план элементов белорусских и еврейских, которые, однако же, по окончании вступительной фазы присоединения были отвергнуты и заменены интернациональными лозунгами. Господствующую роль играло классическое советское разделение общества на сторонников и противников коммунистической системы. Национальные различия – в отличие от фашистской идеологии – имели второстепенное значение, уступая классовому разделу.

Стремление к полной советизации западных территорий равнялось принципиальной переоценке прежних норм жизни. Польское население, занимавшее во время II Республики высокие должности в государственной администрации и самоуправлении, понесло наибольшие потери. Частичные изменения в отношении к полякам наступили во второй половине 1940 года, когда вместе с изменениями на международной арене снова возродились идеи (совершенно неконкретные) польской автономии. Корректировка политики в отношении к польскому населению, однако же, совершенно не изменила характера, целей и методов политики большевиков. Власти, желая использовать это в своих планах, принимали во внимание только лишь возможность сотрудничества с избранной частью польского общества, полнос-

тью принимающего новую реальность. Белосток, располагая значительно более слабыми интеллектуальными резервами, чем Львов (поэтому не являлся такой мощной средой коммунистических идей), играл, однако же, в этой части земель роль важного кадрового центра. Он должен был реализовать одну из ключевых функций в будущих (тайных) экспансивных проектах СССР, прерванных неожиданной для Красной Армии атакой фашистских войск 22 июня 1941 года.

С.А. Сільвановіч

в. Лунна, Мастоўскі раён

ДЗЕЙНАСЦЬ ПОЛЬСКІХ ПАРТЫЗАНСКІХ АТРАДАЎ у ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ ў 1939 – 1941 г.

Узнікненне польскіх партызанскіх атрадаў у Заходняй Беларусі ў 1939 г. было звязана з паражэннем Польшчы ў вераснёўскай кампаніі 1939 г. Першымі партызанамі былі ў асноўным салдаты польскага войска, якія рашылі змагацца далей ці дачакацца са зброяй у руках прыходу саюзнікаў. Большасць гэтых атрадаў была разгромлена да канца 1939 г., але некаторыя праіснавалі даўжэй, нават да прыходу немцаў. Шэрагі партызанаў папаўняліся людзьмі, якія шукалі помсты, а таксама тымі, каму пагражалі рэпрэсіі з боку органаў НКУС. 9 студзеня 1940 г. генерал Такаржэўскі-Карашэвіч у сваім дакладзе да генерала Саснкоўскага пісаў: «...Чуткі аб дзейнасці польскай партызанкі на тэрыторыі савецкай акупацыі, а спарадычна і на тэрыторыі нямецкай, ствараюць надзеі на магчымасць узброенай барацьбы на ўласнай тэрыторыі» [3, с. 63]. Прафесар Т.Стшэмбах звяртае ўвагу на дзіўную з'яву атаесамлення партызанкі на значнай прасторы заходніх абласцей Беларусі з прозвішчам «Дамброўскі» (прасочваецца гэта і ў дакументах НКУС). Ён тлумачыць гэта тым, што прозвішча гэта было даволі распаўсюджана сярод камандзіраў партызанскіх атрадаў, але ў першую чаргу вялікай славай партызана 1919-1920 г. падпалкоўніка Ежы Дамброўскага (пс. «Лупашка»). І хоць падпалкоўнік Дамброўскі восенню 1939 г. дзейнічаў у Аўгустоўскай пушчы, а потым знаходзіўся ў Коўне, яму прыпісвалі стварэнне партызанскіх атрадаў на Віленшчыне, Навагрудчыне і Гродзеншчыне.

У красавіку 1940 г. у скідзельскіх лясах органамі НКУС быў разбіты атрад падпалкоўніка сувязі Юзэфа Дамброўскага (пс. «Тука»). На тэрыторыі паміж Жалудком і Шчучынам аж да пры-

ходу немцаў праіснаваў атрад Яна Скорба («Пушчыка»). У Налібоцкай пушчы да паловы 1940 г. дзейнічаў атрад маёра Дамброўскага (потым ім камандаваў капрал Лонгін Дамброўскі і Павел Гаворка). На Віленшчыне блізасць літоўскай мяжы не садзейнічала доўгатэрмінаваму існаванню польскіх партызанскіх атрадаў. Пад Ломжай да сярэдзіны кастрычніка 1939 г. дзейнічаў атрад паручніка А. Лэмпіцкага. У раёне Сапоцкіна актыўна дзейнічаў атрад ротмістра Дабжаньскага. Партызанскай базай з восені 1939 г. стала ўрочышча «Кабельна» сярод бебжанскіх балотаў на мяжы Ядвабнаўскага і Монькаўскага раёнаў Беларускай вобласці. Спачатку тут хаваліся салдаты польскага войска, а ранняй вясной 1940 г. гэтак месца заняў атрад, звязаны з канспірацыяй. Ён не меў пастаяннага складу, а толькі кіраўніцтва. У начны час папаўняўся людзьмі, якія хаваліся ад рэпрэсій, а днём яны вярталіся ў вёскі. Кіраваў атрадам паручнік (ці капітан) Бурскі (пс. «Шуляк»), які ў канцы 1939 г. стаў на чале арганізацыі, створанай у гэтай мясцовасці ксяндзамі М. Шумоўскім і С. Цуднікам. Пэўны час ён, відаць, быў звязаны з гродзенскай ПАВ (Польскай Арганізацыяй Вайскавай), а з вясны 1940 г. – з Саюзам Узброенай Барацьбы. Пасля ўцёку вясной 1940 г. з-пад арышту Бурскі з часткай людзей заснаваў партызанскі атрад. Па ўспамінах аднаго з удзельнікаў, у атрадзе часам збіраліся каля 100–200 чалавек. Атрад купляў зброю, нарыхтоўваў прадукты і медыкаменты. Па нядзелях праводзіліся зборы, дзе салдат рыхтавалі да ўзброенай барацьбы. У зоне дзейнасці атрада былі ўзяты на ўлік коні, ваенныя матэрыялы, прадукты харчавання, неабходныя на час паўстання. 23 чэрвеня 1940 г. супрацоўнікамі НКУС атрад быў ліквідаваны [5, с. 206–219; 6, с. 327–337].

У Аўгустоўскім раёне Беларускай вобласці партызанскія атрады мела «Польска армія вызваленча».¹ Паводле паказанняў, складзеных у НКУС А.Палубінскім (пс. «Пярун»), яе ўзнікненне адносіцца да канца снежня 1939 г. ці пачатку студзеня 1940 г. Заснавалі арганізацыю Мечыслаў Баркоўскі і Эдвард Станкевіч (пс. «Давер») у г. Аўгустове. Баркоўскі хутка быў арыштаваны, і кіраўніком стаў Станкевіч, які, нібыта, ужо з зімы па чэрвень 1940 г. узначальваў у лесе групу з 50–60 чалавек.

У пачатку красавіка 1940 г. ён быў выбраны камандантам Аўгустоўскага раёна. У гэтым жа месяцы з хаваючыхся ад арыш-

¹ Polska Armia Wyzwolenia (PAW) – магчыма, мела нейкую сувязь з Бурскім.

ту ў лесе членаў гэтай арганізацыі ўзнікла ўзброеная група на чале з А. Палубінскім. У чэрвені 1940 г. ПАВ, відаць, падпарадкавалася ЗВЗ. 10 ліпеня 1940 г. войскамі НКУС быў атакаваны лагер групы Палубінскага. Былі захоплены 8 чалавек, у тым ліку 3 – цяжкапараненымі. У рукі органаў бяспекі таксама трапілі спісы ўдзельнікаў арганізацыі ў 36 населеных пунктах Беларускай вобласці, статут арганізацыі і іншыя дакументы. Усяго былі арыштаваны 58 чалавек, сярод іх афіцэры і падафіцэры, якія хаваліся з першых дзён савецкай улады¹. Па паказаннях арыштаваных, было ўстаноўлена яшчэ тры штабы атрадаў, размешчаных у лясах. Палубінскі ў гэты час знаходзіўся ў Сувалках па запрашэнню чалавека, які рэкамендаваў сябе прадстаўніком падпольнай арганізацыі. На самай справе ён аказаўся пасланнікам палкоўніка Дзячэнкі, былога афіцэра царскай арміі, які спрабаваў выкарыстаць польскую канспірацыю ў мэтах нямецкай разведкі. Са снежня 1940 па 15 сакавіка 1941 г. група Палубінскага ў колькасці 21 чалавека знаходзілася на нямецкай тэрыторыі. 15 сакавіка 1941 г. 14 чалавек з гэтай групы перайшлі нямецка-савецкую мяжу і сутыкнуліся з савецкім пагранічным нарадам. Былі затрыманы пяць чалавек, у тым ліку А. Палубінскі і Я. Арганісты. 19 красавіка 1941 г. былі забіты яшчэ тры чалавекі. Для выяўлення астатніх прымаліся меры [2, с. 1683, л. 281 – 282].

У красавіку 1940 г. органы НКУС прыкладвалі намаганні для ліквідацыі групы ў Клецкім і Ляхавіцкім раёнах Баранавіцкай вобласці. Яна складалася з беларусаў, членаў падпольнай арганізацыі «Цэльна Польшча каталіцка». Іх задачай, па дакументах НКУС, з'яўлялася забойства работнікаў савецкай улады, ваенных і актывістаў, разбурэнне чыгункі, падпальванне калгасных і саўгасных пабудоў [1, л. 53; с. 2077, л. 155 – 157].

У Беларускай вобласці найбольш актыўныя тэрарыстычныя дзеянні праводзілі члены «Батальёна смерці». Ліквідаваныя групы гэтай арганізацыі былі, відаць, толькі часткай больш буйнога аб'яднання пад кіраўніцтвам паручніка А.Бжазоўскага.

Усяго з моманту ўстанаўлення савецкай улады і па 8 снежня 1940 г. у заходніх абласцях Беларусі, па дадзеных НКУС, былі забіты 4 міліцыянеры і 2 паранены, адзін ваенны і адзін паранены, 38 актывістаў забіты і 26 паранены, здзейснена 5 замахоў, падпалена 5 калгасных будынкаў [2, с. 2081, л. 85].

¹ Магчыма, салдаты атрада падпалкоўніка Дамброўскага, пс. «Лупашка».

Змагацца з партызанамі было цяжка, бо яны, як прызнаваў на нарадзе сактатароў ЦК КП(б)Б у Мінску ў верасні 1940 г. начальнік Аўгустоўскага раённага аддзела НКУС, «банды маюць свае глыбокія карані сярод насельніцтва і карыстаюцца яго падтрымкай». Прызнавалася таксама, што ў паўстанцкіх арганізацыях даволі шмат вясковай беднаты і сяраднякоў [4, с. 126].

Разам з тым дзейнасць тэрарыстычных груп і атрадаў мела і іншы эфект. Узброеныя акты прыводзілі да шырокіх рэпрэсій супраць польскага насельніцтва з боку НКУС. Гэта выклікала трывогу ў кіраўнічых колах ЗВЗ. Імкнучыся захаваць сілы, летам 1940 г. Галоўным камандаваннем ЗВЗ рэкамендавалася звесці ўсякага роду ўзброеныя акцыі да мінімуму. Па паказаннях Я. Арганіста, удзельніка атрада Станкевіча і Палубінскага, прыехаўшы летам 1940 г. прадстаўнік ЗВЗ папракаў Станкевіча за няздольнасць кіраваць арганізацыяй, за адсутнасць парадку, за тое, што група Палубінскага займаецца марадзёрствам, грабязжом, тэрорам... Ён прапаноўваў нават забраць у Палубінскага зброю [2, с. 436, л. 93]. Камандант Беластоцкай акругі ЗВЗ А. Іглеўскі пісаў, што ў канцы ліпеня 1940 г. разбіў атрад «Батальёна смерці», які хацеў правакацыйна ўдарыць на савецкі гарнізон у Гайнаўцы [5, с. 174 – 175]. Аднак магчымасці кантраляваць дзеючыя групы ў камандавання ЗВЗ былі даволі абмежаванымі, таму тэрарыстычныя акты працягваліся аж да прыходу немцаў.

З даведкі НКУС ад 10 снежня 1940 г. вынікае наступная карціна: «З моманту ўстанаўлення савецкай улады ў заходніх абласцях БССР, акрамя контррэвалюцыйных паўстанцкіх арганізацый, было выкрыта і ліквідавана 28 узброеных бандаў з агульнай колькасцю 415 бандытаў і арыштаваны 230 чалавек бандпамагатых і хаваючыхся. Пры ліквідацыі забіты 42 бандыты, 20 паранены. З нашага боку забіты 4 чалавекі – аператыўных работнікаў НКУС і міліцыі і паранены 7 чалавек. 3 мая 1940 г. ліквідавана 22 бандфарміраванні¹. У Беластоцкай вобласці з гэтай колькасці – 6 бандгрупаў, арыштавана і забіта 154 чалавекі, у Баранавіцкай вобласці – 9 бандгрупаў, арыштаваны і забіты 58 чалавек» [2, с. 2436, л. 92]. 3 8 снежня 1940 г. па 1 студзеня 1941 г. было ліквідавана яшчэ дзве групы, 7 удзельнікаў, 12 адзіночак і ўдзельнікаў раней ліквідаваных групаў. На 1 студзеня 1941 г. на ўліку НКУС БССР было 3

¹ У гэтай статыстыцы, магчыма, не ўлічаны групы, ліквідаваныя ў верасні-кастрычніку 1939 г. Здаецца, што пасля верасня 1939 г. і па май 1940 г. павінна было быць ліквідавана больш за 6 групаў.

групы з 18 людзьмі, якія актыўных дзеянняў не прадпрымалі: група паручніка Бжэзоўскага з «Батальёна смерці» (11 чалавек) на тэрыторыі Лапскага раёна Беластоцкай вобласці, група Трамбоўскага і Галко (3 чалавекі) у Саколкаўскім раёне Беластоцкай вобласці, група Гаворкі Паўла (4 чалавекі) на тэрыторыі Івянецкага раёна Баранавіцкай вобласці [2, с. 2428, л. 110 – 112]. На 15 мая 1941 г. на нелегальным становішчы знаходзілася 860 удзельнікаў антысавецкіх арганізацый, за мяжу ўцяклі 1 111 чалавек [2, с. 2431, л. 88]. З-за слабой актыўнасці некаторыя групы маглі не трапіць у поле зроку НКУС і такім чынам праіснавалі да пачатку Вялікай Айчыннай вайны. Савецкія органы бяспекі ліквідаваць іх не паспелі.

А.М. Загідулін

г.Гродна

ЭТНАКАНФЕСІЙНАЯ ПАЛІТЫКА ЎЛАД II РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ У АДНОСІНАХ ДА БЕЛАРУСАЎ У ПОЛЬСКАЙ ГІСТАРЫЧНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

Праблема Заходняй Беларусі і адносін беларусаў і палякаў у міжваенны перыяд з'яўляецца ці не адной з самых спрэчных у гісторыі нашага народа. Сотні даследчыкаў працуюць над дадзеным пытаннем, але адзіная навуковая канцэпцыя ўсё ж не выпрацавана. Шматграннасць поглядаў забяспечвае рознабаковасць крытэрыяў, якія выбіраюцца для ацэнкі гістарычнай рэчаіснасці. Разгледзець гэтыя крытэрыі, абраныя для даследавання польскімі гісторыкамі, з'яўляецца адной з задач гістарычнай навукі.

На развіццё беларусаў як этнасу непасрэдна ўплывала ў заходнебеларускім рэгіёне як нацыянальная, так і канфесійная палітыка польскага ўраду. Абодва згаданыя фактары неабходна разглядаць ва ўзаемасувязі.

Ацаніць напісанае пра беларусаў у Польшчы імкнуліся Я. Мірановіч [1], К.Гамулка [2], А.Глагоўская [3], Е.Тамашэўскі [4], але непасрэдна гістарыяграфічнаму агляду ўрадавай палітыкі яны не надавалі значнай увагі.

У міжваенны перыяд праводзілася значная работа па вывучэнню насельніцтва Заходняй Беларусі як з боку Польшчы, так і ў БССР. Польская Акадэмія навук выпускала нават альманах «Sprawy narodowośćiowe», выйшлі працы К.Сракоўскага [5], Т.Галаўко [6]. У польскай прэсе гэтая тэма была дастаткова папуляр-

най. Прадметам дыскусій была як канфесійная палітыка [7], так і нацыянальная [8]. Публікаваліся артыкулы і кнігі польскіх палітыкаў Л.Васілеўскага, С.Грабскага і іншых, дзе яны разважалі наконт вырашэння нацыянальнага пытання [9]. Усе гэтыя працы пісаліся з мэтай абгрунтавання правоў на новадалучаныя тэрыторыі і выбару адпаведнай нацыянальнай палітыкі. Выданні міжваеннага часу цяжка разглядаць у якасці гістарычнай літаратуры, паколькі вывучаемы перыяд працягваўся, працы гэтыя непасрэдна былі звязаны з сучаснасцю і мелі на мэце паўплываць на ўрадавую палітыку. Больш аб'ектыўны погляд на вывучаемую праблему з'явіўся пазней, калі стварылася гістарычная рэтраспектыва.

Сярод пасляваенных гістарычных прац неабходна адзначыць манаграфіі, што ўскосна закраналі разглядаемую тэматыку. Гэта кнігі, прысвечаныя беларусам у Заходняй Беларусі А.Бергман «Беларускія справы ў II Рэчы Паспалітай» і «Слова пра Браніслава Тарашкевіча» [10]. Аўтарка, разглядаючы гісторыю палітычных партый, рухаў і палітычных дзеячоў у Польшчы, адлюстроўвае адносіны да іх кіруючых колаў. Даволі значную ролю ў распрацоўцы праблемы адыгралі, хоць і не прысвечаныя ёй непасрэдна, работы Е. Тамашэўскага [11].

70-я гады ў гістарычнай навуцы ПНР пазначаны павышанай цікавасцю да нацыянальнага пытання. У гэты час выйшлі манаграфіі А.Хайноўскага [12], І.Пацука [13], Е.Хользера [14], А.Дзяругі [15]. Кніга Хользера дае інфармацыю па беларускіх партыях, астатнія прысвечаны непасрэдна разглядаемай праблеме. У прыватнасці, у сваім даследаванні «Канцэпцыі нацыянальнай палітыкі польскіх урадаў у 1921 – 1939 гадах» А. Хайноўскі даволі падрабязна асвятляе дзейнасць па нацыянальнаму пытання кожнага ўрада, прычым, канцэнтруе ўвагу не толькі на канцэпцыях, распрацаваных ідэолагамі розных партый, але і на рэальных мерах, што праводзіліся палітычнымі коламі, якія мелі на той час уладу [12]. Гэтая фундаментальная праца не страціла сваёй навуковай каштоўнасці да гэтага часу.

Дасягненнем сучаснай польскай гістарыяграфіі можна назваць шэраг распрацовак К.Гамулкі, прысвечаных непасрэдна беларускай палітыцы польскага ўрада: «Беларусы ў Другой Рэчы Паспалітай» [16], «Паміж Польшчай і Расіяй. Беларусь у канцэпцыях польскіх палітычных групавак у 1918-1922» [17], «Палітыка польскіх урадаў у адносінах да беларускай меншасці» [18] і іншыя. Даследчыца выкарыстоўвае гісторыка-храналагічны прынецп і прасочвае, як і А. Хайноўскі, дынаміку поглядаў польскіх

урадавых колаў на беларусаў і іх становішча ў дзяржаве. Абагульняючы факты, аўтарка выводзіць тры асноўныя канцэпцыі вырашэння «беларускага пытання»: нацыянальнай дзяржавы, федэралістычная і так званая «краёвая». На яе думку, урады Рэчы Паспалітай ажыццяўлялі на практыцы канцэпцыю нацыянальнай дзяржавы, сфармуляваную нацыянал-дэмакратычным рухам, палітыку ў адносінах да беларусаў яна трактуе як асіміляцыю [18, с. 106, 119].

Увогуле польская сучасная гістарыяграфія пераважна канцэнтравала ўвагу на канцэпцыях нацыянальнай палітыкі розных польскіх урадаў і палітычных групавак. Характарызаваліся прычыны, мэты і планы палітыкі ў адносінах да нацыянальных меншасцяў [19; 20]. Але, як слухна адзначае Я. Мілеўскі, большасць аўтараў не аналізуе глыбока, як нацыянальная палітыка рэалізоўвалася на месцах і ці была эфектыўнай [21, с. 361]. Вынікі гэтай палітыкі ацэньваліся, у асноўным, па рэакцыі прадстаўнікоў беларускай эліты, погляды якой насілі суб'ектыўны характар. Каштоўнай у гэтым кантэксце выглядае кніга П. Эберхарда «Нацыянальныя змены на Беларусі» [22], у якой аўтар шляхам аналізу дэмаграфічнай і сацыялагічнай сітуацыі ў Заходняй Беларусі адлюстроўвае змены, якія ўнесла польская палітыка ў становішча беларускага народа.

Істотным крытэрыем характарыстыкі разглядаемай намі літаратуры з'яўляецца зыходная пазіцыя аўтараў, якая падзяляе іх на два лагеры. Адны разглядаюць беларусаў у першую чаргу як грамадзян Другой Рэчы Паспалітай, як нацыянальную меншасць, што так ці інакш апынулася ў гэтай краіне. І дзяржава ў адносінах да іх павінна была праводзіць нармальную, збалансаваную найбольш выгадную для яе нацыянальную палітыку – дастаткова лаяльную, каб не перашкаджаць развіццю і пазбегнуць незадавальнення, і дастаткова цвёрдую, каб абмежаваць сепаратызм [23, с. 26]. Другія становяцца на пазіцыі беларусаў як заведама прыгнечанага ва ўмовах Польшчы народа. Не бяруцца пад увагу рэальныя гістарычныя ўмовы, што стварыліся ў дзяржавах, у якіх існаваў і развіваўся беларускі народ. Ні адзін з аўтараў не рабіў спробы параўнаць сітуацыю нацыянальных меншасцяў у Польшчы з адпаведнай у суседніх краінах усходняй Еўропы, якія таксама атрымалі незалежнасць пасля першай сусветнай вайны і праводзілі сваю нацыянальную палітыку.

У залежнасці ад занятай пазіцыі, гісторыкі па-рознаму ацэньваюць выніковасць і добразычлівасць палітыкі ўраду ў адносінах

да нацыянальных меншасцяў. Большасць даследчыкаў мяркуюць, што ні адзін з урадаў міжваеннай Польшчы не хацеў і не мог задаволіць культурна-палітычных памкненняў беларусаў. К.Гамулка сцвярджае шматгадовую асіміляцыю беларусаў польскай дзяржавай, якая дасягнула прыкметных вынікаў [18, с.119]. А.Хайноўскі характарызуе нацыянальную палітыку кіруючых колаў Польшчы ў цэлым як няўдалую. Па аб'ектыўных прычынах (сацыяльныя канфлікты, гаспадарчыя цяжкасці і складаная міжнародная сітуацыя) гэтая палітыка нашкодзіла нацыянальным меншасцям, асабліва славянскім, і не прынесла жаданага эфекту для дзяржавы [12, с. 240-241]. У.Міх называе польскія правыя партыі нацыяналістычнымі за іх памкненні да стварэння так званай «нацыянальнай дзяржавы» [20, с. 9]. Але, напрыклад, Ян Ежы Мілеўскі сцвярджае, што ўключэнне часткі Беларусі ў склад Польшчы было прагрэсіўным актам для беларусаў, якія мелі нізкую нацыянальную самасвядомасць і не мелі патрэбы ў задавальненні нейкіх нацыянальных патрэбаў, такіх, напрыклад, як нацыянальная аўтаномія [21, с. 362-363].

Канфесійная палітыка ўрада знайшла сваё адлюстраванне ў розных тыпах работ. Па-першае, гэта абагульняючыя працы па гісторыі касцёла і праваслаўнай царквы ў Польшчы, дзе міжваенны перыяд вылучаны ў асобны раздзел, у якім разглядаецца становішча ў Заходняй Беларусі [24]. Па-другое, гэта даследаванні, прысвечаныя ўзаемаадносінам дзяржавы і касцёла ў Другой Рэчы Паспалітай [25]. Па-трэцяе, дыскусіі, прысвечаныя такой важнай падзеі ў гісторыі касцёла, што адгукнулася і на беларусах, як канкардат Польшчы з Ватыканам 1925 года [26]. Па-чацвёртае, ёсць трактоўка канфесійнай палітыкі ў якасці аднаго з фактараў палітыкі нацыянальнай. А.Хайноўскі, К.Гамулка, У. Міх і іншыя ўключаюць у свае манаграфіі раздзелы па канфесійнаму пытанню. Пятае датычыць непасрэднага вывучэння канфесійнай палітыкі. Тут неабходна вылучыць манаграфію М.Папежынскай-Турэк «Між традыцыяй і рэчаіснасцю. Дзяржава ў адносінах да праваслаўя 1918-1939» [27]. Яна падкрэслівае памкненні кіруючых колаў Рэчы Паспалітай ператварыць праваслаўную царкву ў Польшчы ў так званую «нацыянальную» з паланізацыяй вернікаў і падпарадкаваннем яе ўраду. Паказана, што палітыка гэта, у асноўным, не ўдалася [27, с. 228, 304]. Даследаванне заснавана на вялікай колькасці матэрыялаў, высновы гучаць лагічна. У шосты пункт можна залічыць значную колькасць разнастайных даследаванняў па вузкіх канкрэтных пытаннях, што так ці інакш дапаў-

няюць агульную карціну. Гэта артыкулы Ю. Туронка «Да гісторыі Друйскага Марыянскага манастыра», «Беларускія Марыяны ў Друі» [28], М. Каліны «Паланізацыя праваслаўнай царквы ў Бела-стоцкім ваяводстве» [29], у якой аўтарка прыводзіць рэальныя прыклады гэтай палітыкі. Можна ўзгадаць дакументы, апублікаваныя Е. Тамашэўскім у Беларускіх Сшытках Гістарычных, што датычаць беларускага каталіцкага святара В. Гадлеўскага і яго пераследу ўладамі [30]. У 2001 годзе ў Бела-стоку выйшла заснаваная на вялікай колькасці беларускіх крыніц праца М. Мароз «Крыніца. Ідэалогія і лідэры беларускага каталіцызму» [31], што падсумавала шэраг даследаванняў па гісторыі беларускай хрысціянскай дэмакратыі.

Можна сказаць, што большасць прац, прысвечаных этнічнай палітыцы польскіх улад, за выключэннем, бадай, толькі даследаванняў А. Хайноўскага і К. Гамулкі, носіць аглядны характар і ўяўляе сабой чарговыя спробы сучаснай пастаноўкі праблемы. Адчуваецца недахоп беларускіх архіўных крыніц, якія б адлюстроўвалі рэальнае правядзенне гэтай палітыкі мясцовымі ўладамі і вынікі, якія яна прыносіла.

С.М. Грэсь

г. Гродна

НАСАДЖЭННЕ АСАДНІЦТВА НА ЗЕМЛЯХ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ ў 1921 – 1939 г.

Аграрныя адносіны ў Заходняй Беларусі характарызуваліся панаваннем буйнога памешчыцкага землеўладання, малазямеллем і паўперызацыяй (масавым зьядненнем) большай часткі сялян. Зямельная рэформа, якую вымушаны быў распачаць польскі ўрад пад націскам сялянскага руху, праводзілася на карысць польскіх паноў-абшарнікаў і сельскай буржуазіі. Улады пачалі праводзіць палітыку асадніцтва ў Заходняй Беларусі.

17 снежня 1920 года польскі сейм прыняў закон аб асадніцтве. Ён падзяляўся на дзве часткі. Першая з іх устанаўлівала парадок надзялення зямлёй добраахвотнікаў і заслужаных салдат польскай арміі; па другой пачынаў існаваць асобны зямельны фонд з плошчаў на ўсходніх землях Рэчы Паспалітай. Гэтыя землі былі вызначаны для рассялення асаднікаў.

Польскія ўрадавыя колы разумелі, што нельга замацаваць акупавання землі без рассялення на іх ляяльных да сябе людзей.

Таму рэформа пачала насіць ваенна-палітычны характар. Генерал Янушкевіч на канферэнцыі ваявод і начальнікаў зямельных аддзелаў гаварыў: «Мы павінны ясна ўсведамляць, што без ўмацавання польскага элемента немагчыма весці барацьбу за ўсходнія землі. Найбольш рашучым саюзнікам ў гэтай барацьбе будзе вясковы асаднік. Таму патрэбна як мага больш іх адбіраць з Цэнтральнай Польшчы... Польская культура павінна гаспадарыць на паўночна-ўсходніх акраінах...» [1].

Аб важнасці рэформы для Польшчы сведчыць і той факт, што распрацоўваць план каланізацыі было даручана ваеннаму міністэрству, а рэалізацыя ўскладалася на спецыяльную камісію, складзеную з прадстаўнікоў ваеннага, фінансавага ведамстваў, міністэрстваў земляробства і аграрных рэформ. У паведах былі створаны спецыяльныя (надаваўчыя) камітэты, якія ізымалі зямлю з дзяржаўнага фонда і надзялялі ёю асаднікаў. Адборам кандыдатаў для надзялення зямлёй займаліся вайсковыя кваліфікацыйныя камісіі ў паведах. Пры адборы кандыдатаў для надзялення зямлёй улічваліся армейскія заслугі і палітычная блізкасць да ўлады. Здольнасць і схільнасць адабраных кандыдатаў да земляробства ў разлік не прымаліся. Абсада (водруб) была толькі ўзнагародай за верную службу ў польскай арміі і прыманкай для рассялення дэмабілізаваных салдат і адстаўных афіцэраў на заваяваных беларускіх і ўкраінскіх землях. Пры ўвядзенні асадніцтва польскі ўрад праследаваў некалькі мэт: 1) павялічыць набор у польскую армію (пры добрай службе магчыма было атрымаць зямлю); 2) насаджэнне ў акупаваных абласцях польскага элемента і насільная асіміляцыя мясцовага насельніцтва; 3) зменшыць зямельны голод у Цэнтральнай Польшчы; 4) падтрымаць і ўмацаваць буйное землекарыстанне, умацаваць эканамічныя пазіцыі фінансавага капітала ў сельскай гаспадарцы на ўсходзе; 5) з асаднікаў стварыць апору польскаму нацыяналізму на заваяваных тэрыторыях, трымаць пад пастаянным кантролем беларускае насельніцтва; 6) падтрымаць антысавецкія элементы, якія ў будучым можна было б выкарыстаць у вайне супраць Савецкай улады.

Асаднікі надзяляліся зямлёй у адпаведнасці з воінскім званнем. Так, палкоўнік мог атрымаць 30-50 га, капітан – 20, паручык – 15, радавы – 9-10 [2]. У распараджэнні старшыні галоўнага зямельнага ўпраўлення ад 23 красавіка 1921 г. тлумачылася, каго закон разумеў пад салдатамі польскай арміі. Гэта радавыя, сяржанты, афіцэры і прыраўненыя да іх служачыя польскай арміі і падраздзяленняў добраахвотнікаў (апалчэнцаў), якія неслі ваен-

ную службу не менш чатырох месяцаў. Да ліку салдат адносіліся і генералы. Усе яны мелі права на бясплатнае атрыманне зямлі. Згодна з законам, не мелі права на атрыманне зямлі салдаты, пакараныя за злачынствы супраць узброеных сіл польскай дзяржавы, якія самавольна бралі ў карыстанне чужыя землі [3].

У першую чаргу гэта адносілася да салдат беларусаў, украінцаў і палякаў, мабілізаваных у польскую армію ўсходняй Варшавы і якія да гэтага прымалі ўдзел у размеркаванні памешчыцкіх зямель.

Тое меркаванне, што асадніцтва было паўваеннай арганізацыяй, пацвярджае факт выкарыстання імі на легальных умовах зброі. Акрамя таго, яны былі сфарміраваны ў воінскія падраздзяленні, якія ўзначальвалі кадравыя ваенныя афіцэры. «Саюз асаднікаў» падпарадкоўваўся генеральнаму штабу польскай арміі. Разам з паліцыяй асаднікі разганялі мітынгі, ажыццяўлялі арышты і іншыя паліцэйскія функцыі. Так, 6 мая 1924 г. імі быў разагнаны мітынг у Пружанах [4], 8 мая – у Далгінаве [5], дзе збіраліся больш чым па дзве тысячы чалавек, 25 мая – ізноў у Пружанах [6]. Асаднікі з’яўляліся зацятымі польскімі нацыяналістамі, іх адносіны з мясцовым насельніцтвам былі глыбока варожымі. Мясцовыя жыхары бачылі ў іх толькі прыгнятальнікаў, носьбітаў польскага дзяржаўнага шавінізму, апору рэакцыйнага рэжыму, шпіёнаў, якія сачылі за кожным крокам суседзяў і даносіўшых у дэфензіву.

Закон ад 17 снежня 1920 г. быў скарыстаны многімі чыноўнікамі на сваю карысць. Асады атрымалі: кіраўнік Галоўнага зямельнага ўпраўлення Нямірыч, генералы Сікорскі, Доўбар-Мусніцкі і іншыя. Сярод ваенных асаднікаў было 59 % афіцэраў і 41 % салдат.

Колькі на самай справе было асаднікаў, невядома, таму што асадніцтва з’яўлялася ваенна-палітычным мерапрыемствам і ўсе афіцыйныя звесткі мелі сакрэтны характар. З іншых крыніц вядома, што ў 1923 годзе ў Навагрудскім ваяводстве для асаднікаў было выдзелена 80 тыс. га, на Палессі – 128 тыс. га, у Ваўкавыскім павеце – 6,5 тыс. га, Лідскім – 10 тыс. га, Стаўбеоўскім – 3,5 тыс. га зямлі. На 1 студзеня 1923 года ў Навагрудскім ваяводстве былі расселены 2 468 асаднікаў, у Палескім – 991 [8]. Ваенным каланістам для развядзення гаспадаркі дзяржава давала коней, буйную рагатую жывёлу, свіней, на льготных умовах выдаваліся крэдыты. Толькі ў першыя гады каланізацыі ў Брэсцкім павеце асаднікі атрымалі 180 коней, 200 кароў, 90 авец, 140 свіней, 4 тыс. пудоў зерня для пасеву, 5 тыс. пудоў бульбы [9]. На аснове архіўных

дадзеных вядома, што па Нясвіжскаму павятоваму камітэту зямлёй за 1923-1932 гады былі надзелены 13 асаднікаў. Іх надзелы вагаліся ў межах 22-22,5 га, рассяляліся яны па пранумараваных участках. Толькі Генрык Кафтаныскі з маёнтка Навасёлкі Сніяўскай гміны атрымаў 45,2739 га зямлі. Вельмі часта выдаваліся грашовыя субсідыі на набыццё інвентара. З 13 чалавек іх атрымалі 5 чалавек у памеры ад 1 500 да 3 550 злотых.

Асаднікі ў асноўным мелі тры крыніцы даходаў: дзяржаўную дапамогу і крэдыты, арэндную плату за зямлю, здаваемую сялянам, і ганарар за супрацоўніцтва ў дэфензіве або іншай установе.

Фонд, з якога надзялялі асаднікаў, складаўся з зямель: казённых, галоўным чынам канфіскаваных царскім урадам у паўстанцаў 1863-1864 гадоў; памешчыцкіх (пераважна памешчыкаў няпольскай нацыянальнасці, якія да 1 красавіка 1921 года не вярнуліся ў свае маёнткі); праваслаўнага духавенства (надзелы большыя за 30 га). Зямлі польскіх памешчыкаў засталіся некранутымі. У першай палове 20-х гадоў надзялялі зямлёй ваенных, потым пашырылася цывільнае асадніцтва. Да 1930 года ў Заходнюю Беларусь былі пераселены 4 434 вайсковыя асаднікі і некалькі тысяч цывільных [10].

Ваенныя каланісты не здзейснілі тых надзей, якія ўскладвалі на іх пануючыя класы Польшчы. У сваім выступленні ў сейме 4 ліпеня 1925 г. беларускі дэпутат П.Мятла гаварыў: «...п'янства, амаральныя паводзіны, жаданне атрымаць як мага больш даходу з зямлі, на якой працуе беларускі сялянін, – вось асноўныя рысы «вольных носьбітаў еўрапейскай культуры» [11]. Яны не маглі аказваць добрага ўплыву на беларускую вёску.

Выцясняючы карэнных жыхароў, каланісты атрымлівалі лепшыя зямельныя надзелы, павялічваючы зямельны голад, уціскаючы вясквы пралетарыят і абвастраючы аграрную праблему. Такім чынам, аграрнае пытанне цесна перапляталася з нацыянальным і ператваралася ў тых умовах у цяжкавырашальную праблему.

Але спачатку галоўная ўвага надавалася рассяленню на ўсходзе ваенных асаднікаў. Гэта пацвярджалі афіцыйныя прадстаўнікі польскіх уладаў. Старшыня Навагрудскага зямельнага ўпраўлення гаварыў: «Першапачаткова ўся дзейнасць зямельнага ўпраўлення была сканцэнтравана выключна на забеспячэнні зямлёй ваеннага асадніцтва [12].

Ва ўладных структурах абмяркоўвалася пытанне, як лепш рассяляць асаднікаў – хутарамі ці калоніямі, у глухіх месцах ці поблізу гарадоў і населеных пунктаў. Навагрудская адміністра-

цыя лічыла, што з стратэгічнага пункту гледжання асаднікаў лепш за ўсё было б рассяляць уздоўж важнейшых камунікацый, маючых стратэгічнае значэнне» [13]. Але практычна асаднікі рассяляліся паўсюдна, дзе меліся для гэтага ўмовы. Сяліліся яны, як правіла, асобнымі хутарамі, радзей атрымлівалі водрубкі разам і стваралі калоніі. Мелі месца выпадкі, калі ім аддавалі цэлыя памесці з пабудовамі, садамі і іншымі матэрыяльнымі каштоўнасцямі.

Якімі ж былі адносіны мясцовага насельніцтва да асаднікаў? Як сведчыць кіраўнік навагрудскага зямельнага ўпраўлення, на з'ездзе павятовых стараст «аб патрэбах мясцовых жыхароў поўнасьцю забывалася, таму адносіны да асаднікаў былі варожыя» [14]. Аб гэтым гаворыць і ідэолаг польскага нацыяналізму В.Студніцкі. Ён прызнаваў, што асаднікі не змаглі зліцца з сялянамі і разглядаюцца апошнімі як варожы элемент. У чым жа былі прычыны такіх адносін? На наш погляд, існуе некалькі прычын. Па-першае, пасля прыняцця аграрнага заканадаўства селянін разлічваў на папаўненне свайго зямельнага надзела, аднак, лепшыя землі былі аддадзены асаднікам. Па-другое, існаваў канфлікт паміж асаднікамі і кулакамі, таму што апошнія бачылі сапернікаў, якія імкнуліся захапіць лепшыя землі. Па-трэцяе, каланістаў не любілі і мясцовыя памешчыкі, бо бачылі ў іх сваіх канкурэнтаў у барацьбе за ўплыў на сялянства. На адбыўшымся ў лютым у Вільні з'ездзе памешчыкаў была прынята рэзалюцыя, у якой гаварылася: «...закон аб ваенным асадніцтве шкодны для дзяржавы, не супадае з канстытуцыяй, кампраментуючы ўсю польскую каланіяльную палітыку з гаспадарчага і палітычнага пунктаў гледжання» [15].

Надзяленне былых легіянераў зямлёй яшчэ больш павялічвала класавае расслаенне ўнутры грамадства. Ваенныя пасяленцы не маглі жыць разам не толькі з мясцовым насельніцтвам, але і з грамадзянскімі асаднікамі. Ст.Стракоўскі пісаў: «...ваенныя асаднікі трымаюцца асабліва нават у адносінах да цыфільных каланістаў, падкрэсліваючы свой ваенны характар і ўяўляючы сябе прывеліваным казацтвам» [16]. Ваенным асаднікам-афіцэрам належалі ў асноўным участкі зямлі па 45 га, у той час як астатнія каланісты атрымлівалі па 10-20 га зямлі.

У сувязі з гэтым на мясцовым узроўні пачала з'яўляцца апазіцыя з цывільных асаднікаў і сялян. Першыя лічылі, што ваенныя каланісты амаль цалкам страцілі свой уплыў на беларускія землі і былі адхілены ад кіруючага становішча ў гаспадарчым жыцці. З-за таго, што шмат асаднікаў здавалі свае землі ў арэнду, казна Польшчы не далічылася грошай і па крэдытах.

З цягам часу стала зразумела, што ваеннае аснадніцтва не можа цягнуцца пастаянна. Таму яно паступова скарачалася і яго замяняла грамадскае. Гэта форма была больш прыймальнай, таму што цывільныя каланісты былі больш адметнымі і не выклікалі супраціўлення сярод мясцовага насельніцтва. Аднак яны павінны былі выконваць тыя ж задачы і мэты, якія выконвалі і ваенныя аснаднікі.

А.Д. Панько

г. Львов

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЫ ПОЛЬШИ В 1919 г.

После обретения независимости в 1918 году Польша столкнулась с проблемой определения своих границ. Концепция, разработанная ещё до начала войны Романом Дмовским, предусматривала присоединение на западе и на севере Польши части немецких земель, а на востоке – восстановление границ речи Посполитой до первого раздела в 1772 г. Она и легла в основу внешней политики молодого Польского государства.

Приход к власти Юзефа Пилсудского, уроженца Виленщины, усилил в польском обществе позиции сил, которые старались восстановить «Польшу Ягеллонскую» в границах 1772 г. В инструкции польской делегации на Парижскую мирную конференцию Ю.Пилсудский требовал добиваться определения восточной границы по линии, которая бы обеспечивала включение в состав Польши железнодорожной линии Дрогобыч – Львов – Сарны – Пинск – Лунинец – Барановичи – Вильно и её прикрытие в виде пояса болот и лесов Припяти [1]. Присоединение как белорусских, так и украинских этнических земель добивались все политические силы Польши и объясняли это, как отмечал один из лидеров белорусского движения А.Цьвикевич, «историческим правом» [2].

В польской политической мысли преобладали два подхода в отношении к реализации «восточной политики»: инкорпоративный и федералистский. Идея создания федерации Беларуси, Литвы, Курляндии и Украины с Польшей была выдвинута идеологами ППС и поддерживалась Ю.Пилсудским вплоть до восстановления независимости. Однако в течение 1919 г. она стала заменяться идеей присоединения «кресов» к Польше.

Приверженцами инкорпорации были члены Национально-демократической партии (эндеки). Они считали, что белорусы, литовцы и украинцы не имеют «глубоких государственно-созидательных инстинктов», и поэтому предлагали поделить земли Беларуси, Литвы и Украины между Польшей и Россией с учетом религиозной принадлежности их населения.

С первых дней существования возрожденной Польши её руководство выбрало тактику, нашедшую поддержку у западных государств. Польша соглашалась стать основным барьером на пути коммунизма в Европу. Напуганные революционными событиями в Центрально-Восточной Европе, правительства стран Антанты согласились задержать эвакуацию германских войск с территории бывшей Российской империи. 5 февраля 1919 г. в Белостоке было подписано германо-польское соглашение, давшее возможность Польше беспрепятственно действовать в западных уездах Гродненской губернии [3].

8 февраля 1919 г. началось наступление польских войск на восток, и к середине марта была занята практически вся Гродненская губерния, за исключением Гродно и Лиды.

Правительство Белорусской ССР, а затем и ЛитБел ССР предложили польскому руководству «мирным путем урегулировать территориальную проблему» [4]. Однако эти предложения были проигнорированы. Ю.Пилсудский надеялся включить белорусские земли в состав Польши, а посему не признавал существования Белорусского советского государства.

Очередное наступление войск началось в середине апреля 1919 г. 21 апреля в ходе стремительной операции была занята Вильня, столица ЛитБел ССР. Захват Вильни обеспечил затем Польше беспроblemное занятие Гродно, откуда 28 апреля были выведены последние германские войска. Теперь инициатива полностью перешла в руки поляков. Наступление продолжилось летом 1919 г. 8 августа был захвачен Минск, к сентябрю 1919 г. польские войска остановились на линии р. Западная Двина – р. Березина – р. Припять. Фронт стабилизировался на длительное время.

Польское руководство считало, что сумеет легко убедить западные демократии о необходимости значительного расширения границ Польши на восток. Главным аргументом являлся тезис об освобождении населения «кресов» от гнета большевиков. Кроме того, поляки использовали факт отмены актов царского правительства о разделах Речи Посполитой. В докладе, сделанном на Париж-

ской мирной конференции 29 января 1919 г., польская делегация официально потребовала, чтобы при определении границ Польши в основу были положены границы Речи Посполитой 1772 г. [5].

Исходя из таких позиций, польский сейм 29 апреля 1919 г. по предложению депутатов от фракции эндеков принял декларацию о том, что «Отчизна Костюшко, Мицкевича и Траугута принадлежит Польше как часть неотделимая» [6]. Правда, несколько позднее сейм смягчил категоричность апрельского постановления [7].

Однако добиться быстрого решения странами Антанты восточного вопроса в нужном для себя направлении Ю.Пилсудский не смог. Пока существовала угроза революции в Германии, Польша служила своеобразным барьером на пути большевизма. Поэтому отношение к её территориальным претензиям было несколько снисходительным. Когда же стало ясно, что угроза революций в Центральной Европе миновала, тогда государства Антанты изменили свою польскую политику. Теперь на первый план вышли геополитические интересы великих держав.

Наиболее приемлемо к территориальным претензиям поляков отнеслась Франция. В будущем же, по мнению французского руководства, Великая Польша в союзе с Францией могла стать противовесом Германии.

Противоположную позицию занимала Великобритания, не поддерживавшая территориальных устремлений поляков. Удачную характеристику зарождавшейся польской великодержавности дал британский премьер Д.Ллойд-Джордж. Рассматривая территориальную политику Польши, он писал: «Право народа самим определять свою национальную принадлежность было немедленно отвергнуто польскими лидерами. Они утверждали, что эти различные национальности принадлежат полякам по праву завоевания, осуществленного их предками. Подобно старому норманскому барону, обнажившему меч, когда его попросили предъявить доказательства своих прав на поместье, Польша размахивала мечом своих воинственных королей, который уже столетия ржавел в их гробницах» [8]. Для руководства Великобритании Польша была лишь одним из звеньев сложной системы сдерживаний и противовесов в Европе. С позицией Великобритании частично совпадала позиция США. Официальная точка зрения правительства США в отношении к польской проблеме была сформулирована в мирной программе президента В.Вильсона от 11 февраля 1919 г., более известной как «14 пунктов». Один из пунктов пред-

лагал создать независимое Польское государство в границах с «беспорным польским населением» [9].

Определенное влияние на позицию западных государств оказывало «белое движение». В феврале 1919 г. Парижская мирная конференция создала комиссию по установлению демаркационной линии между Германией и Польшей. Руководил ею французский дипломат Ж.Камбон. 19 марта ей были даны полномочия на определение границ Польши с другими народами. 22 апреля Ж.Камбон представил Верховному совету Антанты предложения комиссии. Он признал, что точное определение границ Польши невозможно: «Комиссия старалась по возможности придерживаться этнического принципа, однако, невозможно избежать включения районов с инородным населением в состав территорий обеих сторон. Бралось во внимание также экономические и стратегические интересы, чтобы новое государство могло существовать в определенных границах» [10]. Комиссия Камбона рекомендовала ограничить Польшу на востоке линией этнографического расселения поляков с присоединением к Польскому государству Белостокского, Бельского и Сокольского уездов Гродненской губернии [11]. И если к лету 1919 г. границы Польши на западе и на юге были установлены, то вопрос восточной границы откладывался на неопределенное время.

Немаловажную роль в этом сыграло «белое движение», потому что именно армии бывших царских генералов в 1919 г. наиболее решительно сражались с большевиками. Практически все российские партии и движения, оппозиционные советской власти, требовали ограничить воссозданную Польшу на востоке этнографической линией расселения поляков. Антанта не прислушиваться к их голосу не могла, поэтому старалась сдерживать Польшу в её территориальных претензиях.

Польское руководство понимало, что в результате победы антибольшевистских сил в России Польша будет ограничена на востоке границами, совпадающими с линией этнографического расселения поляков. Поэтому были предприняты шаги, направленные на изменение своей «восточной политики». Было заявлено о проведении в начале 1920 г. в Гродненской, Виленской и Минской губерниях плебисцита. Сейм принял решение выделить для этого десять миллионов марок. Его проведение было поручено польским организациям на «кресах». Ю.Пилсудский предпринял попытки нормализовать отношения с непольскими организациями в Литве, Беларуси, на Украине.

18 августа, после занятия Минска, начальник Польского государства обратился с обращением «К населению бывшего Великого княжества Литовского». Он торжественно заявил, что «хотел бы видеть этот край вольным между вольными народами» и что «белорусский народ, закрепив свою государственность, будет строить отношения, как равный с равным» [12].

Новая программа Ю.Пилсудского предусматривала проведение осторожной политики, направленной на переубеждение белорусских деятелей о том, что только союз с Польшей позволит им добиться установления своего политического управления в Беларуси. Её осуществление предусматривало сотрудничество в области местного самоуправления, выделения белорусским национальным организациям средств для хозяйственной и культурно-просветительской деятельности. Эти уступки должны были нейтрализовать оппозицию среди белорусских политических партий и сгладить противоречия.

Начальник государства дал разрешение на созыв Рады БНР в обмен на обещание премьера БНР А.Луцкевича провести на ней решения в пользу Польши.

22 октября 1919 г. Ю.Пилсудский подписал декрет о создании Белорусской войсковой комиссии во главе с П.Алексюком.

Однако все действия Ю.Пилсудского в белорусском вопросе, на наш взгляд, были сродни обыкновенному популизму. Имитируя заинтересованность белорусскими проблемами, Польша должна была предстать в глазах западного сообщества, а следовательно, и руководства Антанты не как оккупант, а как демократический сосед, помогающий этим землям и защищающий их от большевизма. В реальности же основная цель – присоединение «кресов» – сохранялась.

Ещё одним направлением деятельности польских властей стал курс на нормализацию отношений с Советской Россией. Польша по-прежнему не признавала существование советских Беларуси, Литвы и Украины, поэтому старалась иметь дело только с Москвой. В июне 1919 г. состоялись тайные переговоры двух сторон в Беловеже, а в октябре-ноябре 1919 г. – в Микашевичах. Советская сторона в обмен на заключение мира соглашалась на значительные территориальные уступки в Беларуси. Результатом переговоров стало неафишируемое перемирие между Польшей и Советской Россией, позволившее большевикам перекинуть войска на другие фронты [13]. Ю.Пилсудский понял, что большевики ему более выгодны, чем «белые» генералы.

Предпринятые действия результата не дали. 8 декабря 1919 г. Верховный совет Антанты утвердил декларацию о восточных границах Польши. Граница была определена по линии Гродно – Яловка – Немиров – р. Западный Буг – Рава-Русская – Перемышль [14]. Эта линия имела довольно компромиссный характер, так как оставляла Польше часть белорусской этнической территории. Решение Антанты вызвало неудовлетворение как белорусских, так и польских политиков. Дипломатия Ю.Пилсудского потерпела поражение. После 8 декабря присутствие польских войск на территории Беларуси рассматривалось на западе как акт агрессии.

Правда, в 1921 г. в результате Рижского мира Польша сумела установить границу значительно восточнее. Тем не менее, данная линия, закрепившаяся в историографии как «линия Керзона», в 1945 г. легла в основу современной границы между Польшей и Беларусью.

Л.С. Скрабіна

г. Гомель

АДНОСІНЫ НАСЕЛЬНІЦТВА ЗАХОДНЯЙ І САВЕЦКАЙ БЕЛАРУСІ ДА ПАДЗЕЙ ВЕРАСНЯ 1939 г.

Пытанне аб драматычных падзеях верасня 1939 года – складанае і супярэчлівае, яно і сёння вартае сур’ёзнага навуковага абмеркавання.

У ноч з 23 на 24 жніўня 1939 г. паміж Германіяй і Савецкім Саюзам быў падпісаны савецка-германскі дагавор аб ненападзе, вядомы як пакт Рыбентропа-Молатава. Да яго быў прыкладзены сакрэтны дадатковы пратакол, згодна з якім размяжоўваліся сферы інтарэсаў Германіі і СССР. Па гэтаму пратаколу ў сферу савецкага ўплыву адыходзілі землі Польшчы да Віслы і Сана. На падставе сцвярджэння савецкага ўрада аб спыненні існавання Польскай дзяржавы часткі РККА (Рабоче-Крестыянскай Красной Армии. – рэд.) 17 верасня 1939 г. увайшлі ў Заходнюю Беларусь пад лозунгамі абароны адзінакроўных беларусаў нацыянальнага і сацыяльнага іх вызвалення.

Уступленне Чырвонай Арміі на тэрыторыю Польшчы было сустрэта рознымі сацыяльнымі і нацыянальнымі групамі па-рознаму. Некаторыя ўяўленні аб гэтым даюць афіцыйныя вынікі выбараў у Народны Сход Заходняй Беларусі. У яго выбарах прыня-

ло ўдзел 96,7 % выбаршчыкаў, за выбранне кандыдатаў выказалася 90,9 % (якія ўдзельнічалі ў галасаванні). Не з'явілася альбо прагаласавалі супраць 400 тыс. чалавек [1, с. 28]. У Беластоцкім ваяводстве супраць выказалася 15 % выбаршчыкаў [2, с.332]. З авацыяй тут прывіталі расіян галоўным чынам яўрэі, беларусы, мясцовыя камуністы. Прасочваючы ход падзей, звязаных з уступленнем Чырвонай Арміі ў Польшчу, неабходна адзначыць, што пераважная большасць насельніцтва прыхільна ставілася да падзей, з кветкамі сустракала Чырвоную Армію. Пазней, калі значна абвастраліся штодзённыя жыццёвыя праблемы, з'явіліся новыя клопаты аб кавалку хлеба, сталі праводзіцца рэпрэсіі, ажыццяўляцца калектывізацыя, апазіцыйныя настроі сярод насельніцтва рэзка ўзраслі.

У ліку неадкладных мер, якія вырашалі новыя ўлады, была арганізацыя гандлю прамысловымі і харчовымі таварамі. У мэтах упарадкавання гандлю былі ўведзены адзіныя рознічныя цэны, устаноўлены для БССР. Аднак нельга не заўважыць, што яны аказаліся ў некалькі разоў вышэй за даваенныя. Так, калі 1 кг цукру да верасня 1939 г. каштаваў 1 руб., то ў снежні 1939 г. – 15 руб., 1 кг хлеба збожжавага, адпаведна, 18-20 кап. – 80-1 руб., 1 кг мяса – 1 руб. 60 кап. – 1 руб. 80 кап. – 14-16 руб., 1 кг масла сметанковага 3 руб. – 3 руб. 50 кап. – 18 руб., 1 кг солі 18 кап. – 30 кап., 1 кг бульбы 4 кап. – 35 кап. і г.д. [3, арк. 7-8]. Да гэтага трэба дадаць, што прыватныя гандляры амаль паўсюдна згарнулі гандаль у крамах, а работа па разгортванню савецкага гандлю знаходзілася на нізкім узроўні. Так, у аператыўнай зводцы па Пастаўскаму павету Вілейскай вобласці ад 19.11.1939 г. наркома НКУС БССР Л. Цанавы на імя П. Панамарэнкі паведамлялася, што «завоз товаров производится редко, в малом количестве. За все время было завезено только 1 цистерна керосина и несколько вагонов соли, которые не удовлетворяют потребности населения. В уезд совершенно не завезены спички, в чем население особенно нуждалось и нуждается теперь. Торговля хлебом не налажена... За хлебом ежедневно стоят большие очереди. Суточная потребность в хлебе выражается около 4000 кг, выпекается же хлеба около 900 кг. Запасы хлеба в городе на исходе, а заготовка его не развернута...» [4, арк. 83-84]. Натуральна, фактар пагаршэння матэрыяльнага становішча, адсутнасць хлеба і іншых тавараў першай неабходнасці ў продажу моцна ўплывалі на фарміраванне настрояў у гэты час. У дакладзе начальніка гарнізона «Чорная Весь» маёра Цытовіча адзначалася: «В местечке среди местного населения

особенно резко возросло недовольство на дороговизну и рост цен на продукты, а также отсутствие снабжения населения солью и сахаром. Недовольство на невозможность существования идет главным образом потому, что заработная плата рабочих лесопильного завода и всех организаций оплачивается пока по старым довоенным ставкам польского государства, а цены резко растут, не говоря уже о спекуляции. Особенно удивлено население повышением государственных цен на черный хлеб до 80 коп. ...» [5, арк. 10].

Асаблівая моцна праявіліся апазіцыйныя настроі насельніцтва ў ходзе падрыхтоўкі да выбараў у Вярхоўны Савет СССР і БССР, якія адбыліся ў сакавіку 1940 года. Канкрэтныя дзеянні савецкіх улад (калектывізацыя, рэпрэсіі, пагаршэнне матэрыяльнага становішча і г.д.) абумовілі шматлікія выступленні насельніцтва супраць удзелу ў гэтых выбарах. У дакладной запісцы сакратар Беларускага абкома КП(б)Б Ісаеў інфармаваў ЦК КП(б)Б аб антысавецкіх выступленнях у ходзе перадвыбарчай кампаніі: «... в д. Манаровцы Крынковского р-на распространялись контрреволюционного содержания листовки, направленные к срыву выборов (против явки на выборы и против голосования). В д. Шевенево Замбровского р-на кулак заявил: «если кто будет голосовать за блок коммунистов и беспартийных, это значит, что он будет голосовать за коллективизацию...» [6, арк. 7]. Нярэдка ад крытычных антысавецкіх выказванняў справа даходзіла да практычных захадаў, што выражалася ў падпалах, адмове ад удзелу ў галасаванні. Так, у вышэйзгаданай дакладной запісцы паведамлялася і аб тым, што на лесопільным заводзе № 7 у г. Гродне была выяўлена спроба падпалу завода ў тым месцы, дзе размяшчаўся выбарчы ўчастак. У в. Собалева Беларускага р-на ад падпалу згарэў другі паверх сярэдняй школы. А у в. Янава Ваўкавыскага р-на група сялян з'явілася ў раённую выбарчую камісію і заявіла, што яны не будуць прымаць удзел у галасаванні і што на вёсцы ёсць яшчэ такіх 14 чалавек [6, арк. 8-9]. З гэтых нават нешматлікіх фактаў відавочна, што афіцыйна абвешчаныя мэты паходу Чырвонай Арміі на Захад у верасні 1939 года не выклікалі даверу з боку шырокіх слаёў насельніцтва Заходняй Беларусі.

Як паставілася насельніцтва Савецкай Беларусі да паходу Чырвонай Арміі на Захад у верасні 1939 года? Настроі большасці насельніцтва ў дакументах НКУС характарызуюцца як «у асноўным здаровыя». Так, у дакладной запісцы сакратар Палескага АК КП(б)Б Маркін паведамляе ЦК КП(б)Б аб тым, што па Палескай вобласці праведзена 125 мітынгаў, на якіх прысутнічалі больш за

263 тыс. чалавек. Уздзельнікі гэтых мітынгаў «горячо одобрили внешнюю политику советского правительства и мудрое Сталинское решение по оказанию братской помощи белорусам и украинцам, населяющим Польшу» [7, арк. 296, 300].

Аднак паступова сярод шырокіх слаёў насельніцтва фарміравалася скептычнае стаўленне да прапагандысцкіх штампаў на кшталт «братняй дапамогі», «вызвалення з панскага ярма» і г.д. Як слухна заўважае даследчык Г. Лазько, «на крышталізацыю настрояў насельніцтва Усходняй Беларусі значны ўплыў аказала ўсведамленне розніцы ўзроўняў жыцця, разам з непрыстойнымі паводзінамі партыйна-савецкай наменклатуры. Справа ў тым, што пэўны час пасля падзей 17 верасня 1939 г. значная частка насельніцтва Савецкай Беларусі, знаходзячыся пад уплывам савецкай прапаганды, была ўпэўнена, што ў «панскай Польшчы» людзі жывуць яшчэ горш» [8, с. 28]. Аднак пакрыху прасочвалася інфармацыя, якая сведчыла, што насельніцтва ў Заходняй Беларусі жыве лепш, чым у Савецкай Беларусі, а савецкія афіцэры, чырвонаармейцы, партыйныя і савецкія кіраўнікі займаюцца там рабаўніцтвам. Так, органы НКУС паведамлялі Бюро ЦК КП(б)Б аб тым, што «... командированные на работу в Западную Белоруссию отдельные работники злоупотребляют своим положением и производят массовые закупки товаров. Кроме того, отдельные ответственные руководящие работники республики под видом выполнения специальных заданий систематически выезжали в Западную Белоруссию, где закупали в огромном количестве промтовары и на своих машинах доставляли домой. Начальник Главного управления при СНК БССР В.П. Капустин 2 раза ездил в Западную Белоруссию и оттуда привез полно нагруженные машины с разными промтоварами» [9, арк. 238].

У гэтым жа спецпаведамленні называюцца і іншыя адказныя работнікі: нарком аховы здароўя Новікаў, яго намеснік Эпштэйн, нарком юстыцыі Лодысеў, начальнік Навагрудскага аддзела сувязі Салавейчык і інш., якія «вместо того, чтобы по-большевистски наводить порядок ... занимались скупкой промтоваров» [9, арк. 239]. У сакрэтных данясеннях НКУС першаму сакратару ЦК КП(б)Б прыводзіцца мноства такіх фактаў. Вось яшчэ некалькі з іх. «С большими закупками возвратилась из Западной Белоруссии бригада артистов Белгосфилармонии. Они додумались до того, что многие артисты, выезжая в Западную Белоруссию, одели на себя самую плохую одежду с тем, чтобы там, сбросив ее, одеться во все новое. 21.09. с.г. эта бригада выступила в Волковыске, мно-

гие были одеты настолько плохо, что со стороны населения появилось удивление тому, что артисты Советского Союза очень плохо одеваются» [10, арк. 242]. «26 октября 1939 г. из Западной Белоруссии на ст. Минск-товарная прибыло 13 вагонов разной мануфактуры, закупленной в Виленском торговом доме. Закупку производили уполномоченные военнабжения 3-й армии и представители Виленского Временного Управления. Закупленный товар был направлен в г. Минск под видом трофейного груза. ... груз не имеет никакого отношения к военным трофеям» [10, арк. 2-3]. Для разгрузки гэтых вагонаў было дастаўлена 65 грузавых машын і 150 байцоў [10, арк. 2-3]. Амаральныя паводзіны ў Заходняй Беларусі прадстаўнікоў савецкай улады былі моцным прапагандысцкім сродкам, дазваляўшым людзям у Савецкай Беларусі зразумець характар гэтай вайны. Пазіцыю пэўнай часткі насельніцтва можна ацэньваць галоўным чынам на падставе выказванняў, якія фіксавалі органы НКУС. Вось некаторыя з іх: «Говорят, что мы пошли освобождать народ Западной Белоруссии, а на самом деле красноармейцы грабят там население и привозят домой много разных вещей. Что поценнее из имущества помещиков, наши забирают и присваивают себе», – гаварыла хатняя гаспадыня Кацярына Белавусава з Мінска [11, арк. 209]. Характэрным у гэтай сувязі з’яўляецца выказванне грамадзянкі г. Мінска Шаблюўскай М.: «Вы видите, как получилось. Грабят и тянут оттуда вещи, материалы, т.е. все, что могут. Напали на Польшу и разграбили ее...» [11, арк. 202].

І напрыканцы неабходна прывесці меркаванне, выказанае раней: «Здаецца, беларусы з Усходу і Захаду ў верасні 1939 г. узаемна перажылі глыбокае расчараванне. Рэальнасць у Савецкай Беларусі аказалася горшай, чым яе прадстаўляла камуністычная прапаганда, а рэальнасць у Заходняй Беларусі не настолькі змрочная, як яна падавалася для савецкіх людзей» [8, с. 32].

І.У. Цітовіч

г. Мінск

КРЯЗНАЎЧЫ РУХ НА ТЭРЫТОРЫІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ ў 1921-1939 г.

Трансфармацыйныя працэсы пасля інкарпарацыі Заходняй Беларусі ў II Рэч Паспалітую закранулі не толькі сацыяльна-палітычную, але і культурную старонку жыцця заходнебеларускага

грамадства. Палітыка рэпаланізацыі, агучаная польскімі дзяржаўнымі ўладамі, мела на мэце абгрунтаванне палітычных правоў Польшчы на ўсёй тэрыторыі былой Рэчы Паспалітай 1772 года.

Разумеючы безвыніковасць уключэння сталага беларускага насельніцтва ў адкрытую асіміляцыйную працу, уладамі была прадпрынята спроба скрыта пашырыць гэты працэс праз краязнаўчы рух, які б базіраваўся толькі на польскай тэорыі рэгіяналізму.

У краязнаўчым руху Заходняй Беларусі змагаліся дзве ідэалогіі: рэгіяналізм (прадстаўнікі польскага грамадства) і краёвасць (прадстаўнікі інтэлігенцыі беларускага паходжання). Рэгіяналізм быў прынесены палякамі з мэтай асіміляцыі, у адрозненне ад краёвасці, якая была сфарміравана мясцовай інтэлігенцыяй у XIX ст. Польскія краязнаўчыя ўстановы імкнуліся замяніць сепаратыстычную краёвасць лагодным польскім рэгіяналізмам. З мэтай лакалізацыі пашырэння краёвасці па тэрыторыі былога ВКЛ Польскае Краязнаўчае Таварыства пайшло на шырокае распаўсюджванне ў Заходняй Беларусі сваіх філій як асноўных прадстаўнікоў рэгіяналізму. Беларуская інтэлігенцыя здолела актыўна падхапіць ідэю рэгіяналізму і перавесці яе на рэйкі краёвасці, што выклікала супрацьстаянне паміж польскім рэгіяналізмам і беларускім рэгіяналізмам (краёвасцю).

Стваральнік польскага рэгіяналізму А. Паткоўскі зыходзіў з ідэі далучэння да справы нацыянальнага адраджэння і эканамічнага развіцця асобных рэгіёнаў у Польшчы шырокай грамадскай і асабліва сялянства. Значнае месца ў рэгіяналізме надавалася разуменню неабходнасці ведання гістарычных традыцый, народнай культуры кожнага краю, якія разглядаліся як рэгіянальныя і разам з тым агульнапольскія каштоўнасці. У аснову рэгіяналізму пакладзена, што кожны рэгіён павінен мець сваю ўласную культурную адметнасць, імкнуцца да захавання своеасаблівых рыс, да іх аднаўлення і прапаганды. Прыхільнікі рэгіяналізму лічылі, што чым большая розніца паміж рэгіёнамі, тым багацей будзе культурнае аблічча нацыі.

Сярод інтэлігенцыі беларускага паходжання былі шырока распаўсюджаны ідэі краёвасці (беларускага рэгіяналізму) – адметнасці гэтага краю, некалі магутнага Вялікага княства Літоўскага, якое нароўні з Польшчай уваходзіла ў склад былой Рэчы Паспалітай. Даволі часта ідэі краёвасці, не маючыя палітычнай афарбоўкі, набывалі адценне рэгіяналізму. Прыхільнікі гэтай ідэалогіі вылучалі свой край у Польскай дзяржаве, імкнуліся на практыцы да захавання яго лепшых гісторыка-культурных і этнічных трады-

цый. Сутнасцю краёвасці было сцвярджэнне прыярытэту агульнакраёвых інтарэсаў перад інтарэсамі асобных этнасаў і сацыяльных груп. Яе паслядоўнікі заявілі, што ў сваёй палітычнай і грамадскай дзейнасці будучы кіравацца нацыянальна-культурнымі, эканамічнымі, рэлігіёзнымі і гістарычнымі асаблівасцямі і патрэбнасцямі краю.

Шырокія колы заходнебеларускага насельніцтва не падтрымлівалі ні беларускі (які канцэнтраваліся ў Вільні), ні польскі краязнаўчы рухі. Яны не бачылі ў ім рэальнай карысці, да таго ж, сярод сялянства не была пашырана ідэя краязнаўства. Пра беларускі краязнаўчы рух насельніцтву нічога не было вядома, бо ён не падтрымліваўся дзяржавай і не быў так пашыраны, як польскі, да якога беларусы ставіліся з недаверам.

Дзве названыя групы краязнаўства пры існаванні ідэалагічных разыходжанняў выкарыстоўвалі падобныя прынцыпы і метады дзейнасці – экспедыцыі, зборы помнікаў матэрыяльнай культуры, вывучэнне фальклору і праблем этнаграфіі, ладжанне лекцый, экскурсіі, падтрымка кірмашоў народных промыслаў. Краязнаўчы рух для ўсходніх тэрыторый П Рэчы Паспалітай меў таксама эканамічную складальную.

Краязнаўства ў Заходняй Беларусі ў 1921-1939 г. можна ўмоўна падзяліць на дзяржаўнае, грамадскае, школьнае і аматарскае. Калі падзяляць па этнічных прыкметах, то дзяржаўнае і школьнае краязнаўства, у асноўным, польскае, а грамадскае і аматарскае – беларускае.

Польскае краязнаўства, якое было больш скаардынавана, абапіралася на навуковыя цэнтры (універсітэты), падтрымлівала выданне краязнаўчай літаратуры, мела сваю праграму дзеянняў і арганізацыйную структуру, на чале якой стаяла Польскае краязнаўчае таварыства. Польскі рух абапіраўся на апалячаную інтэлігенцыю, вучняў дзяржаўных школ і дзяржаўныя ўстановы (ваяводства, староства, войска і г.д.). Мэтай польскага краязнаўчага руха было навуковае даследаванне ўсходніх зямель Рэчы Паспалітай і азнаямленне з гісторыяй, мастацтвам і культурай наогул зямель, якія калі-небудзь належалі Рэчы Паспалітай. З мэтай замацавання на далучаных тэрыторыях польскія краязнаўчыя ўстановы стваралі сетку сваіх рэгіянальных аддзелаў і дэлегатур, якія павінны былі арганічна спалучаць дзейнасць па дэманстрацыі характэрнага свайго рэгіёну і абараняць польскую дзяржаўнасць.

Беларускі краязнаўчы рух у сваёй дзейнасці таксама абапіраўся на навуковыя цэнтры (навуковыя таварыствы), але не быў

так пашыраны, як польскі. Беларускія краязнаўчыя арганізацыі не былі шматлюдныя і не мелі даволі разнастайных напрамкаў дзейнасці таму, што беларускія грамадска-культурныя ўстановы не бачылі ў краязнаўстве сродка барацьбы з асіміляцыяй, надаючы гэтую ролю нацыянальнай школе.

Краязнаўчы рух на тэрыторыі Заходняй Беларусі трэба разглядаць як складальную частку агульнапольскага краязнаўчага руху. Абсалютную перавагу ў краязнаўчай дзейнасці на далучаных тэрыторыях атрымалі польскія ўстановы, якія падтрымліваліся дзяржавай і мясцовай апалячанай інтэлігенцыяй. З-за недахопу сродкаў і жорсткай дзяржаўнай палітыкі заходнебеларускае краязнаўства не здолела на працягу 1921-1939 г. ператварыцца ў сапраўдны грамадска-культурны рух і знікла пасля далучэння Заходняй Беларусі да БССР у 1939 г.

А.К. Гецевіч

г. Гродно

«БЕЛОРУССКИЙ ВОПРОС» В ПРОГРАММАХ ПОЛЬСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

В восстанавливающей свою государственную независимость Польше проявлялся большой интерес к судьбе литовско-белорусских территорий. Это связывалось с исторической традицией (земли были составной частью Речи Посполитой), этнической близостью и немалым процентом поляков, проживающих на этих территориях. Естественным, что не только эти красивые принципы стояли за желанием присоединить регион – здесь были интересы и экономического, и военно-стратегического характера. В начале 20-х годов правительство еще не выработало концепцию своей политики ни в целом в Западной Беларуси, ни по отношению к белорусам, в частности. В то же время этот вопрос обсуждался партиями, поскольку белорусы, слабо вовлеченные в политику, могли стать опорой как польского государства, так и базой для получения депутатских мандатов в Сейм.

Что касается линии политических партий, то их отношение к литовско-белорусскому региону отразилось в двух программах: инкорпорации и федерализма. На позициях инкорпорации, это значит, прямого включения в состав Польского государства земель, которые принадлежали Речи Посполитой до 1772 года, стояла, прежде всего, Народная демократия. Их поддерживало в Сейме

Польское национальное объединение, Клуб конституционного сотрудничества, Национальный союз рабочих, ПСЛ «Пяст» и ряд других. Концепции инкорпорации придерживалась также польская эмиграция, которая группировалась вокруг Польского национального комитета в Париже. Основы восточной политики НД сложились на окончательном этапе первой мировой войны. Выработкой основных концепций НД занимался известный польский политический деятель, председатель Польского Национального Комитета в Париже Роман Дмовский. Главным врагом Польши он считал Германию. Отсюда он выводил идею необходимости сотрудничества с царским правительством, несмотря на то, какую позицию займет Россия в отношении к Польше. По его мнению, в случае победы России в первой мировой войне в ее границах произойдет объединение всех польских земель в автономию. Однако политика Дмовского потерпела поражение – в России произошла революция. Она вышла из войны. Ориентацию необходимо было переносить на Запад. После февраля 1917 года «белорусский вопрос» стал очень острым. Итогом этого стала нота, представленная Дмовским секретарю иностранных дел английского правительства Балфуру в марте 1917 года. Эта нота формулировала основные принципы восточной политики НД.

В ней Дмовский высказывается за образование сильного Польского государства, экономически независимого от Германии, с самостоятельной внешней политикой. По мысли Дмовского, территория будущей Польши должна включать в себя Ковенскую, Виленскую, Гродненскую, часть Минской и Волынской губерний. В своём труде «Проблемы Центральной и Восточной Европы» Дмовский заявляет, что Польское государство должно иметь территорию, равную по площади Германии, с количеством населения в 38 млн. человек, 23 млн. из которых должно быть поляками. Выработанная Дмовским концепция «восточной политики» отрицала права белорусов и литовцев на какую-либо независимость. В концепции оговаривалась восточная граница с учетом включенных в нее новых земель, «... в которых проживает значительный процент польского населения либо большинство населения – католики». При этом отмечалось, что «федерация – это слабость, а не сила» и что польское государство будет сильным, если будет сильной центральная власть, но с сильным парламентом [1]. В своей «восточной политике» эндеки опирались, прежде всего, на так называемое «историческое право» Польши на белорусские, украинские и литовские земли, обуславливая его экономическим

и культурным влиянием проживающих там поляков. Поэтому они категорически выступали против какого-либо сотрудничества с представителями национальных движений на «кресах». Такие взгляды НД и партий, поддерживавших их концепцию, были направлены на прямой захват белорусских, украинских и литовских земель.

На территории страны «эндэки» имели сильное влияние, что выразилось в их победе вместе с другими правыми партиями на выборах в Учредительный Сейм. Из общего числа 340 завоеванных мандатов 109 пришлось на ZLN. Кроме того, инкорпорационную программу НД поддержали ПНС, ПСЛ «Пяст» [2].

Лагерь сторонников федерального устройства государства составили социалисты, выступавшие за самоопределение белорусского и литовского народов. Так, в программе ППС четко прослеживается уверенность в исторической миссии Польши по освобождению Белоруссии, Литвы, Украины от российского гнета. В тактике ППС предусматривалась автономия для нацменьшинств, свобода культурного развития, проведение земельной реформы. Тем самым предполагалось подготовить сотрудничество между Польшей и народными движениями на вновь присоединенных территориях. Белорусская пресса того периода не столь категорична в оценках по поводу стремлений ППС к отстаиванию автономии для белорусских земель: «Так званыя польскія «сацыялісты» штораз ярчэй выяўляюць свой праўдзівы твар. «Сацыялістамі», «барцамі за народ» яны з'яўляюцца толькі тады, калі ім на выбарах неабходны галасы працоўных мас, а ў кожным іншым часе яны выслугоўваюцца польскай буржуазіі, бо яна – польская, родная, выслугоўваюцца польскаму імперыялізму, захватніцкім планам польскага ўрада, у якім няма ніводнага сацыялісту. Гэта асабліва ярка выявілася ў двух пытаннях: віленскім і верхнесілескім. І ў адным, і ў другім ППС падтрымлівае аннэксійныя планы ўрада. Але, баронячы палітыку захопаў, ППС «села ў лужу»: доказы правоў Польшчы на беларускія (у тым ліку Вільню) і доказы яе правоў на Верхнюю Сілезію адны адным рэзка пярэчаць. «Вільня павінна належаць Польшчы, бо гэтага жадае польская большасць (?) насельніцтва», – прыблізна так прамаўляў у справе Віленшчыны соймавы пасол ППС Найдзянкоўскі, «акрамя Вільні, ППС не супраць далучыць (менавіта далучыць) і вялікі абшар з чыста беларускім насельніцтвам». Частку Беларусі «сацыяліст» Дашчынскі далучае да Польшчы, не пытаючыся аб волі беларускага насельніцтва» [3; 6]. ППС – рабочая партыя, удзяляшая на-

циональному вопросу пристальное внимание лишь в период избирательной кампании. С конца 1920-х годов партия вступает в полосу внутреннего кризиса, теряет своё влияние и начинает трансформироваться. Теперь уже ППС не оказывала влияния на решение «белорусского вопроса» в Польше, хотя на протяжении долгих лет отстаивала идею автономии белорусско-литовских земель в составе второй Речи Посполитой.

Изначально все партии «крестьянского лагеря» (PSL-Piast, PSL-Wyzwolenie, PSL-Lewica, Stronnictwo Chlopkie, NPCh, ChSR) выступали в поддержку федерализма – идеального государственного устройства, которое бы позволило решить проблемы национальных меньшинств на вновь присоединенных территориях. Первой против такого расклада выступило ПСЛ «Пяст» в 1921 году. Оно выдвинуло лозунг «Усиление ополячивания окраин» и «колонизации окраин», что на практике говорило о необходимости притеснения национальных меньшинств. Остальные политические партии соглашались с необходимостью придания Польше федеративного статуса, включая в федерацию Украину, Белоруссию, Литву.

На программу федерализма изначально опирался и Бельведерский лагерь, который считал, что лучше самому декламировать возможность федерального устройства государства, нежели отдать этот «козырь» в руки Советской России и получить неопределенность в решении территориальных вопросов.

9 февраля 1919 года Союз польских послов-социалистов выступил с манифестом, в котором высказался за образование «тесного союза с независимыми Литвой и Белоруссией» и осуждал «всякий, и, прежде всего польский, аннексионизм и империализм» [4]. Поступали предложения о создании на территории Литвы и Белоруссии самостоятельной армии, политических структур. Так, например, поступило предложение о выводе с территории Белоруссии и Литвы польских и советских войск и о необходимости предоставить этому краю возможность на самоопределение под международным контролем [5].

В результате апрельской военной операции против белорусско-литовской республики польские войска взяли Вильно, а в результате успешной летней кампании заняли и большую часть Белоруссии по линии рек Двина и Березина.

В то же время Пилсудский в Вильно огласил, что вопрос о самоопределении будет решаться населением этого региона без давления со стороны Польши. Вся власть была передана временному гражданскому правительству во главе с Ю.Осмоловским [6].

Заявление Пилсудского еще более обострило спор между сторонниками инкорпорации и федерализма. Сторонники первой точки зрения выступали за самое быстрое введение на захваченных землях польской власти и проведение выборов в Сейм, т.к. на территории живет много поляков. «Эндэки» выступали против планов создания «буферных государств» на территории Белоруссии, Литвы и Украины, так как это накладывало на Польшу тяжесть обороны этих государств в случае нападения Советской России.

В федеративных проектах проводилась мысль о необходимости развития наступления в Белоруссии и Украине с целью воссоздания Польши в границах 1772 года на востоке. Утверждалось, что невыполнение этой установки может оттолкнуть от Польши белорусский и литовский народы [4].

События 1919-1920 показали, что Польша не в состоянии удержать под своей властью восточные земли бывшей Речи Посполитой, а проживающие здесь народы не имели возможности для реализации своих политических, культурных целей в союзе с Польшей. По этому поводу и, кроме того, вследствие польско-советской войны движение за создание федерации пришло в полный упадок, власти не стали поддерживать федеративную концепцию.

После подписания Рижского мира, который разделил белорусские и украинские земли между Польшей и Россией, федералисты еще говорили о возможности польско-литовской федерации, но это не принесло им успеха.

У.В. Фядосаў

г. Мінск

ПРА РАЗВІЦЦЁ ДАКУМЕНТАЗНАЎСТВА Ў БЕЛАРУСІ ў 90-я г. XX ст.

Эвалюцыя дакумента, сістэм справаводства і дакументацыйнага забеспячэння кіравання адбываецца ў канкрэтных гістарычных умовах і абумоўліваецца імі. Менавіта таму патрабуюцца шырокія даследаванні беларускіх гісторыкаў, асабліва гісторыкаў-даследчыкаў дзяржаўных устаноў, для вызначэння сувязі рэформаў справаводства з рэформамі кіравання і іх адэкватнасць сацыяльна-эканамічным і палітычным умовам таго ці іншага перыяду гісторыі Беларусі.

Разглядаючы дакумент як галоўны сродак замацавання рознымі спосабамі на спецыяльным матэрыяле (носьбіце) інфармацыі, якая атрымліваецца ў працэсе развіцця навукі і практычнай дзейнасці людзей, хацелася б звярнуць увагу на недастатковую распрацаванасць у гістарычнай навуцы пытанняў аб узаемасувязі рэформаў дзяржаўнага кіравання і справаводства, аб ролі дзяржаўнага рэгулявання дакументальнага асяроддзя, тэрміналагічных праблем дакумента, яго эвалюцыі пад уплывам сацыяльных і тэхнічных фактараў.

У апошнія гады існавання БССР ва ўмовах паслаблення навуковых сувязяў з усесаюзнымі навукова-даследчымі ўстановамі даследаванні беларускіх аўтараў у галіне дакументазнаўства практычна спыніліся. Некаторае ажыўленне дакументазнаўчых даследаванняў адбывалася пасля стварэння ў снежні 1991 г. па распараджэнні Саўміна РБ Беларускага навукова-даследчага цэнтра дакументазнаўства і рэтраінфармацыі. За перыяд з 1993 па 1996 г. супрацоўнікі цэнтра разам з прадстаўнікамі Галоўнага архіўнага ўпраўлення пры Саўміне РБ (з 1996 г. – Дзяржкамтэта па архівах і справаводству РБ) распрацавалі шэраг дакументазнаўчых тэм, у прыватнасці: «Уніфікаваныя сістэмы дакументацыі Рэспублікі Беларусь. Сістэма арганізацыйна-распарадчай дакументацыі. Патрабаванні да афармлення дакументаў». Дадзеная тэма была распрацавана як дзяржаўны стандарт Рэспублікі Беларусь СТБ 6.38-95.

У 1995–1996 г. былі складзены і выдадзены асобнымі брашурамі «Прыкладная інструкцыя па справаводству ў міністэрствах, дзяржкамтэтах і іншых цэнтральных органах кіравання, установах, арганізацыях і на прадпрыемствах Рэспублікі Беларусь», «Альбом формаў арганізацыйна-распарадчых дакументаў», «Прыкладная інструкцыя па працы з машыначытальнымі дакументамі ў арганізацыях, на прадпрыемствах і ў ведамасных архівах Рэспублікі Беларусь».

Пэўнае пашырэнне дакументазнаўчых даследаванняў было звязана з пераўтварэннем адзначанага цэнтра ў Беларуска-навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы (БелНДІДАС). Сярод асноўных кірункаў навуковай дзейнасці інстытута, якія былі ўстаноўлены рашэннем урада краіны, меліся і комплексны аналіз вядзення дакументацыі ў органах кіравання розных узроўняў, вызначэнне шляхоў скарачэння і аптымізацыі патокаў дзелавых папер, уключаючы стварэнне ўніфікаваных дакументаў і развіццё тэорыі дакументазнаўства.

У адпаведнасці з пастаўленымі задачамі супрацоўнікі БелНДДАС падрыхтавалі «Уніфікаваную сістэму арганізацыйна-распарадчай дакументацыі» (УСАРД), у якую ўвайшлі класіфікатар уніфікаваных формаў дакументаў, «Палажэнне аб сістэме вядзення УСАРД», дзе канкрэтызаваны кантроль за змяненнямі ў складзе дакументацыі і іх адэкватнае адлюстраванне ва ўніфікаванай сістэме. Таксама былі падрыхтаваны метадычныя рэкамендацыі па практычным ужыванні адзначанага вышэй дзяржаўнага стандарту, у якіх вызначаны парадак укаранення яго ў арганізацыях. Падрыхтаваны і выдадзены брашурны «Правілы ўліку і перадачы электронных (машыначытальных) дакументаў на дзяржаўнае захоўванне», «Рэкамендацыі па афармленні, вядзенні, уліку і захоўванні асабовых спраў работнікаў ва ўстановах, арганізацыях і на прадпрыемствах РБ», «Рэкамендацыі па справаводным забеспячэнні кіравання выканаўчых і распарадчых арганізацый РБ», «Рэкамендацыі па складанні і ўжыванні прыкладной наменклатуры спраў раённых і гарадскіх выканаўчых камітэтаў» і шэраг іншых.

Супрацоўнікі інстытута і Дзяржкамітэта праводзілі дакументазнаўчыя даследаванні галоўным чынам прыкладнага характару. Але ў гэты ж час творчым калектывам інстытута было падрыхтавана навуковае выданне «Вышэйшыя органы дзяржаўнай улады і цэнтральнага кіравання Беларускай ССР (1965–1991)» у 3 ч. Акрамя таго, па тэорыі дакументазнаўства супрацоўнікамі БелНДДАС вялася распрацоўка навуковай тэрміналогіі па дакументазнаўству і справаводству. Адным з вынікаў яе з'явілася выданне кнігі «Справаводства і дакументазнаўства: Кароткі слоўнік сучаснай тэрміналогіі» (Мн.: БелНДДАС, 2001), якая выйшла на дзвюх мовах – беларускай і рускай.

У 2000 г. інстытут сумесна з Дзяржжкамархівам і Акадэміяй кіравання пры Прэзідэнце РБ, а таксама з расійскімі калегамі правёў у Мінску міжнародную канферэнцыю «Дакументацыя ў інфармацыйным грамадстве: роля і значэнне дакумента ў кіраўніцкім працэсе», на якой былі падведзены вынікі развіцця дакументазнаўства ў РБ у 90-я г. і абзначаны перспектывы аб'яднання намаганняў вучоных і практыкаў па каардынацыі сістэм дакументацыі і дакументаабароту, уніфікацыі і аптымізацыі ўсіх кампанентаў працы з дакументамі ў кіраўніцкім апарате. Неабходна адзначыць, што дакументазнаўчыя даследаванні ў краіне праводзіла невялікая колькасць спецыялістаў – каля дзесятка. У бліжэйшыя гады становішча з недахопам спецыялістаў-дакументазнаў-

цаў гістарычнага профілю будзе, несумненна, паляпшацца. На гэта ўказвае стварэнне ў 2002 г. пры гістарычным факультэце БДУ аддзялення «Дакументазнаўства і дакументацыйнае забеспячэнне кіравання». Будзе спрыяць паляпшэнню сітуацыі і адкрыццё ў 1999 г. пры БелНДДАС аспірантуры, у якой асноўная ўвага надаецца падрыхтоўцы спецыялістаў па спецыяльнасці 05.25.02 – Дакументалістыка, дакументазнаўства і архівазнаўства (гістарычныя навукі). Ужо ў 1999 г. у Савеце па абароне кандыдацкіх дысертацый пры БелНДДАС адбылася першая абарона дысертацыі па гісторыі справядства.

Такім чынам, праблемы дакументаў, дакументнай інфармацыі, дакументавання дзейнасці арганізацый і кіравання дакументацыяй з'яўляюцца вельмі важнымі і актуальнымі. У цяперашні час яны актуалізуюцца паскораным развіццём новых інфармацыйных тэхналогій, інфарматызацыяй грамадства.

А.А. Добрыян

г. Гродно

РОЛЬ ВИЛЕНСКОГО МУЗЕЯ ДРЕВНОСТЕЙ В РАЗВИТИИ АРХЕОЛОГИИ НА БЕЛАРУСИ

Первым научным центром, объединившим любителей древностей Беларуси, Польши и Литвы и оказавшим большое влияние на развитие археологии в этом регионе, был Виленский Музей древностей (ВМД). Инициатором и организатором его открытия был Е. Тышкевич, разработавший в 1851 г. проект его создания и Виленской археологической комиссии (далее ВАК) при нем. Расплывчатая резолюция Николая I «Не вижу препятствия, но с должной разборчивостью» позволила чиновникам отклонить проект, сославшись на то, что «...Литвы как термина, законом установленного, не существует» и что «утверждение проекта дает возможность составить антирусскую коалицию» [2, с. 152].

Положение о ВМД было утверждено лишь Александром II 29 апреля 1855 г. На первом заседании ВАК 11 января 1856 г. была разработана программа ее действий. Предусматривалось составление каталога древностей с указанием места и обстоятельств находки и указателя всех существующих в западных губерниях курганов и городищ. Планировалась разработка указателей-руководств по проведению археологических поисков и раскопок [4,

с.12 – 13]. Предполагалось провести поиски языческих идолов и других предметов в реках Виляя и Неман [4, с.15].

На заседаниях комиссии, информация о которых регулярно печаталась в газете «Виленский вестник», читались рефераты по краеведению, решались организационные вопросы. Наиболее интересные материалы публиковались в «Записках Виленской Археологической комиссии», первый том из двух изданных вышел в 1856 г. Большое внимание ВАК уделяла вопросам теории и методики археологических исследований. К.Тышкевич, обратив внимание на необходимость изучения городищ, сделал описание 10 городищ с топографическими планами, произвел их классификацию на мысовые, жертвенные и окопные судилища [11]. Но эта классификация, основанная на чисто внешних, второстепенных признаках, была формальной, так как городища в тот период еще не стали объектом археологических раскопок. Самой значительной была работа К.Тышкевича «О курганах в Литве и западной Руси», сделанная по материалам собственных исследований. В ней много внимания уделяется методике раскопок курганов того времени. Первоначально Тышкевич копал курган «сверху до основания по тонкому слою». Позднее, познакомившись с методикой раскопок А.Киркора и признав ее более совершенной, стал раскапывать курганы крестообразной траншеей [9, с.16]. Тышкевич первым обратил внимание на различие погребального обряда на Беларуси и гончарные клейма на горшках из захоронений, но скептически относился к попыткам немецких археологов датировать керамику. В то же время он высказывался о необходимости краниологических исследований в захоронениях.

По поручению ВАК А.Киркор провел исследования в Новгородском и Ошмянском уездах, изучая систему древних городищ и курганов, и раскопал курган в Городилах и окрестностях Новогрудка. Опираясь на материалы изученных могильников, он пришел к выводу, что величина кургана зависела от социального статуса погребенного, причем, мужские курганы больше женских. Отмечая сходство инвентаря славянских и литовских погребений, выделял особенности в устройстве могил [7, с.15 – 18].

Материалы этих и других исследований поступали в ВМД [4, с.20]. Его открытие состоялось 17 апреля 1856 г., а не 1 декабря 1856 г. или 1 января 1856 г., как считают некоторые исследователи. Выступивший на открытии А.Киркор заметил, что исследование древностей стало потребностью века. Он отметил заслуги первых исследователей: Нарбута, Зенкевича, Вильчинского и др.

В музей были переданы: крест со славянской надписью из Ошмянского уезда от Ф.Богушевича, печать из Крево от О.Будкевича, голосник из Каложы от А.Иохера, глиняный идол из Новогрудка от А.Кобылинского, каменный молоток из Салатского озера в Гродненском уезде от И.Ярошевича [4, с.25 – 39]. Археологический отдел ВМД возглавил А.Киркор. Экспозиции музея быстро пополнялись за счет новых даров. Если в 1856 г. в нем было 1500 экспонатов, то в 1865 – 3815 и 8110 нумизматов [10, с.10]. Деятельность ВМД популяризовала историю края. Только в 1858 г. музей посетили 11 800 человек [12, с.717]. В этом же году ВМД посетил император, давший согласие принять Общество (ВАК планировалось переименовать в Виленское научное общество) под свое покровительство [13, с.114]. Но даже это не спасло музей от разгрома. После подавления восстания 1863 г. он как не выполнивший задачи «по сохранению древностей и содействия к скреплению бывших литовских губерний с прочими областями России» был закрыт [6, с.2]. Для разбора находящихся в ВМД предметов была создана комиссия из 6 человек во главе со А.Столыпным. Музей в комиссии представлял Е.Тышкевич. Комиссия, работавшая с 3 марта по 27 апреля 1865 г., провела 24 заседания и выдвинула ряд претензий к подходам в формировании экспозиций, которые, по их мнению, носили антирусскую направленность и состояли из предметов, не имеющих ни исторической, ни художественной ценности. С некоторыми Тышкевич согласился, но не согласился с методами работы и общими выводами комиссии. Протоколы он все же подписывал, мотивируя это тем, что его голос против 5 не имел значения и мог создать впечатление, что он специально мешает ее работе [8, с.117]. Отвергая обвинения в польском национализме, Тышкевич отмечал: «Основывая музей в Вильне, я имел в виду древности и памятники польские, но местные, т.е. литовско-русские». По мнению А.Пыпина, «основатели музея были местными патриотами в «литовском (ВКЛ) смысле слова, далеко не чуждавшимися связи с русской наукой. Это был привычный взгляд интеллигенции Западного края» [8, с.115].

Абсурдность обвинений в ненаучном подходе к формированию экспозиций выразилась в том, что предметы, не имевшие, по мнению комиссии, исторического и художественного значения, были отправлены в Москву в Румянцевский музей, а остальные переданы вновь организуемому Музею древностей при Виленской публичной библиотеке [6, с.8].

Деятельность ВМД и ВАК – первого научного археологического центра в регионе способствовала развитию интереса к местным древностям, их популяризации и изучению. Преобразование музея и ликвидация ВАК были политическими действиями, оказавшими отрицательное влияние на развитие археологии и на полстолетия определившими пути ее развития.

В последующем при создании новых музейных коллекций их организаторы принимали пожертвования от частных лиц в форме депозитов, т.е. на временное хранение с выдачей соответствующих документов. В случае, если правительство по каким-либо причинам решит ликвидировать эти коллекции, жертвователи могли бы потребовать их возвращения.

После ликвидации ВМД и ВАК в регионе определялись два центра по изучению древностей. Представители проправительственного ориентира ориентировались на Москву и Петербург. Ко второму относилась местная, польскоязычная интеллигенция, не желавшая компрометировать себя связью с правительством, ликвидировавшим ВМФ. Она ориентировалась на Варшаву и Краков и только в отдельных случаях сотрудничала с российскими научными обществами. Такое разобщение научных сил мешало развитию археологии в регионе.

Л.І. Ермаковіч

г.Брэст

КАЛЕКТЫВІЗАЦЫЯ СЕЛЬСКОЙ ГАСПАДАРКІ НА БРЭСТЧЫНЕ (1939-1941 г.)

Да 25 верасня 1939 г. Чырвоная Армія цалкам заняла тэрыторыю Заходняй Беларусі. Сучасныя брэсцкія землі ўвайшлі ў склад створаных у снежні 1939 г. – студзені 1940 г. Брэсцкай, Баранавіцкай і Пінскай абласцей.

Услед за Чырвонай Арміяй у Заходнюю Беларусь для ўсталявання савецкай улады з усходніх раёнаў былі накіраваны на партыйную работу 1 500, на камсамольскую, савецкую, гаспадарчую – 1 200 камуністаў і камсамольцаў, сотні супрацоўнікаў Народнага камісарыята ўнутраных спраў.

Народны сход Заходняй Беларусі нацыяналізаваў зямлю, а малазямельныя сяляне і батракі Брэстчыны атрымалі ад Савецкай улады без выкупу каля 300 тысяч гектараў ворнай зямлі, крэдыт на куплю жывёлы, насенную ссуду. Але гэтыя меры не

вырашылі праблему сялянскага малазямелля – у канцы 1939 г. 43 % двароў мелі надзелы да 5 га. Яны не забяспечвалі годны ўзровень жыцця сялянскай сям’і.

З пачатку 1940 г. бальшавікі актыўна распачынаюць вытворчае кааперыраванне вёскі, гэта значыць, стварэнне калектывных гаспадарак на аснове абагульнення галоўных сродкаў вытворчасці – зямлі, рабочай жывёлы, прылад працы. Пры гэтым бальшавікі абапіраліся на бяднейшую частку вёскі, якая падтрымала ліквідацыю памешчыцкага і асадніцкага землеўладання, дэпартацыю часткі польскага насельніцтва і склала аснову часовых сялянскіх камітэтаў, а затым – мясцовых саветаў дэпутатаў працоўных. Што датычыцца сярэднякоў і заможнай часткі сялян, то яны да палітыкі калектывізацыі ставіліся непрыхільна.

З самага пачатку калектывізацыі мясцовымі партыйнымі і савецкімі органамі была разгорнута агітацыйная і прапагандысцкая праца. Увесь час падкрэслівалася, што калгасы – гэта адзіны сродак дасягнуць заможнага жыцця, і тыя, хто супраць калгасаў, з’яўляюцца ворагамі савецкай улады. Пры гэтым, як і ў БССР, калектывізацыя праводзілася гвалтоўнымі метадамі. На сялян абрушваўся магутны ідэалагічны прэсінг, яны абкладваліся вялікімі натуральнымі падаткамі, мелі месца адкрытыя пагрозы, прымусова абагульняліся жывёла, насенне, інвентар.

Пераход да калектывізацыі выклікаў супраціўленне часткі сялян. Яно ў асноўным вялося на ўзроўні антыкалгаснай агітацыі. Сяляне пастаянна падкрэслівалі, што яны чакалі савецкую ўладу, якая павінна была вызваліць іх ад польскага прыгнёту, а атрымалі іншае: не вызваліла і «пачала піць апошнюю кроў з сялян». Яны ў роспачы гаварылі, што «прыйшлі бальшавікі, ды мусіць не тыя, якіх чакалі».

Сяляне-калгаснікі выказалі сваю незадаволенасць калгасным кіраўніцтвам, якое ў многіх выпадках складалася з людзей, не карыстаўшыхся іх павагай. Яны падкрэслівалі, што нельга давяраць кіраўніцтва людзям, якія пры польскай уладзе «валяліся пад плотам», былі лайдакамі і злодзеямі. На калгасных сходах сяляне абураліся тым, што яны шмат працуюць, а за працадні нічога не атрымліваюць, бо калгасы павінны выконваць вялікія дзяржпастаўкі збожжа. На сходзе сяляне калгаса «17 верасня» Жабінкаўскага раёна заявілі, што «мы ўступілі ў калгас у ботах, а цяпер засталіся без ботаў». Рэзкай крытыцы было падвергнута праўленне калгаса, якое «складаецца з адных дурняў», не абараняе іх інтарэсаў і «танцуе пад дудку» раённага начальства. Члены

калгаса гаварылі, што яны працуюць дзень і ноч і не бачаць хлеба, а аднаасобнікі працуюць менш і кожны дзень ядуць хлеб.

Ва ўсіх сялян выклікала рэзкае незадавальненне іх прыцягненне да бясплатнай працы ў дарожна-маставым, абарончым будаўніцтве, лесанарыхтоўках, меліярацыі зямель. Былі выпадкі незадаваленасці жыхароў вёсак безальтэрнатыўнымі выбарамі дэпутатаў у мясцовыя і Вярхоўны саветы, навязваннем зверху кіраўніцтва калгасаў, дэфіцытам тавараў шырокага ўжытку.

У асобных выпадках незадавальненне сялян палітыкай бальшавікоў у вёсцы ўвасаблялася ў бескампрамісныя палітычныя заявы тыпу: «Адзін фашызм (польскі. – Л.Е.) скінулі, а другі на змену прыйшоў», «На выпадак вайны Савецкага Саюзу з якой-небудзь дзяржавай, атрымаўшы ў рукі зброю, мы будзем ведаць, у каго страляць» і г.д.

Часам сяляне падпальвалі калгасныя будынкі, здзяйснялі тэрарыстычныя акты. Антыкалгасныя настроі імкнуліся выкарыстаць у сваіх мэтах польскія падпольныя арганізацыі, што існавалі ў Заходняй Беларусі, у тым ліку на Брэстчыне. Аднак абсалютная большасць сялян да іх інтарэсаў адносілася непрыхільна.

Да пачатку Вялікай Айчыннай вайны на Брэстчыне было створана 293 калгасы, якія аб'ядналі каля 7 % сялянскіх гаспадарак і 8 % зямлі. Калгасы былі нізкарэнтабельнымі, бо ў калгаснікаў адсутнічала матэрыяльная зацікаўленасць у выніках калектыўнай працы. Сельскагаспадарчая тэхніка была сканцэнтравана ў арганізаваных вясной 1940 г. машынна-трактарных станцыях (МТС). Іх тэхнічны парк не адпавядаў колькасці ворнай зямлі, а натуральная аплата паслуг, якая аказвалася аднаасобнікам, была на 20-35 % вышэй, чым калгасам.

Аграрная палітыка прадугледжвала абмежаванне землекарыстання і ліквідацыю хутароў. Тым самым у спалучэнні з жорсткай падатковай сістэмай наносіўся моцны ўдар па заможнаму сялянству. Масавое раскулачванне вёскі ў перадваенныя гады не праводзілася. Надзеі большасці сялянства на лепшае жыццё з усталяваннем савецкай улады ў перадваенны перыяд не спраўдзіліся.

ЗАЎВАГІ

СЕКЦЫЯ 5

С.Д. Жмуровский

1. Lindner R. Continuity and Change in Post-Soviet Historiography. The Case of Belarus. In: The Experience of Democratization in Eastern Europe. Ed. By Richard Sakwa. – Macmillan Press, 1999. – P.64-65.

2. Данилов А.Н. Переходное общество: Проблемы системной трансформации. – Мн., 1997.

3. Данилов А.Н. Указ. соч. – Мн., 1997. – С.11.

4. Бушник В.В. Человек и общество в условиях социально-политических преобразований. – Мн., 1999.

5. Щавель С.А., Рубанов А.В., Смирнова Р.А. Социальная структура, мобильность, идентификация. – Мн., 1997; Канашевич Н.М. Социальная структура переходного общества: процесс трансформации // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А.Куляшова. – 1999. – № 4. – С.97-106; Солодовников С.Ю. Экономическая обусловленность эволюции социально-классовой структуры общества переходного периода. – Мн., 1999.

6. Общественное мнение рабочего класса в условиях перестройки / Под науч. ред. Г.Н.Соколовой. – Мн., 1990; Мискевич А.Б. Общественно-политическая активность: сущность, проблемы, развитие. – Мн., 1991; Бабосов Е.М. Человек на пороге рынка: социальные ожидания населения. – Мн., 1992; Щавель С.А., Смирнова Р.А., Рубанов А.В. Человек и рынок: социологический мониторинг. – Мн., 1993.

7. Глушонок Н.И. Политическое поведение населения в условиях становления государственной независимости Беларуси: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Мн., 1995.

8. Котляров И.В. Политические партии Беларуси: анализ, проблемы, прогнозы. – Мн, 1997.

9. Бушник В.В. Указ. соч. – Мн., 1999. – С.172-190.

10. Мартён М.В. Перестройка в СССР: взаимодействие объективных и субъективных факторов в условиях трансформации общества // Субъективные притязания и объективная логика в развитии общества переходного типа // Материалы конф. – Гродно, 1998. – С.96-272.

11. Глушонок Н.И. Указ. соч. – Мн., 1995.

12. Карбалевиц В. Белорусская номенклатура в период трансформации: эволюция социального статуса и политической роли // Belarus Monitor. – 1998. – № 3. – С.4.

13. Данилович А.Н. Указ. соч. – М., 1997. – С.111-124; Гончаров Н.Н. Эволюция политической элиты в условиях трансформации общества // Субъективные притязания и объективная логика в развитии общества переходного типа // Материалы конф. – Гродно, 1998; Грищенко Ж. Политические элиты постсоветского пространства // Беларусь в мире. – 1998. – № 2. – С.3-5; Шевцов Ю. Эволюция белорусской политической элиты // Беларусь в мире. – 1998. – № 2. – С. 6-9; Левшунов С. Политическая элита: эволюция

конституционных механизмов формирования и взаимодействия // *Belarus Monitor*. – 1998. – № 36. – С.12-20.

14. Левшунов С. Указ. соч. – С.16.

15. Мельник В.А. Республика Беларусь: власть, политика, идеология. – Мн., 2000.

В.Ф. Касович

1. Грицкевич А.П. Слуцк: Исторический очерк. – Мн., 1960; Он же. Частновладельческие города Белоруссии в XVI-XVIII в. – Мн., 1975; Игнатенко А.П. Ремесленное производство в городах Белоруссии в XVI-XVIII в. – Мн., 1963; Мялешка В.И. Да пытання аб зацвярдженні капіталістычных адносін у гарадской дробнай прамысловасці Беларусі першай паловы XVIII ст. (На матэрыялах горада Магілёва) // *Весті АН БССР. Серыя грамад. навук.* – 1959. – № 2. – С.80-91; Романовский Н.Т. Развитие мануфактурной промышленности в Белоруссии (вторая половина XVIII – первая половина XIX века). – Мн., 1966.

2. История Минска. – Мн., 1975; Полоцк: Исторический очерк. – Мн., 1962; Гродно: Исторический очерк. – Мн., 1964; Могилёв: Исторический очерк. – Мн., 1959.

3. Адашик Ф.И. Экономическое развитие белорусского города в XVII – первой половине XIX века (На материалах Витебска). – Мн., 1969.

4. Игнатенко А.П. Ремесленное производство в городах Белоруссии в XVII-XVIII в. – Мн., 1963.

5. Там же. – С.20.

6. Копыцкий Э.Ю. Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI-XVII в. – Мн., 1966. – С.199.

7. *Гісторыя Беларускай ССР.* – Т.1. – Мінск, 1972. – С.479-506.

8. Чепко В.В. Города Белоруссии в первой половине XIX века: Экономическое развитие. – Мн., 1981.

9. Вишнеvский А.Ф. Сельскохозяйственные занятия и отхожие промыслы горожан Белоруссии в 30-50-е г. XIX в. // *Сборник научных трудов аспирантов/ Минский пед. ин-т А.М.Горького.* – Мн., 1972. – С.55-76; Он же. Внутренняя торговля городов Белоруссии в 30 – 50-е г. XIX в. // *Вопросы истории.* – Мн., 1972. – С.6-8; Он же. Ремесленное производство городов Белоруссии в первой половине XIX в. // *Материалы научной конференции аспирантов.* – Баку, 1973. – С.87-93; Он же. Ярмарочная торговля городов Белоруссии в период кризиса феодализма (30 – 50-е г. XIX в.) // *Вопросы истории.* – Мн., 1974. Вып.1. – С.27-37; Он же. Мануфактурное производство городов Белоруссии в 30 – 50-е г. XIX в. // *Вопросы истории.* – Мн., 1975. – Вып.2. – С.3-14.

10. Лютый А.М. Социально-экономическое развитие городов Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX века. – Мн., 1987.

11. Болбас М.Ф. Развитие промышленности в Белоруссии (1795-1861 г.). – Мн., 1966.

12. Копыцкий Э.Ю., Чепко В.В. *Историография БССР: Эпоха феодализма.* – Мн., 1986. – С.118.

13. Болбас М.Ф. Указ. соч. – С. 34-35, 39, 41.

14. Там же. – С.34.
15. Лютый А.М. Указ. соч. – С.39-41.
16. Болбас М.Ф. Указ. соч. – С.39-41.
17. Там же. – С.74-79.
18. Там же. – С.82.
19. Там же. – С.95-99.
20. Там же. – С.204.
21. Болбас М.Ф. Промышленность Белоруссии. 1860-1900. – Мн., 1978. – С.93.
22. Болбас М.Ф. Развитие промышленности в Белоруссии (1795-1861 г.). – Мн, 1968. – С.240-255.
23. Лысенко М.Г. Промышленность Могилёвской губернии в период разложения и кризиса крепостничества (30 – 50-е г. XIX в.) // Учёные записки (Полоцкий пед. ин-т). – 1958. – Вып.1. – С.3-21.
24. Вишневский А.Ф. Сельскохозяйственные занятия и отхожие промыслы горожан Белоруссии в 30-50-е г. XIX в. // Сборник научных трудов аспирантов/ Минский пед. ин-т А.М.Горького. – Мн., 1972. – С.6-8; Он же. Ярмарочная торговля городов Белоруссии в период кризиса феодализма (30 – 50-е г. XIX в.) // Вопросы истории. – Мн., 1974. – Вып.1. – С.27-37; Лютый А.М. Указ. соч. – С.103-120; Чепко В.В. Города Белоруссии в первой половине XIX века: Экономическое развитие. – Мн., 1981. – С.62-100; Швед В.В. Ярмарочная торговля Белоруссии в 30 – 50-е г. XIX в. (по материалам Гродненской губ.) // БГУ им. В.И.Ленина. – М., 1981. – С.16-17. – Деп. в ИНИОН АН СССР. 21.07.81. № 8084; Он же. Торговля в Белоруссии в период кризиса феодально-крепостнических отношений (30-50-е г. XIX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Мн., 1984.
25. Швед В.В. Торговля в Белоруссии в период кризиса феодально-крепостнических отношений (30-50-е г. XIX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Мн., 1984.
26. Там же. – С.9 – 14.
27. Лютый А.М. Источники пополнения и роста городского населения Белоруссии в конце XVIII – 30-е годы XIX в. // Вопросы истории. – Мн., 1981. – С.48 – 58.
28. Гісторыя Беларускай ССР: У 5 т. – Т.1. – Мінск, 1972. – С.353-386, 444-449, 472-499; История рабочего класса Белорусской ССР: В 4 т. Т.1. – Мн., 1984. – С.11.
29. История рабочего класса Белорусской ССР: В 4 т. Т.1. – Мн., 1984. – С.11.
30. Там же. – С.24.
31. Там же. – С.24-25.
32. Там же. – С.24.
33. Там же. – С.25.
34. Там же. – С.26.
35. Лютый А.М. Указ. соч. – С.149-156.
36. История рабочего класса Белорусской ССР: В 4 т. Т.1. – Мн., 1984. – С.28.

В.П. Вирская

1. Ігнаценка І., Кароль А. Ліхтарык жыцця У.Ігнацоўскага // Голас Радзімы. – 1990. – 1 лістапада.

2. Орлов В. Когда краснеет Клио // Литературная газета. – 1987. – 17 февраля. – С.10; Лапеч П., Садук Н. Вяртанне з небыцця: Гісторыя без «белых плям» // Настаўніцкая газета. – 1988. – 15 кастрычніка; Падокшын С. «Абэцэдэршчына»: Развагі пра манапалізм у беларускай гістарычнай навуцы // ЛіМ. – 1988. – 7 кастрычніка. – С.9-10; Каўка А. На бацькаўшчыну // ЛіМ. – 1989. – 17 сакавіка. – С.6-7; Гілевіч Н. Каб зрабіць першыя крокі // Чырвоная змена. – 1990. – 1 лістапада; Грышкевіч В. «Абэцэдэршчына» і Абэцэдарскі // ЛіМ. – 1991. – 5 ліпеня. – С.14-15.

3. Іофэ Э. Пра невядомае і малавядомае // Голас Радзімы. – 1991. – 17 студзеня.

4. Тихонов Л.Н. Коммунистическое воспитание учащейся молодежи. Опыт парторганизаций КП Беларуси. – Мн.: Беларусь, 1986; Тошенко Ж. Нужно ли преподавать историю партии во всех вузах? // Учительская газета. – 1989. – 7 марта.

5. Тарасов К. Мамця аб легендах. – Мн., 1986; Грышкевіч А., Мальдзіс А. Няўжо «забароненая зона»? // Советское славяноведение. – 1988; Думин С. Пра вывучэнне гісторыі Вялікага княства Літоўскага // Советское славяноведение. – 1988. – № 6; Круталевич В. Почему пало правительство Жилуновича // Спадчына. – 1989. – № 1; Арлоў У. Каб не ператварацца ў таўраў // Нёман. – 1989. – № 3.

6. Каўка А. На бацькаўшчыну // ЛіМ. – 1989. – 17 сакавіка.

7. 3 гісторыі на «Вы» / Пад агул. рэд. В.Арлова. – С.78-81.

8. Никитина Н. Вопрос всем нам // ЛиМ. – 1987. – 15 апреля. – С.12; Смиловицкий Л. Как учить историю? // Вечерний Минск. – 1988. – 18 августа; Лутфуліна Н. Праўдзе ў вочы // Народнаясвета. – 1990. – № 7. – С.15-17; Грышкевіч В. Напісана рукою Карла Маркса // Крыніца. – 1988. – № 5. – С.32-33; Вабішэвіч А. Пазнай свой край // Настаўніцкая газета. – 1992. – 18 лістапада; Крапивин С. Факел и сквозняки // Советская Белоруссия. – 1988. – 8 апреля.

9. Афонин Ю. Общественные дисциплины – важнейшие // Советская Белоруссия. – 1986. – 29 июня; При свете правды (редакционная статья) // Парус. – 1988. – № 4. – С.10-13; Гілевіч Н. Мы ўзніклі з насення... // Помнікі гісторыі і культуры. – 1988. – № 3. – С.40-41; Данільчанка А. З улікам нацыянальнага // Настаўніцкая газета. – 1991. – 17 красавіка; Калеснікаў В. Чаму мы вучым дзяцей? // Маладосць. – 1992. – № 12. – С.246-248; Арлоў В. Акцэнт на чалавека // Настаўніцкая газета. – 1991. – 14 снежня.

10. Канцэпцыя бесперапыннага павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі работы народнай адукацыі БССР: Праект // Настаўніцкая газета. – 1990. – 13 чэрвеня; Бондарев В. Новое мышление – на службе перестройки // Народнаясвета. – 1990. – № 7; Мусин Т. Не мешайте! Дайте дорогу! // Народнае слова. – 1991. – 15 чэрвеня. – С.4-5.

11. Выхоўваць гісторыі: Матэрыялы «круглага стала» // Спадчына. – 1990. – № 1. – С.2-7; Мы – белорусы: Матэрыялы дзейльнасці клуба «Паходня» // Гродзенская правда. – 1987. – 12 августа; Сянькевіч М. Спявай, крошка, з намі... // Настаўніцкая газета. – 1992. – 11 студзеня.

12. Канцэпцыя гістарычнай адукацыі ў сярэдняй школе // Настаўніцкая газета. – 1991. – 30 ноября; Зайцаў А. Пазіцыі і прынцыпы // Настаўніцкая газета. – 1992. – 11 красавіка; Спасюк А. Ці патрэбна веданне гісторыі? // Голас Радзімы. – 1992. – № 35.

І.Ф. Кітурка

1. Morzy J. Kryzys demograficzny na Litwie i Białorusi w II połowie XVII wieku. – Roznac, 1965; Карпачёв А.М., Козловский П.Г. Динамика численности населения Белоруссии во второй половине XVII–XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – Ленинград, 1972. – С. 81–94.

2. История Беларуси.

3. Кітурка І.Ф. Сацыяльна-эканамічныя крызісы і палітыка гаспадарчага аднаўлення і развіцця ў дзяржаўных уладаннях Беларусі (другая палова XVII – XVIII ст.): Аўтарэф. дыс... канд. гіст. навук. 07.00.02. – Мн., 2002.

4. Голубеў В.Ф. Сялянскае землеўладанне і землекарыстанне на Беларусі XVI–XVIII ст. – Мн., 1992.

5. Гісторыя Беларусі: У 2 ч. Ч. 1.: Са старажытных часоў да канца XVIII ст.: Курс лекцый. – Мн., 2000.

6. Лойка П.А. Прыватнаўласніцкія сяляне Беларусі: Эвалюцыя феадальнай рэнты ў другой палове XVI–XVIII ст. – Мн., 1991.

У.В. Здановіч

1. Ставицкий И.В., Куманев Г.А. Литература о деятельности КПСС в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории КПСС. – 1961. – № 5; Карасев А.В. Разработка истории Великой Отечественной войны // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. – М., 1962; Жилин П.А., Куманев Г.В. Советская историческая литература о Великой Отечественной войне // Вестник АН СССР. – 1965. – № 5; Коммунистическая партия – организатор победы Советского Союза в Великой Отечественной войне // Очерки по историографии советского периода. – М., 1965; Мутовкин Н.С., Селяничев А.К. Великая Отечественная война в советской историографии // Очерки по историографии советского общества. – М., 1967; Наумов В.П. Основные направления советской историографии Великой Отечественной войны за 1965 – 1975 г. // История и историки. Историографический ежегодник. – М., 1978; Развитие советской исторической науки. 1970 – 1974. – М., 1975; Историография Великой Отечественной войны: Сборник статей. – М., 1980 и др.

2. Самсонов А.М., Курносов А.А. К изучению истории борьбы советских людей на временно оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории СССР // Вопросы истории. – 1964. – № 12; Еремин В.Г., Юденков А.Ф. Партийное руководство всенародной борьбой на оккупированной врагом советской территории (1941 – 1944 г.) // Вопросы истории КПСС. – 1969. – № 3; Кравченко И., Липило П. Правдиво освещать великий подвиг народа // Коммунист Белоруссии. – 1970. – № 1; Семенов А. Правда истории и вымыслы фальсификаторов // Коммунист Белоруссии. – 1974. – № 8; Еремин В.Г. Некоторые вопросы историографии борьбы комсомольцев и молодежи в тылу врага в годы Великой Отечественной войны //

Вопросы истории. – 1975. – № 10; Азяский М.Ф., Тюшкевич С.А. Историография и некоторые вопросы методологии исследования темы // Партия во главе народной борьбы в тылу врага. 1941 – 1944 г. – М., 1976.

3. Кравченко И., Липило П. Правдиво освещать великий подвиг народа // Коммунист Белоруссии. – 1970. – № 1. – С. 70.

4. История Великой Отечественной войны Советского Союза: В 6 т. – М., 1965. – Т. 6. – С. 403-450; Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: В 3 т. – Мн., 1983-1985; Залесский А.И. В партизанских краях и зонах. – М., 1962; Романовский В.Ф. Против фальсификации истории Белоруссии периода Великой Отечественной войны. – Мн., 1975; Лемешонок В.И. Идеино-политическая работа Компартии Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. – Мн., 1988; Кобринец П.Н. Могучий фактор мужества и героизма: интернационально-патриотическое воспитание трудящихся Белоруссии в тылу врага (1941-1944 г.). – Мн., 1985 и др.

5. Беларуская ССР у Вялікай Айчыннай вайне Савецкага Саюза (1941 – 1944 г.): Бібліяграфічны паказальнік (1941 – 1971 г.). – Мн., 1980; Беларуская ССР у Вялікай Айчыннай вайне Савецкага Саюза (1941-1944 г.): Бібліяграфічны паказальнік. – Мн., 1990; Докторские и кандидатские диссертации по историческим наукам БССР (1944-1987 г.): Библиографический указатель. – Мн., 1988.

6. КПСС – вдохновитель и организатор победы советского народа в Великой Отечественной войне: Исторический очерк. – М., 1973; Очерки советской военной историографии. – М., 1974; Клоков В.И. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских оккупантов на Украине. 1941-1944 г.: Историографический очерк. – Киев, 1978; Логунова Т.А. Советская историография народной борьбы в тылу немецко-фашистских войск. – М., 1985 и др.

В.С. Сакович

1. Боровко Л.В. Укрепление и развитие совхозов. – Мн., 1981; Шинкарев В.В. Развитие демократических основ управления колхозами. – Мн., 1983; Жилинский Н.М. Социалистическое соревнование на селе: Из опыта работы Компартии Белоруссии по развитию трудовой активности сельских тружеников (1966–1980 г.). – Мн., 1982; Его же. Развитие производительных сил села: На материалах Компартии Белоруссии. – Мн., 1984.

2. Полуян И.В. Технические кадры белорусской деревни и развитие сельского хозяйства республики. – Мн., 1978.

3. Зубов И.И. Рост производственной активности тружеников села. – Мн., 1982; Шарапо А.В. Партийная забота о кадрах. – Мн., 1981; Кисель В.П. Социалистическое переустройство села. – Мн., 1985; Кудрина Т.А. Идеологическое обеспечение Продовольственной программы. – М., 1985; Лыч Л.М. Аграрный отряд рабочего класса Белоруссии. – Мн., 1984; Тарасович В.Ф., Лешкевич В.В. Формирование и развитие белорусского села. – Мн., 1983.

4. Гонтаренко Т.Т., Давыденко Л.Н. Сельскохозяйственный труд в условиях научно-технического прогресса. – Мн., 1984; Грек Г.К. Новый этап современной аграрной политики КПСС. – Мн., 1984; Давыденко Л.Н.

Сельскохозяйственный труд в агропромышленном комплексе: экономические и социальные аспекты. – Мн., 1983.

5. Кузнецов Н.В. Курсом специализации и концентрации сельского хозяйства: На материалах КП Белоруссии (1965–1983 г.). – Мн., 1984.

6. Его же. Развитие специализации и концентрации сельскохозяйственного производства в Белоруссии (1965–1985 г.): Дис... д-ра ист. наук. – Мн., 1987.

7. Балыков А.В. Деятельность рабочего класса агропромышленного комплекса БССР по реализации продовольственной программы (1981–1985 г.). Дис... канд. ист. наук. – Мн., 1986; Потеряйло З.А. Деятельность Компартии Белоруссии по развитию материально-технической базы сельского хозяйства республики (1976–1985 г.): Автореф. дис... канд. ист. наук. – Мн., 1987; Филимонов А.И. Деятельность Компартии Белоруссии по развитию животноводства в республике (1976–1985 г.): Автореф. дис... канд. ист. наук. – Мн., 1987; Сковородкина Н.И. Деятельность партийных организаций по идеологическому обеспечению выполнения Продовольственной программы: Автореф. дис... канд. ист. наук. – М., 1987; Якуш Н.М. Деятельность Компартии Белоруссии по совершенствованию системы подготовки и закреплению кадров массовых профессий на селе (1976–1985 г.): Автореф. дис... канд. ист. наук. – Мн., 1986; Дубинчик Г.Ф. Деятельность Компартии Белоруссии по улучшению состава руководящих кадров колхозов и совхозов (1965–1982 г.): Автореф. дис... канд. ист. наук. – М., 1988; Мытько В.Г. Деятельность Компартии Белоруссии по повышению роли трудовых коллективов в управлении сельскохозяйственным производством (1976–1985 г.): Автореф. дис... канд. ист. наук. – Мн., 1988; Белозор В.Я. Кадровая политика Компартии Белоруссии в 80-е годы: Опыт, тенденции, уроки: Автореф. дис... канд. ист. наук. – М., 1991; Сакович В.С. Фермерские хозяйства Беларуси (1990–1995 г.): Автореф. дис... канд. ист. наук. – Мн., 1998.

8. Дубко А.И. Высокие урожаи – каждый год. – Мн., 1983; Мисуню Т.И. На переднем крае. Коммунисты Островецкого района в борьбе за интенсификацию сельского хозяйства. – Мн., 1984; Шиманский М.Н. Зерна и звезды (Стратегия ускорения: опыт, проблемы, перспективы). – Мн., 1986.

9. Дементей Н.И., Сенько Ф.П. и др. Сельское хозяйство Белоруссии. – Мн., 1980; Сенько Ф.П. Горизонты белорусского села. Мн., 1983; Хусаинов Ю.М. На пути к большому хлебу. – Мн., 1985; АПК: курсом ускорения/ Е.Е. Соколов, А.А. Зеленовский, А.А. Малофеев и др. – Мн., 1988.

10. Булгак В.А. и др. Вилейский агропромышленный комплекс: становление и перспективы развития. – Мн., 1984; Жук А.М. Селу – наша забота. – Мн., 1985; Устин Н. Ключевое звено // Коммунист Белоруссии. – 1986. – № 9. – С. 19–25; В ответе перед временем. Записки секретаря горкома КПБ // Коммунист Белоруссии. – 1987. – № 1. – С. 11–22.

11. Великий Октябрь и социальная структура советского общества: Крестьянство / Редкол.: Е.М. Бабосов и др. – Мн., 1987.

12. Новицкий В.И. Человеческий фактор: пути активизации / На материалах Белорусской ССР. – Мн., 1987; Марченко И.Е., Новицкий В.И. Белорусская ССР: курсом перестройки. – Мн., 1989.

13. Костюк М.П. Социалистические ценности тружеников села: История, современность, перспективы. – Мн., 1989.

14. Сакович В.С.. Фермерство Беларусі: Становление и развитие. – Мн., 1995.
15. Сакович В.С. Белорусское село в 70–90-е годы: миграция населения, трудовые ресурсы. – Мн., 1997.
16. Сорокин А.Н. Эксперимент: Человек и земля / Под ред. Л.М. Лыча. – Мн., 1994.
17. Сорокин А.Н. На ростанях айчынной гісторыі. Беларуская вёска: Ад Дэкрэта да Кодэкса аб зямлі (1917–1990-я гады) / Серыя: Гісторыя Бацькаўшчыны. Дадатак да часопіса «Права і эканоміка» – Мн., 1999.
18. Процька Т.С. Вынішчэнне сялянства. Вёска Усходняй Беларусі пад цяжарам бальшавіцкіх рэпрэсіяў 30-х гадоў. – Мн., 1998.
19. Нарысы гісторыі Беларусі. Ч. 1. – Мн., 1994; Там же. – Ч. 2. – Мн., 1995.
20. Гісторыя Беларусі: дапаможнік для паступаючых у ВУНУ / Пад рэд. А.Г. Каханоўскага і інш. – Мн., 1998; Гісторыя Беларусі: У 2 ч. Ч. 1: Ад старажытных часоў па люты 1917 г.: Вучэб. дапам. / Пад рэд. Я.К. Новіка, Г.С. Марчуля. – Мн., 1998; Там же. – Ч. 2. Люты 1917 г. – 1997 г.
21. Эканамічная гісторыя Беларусі: Вучэб. дапаможнік. 3-е выд. / Пад рэд. праф. В.І. Галубовіча. – Мн., 1999.
22. Гісторыя сялянства Беларусі: У 3 т. Т. 1: Гісторыя сялянства Беларусі ад старажытнасці да 1861 г. / Пад рэд. В.У. Мялешкі і інш. – Мн., 1997.
23. Беларусы. – М., 1998.

А.А. Савіч

1. Астрога В.А. «Шпіёнскае гняздо»: Стварэнне і дзейнасць Камісіі па вывучэнні Заходняе Беларусі // Спадчына. – 1996. – № 6. – С. 156-167; Ён жа. Вывучэнне польскай гісторыі на Беларусі (1921-1941 г.) // Берасцейскі хранограф: Зб. навук. прац. Вып. 2. – Брэст, 1999. – С.254 – 255; Вахтомаў Г.В., Міхнюк У.М. Станаўленне гістарыяграфіі рэвалюцыйнага руху ў Заходняй Беларусі // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. – 1988. – № 5. – С. 118-125.
2. Западная Белоруссия: Сб. статей. Кн. 1. – Мн., 1927; Валевіч І.Р. Першыя гады Кампартыі Заходняй Беларусі. Успаміны падпольшчыка. 1921-1925 г. – Мн., 1935; Багданскі Я., Бабровіч Л. Аб класавай барацьбе ў Заходняй Беларусі ў часы Беларускай Сялянска-Работніцкай Грамады. – Мн., 1932; Политические партии в Польше, Зап. Белоруссии и Зап. Украине – Мн., 1935.
3. Политические партии в Польше, Зап. Белоруссии и Зап. Украине... – С. 266.
4. Корчык П. Нацыянал-апартунізм у КПЗБ і ідэалагічная спадчына «Беларускай рэвалюцыйнай арганізацыі» // Бальшавік Беларусі. – 1934. – № 7. – С. 35-43.
5. Беларуская сялянска-работніцкая грамада. – Мн., 1928; Западная Белоруссия: Сб. статей. – Кн. 1. – Мн., 1927; Западная Белоруссия на скамье подсудимых. Процесс Белорусской Крестьянско-Рабочей Громады. – Мн., 1929; Багданскі Я., Бабровіч Л. Аб класавай барацьбе ў Заходняй Беларусі ў часы Беларускай Сялянска-Работніцкай Грамады. – Мн., 1932.
6. Западная Белоруссия: Сб. статей. – Кн. 1. – Мн., 1927. – С. 211, 206.

7. Багданскі Я., Бабровіч Л. Аб класавай барацьбе ў Заходняй Беларусі... – С. 23.

8. Политические партии в Польше, Зап. Белоруссии и Зап. Украине... – С. 25.

9. Западная Белоруссия: Сб. статей. – Кн. 1. – Мн., 1927. – С. 206.

10. Некрашэвіч А. Беларускі нацыянал-фашызм і нацыянал-дэмакратызм. – Мн., 1929; Ён жа. Беларускі нацыянал-фашызм і яго сабрат беларускі нацыянал-дэмакратызм // Бальшавік Беларусі. – 1929. – № 10-12 – С. 83-90; Сталевіч А. Беларускі нацыянал-фашызм. Яго вытокі, тэорыя і практыка. – Мн., 1930; Багданскі Я., Бабровіч Л. Аб класавай барацьбе ў Заходняй Беларусі... – С. 32-35, 60-63; Политические партии в Польше, Зап. Белоруссии и Зап. Украине... – С. 264.

11. Орехво Н.С. Дела и люди КПЗБ. – Мн., 1983. – С.209.

12. Гарбуноў Т. Пад сцягам саветаў. – Мн., 1940; Егоров Г. Западная Белоруссия. – М., 1939; Пичета В. Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белорусии. – М., 1939.

13. Заходняя Беларусь пад панскім гнётам і яе вызваленне. – Мн., 1940. – С. 58.

14. Тамсама. – С. 56.

Э.С. Ярмусик

1. ks. Roman Dzwonkowski SAC. Polacy w Końsciele katolickim w krajach byiego ZSRR // Polskie odrodzenie na Wschodzie. Materiaiy konferencji naukowej pt. „Polacy w procesie transformacji systemowej i ustrojowej krajuy byiego Zwizku Radzieckiego», zorganizowanej w Siedlcach 16 listopada 1998 roku. Red. naukowa Adam Bobryk i Jyzef Jaroc. – Siedlce, Pracownia Wydawnicza Instytutu Historii AP w Siedlcach, 1999. – 240 s.

2. ks. Dzwonkowski Roman. Nowa sytuacja Polakuyw na dawnych ziemiach wschodnich I i II Rzeczypospolitej // Przegl№d Polonijny. Kwartalnik. Krakuyw. Z.3. 1995. – S. 5–17.

3. R. Dzwonkowski SAC, J. Paiyga SAC. Za Wschodni№ granic№. 1917–1993. – Lublin, 1995 – 430 s.

4. Chszeњciacstwo w Zwizku Radzieckim wobec Pieriestrojki i glosnosti. Sesja Eklezjologiyjno – Misjologiczna. Pieniki№o, 28–30 wrzeњnia 1989 roku. – Pieniki№o, 1989.

5. Adam Hlebowicz. Koњciyi odrodzony. Katolicyzm w pacstwie sowieckim 1944–1992. – Gdacsk, 1993. – 255 s.

6. M. Jwanow. Pierwszy naryd ukarany. Polacy w Zwizku Radzieckim 1921–1939. – Warszawa – Wrociaw: Pacstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1991. – 399 s.

7. Urszula Kaczmarek. Toisamoњж etniczno – kulturowa Polakuyw na Biaiorusi // Rocznik Wschodni. – 1996. – N 3. – S. 36–40.

8. H. Kubiak. Polacy i Polonia w ZSRR: kwestie terminologiczne, periodyzacja, rozmieszczenie przestzenne, szacunki iloњciowe. W: Mniejszoњci Polskie i Polonia w ZSRR. Pod red. Heronima Kubiaka, Tadeusza Palecznego, Jarosiawa Rakickiego, MaigorzatyWawrykiewicz. – Wrociaw– Warszawa – Krakuyw, Zakiad Narodowy imienia Ossolickich, Wyd–wo PAN, 1992. – 492 s.

9. Polacy w Końściele katolickim w ZSRR. Pod red. Ks. Edwarda Walewandera. – Lublin, 1991. – 324 s.

10. Religia i końścioiy w spoieczestwach postkomunistycznych. Praca zbiorowa pod redakcj№ Ireny Borowik, Andrzeja Szyjewskiego. – Krakow, Zaklad wydawniczy «Nomos», 1993. – 276 s.

11. Julian Siedlecki. Losy Polakow w ZSRR w latach 1939–1986. – Londyn, 1990. – 404s.

12. ks. Z. Zieliński. Āycie religijne w Polsce pod okupacja, 1939–1945. Metropolie wilecka, lwowska, zakony. – Katowice, 1992.

A.Э. Гардзіенка

1. Усенародная партызанская вайна ў Беларусі супраць фашысцкіх захопнікаў. Ч. 1. – Мн., 1949; Ч. 2. – Мн., 1951; Кравченко И.С. Борьба белорусских партизан против немецко-фашистских оккупантов. – Мн., 1950; Кравченко И.С., Залеский А.И. Белорусский народ в годы Великой Отечественной войны. – Мн., 1959; Пономаренко П. Всенародная партизанская борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков. 1941-1944. – М., 1986.

2. Залескі А. Быт беларускіх сялянаў у партызанскім краі. – Мн., 1960. – С. 183.

3. Беркутаў М. Ой, бярозы і сосны. – Мн., 1964; Богушевич Ю. Директор зелёной школы. – Мн., 1975; Залеский А.И. В тылу врага. – Мн., 1962; Климов И.Ф., Граков Н.Е. Партизаны Вилейщины. – Мн., 1970; Ливенцев В.И. Партизанский край. – Мн., 1955; Нестеренко В.А. Юность, опаленная войной; Новікаў І. Дарогі скрыжаваліся ў Менску. – Мн., 1968; Огни партизанской дружбы. – Мн., 1962; Сыромаха И. Пусть знают и помнят потомки. – Мн., 1997.

4. Кнатъко Г. Минск в годы оккупации // Народная газета. – 1 июля. – 1993 г.

5. Літвін А. Акупацыя Беларусі (1941-1944): Пытанні супраціву і калабарацыі. – Мн., 2001.

6. Кузьменко В. Интеллигенция Беларуси в период немецко-фашистской оккупации (1941-1944 г.). – Мн., 2001.

A.У.Каляга

1. Leskiewicz J. Znaczenie inventarzy dobr ziemskich dla badan historii wsi w Polsce w XVIII w. // Kwartalnik Historyczny. – 1953. – № 4. – S. 364-7

2. Воронков И.А. Инвентари имений – важный источник по истории польской феодальной деревни // Вопросы истории. – 1959. – № 4. – С. 125.

3. Улащик Н.Н. Инвентари помещичьих имений Западной Белоруссии и Литвы 40-х годов XIX века как исторический источник // Проблемы источниковедения. – М., 1962. – Т.10. – С.86.

4. Там жа. – С.85-103.

5. Козловский П.Г., Чепко В.В. Инвентари и хозяйственные документы магнатских владений Белоруссии XVI – XVIII в. и инвентари помещичьих имений первой половины XIX в. как исторический источник // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1962 г. – Мн., 1964. – С. 24-42.

6. Там жа. – С. 25.

7. Там жа.
8. Там жа. – С. 25-26.
9. Там жа. – С. 26.
10. Там жа. – С. 27.
11. Там жа. – С. 32.
12. Там жа. – С. 35, 36.
13. Там жа. – С. 35, 39.
14. Там жа. – С. 37-38.
15. Там жа. – С. 38.
16. Копыцкий З.Ю. Источниковедение аграрной истории Белоруссии. – Мн., 1978.
17. Там жа. – С. 8-10.
18. Там жа. – С. 6-7.

С.П. Кубека

1. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. – Мн., 1965; Политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии 1941–1944. – Мн., 1984; Преступные цели гитлеровской Германии против Советского Союза. Докум. и матер. – Мн., 1987; Беларусские остарбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944): Док. и матер: В 2 кн./Сост. Кнатъко Г.Д. и др. – Мн., 1996; Еленская И. Документы немецко-фашистских оккупационных органов управления и учреждений как исторический источник (по матер. госархива Брестской области): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Мн., 1999; Платонов Р.П. Белоруссия. 1941–1945: известное и неизвестное. Документы НА РБ. – Мн., 2000; Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: праблемы гістарыяграфіі і крыніцазнаўства. – Мн., 1999.

2. Кубека С. Лета 1941 г.: старонкі ваеннай гісторыі Беларусі ў адлюстраванні нацыянальнай калекцыі «Александрыйскіх мікрафільмаў» // Беларусь, 22 июня 1941 года: говорят архивы...: Матер. к заседанию «круглого стола», посвященного 60-летию начала Великой Отечественной войны (июнь 2001 г.) – Мн., 2001. – С.30–34; Ён жа. Пачатак Вялікай Айчыннай вайны ў дакументах нацыянальнай калекцыі «Александрыйскіх мікрафільмаў» // Весці БДПУ. – Мн., 2001. – № 2. – С.149–152; Ён жа. Партызанскі рух на акупаванай тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны (па матэрыялах нацыянальнай калекцыі «Александрыйскіх мікрафільмаў») // «Трагическое лето 1941: напоминание истории»: Мат-лы міжнарод. навук. – тэарытыч. канфер. 22 июня 2001 г. – Мн., 2001. – С.81–84; Ён жа. Ваенная гісторыя Беларусі ў матэрыялах і дакументах «Александрыйскіх мікрафільмаў» // Мат-лы навук. канфер. выкладчыкаў і аспірантаў МДЛУ. – Мн., 2001; Ён жа. Партызанскі рух на тэрыторыі Віцебшчыны ў гады Вялікай Айчыннай вайны (па матэрыялах «Александрыйскіх мікрафільмаў») // Германский и славянский миры: взаимодействие, конфликты, диалог культур (история, уроки, опыт, современность): Мат-лы междунаро. науч. – теоретич. канфер. – Витебск, 2001.

3. Гл. падрабязна: Жумарь С. Оккупационная периодическая печать на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (на материалах белорусскоязычных изданий): Дис. ... канд. ист. наук. – Мн., 1996. Докумен-

ты по истории Великой Отечественной войны в государственных архивах Республики Беларусь / Автор-сост. С.Жумарь и др. – Мн., 1998.

4. Гл. падрабязна: Judenfrei! Свободно от евреев: История минского гетто в документах / Сост. Р.А.Черноглазова. – Мн., 1999.

5. Новікаў С. Неабходимость и проблемы научной и архивной обработки коллекции «Александровских микрофильмов» // Мужество и трагедия народа: По материалам «круглого стола», посвященного 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Мн., 2000. – С. 30–35; Ён жа. «Александровскія мікрафільмы» як новая гістарычная і археаграфічная першакрыніца // Архівы і справаводства. – № 3. – 2000. – С. 104–108; Ён жа. «Александровскія мікрафільмы» як новая архіўная першакрыніца ваеннай гісторыі Беларусі // Вести ИСЗ. – № 2. – 2000. – С. 60–69.

6. Гл. падрабязна: «Памяць»: гістар. – дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі; Літвін А. Акупацыя Беларусі (1941–1944): пытанні супраціву і калабарацыі. – Мн., 2000. Козак К. Оккупационный режим в Беларуси в период Великой Отечественной войны (1941–1944): Источниковедческий обзор // Гістарычныя крыніцы: праблемы класіфікацыі, вывучэння і выкладання: Матэр. міжнароднай навук. – практ. канф. – Мн., 1998.

7. Новікаў С. Эканамічная палітыка нацысцкай Германіі ў Беларусі 1941–1944 г. (агляд крыніц і германскай гістарыяграфіі 1990-х гадоў). – Мн., 2002.

8. Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. – Мн., 1993.

9. Gerlach Cristian. Kalkulierte Morde: die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weissrussland 1941 bis 1944. – Hamburg, 2000.

Н.М. Здаюк

1. Рафиенко Е.Н. Историко-революционные музеи и историческая наука в 1920-е г. // Музееведение. Из истории охраны и использования культурного наследия РСФСР. – М., 1987. – С. 88.

2. Там же. – С. 88.

3. Гужалоўскі А.А. 3 гісторыі музейнай справы на Беларусі // Музейныя шчыткі: Беларускія музеі. Гісторыя. Хроніка. Сучаснасць. – Мн., 1998. – С. 32.

4. Закс А.Б. Из истории Государственного исторического музея (1941–1957 г. // Очерки истории музейного дела в России. – Вып. 3. – М., 1984. – С. 179.

5. Разгон А.М. Музейный предмет как исторический источник // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. – М., 1984. – С. 179.

6. Вансалов Е.Г., Гнедовский М.Б., Макарова Н.Г., Равикович Д.А., Фролов А.И. Социальные функции музея: споры о будущем (материалы дискуссии в отделе музееведения НИИ культуры) // Музееведение. На пути к музею XIX века. – М., 1989. – С. 186–204.

А.А. Бузлак

1. Хмара А.В. Славянство и Русь в контексте развития древних цивилизаций // Славянский мир на пороге III тысячелетия: Материалы межд. конф. 15 – 16 мая 2001 г. – Гомель, 2001.

2. Клейн Л.С. Памяти языческого бога Рода// Язычество восточных славян. – Ленинград, 1990.
3. Козлов В.П. Тайны фальсификации. – М., 1996.
4. Жуковская Л.П. Поддельная докириллическая рукопись // Вопросы языкознания. – 1960. – № 2.
5. Творогов О.В. Когда была написана «Велесова книга»? // Философско-эстетические проблемы древнерусской культуры. Ч.2. – М., 1988.
6. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII в.). – М., 1999.
7. Асов А.И. Атланты, арии, славяне. История и вера. – М., 1999; Асов А.И. Мифы и легенды древних славян. – М., 1998; Русские веды. Песни птицы Гамаюн. Велесова книга (реставрация, пер. и коммент. А.И.Асова). – М., 1992; Мифы древних славян. – Саратов, 1993; Миролюбов Ю.П. Русский языческий фольклор. – М., 1995; Миролюбов Ю.П. Сакральное Руси. – М., 1996. и др.
8. Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь славянской мифологии. – Нижний Новгород, 1995; Славянская мифология: Словарь (Сост. Л. Вагурина). – М., 1998; Шуклин В.В. Мифы русского народа. – Екатеринбург, 1997.
9. Шамякина Т.И. Культурны герой. Народ і герой // Роднае слова. – 1995. – № 4.

Валерый Шэйфер

1. Герберштейн С. Записки о Московии: Пер. с лат. и нем. – М.: МГУ, 1988. – 430 с.
2. Литовская метрика. Книга записей V(1427 – 1506). – Vilnius: Mokslo ir enciklopediju leidykla, 1993. – 230 с.
3. *Chronicorum Bernardi Vapovii partem posterioriem. 1480 – 1535// Scriptores rerum polonicurum. Tomus II. – Cracoviae sumptibus Acad. Litter. – Cracov: Typis universitatibus, 1874. – 366 s.*
4. *Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego od r. 1386 do r. 1535 przez Bernarda z Rachimowic Wapowskiego ze swego odkrytego wspulczesnego rękopismu, z języka łacinskiego na ojczyzny przetłumaczył, przepisami objaśnił, poczet rzeczy i osob dodał Mikołaj Malinowski. T. II. – Wilno: Nakładem T. Głücksberga, 1847. – 518 s.*
5. *Kronika M. Bielskiego. Cz.II. Ks.V,VI. – Ostrow: Nakładem J. Prebatscza, 1856. – S. 935 – LXXV.*
6. *Kronika Polska M. Bielskiego. Cz.I. Ks. I – IV. – Sanok: Nakład i druk K. Pollaka, 1856. – 934 s.*
7. Семянюк А.А. Беларуская-літоўскія летапісы і польскія хронікі. – Гродна, 2000. – 161 с.
8. Ткачоў М.А. Вапоўскі Бернард// Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т.ІІ. – Мн.: БелЭН, 1994. – С. 9.
9. Чамярыцкі В.А. Бельскі Марцін // Там жа. – С. 219.
10. *Słownik historykwyw polskich. – Warszawa: Wiedza powszechna, 1994. – 632 s.*

І.Р.Кулевіч

1. Данілюк Х. Мае ўспаміны аб службе ў беларускіх вайсковых фармацыях і ўдзеле ў беларускім збройным змаганні 1917-1921 г. // Спадчына. – 1995. – № 5. – С.19-31; Кушалъ Фр. Спробы стварэння арганізацыі беларускага войска. – Мн.: Беларускі гістарычны агляд, 1999. – 166 с.; Луцкевіч А. Дзённік // Польшыя. – 1991. – № 4. – С.215-224; № 5. – С.168-192. Ён жа. Польская акупацыя на Беларусі // Беларусь. – 1990. – № 9 (621). – С.20-24; Цвікевіч А. «Ліквідацыя БНР не была манеўрам» // Маладосць. – 1993. – № 1. – С.211-239; Прокулевіч В. Слуцкое восстание (ноябрь-декабрь 1920 года) // Нёман. – 1996. – № 4. – С.155-196.

2. Какурин Н. Организация борьбы с бандитизмом по опыту Тамбовского и Витебского командований // Военная наука и революция. – 1922. – Кн.1; Сидоренко А. Классовая борьба в белорусской деревне в первый восстановительный период (1921). – Мн., 1950; Шкляр М. Борьба Коммунистической партии Белоруссии за укрепление союза рабочего класса и трудящегося крестьянства в восстановительный период (1921-1925 г.). – Мн., 1960; Козлов В. Политорганы РККА в борьбе за упрочение Советской власти в Белоруссии (октябрь 1920-1922 г.). – Л., 1972; Мурашко П. Компартия Белоруссии – организатор и руководитель коммунистических формирований особого назначения (1918-1924). – Мн., 1974; Зюзькоў А. Крывавы шлях беларускай нацэмакратыі. – Мн.: Белдзяржвыд, 1931. – 87 с.; Ісачанка С. Правал амерыкана-англійскіх агрэсіўных планаў у Беларусі ў 1917-1920 г. – Мн., 1954; Майданов І. Разгром контррэволюцыйнага бандытызма в Беларусі в 1921 году // Вопросы истории. – 1980. – № 7. – С.31-40.

3. Игнатенко И. Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии. – Мн.: Навука і тэхніка, 1992. – С.42; Платонов Р., Сташкевич Н. Тернистый путь к свободе // Нёман. – 1992. – № 11. – С.141; Круталевич В. История Беларуси: становление национальной державности. – Мн., 1999.

4. Ладысеў У., Брыгадзін П. На пераломе эпох: станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917-1920 г.). – Мн.: БДУ, 1999. – С.21.

5. Рудовіч С. Час выбару: Праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе. – Мн.: Тэхналогія, 2001. – С.40-42.

6. Пачанін С. Крывавы генерал // Польшыя. – 1990. – № 4. – С.178-191; Чобат А. Станіслаў Булак-Балаховіч // Спадчына. – 1995. – № 3. – С.169-188; Грыцкевіч А. Заканчэнне савецка-польскай вайны ў другой палове 1920 г. і постаць генерала Булак-Балаховіча // Спадчына. – 1995. – № 5. – С.90-115.

7. Грыцкевіч А. Вакол «Слуцкага паўстання». – Мн., 1987. – 64 с.; Ён жа. Слуцкае паўстанне 1920 г. – збройны чын у барацьбе за незалежнасць Беларусі // Спадчына. – 1993. – № 2. – С.2-13.

8. Стужынская Н. Сялянская вайна на Беларусі // Звезда. – 1992. – 2 мая.

9. Барысаў І. Крах «Зялёнага дуба» // Звезда. – 1991. – № 52, 54-57, 59-62; Стужынская Н. «Зялёны дуб» // Беларускі гістарычны часопіс. – 1995. – № 1. – С.57-64.

10. Гудаў М. Узброеная барацьба на Беларусі ў 1921 г. // Беларускі гістарычны часопіс. – 1997. – № 3. – С.20-24.

11. Паўловіч Р. Баявыя дзеянні Дняпроўскай флатыліі на тэрыторыі Беларусі ў 1919-1920 г. і ў верасні 1939 г. // Весці Акадэміі навук Беларусі. – 1997. – № 4. – С.66-72.

12. Літвін А., Паўлаў Я. Беларусы: нацыянальныя і тэрытарыяльныя вайсковыя фарміраванні (1917-1941 г.) // Наша слова. – 1994. – № 42. – С.4; № 44. – С.4.

13. Савіцкі В. Беларускае войска: ад ідэі да спроб рэалізацыі (1917 г.) // Беларускі гістарычны часопіс. – 1994. – № 3. – С.56-64.

14. Віцьбіч Ю. (Юры Стукаліч). Антыбальшавіцкія паўстанні і партызанская барацьба на Беларусі. – Ньют-Ёрк, 1996. – 237 с.

15. Весялкоўскі Ю. Беларусь у першай сусветнай вайне (гістарычны нарыс). – Беласток-Лёндан, 1996. – С.267-277, 288-308.

16. Jatyszonek O. Rozmowy Jyzefa Piisudskiego z Antonim Juckiewiczem. Przyczynek do dziejow stosunkow polsko-biaioruskich. – Torun: Europa Orientalis, 1996. – S.449.

17. Gomyka K. Polskie ugrupowania polityczne wobec kwestii biaioruskiej 1918-1922. – Warszawa, 1989. – S.144-150.

18. Мілеўскі Ян Ежы. Адносіны польскіх войск да насельніцтва Беларусі (1919-1920 г.) // Беларускі гістарычны часопіс. – 1996. – № 4. – С.32-43.

19. Карпус З., Рэзерв В. Слуцкае паўстанне 1920 г.: у святле польскіх вайсковых матэрыялаў // Наша слова. – 1996. – 6-13 лістапада. – С.4.

20. Jatyszonek O. Biaioruskie formacje wojskowe 1917-1923. – Białystok: ВТН, 1995. – 237 s.

21. Латышонак А. Дзейнасць беларускіх вайскоўцаў на тэрыторыі Украіны ў 1917-1919 гадах // Наша слова. – 1996. – № 40. – С.4.

І.Р.Кулевіч

1. Сташкевіч М. На злome часу // Маладосць. – 1989. – № 8. – С.155.

2. Платонов Р., Сташкевич Н. Тернистый путь к свободе // Нёман. – 1992. – № 10. – С.129-130.

3. Игнатенко И. Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии. – Мн.: Навука і тэхніка, 1992. – С.108.

4. Игнаценка І. БНР: як гэта было // Звязда. – 1991. – 23 сакавіка. – С.2.

5. Сидоревич А. Антон Луцкевич: Главы из книги // Нёман. – 1990. – № 7. – С.117.

6. Круталевич В. История Беларуси: становление национальной державности (1917-1922). – Мн., 1999. – С.47.

7. Калубовіч А. Крокі гісторыі: Даследаванні, артыкулы, успаміны. – Беласток-Вільня-Менск, 1993. – С.39-84.

8. Круталевич В. На путях национального самоопределения (БНР-БССР-РБ). – Мн.: Право и экономика, 1995. – С.23.

9. Ладысеў У., Брыгадзін П. На пераломе эпох: станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917-1920). – Мн.: БДУ, 1999. – С.38-39.

10. Весялкоўскі Ю. Беларусь у першай сусветнай вайне. – Беласток-Лёндан, 1996. – С.135.

11. Біч М. Дзяржаўнасць Беларусі // Беларуская мінуўшчына. – 1993. – № 5-6. – С.21.

12. Мазец В. Межы БНР // Спадчына. – 1993. – № 2. – С.106-111.
13. Юхо Я. Беларуская ўрады 1918-1921 г. і іх паўнамоцтвы // Беларускі гістарычны часопіс. – 1993. – № 4. – С.63-68.
14. Лебедзева В. БНР і Гомельшчына // Спадчына. – 1996. – № 4. – С.67-69.
15. Глушакова Н. Дзейнасць беларускіх эсэраў у Радзе БНР (1918-1924) // Гуманітарна-эканамічны веснік. – 1997. – № 4. – С.29-35.
16. Багдановіч А. Праблема нацыянальнай дзяржаўнасці ў грамадска-палітычным руху Беларусі (сакавік 1917 – студзень 1919 г.) // Аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук. – Мн.: БДУ, 1995. – 19 с.
17. Павлова Т. Внешнеполитическая деятельность БНР в 1918-1920 г. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Мн., 2001. – С.42-53; Она же. К вопросу о границах БНР // Белорусский журнал международного права и международных отношений (БЖМПМО). – 1999. – № 1. – С.77; Яна ж. Вытокі дыпламатыі БНР // БЖМПМО. – 1999. – № 3. – С.51-54; Яна ж. Знешнепалітычная дзейнасць і дыпламатыя БНР у 1918 г. // Беларускі гістарычны часопіс. – 2000. – № 1. – С.24-28.

О.Г.Брель

1. Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки: Межвузовский тематический сборник. – Калинин, 1980. – С.36.
2. Методология истории: Уч. пособие для вузов / Под ред. А.Н.Алпеева и др. – Мн., 1996. – С.85.

А.В.Бубноў

1. 55 гадоў Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне: Магэрыялы канфэрэнцыі. Ч. 2. – Мн., 2001. – С. 137.
2. Літвін А. Антысавецкія ваенна-паліцэйскія фарміраванні на тэрыторыі Беларусі. (1941-1944 г.): Аўтарэф. – Мн., 2000. – С. 12.
3. Цанавя Л.С. Всенародная партизанская борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков: В 2 ч. Ч. 2. – Мн., 1951. – С. 49.
4. Там жа. – С. 650.
5. Там жа. – С. 649.
6. Там жа. – С. 675, 684, 827.
7. Там жа. – С. 657.
8. Раманоўскі В.П. Саўдзельнікі ў злачынствах. – Мн., 1964. – С. 23, 103, 115, 117, 120, 122, 124, 155.
9. Там жа. – С. 74, 155, 167.
10. Там жа. – С. 102.
11. Там жа.
12. Там жа. – С. 89.
13. Там жа. – С. 213.
14. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков: В 3 т. Т. 3. – Мн., 1985. – С. 185.
15. Там жа. – С. 186.
16. Там жа. – С. 187.
17. Юрэвіч Л. Вырванія бачыны. – Мн., 2001. – С. 11.

18. Vakar N. Belorussia. The making of a nation. – 1956.
19. Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. – Мн., 1993. – С. 9.
20. Там жа. – С. 121.
21. Там жа. – С. 27-28.
22. Там жа. – С. 219 – 229.
23. Там жа. – С. 29-30.
24. Там жа. – С. 88.
25. Там жа. – С. 149.
26. Там жа. – С. 178, 185, 190-191.
27. Там жа. – С. 151.
28. Там жа. – С. 149.
29. Там жа. – С. 157-158, 85, 33-34.
30. Там жа. – С. 5.
31. Там жа. – С. 37.
32. Там жа. – С. 174.
33. Там жа. – С. 182.
34. Ёрш С. Вяртанне БНП. – Мн., 1998. – С.8.
35. Там жа. – С. 19-20.
36. Там жа. – С. 9.
37. Цанава Л.С. Указ. сач.
38. Ёрш С. Указ. сач. – С. 14, 16, 83.
39. Там жа. – С. 124-125.
40. Соловьёв А.К. Белорусская Центральная Рада: создание, деятельность, крах / Под ред. С.М.Симонова. – Мн., 1995. – С.3.
41. Там жа.
42. Там жа. – С. 9.
43. Там жа.
44. Там жа. – С. 35.
45. Там жа. – С. 33.
46. Там жа. – С. 56.
47. Там жа. – С. 83-84.
48. Там жа. – С. 83.
49. Каваленя А.А. Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі. 1941-1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць. – Мн., 1999. – С. 4.
50. Там жа.
51. Там жа. – С. 14.
52. Там жа. – С. 15.
53. Там жа.

А.Н.Свирид

1. Dyńgowa N. Dzieje Unii Brzeskiej (1596-1918). – Warszawa, 1996. – S.203; Абламейка С. Мученический путь белорусской греко-католической церкви. – М., 2000.

2. Abiamejka S. Problem staystyki parafii neounickich na terenie Zachodniej Białorusi w latach 1924-1939 // Unia Brzeska z perspektywy czterech stuleci / Pod. Red. J.S.Gaek, S.Nabywaniec. Lublin, 1998.; Вабішчэвіч А. Уніяцтва на заходнебеларускіх землях у 1920–30-я г. // Брестской церковной унии – 400: Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі. – Брэст, 1997. – С.94.

3. Urban K. Prawosławni w strukturze wyznaniowej Polski 1918-1939 // Коњсiол правослаўны в Polsce dawniej i dzis. – Warszawa, 1993.
4. Rzemieniuk F. Коњсiоi katolicki obrz.Њedku Bizantyjsko-Siowiасkiego (Neounia). – Lublin, 1999.
5. Государственный архив Брестской области. Ф. 2059. Оп.1. №2928. Л.6.
6. Найдзюк Я. Беларусь учора і сёння. – Менск, 1994. – С.208.
7. Анципович Н.В. Свободомыслие и атеизм в Западной Беларуси. 1919-1939 г.: Автореф. дис. ... по спец. 09.00.06. – Мн., 1988.
8. Католицизм в Белоруссии: традиционализм и приспособление / Е.С. Прокошина, К.К.Койта, Т.П.Корткая и др. / Под ред. А.С.Майховича, Е.С. Прокошиной. – Мн., 1987. – С.49.
9. Касяк І. З гісторыі праваслаўнай царквы беларускага народа. – Нью-Йорк, 1956. – С.60.
10. Николаев К.Н. Восточный обряд. Дорога Рима в Россию (Рим – Польша – Россия). – Париж, 1950.
11. Грыгор’ева В., Навіцкі У., Філатава А. Уніяцтва на Беларусі ад Полацкага сабора 1839 г. і да нашых дзён // Беларускі гістарычны часопіс. – 1996. – № 2. – С.53; Вабішчэвіч А. Уніяцтва на заходнебеларускіх землях у 1920–30-я г. // Брестской церковной унии – 400: Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі. – Брэст, 1997. – С.94; Попко О.П. Проблемы возрождения униатства на территории Западной Белоруссии в 1921-1939 г. // Чалавек. Этнас. Тэрыторыя. Праблемы развіцця заходняга рэгіёну Беларусі: Матэрыялы міжнароднай канферэнцыі: У 2 ч. Ч.2. – Брэст, 1998. – С.139-143; Канфесіі на Беларусі (канец XVIII-XX ст.) / Грыгор’ева В., Навіцкі У., Філатава А., Узавальнюк / Навук. рэд. У.І.Навіцкі. – Мн., 1998; Гетман І.У. Рэлігійная палітыка на тэрыторыі Палескага ваяводства ў 1921-1939 г. // Маладзь Берасцейшчыны. – Брэст, 1994. – С.31.
12. Нечухрын А.М., Васюк Г.У., Ганчароў М.М., Караў Д.У., Коўкель І.І., Кручкоўскі Т.Т., Фёдараў І.А. Этнасацыяльныя і палітычныя працэсы ў заходнім рэгіёне Беларусі ў 1921-1939 г. // Этнасацыяльныя і культурныя працэсы ў Заходнім рэгіёне Беларусі: гісторыя і сучаснасць: Матэрыялы рэспубліканскай навуковай канферэнцыі / Пад рэд. І.П.Крэня. – Гродна, 1998. – С.83.

Д.В.Ленкевич

1. Чарапіца В.М. Са скарбніцы кніжных паліц: Нарысы пра аўтографы даследчыкаў гісторыі Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX стагоддзяў. – Мн., 1994. – С.98-101.
2. Литовский государственный исторический архив. Ф. 605. Оп. 2. Д. 231. Л. 29.
3. Литовские епархиальные ведомости. – 1891. – № 47. – С.386.
4. Черепица В.Н. Очерки истории православной церкви на Гродненщине (с древнейших времён до наших дней). Ч. I. – Гродно, 1999. – С.68.
5. Гродненские епархиальные ведомости. – 1907. – № 45. – С.386.
6. Диковский Н.Р. Опыт библиографического указателя статей и заметок, касающихся истории церквей и монастырей Гродненской губернии. – Гродно, 1894. – С.1.

7. Гродненские епархиальные ведомости. – 1906. – № 38. – С.1032, 1034.

8. Историко-археологические музеи Северо-Западного края // Записки Северо-Западного Отдела Императорского Русского Географического Общества. Книга 1. – Вильна, 1910. – С.231.

Д.В.Ленкевич

1. Литовский государственный исторический архив. Ф.605. Оп.8. Д.433. Л.124об. – 125.

2. Николай (Редутто). Некролог // Виленский календарь на 1890 год. – Вильна, 1889. – С.237.

3. Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. Ф.136. Оп.1. Д.25358. Л.1.

4. Вержболович М. Третий период существования Минской духовной семинарии (1840-1874) // Минские епархиальные ведомости. – 1897. – № 7-8. – С.182.

5. Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске. Ф.136. Оп.1. Д.35413. Л.11об. – 15

А.Н.Колосовская

1. Frank K.S. Grundzüge der Geschichte des christlichen Munchtums. – Darmstadt, 1975. – S.84.

2. Беларусы: У 8 т. Т.2: Дойлідства // Лакотка А.І.: Ін-т мастацтвазнаўства этнаграфіі і фальклору; Рэдкал.: В.К.Бандарчык, М.Ф.Піліпенка, А.І.Лакотка. – Мн., 1997. – С.163.

3. Джакомо Бароцци да Виньола. Правило о пяти чинех Архитектуры Якова Бароция де Вигнола. (Издание составлено на основе Римского издания Вилламена 1617 г.: Regola delli cinque ordini d'architettura dim. Jacomo Barozzio da Vignola. Roma.). – М., 1772. – С.40-42.

4. Кипріфновіч Г.А. Жыццё Юсіфа Сьямашкі, митрополіта Літоўскага і віленскага і воз'яднання заападнарускіх уніатав зь Праваслаўнаю Царквою ў 1839 году. Выданне другое, ісправленае і дапоўненае. – Вільна, 1897. – С.49.

5. Мараш Я.Н. Ватікан і каталіцкая царква ў Беларусіі (1569-1795). – Мн., 1971. – С.60-64.

М.І.Лебедзь

1. Сакалоўскі У.Л. Беларуская літаратура ў ГДР. – Мн., 1988. – С.56-57.

2. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва (БДАМЛіМ). Ф. 78. Воп. 1. Спр. 181. Арк. 8-9.

3. БДАМЛіМ. Ф. 78. Воп. 1. Спр. 181. Арк. 11.

4. БДАМЛіМ. Ф. 78. Воп. 1. Спр. 410. Арк. 60.

5. БДАМЛіМ. Ф. 78. Воп. 1. Спр. 410. Арк. 60-62.

6. Тамсама.

7. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Ф. 914. Воп. 4. Спр. 187. Арк. 85-86.

8. Брэзан Ю. Крыста. Гісторыя адной маладой дзяўчыны. Аповесць / Пер. А. Зарыцкага. – Мн., 1966.
9. БДАМЛіМ. Ф. 78. Воп. 1. Спр. 181. Арк. 33-43.

СЕКЦЫЯ 6

В.А.Космач

1. Златоуструй. Древняя Русь X – XIII веков. – М., 1990. – С. 44-45.
2. Портан Х.Г. Основные черты русской истории. – М., 1992. – С.39.
3. Пчелов Е.В. Рюриковичи. История династии. – М., 2001. – С. 11.
4. Советская историческая энциклопедия. Т. 2. – М., 1962. – С. 990.
5. Там же. Т. 16. – М., 1976. – С. 155.
6. Златоуструй. – С. 46.
7. Там же. – С. 46.
8. Сапунов А. Краткий очерк исторических судеб Полоцкой епархии с древнейших времён до половины XIX в. // Витебская старина. Т. 5. – Витебск, 1998. – С. 2.
9. Сапунов А. Краткий очерк исторических судеб Полоцкой епархии с древнейших времён до половины XIX в. // Витебская старина. Т. 5. – Витебск, 1998. – С. 2.
10. Советская историческая энциклопедия. Т. 2. – М., 1968. – С. 683.
11. Vakar N. Belorussia. The making of a nation. 1956. – P. 40.

П.С.Рамановіч

1. Прагакол I з'езда КП(б)Б. – Мн., 1934.
2. Круталевіч В. Пасля абвяшчэння рэспублікі. – Польша, 1969. – № 9.
3. История Беларуси. Вопросы и ответы. – Мн., 1993.
4. Гісторыя БССР: У 5 т. Т.3. – Мн., 1973.
5. По воле народа: Из истории образования БССР и создания Компартии Белоруссии: Документы и материалы. – Мн., 1988.
6. Бахов А.С. На заре советской дипломатии. – М., 1966.

Л.Ю.Малыхіна

1. Краўцоў Макар. Рада Беларускай Народнай Рэспублікі. – Вільня, 1921; Ён жа. Усебеларускі з'езд 1917. – Вільня, 1921; Езовитов К. Освобождение Минска//Варга. – 1918. – № 1; Езавітаў К. Беларуская Вайсковая Цэнтральная Рада// Крывіч. – 1924. – № 1, 1925. – № 2; З Архіваў БНР: Гэнэрал-Маёр Езавітаў, Канстанцін. Кароткі жыццьяпіс і прходжаньне службы, адрэдагаваны ўласнаручна К.Езавітавым// Запісы. – 1992. – № 20; Езавітаў К. Першы Усебеларускі Кангрэс // Беларуская мінуўшчына. – 1993. – № 1.
2. Пичета В. Новейшая история Белоруссии в зарубежной историко-политической литературе // Вестник Нар. комиссариата просвещения. – 1921. – № 1. – С.32.
3. Недасек Г. Очерки истории большевизма в Белоруссии. – Мюнхен, 1954; Он же. Большевизм на путях к установлению контроля над Бело-

руссией. – Мюнхен, 1954; Он же. Большевизм в революционном движении в Белоруссии [Исследования и материалы]. – Мюнхен, 1956.

4. Адамовіч Ант. «Як дух змагання Беларусі» (да 100-х угодкаў нараджэння Івана Луцкевіча). – Нью-Йорк, 1983.

5. Станкевіч Станіслаў. Нацыянальная палітыка Крэmlя на Беларусі// Беларускі зборнік. – 1955. – Кн. 1; Паланевіч Г. Нацыянальная тэорыя і практыка бальшавізму ў Беларусі// Беларускі зборнік. – 1960. – Кн.12; Урбан П. Беларуская Савецкая Сацыялістычная Рэспубліка// Беларускі зборнік. – 1959. – Кн. 10; Urban P. The nationality question// Studies on the Soviet Union. 1969. Vol.XIX. P.64.

6. Валаціч Мікола. Польская спроба захопніцтва Беларусі ў пару тварэння Беларускай Народнай Рэспублікі// Бацькаўшчына. – 1958. – № 11-13. – С.3.

7. Валаціч М. Лінія Керзона на фоне падзеяў і тэрытарыяльных змянаў на Усходзе Эўропы// Беларускі зборнік. – 1955. – Кн.3. – С.90.

8. Менскі Язэп. Чаму ды як была ўтворана Беларуская ССР// Беларускі зборнік. – 1955. – Кн. 1. – С.16.

9. Жук-Грышкевіч В. 25 сакавіка. – Мюнхен, 1978.

10. Гарошка Л. Слуцкі фронт: Кароткі гістар. Нарыс Слуцкага ўздыму 1917-1921 г. – Лондан, 1967; Тое ж// Звезда. – 1992. – 24, 26 ліст., 1 снеж.

11. Запруднік Я. Палітычная барацьба за Беларусь у царскай Дзяржаўнай Думе. 1906 –1917// Запісы. – 1966. – Кн. 4; 1975. – Кн. 13.

12. Запруднік Ян. Да першага Усебеларускага з'езду 1917 г.: Дакументы і матэрыялы// Запісы. – 1964. – Кн.3; Ён жа. Устаўныя граматы Беларускай Народнай Рэспублікі// Запісы Беларускага Інстытута Навукі і Мастацтва. – Нью-Йорк. – 1975. – Кн.13. – С. 87-98.

13. Запруднік Ян. БНР паміж варажымі Расеяй і Няямеччынай// Беларус. – 1970. – № 157. – С.2.

14. Zaprudnik J. Belarus: At a crossroads in history. – Colorado, 1993.

15. Dziewanowski M. Joseph Pilsudski: A European federalist, 1918 – 1922. – Stanford (Calif.), 1969. – P. 142; Lubachko I. Belorussia under Soviet Rule. (1917 –1957). Lexington, 1972. – P.24.

16. Lubachko I. Belorussia under Soviet Rule. (1917 –1957). Lexington, 1972. – P.26; Wanducz P.S. Polish-Soviet relations. 1917 –1921. – Cambridge (Mass.), 1969. – P.63.

17. Калубовіч А. Нашы папярэднікі // Беларуская думка. – 1974-1975. – № 18-19. – С.7-16; Ён жа. Акт 25. Сакавіка й адраджэнне нацыянальнай беларускай культуры// Крокі гісторыі. – Мн., 1993; Ён жа. На крыжовай дарозе: Творы з эміграцыі. – Мн., 1994; Ён жа. «Айцы БССР» і іхні лёс// Спадчына. – 1990. – № 3. – С.24-32; №4. – С.56-63.

18. БНР у дакументах // Бацькаўшчына. – 1949. – № 12-16; 1950. – № 1-2. 19. За дзяржаўную Незалежнасць Беларусі/Дакументы і матэрыялы, сабраныя й падрыхтаваныя для публікацыі І.Касцяком, прагледжаныя і апрабаваныя для друку камісіяй БЦР пад кіраўніцтвам праф. Р.Астроўскага. – Лондан: Выданне БЦР, 1960. – 197 с.

20. Бацькаўшчына. – 1949 –1950; «Дзень незалежнасці Беларусі ў 200-ю гадавіну адкрыцця Амерыкі». – Нью-Йорк, 1977.

21. Запісы. – 1963. – Кн. 2; 1964. – Кн. 3; 1966. – Кн. 4.
22. Запісы. – 1975. – Кн. 13.
23. Запісы. – 1983. – Кн. 17.
24. Byelorussian Statehood: Reader and Bibliography / Edited by Vitaut Kipel and Zora Kipel. Byelorussian Institute of Arts and Sciences. – New-York, 1988. – 398 p.
25. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі = Archives of the Belarusian democratic republic. – Нью-Йорк і інш.: БНІМ, 1998. – Т.1. – Кн.1, 2.
26. Turonek J. Waclaw Iwanowski I odrodzenie Bialorusi. Warszawa, 1992; Turonek J. Bialorus pod okupacja niemiecka. – Warszawa-Wroclaw, 1989; Тое ж. Пер. з пол. – Мн., 1993.
27. Туронак Ю. Нежаданая рэспубліка // Кантакт. – 1989. – № 2; 1990. – № 1(3).
28. Вєсялкоўскі Ю. Беларусь у першай сусьветнай вайне: Гістарычны нарыс. – Беласток – Лондан, 1996. – 361 с.; Вєсялкоўскі Ю. Права народа // Бел. мінуўшчына. – 1998. – № 1. – С.11-17.
29. Крэчэўскі П. Мандаты БНР // Спадчына. – 1993. – № 1. – С.2-10; Лісты С.Рак-Міхайлоўскага// Спадчына. – 1993. – № 3. – С.73-76; Ластоўскі Вацлаў. Прамова ў Жэневе// Спадчына. – 1993. – № 5. – С.42-47; Галынец А. Чатыры гады (1918-1922) // Спадчына. – 1996. – № 3. – С.137-148; Захарка Васіль. Галоўныя моманты беларускага руху// Спадчына. – 1997. – №5. – С.3-17; Краўцоў Макаар. Рада Беларускае Народнае Рэспублікі// Спадчына. – 1998. – № 1. – С.75-126; Дакументы дыпламатычнае чыннасці БНР у Нямеччыне // Спадчына. – 1998. – № 4. – С.89-99; Прагакол пасяджэнняў Беларускай Палітычнай Нарады ў Празе. 26-30 верасня 1921 г.// Спадчына. – 1999. – № 5-6; Запруднік Янка. Дыпламатычны пашпарт Ураду Беларускае Народнае Рэспублікі // Спадчына. – 2000. – № 1. – С.81-84.

С.А.Трацяк

1. Триумфальное шествие Советской власти: Сб. документов: В 2 ч. Ч.1. – М., 1963.
2. Канчер Е.С. Из истории общественных, национальных и революционных движений белорусов. Ч.П: История возникновения и деятельности организаций. Вып.1: Белорусский Областной Комитет — I Всебелорусский съезд. – Пг., 1918 – М., 1919.
3. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора: Сб. документов: В 2 т. Т.1. – М., 1968.
4. Лёсік Я. Творы. – Мн., 1994.

М.И.Скринников

1. Павлов С.Я. В суровом сорок первом. – Мн., 1985. – С.55.
2. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1941. – № 29; История государства и права БССР. – Мн., 1973. – Т.2. – С. 259.
3. Всенародная борьба в Белоруссии... Т.1. – С.59.
4. Там же. – С.60-61.
5. Траинин И.П. Советская демократия в Великой Отечественной войне. – М., 1945. – 216 с.

6. Щетинин Б.В. Создание и деятельность органов Советской власти в тылу немецко-фашистских войск // Вопросы истории КПСС. – 1970. – № 6.

7. Залесский А.И. Советская власть в тылу немецко-фашистских оккупантов // Советское государство и право. – 1975. – № 5. – С.25-30; Он же. Борьба за сохранение колхозного имущества на временно оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории СССР // Вопросы истории. – 1954. – № 7. – С.12-17; Он же. В партизанских краях и зонах: Патриотический подвиг советского крестьянства в тылу врага. 1941-1944. – М., 1962. – 132 с.

8. Павлова Л.В. Органы власти и управления БССР в период Великой Отечественной войны // Известия высших учебных заведений. – 1979. – № 1. – С.26-32.

9. Олехнович Г.И. От Припяти – за Волгу (О перебазировании производительных сил БССР в 1941 г.) / Эшелоны идут на Восток. – М., 1966. – 150 с.; Она же. Экономика Белоруссии в условиях Великой Отечественной войны. – М., 1982. – 174 с.; Она же. Трудящиеся Белоруссии – фронту. – Мн., 1972. – 208 с.; Павлов Я.С. В суровом сорок первом. – Мн., 1985. – 272 с.; Петриков П.Т. Участие постоянных комиссий местных Советов Белорусской ССР в решении задач хозяйственного и культурного строительства в 1943–1947 г./ Из истории Советской Белоруссии. – Мн., 1969. – 74 с.; Старовойтов Н.И. Восстановление и деятельность местных Советов Белорусской ССР после освобождения республики от фашистской оккупации. 1943-1945 г. Автореф. дис... канд. ист. наук. – Мн., 1963; Люцко А.В. Деятельность Компартии Белоруссии по подбору, подготовке и воспитанию руководящих кадров республики в 1943-1945 г. – Мн., 1972 – 160 с.; Факторович А.А. Крах аграрной политики немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. – М., 1979. – С.93-130.

С.А.Елизаров

1. Сборник законов Белорусской ССР и Указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР. 1938-1973 г. Т.1. – Мн., 1974.

2. Национальный архив РБ. Ф.4.Оп.62

3. Национальный архив РБ. Ф.4. Оп.81

4. Национальный архив РБ. Ф.968. Оп.2

Г.М.Кривощекий

1. Абалкин Л. Назревшие перемены // Вопросы экономики. – 1998. – № 6. – С.4-9.

2. Бабосов Е. Цивилизационный выбор Беларуси // Белорусская думка. – 2001. – № 3. – С.3-10.

3. Иноземцев В. Возращение Европы. В авангарде прогресса: социальная политика в ЕС // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 2. – С.3-14.

4. Миндели Л.Э., Гудкова А.А. Наука и инновации: политика развития // Белорусский экономический журнал. – 2001. – № 2. – С.90-102.

5. Муталимов М., Муталимов С. Сколько денег необходимо для жизни? // Финансы. Учет. Аудит. – 2002. – № 3. – С.44-47.

М.С.Бодак

1. Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1995. Ch. 1,2.
2. Неклесса А.И. Конец цивилизации или зигзаг истории // Постиндустриальный мир: Центр, Периферия, Россия: Сб. 1. – М.: МОНФ; ИМЭМО РАН, 1999.
3. Guebenno J.M. Globalization and the International System // J. of Democracy. – 1996. – № 4.
4. Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Модель равноположенного развития: Варианты сберегающего обновления // Полис. – 1999. – № 4.
5. Своя земля: Беседа с Петром Щедровицким // Эксперт. – № 1-2(214). 2000. – 17 января.

А.К.Дубовик, Э.Г.Вайнилович

1. Дубовик А.К. Профсоюзы Белоруссии: первые шаги // Человек и экономика. – 1990 – № 6. – С. 28-30.
2. Озеров И.Х. Политика по рабочему вопросу в России за последующие годы. – М., 1906. – С. 285.
3. Очерки истории профсоюзов Белоруссии. 1905-1969 г. – Мн., 1970. – С. 120-121.
4. Обухович А.П. Школа миллионов. – М.: Профиздат, 1975. – С. 53.
5. Дубовик А.К. Возрастание роли профсоюзных организаций в жизни колхозной деревни (по материалам Белорусской ССР) // Проблемы истории советского крестьянства. – М.: Наука, 1981. – С. 256.
6. Давидюк П.Г. Профсоюзное движение: история, теория, практика. – М., 1999. – С. 204.
7. Профсоюзы как школа социального образования: Материалы Международного конгресса. – Мн., 2001. – С. 67-68.

Д.А.Роговцев

1. Конституция Республики Беларусь 1994 г (с изменениями и дополнениями). Принята на республиканском референдуме 24 ноября 1996 г. – 2-е изд. – Мн.: Амалфея, 2001.
2. Мисюров Д. А. Политическая символика; структура и функции // Вестник Моск. ун-та. Сер.12. Политические науки. –1999. – № 1.
3. Жураўскі А.І. Прывіды мінулага // В кн.: Правда истории и современность / Сост. Л. Е. Криштапович. – Мн., 1996.
4. Кольев А. Миф масс и магия вождей. – М., 1996.
5. Московичи С. Машина, творящая богов. – М., 1998.

СЕКЦИЯ 7

У.Д.Розенфельд, С.В.Донских

1. Balcerak W.Ruchy narodowe a szanse realizacji ich aspiracji panstwowych // Panstwa narodowe Europy Srodkowo-Wschodniej w XX wieku. – Towicz – Warszawa, 2000.

2. Suleja W. Jozef Pilsudski. – Wrocław – Warszawa, 1995.
3. Sadowski A. Pogranicze Polsko-Białoruskie. Tożsamość mieszkańców. – Białostok, 1995.
4. ГАГО Ф.622. Оп.3. Д.11.

О.Э.Проценко

1. Яцкевіч С. Лёсы адукацыі нацыянальных меншасцей на Беларусі // Весці АНМ. – 1997. – № 3. – С.7.
2. Государственный архив Гродненской области (далее – ГАГО). Ф.17. Оп.1. Д.76. Л.148.
3. Улейчык Н.Л. Польскія гімназіі на «ўсходніх крэсах»//Нацыянальная адукацыя беларуска-польска-літоўскага сумежжа. – Брэст, 1997. – С.25.
4. ГАГО. Ф.46. Оп.8. Д.26. Л.8.
5. Калацэй М.Я. Беларускія гімназіі ў Заходняй Беларусі (1921-1939 г.)//Этнасацыяльныя і культурныя працэсы ў Заходнім рэгіёне Беларусі: гісторыя і сучаснасць. – Гродна, 1998. – С.401.
6. Палубінскі А.С З гісторыі народнай асветы на Свіслаччыне//Старонкі гісторыі Свіслацкага краю. – Гродна, 2001. – С.245.
7. ГАГО. Ф.87. Оп.2. Д.88. Л.56.
8. Renik W. Dzieje oświaty Grodzkiej // Magazyn Polski. – 1993. – № 2. – S.26-27.

Э.А.Мазько

1. З жыцця і дзейнасці кс. В.Гадлеўскага: Аўтабіяграфічны нарыс//Гарадзенскія запісы: Старонкі гісторыі і культуры. Вып.1 / Рэд. П.Сцяцко. – Гарадня, 1993. – С.120-130.
2. Chryńsijanskaja Demokracuja// Krynica. – 1918. – 12 lutaha.
3. Juinik. Chryńsijanskaja Demokratuipnaja Juinpaň// Krynica. – 1917. – 3 njeieinia.
4. Paparaj J. Ab sabie samoj// Krynica. – 1924. – 4 studzienia.
5. Stankiewiū Ad. Bieiaruski Chryńsijanski Ruch. – Wilnia, 1939. – 286 s.

Т.А.Луначёва

1. Российский центр сохранения и изучения документов новейшей истории (РЦСИДНИ). Ф. 539. Оп.3. Д. 13. Л. 53.
2. РЦСИДНИ. Ф. 539. Оп. 5. Д. 12. Л. 316.
3. РЦСИДНИ. Ф. 539. Оп. 5. Д. 13. Л. 33.
4. Государственный исторический архив Литвы (ГИА Литвы). Ф. 128. Оп. 1. Д. 253. Л. 585, 586.
5. Кобяк С.В. Под знаменем пролетарской солидарности. – Минск: Беларусь, 1979. – С. 101; Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР. Т. 1. – Минск (1921-1929 г.). – Минск: Госиздат БССР, 1962. – С. 471.
6. ГИА Литвы. Ф. 128. Оп. 1. Д. 233. Л. 22.
7. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). Ф. 242. От 1. Д. 120. Л. 116, 166; Арус А.И. МОПР в борьбе против террора и фашизма. 1922-1935 г. – С. 178.

8. Жизнь, отданная народу. – Минск: Беларусь, 1978. – С. 253.
9. РЦСІДНІ. Ф. 539. Оп.3. Д. 914. Л. 8.

С.А.Сільвановіч

1. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці. Ф. 7580. Воп. 1. С. 32.
2. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Ф. 4. Воп. 21.
3. Armia Krajowa w dokumentach 1939-1945. W 6 t. – Wrocław – Warszawa: Zakład narodowy im. Ossolicznych, 1990. – Т. 1. – 584 s.
4. Gnatowski M. W radzieckich okowach (1939 – 1941). – Jomía, Jomiyskie Towarzystwo Naukowe im. Waguw, 1997. – 308 s.
5. Strzembosz T. Opyr wobec okupacji sowieckiej w Zachodniej Biaiorusi 1939-1941 // Studia z dziejow okupacji sowieckiej (1939 – 1941). – Warszawa: ISP PAN, 1997. – S. 206-219.
6. «W czterdziestym nas, Matko, na Sibir zesiali...». – Warszawa: Wydawnictwo Libra, Wydawnictwo Res Publica, 1989. – 364 s.

А.М.Загідулін

1. Mironowicz E. Biaioruska mniejszość narodowa w II Rzeczypospolitej w historiografii polskiej // Biaioruskie Zeszyty Historyczne. – 1995, nr.2 (4) – S. 176-180.
2. Gomyika K. Stan badac nad losami mniejszości biaioruskiej w II Rzeczypospolitej [w:] Kresy pynocno-wschodnie Drugiej Rzeczypospolitej (stan badac), – Biaiystok, 1993. – S.33 – 44.
3. Giogowska H. Stan badac nad histori№ Bialorusi XX w. w Polsce // Biaioruskie Zeszyty Historyczne. – 1996, nr.1. – S.96 – 107.
4. Tomaszewski J. Studia nad najnowsz№ histori№ biaiorusinyw w Polsce. [w:] Polska – Polacy – mniejszości narodowe. – Wrociaw – Warszawa – Krakuw, 1992. – S. 225 – 231.
5. Srokowski K. Sprawy narodowoњciowe na kresach wschodnich. – Krakuw, 1924.
6. Hoiowko T. Kwestja narodowoњciwa w Polsce. – Warszawa, 1922.
7. Biaiorthenizacja cerkwi prawosiawnej w Polsce //Dziennik Wilecki, nr.45 z 23.02.1928; Jubicz W. Z Zagadniec narodowoњciowych i ustrojowych w cerkwi prawosiawnej w Polsce // Sprawy narodowoњciowe, 1928, nr.2. – S. 135-152.
8. W sprawie ustaw kresowych // Dziennik wilecki, nr 148. – z 3.7.1924. – s. 1-3; Studnicki W. Polska polityka narodowoњciowa // Siowo, nr.44, z 25.02.1923. – S. 2-3; Ustawa dla ziem wschodnich // Gios Wilecki, nr.31, z 27.07.1924. – S.2.
9. Wasilewski L. W srawie przy№nczenia kresyw wschodnich. – Warszawa, 1919; Яго ж. Zagadnienia polskiej polityki narodowoњciowej // Droga, 1923 nr.4; яго ж, Biaiorusь i ruch biaioruski // Przegl№d Wspiyczesny, 1924, t.9; Яго ж. Sprawa kresyw i mniejszości narodowych. – Warszawa, 1925; Grabski S. Uwagi o biei№cej historycznej chwili Polski. – Warszawa, 1923; Яго ж. Z zagadniec polityki narodowo-pacstwowej. – Warszawa, 1925; яго ж Szkoia na Kresach Wschodnich.// Оњwiata Polska, 1926, nr.3; Яго ж. Zagadnienia polityki narodowoњciowo-pacstwowej. – Warszawa, 1935.

10. Bergman A. Sprawy białoruskie w II Rzeczypospolitej. – Warszawa, 1984; Яг ж. Рзecz о Bronisiawie Taraszkiewiczzu. – Warszawa, 1977.

11. Tomaszewski J. Z dziejw Polesia 1921 – 1939. – Warszawa, 1963; Яг ж. Robotnicy Białorusini w latach 1918 – 1939 w Plosce. [w:] Acta Baltica – Slavica. – S. 90-115; Яг ж. Мniejsзоґси Siowiackie w II Rzeczypospolitej. Perspektywy i ograniczenia. [w:] Pamіktnik XII Powszechnego zjazdu historykwy Polskich 17-18 wrzeґnia 1979, cz.II. – Katowice, 1979; Яг ж. Rzeczpospolita wielu narodw. – Warszawa, 1985; Яг ж. Ojczyzna nie tylko Polakwy. – Warszawa, 1985.

12. Chojnowski A. Koncepcje polityki narodowoґciowej rzґdyw polskich w latach 1921 – 1939. – Wrociaw, 1979.

13. Pacuk J. Polityka rzґdu polskiego wobec sprawy białoruskiej w Polsce w latach 1918 – 1939. – Warszawa, 1980.

14. Holzer J. Mozaika polityczna Drugiej Rzeczypospolitej. – Warszawa, 1974.

15. Deruga A. Polityka wschodnia Polski wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy (1918-1919). – Warszawa, 1969.

16. Gomyka K. Białorusini w Drugiej Rzeczypospolitej // Zeszyty Naukowe Politechniki Gdackiej. Ekonomia. – Gdansk, 1992, nr.31.

17. Gomyka K. Мікды Polskґ a Rosjґ. Białorusь w koncepcjach polskich ugrupowac politycznych w latach 1918-1922. – Warszawa, 1994.

18. Gomyka K. Polityka rzґdyw polskich wobec mniejszoґci białoruskiej w latach 1918-1939 // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 1995, nr. 2 (4) – S. 106-120.

19. Paruch W. Мniejsзоґси narodowe w туґли politycznej obozu piłsudczykowskiego (1935-1939) // Polityka narodowoґciowa paestw Europy Srodkowowschodniej. Materiaiy Instytutu Europy Srodkowo-Wschodniej / Pod red. J.Kioczowskiego. – Lublin, 1993, t.III – S. 86-102; Яг ж. Концепция Консолідацї паестwојей менїшоґси народојей в туґли politycznej obozu piłsudczykowskiego w latach 1926-1935; Maj E. Мniejsзоґси narodowe w туґли politycznej narodowej демокрацї; Jachymek J. Мniejsзоґси narodowe w туґли politycznej ruchu ludowego; Mich W. Problem mniejszoґci narodowych w туґли politycznej Polskiego ruchu konserwatywnego (1918-1939); Michaiowski St. Problem mniejszoґci narodowych w туґли politycznej PPS; Winiarska-Tworyg D. Мniejsзоґси narodowe w туґли politycznej strонництва демократycznego; Trembicka K. Мniejsзоґси narodowe w туґли politycznej Komunistycznej partii Polski. [w:] Мniejsзоґси narodowe w Polskiej туґли politycznej XX wieku / Pod red. J.Jachymka. – Lublin, 1992; Rogalska M. Białorusini w oczach Piłsudczykwy // Kontrasty, 1985, nr.6 – S.30-36; Siemakowicz M. Zaloґenia programowe giywnych obozw politycznych wobec szkolnictwa dla ludnoґci białoruskiej w II Rzeczypospolitej // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 1998, nr.9 – S.58-77.

20. Mich W. Obcy w polskin domu. Nacjonalistyczne koncepcje rozwiґzania problemu mniejszoґci narodowych. – Lublin, 1994.

21. Milewski J. J. Wiadze i ugrupowania polityczne olskie wobec kwestii białoruskie w Polsce w okresie мїкдыwoјennym. [w:] Z dziejw Europy Srodkowo-Wschodniej. – Biaystok, 1995. – S.361-371.

22. Eberhardt P. Przemiany narodowoґciowe na Białorusi. – Warszawa, 1994.

23. Mik C. Metody regulacji kwestii mniejszościowej w prawie międzynarodowym i w prawie polskim. // Sprawy Narodowościowe. Seria Nowa. – 1994. T.III,Zesz.1 (4). – S.25-38.

24. Bender R. I wojna światowa i Polska niepodległa (1914–1939) w: Chryścijaństwo w Polsce. Zarys przemian 966 – 1945 / Red. J.Kińczowski. – Lublin, 1980. – S. 271 – 295; Kumor B. Historia Kościoła. Cz. 8: czasy współczesne 1914 – 1992. – Lublin, 1996; Mysiek W. Kościół Katolicki w Polsce w okresie międzywojennym w latach 1918 – 1939. – Warszawa, 1966; Zarys dziejów Kościoła katolickiego w Polsce. J. Kińczowski, L. Mullerowa, J. Skarbek. – Kraków, 1986; Kińczowski J. Dzieje chrześcijaństwa Polskiego. T.II. – Paris, 1991; Wilk St. Episkopat Kościoła Katolickiego w Polsce w latach 1918 – 1939. – Warszawa, 1992.

25. Osuchowski J. Prawo wyznaniowe Rzeczypospolitej Polskiej 1919 – 1939. – Warszawa, 1967; Cywicski B. Ogniem przybawane. Z dziejów kościoła katolickiego w Polsce niepodległej. – Warszawa, 1984.

26. Wiodarczyk T. Konkordaty. Zarys historii ze szczególnym uwzględnieniem XX wieku. – Warszawa, 1974; Wisiocki J. Konkordat polski z 1925 roku. Zagadnienia prawno-polityczne. – Poznań, 1977; Zieliński Z. O konkordacie polskim z 1925 roku // Kwartalnik Historyczny, 87; 1980 nr. 2. – S. 471 – 481.

27. Papierzyńska-Turek M. Między tradycją a rzeczywistością. Państwo wobec prawosławia 1918-1939. – Warszawa, 1989.

28. Ю.Турачак «Да гісторыі Друйскага Марыянскага манастыра» // Брацлаўскія чытанні. – Брацлаў, 1991; Яго ж. Беларускія Марыяны ў Друі // Спадчына. 1991. – № 5.

29. Kalina M. Polonizacja cerkwi prawosławnej w województwie białostockim (1918-1939) // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 1995, nr. 2(4) – S.74-105.

30. Zatareg o język kazac w Zodziszkach w kwietniu 1925 roku (oprac. J.Tomaszewski) // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 1996, nr.1(5) – S.123-164.

31. Moroz M. «Крыніца» Ідеология і прыwyдцы бiałoruskiego katolicyzmu. – Białystok, 2001.

С.М.Грэсь

1. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (далей – ДАБВ). Ф.28. С/р. – 1. Воп.8. Спр.1091. Л.4-5.

2. Сорокин А.А. Аграрный вопрос в Западной Беларуси (1920-1939 г.) – Мн.: Наука и техника, 1968. – С.74.

3. Dziennik ustaw R.P. – Warszawa, 1921. – S. 38.

4. Інтэрпеляцыя беларускіх паслоў у польскі сейм. 1922-1926. – С.92.

5. Там жа. – С.95.

6. Там жа. – С.157.

7. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (далей – ДАГВ). Ф.550. Воп.1. Спр.7. Л.2.

8. Tablice statystyczne Polski, 1923. – S.49.

9. ДАБВ. Ф.1. Воп.7. Спр.1724. Л.122.

10. Кухарев Б.Е. Сельское хозяйство Белоруссии (1919-1939 г.) – Мн.: Вышэйшая школа, 1975. – С.102.

11. Бюлетэнь сеймавага клуба БСРГ. – 1925. – № 2.
12. ДАБВ. Ф.558. Воп.1. Спр.5. Л.5-7.
13. Там жа. – Л.9.
14. Wl. Studnicki. Przewroty i reformy agrarne Europy powojennej i Polski. – S.259.
15. «Słowo». – 1923. – 13 lutego.
16. St. Strokowski. Uwagi o Kresach Wschodnich. – Kraków, 1925. – S.19.

А.Д.Панько

1. Gomyłka K. Polityka rzędy wobec białorusinów w II Rzeczy Pospolitej // Палітычныя рэпрэсіі на Беларусі ў XX ст.: Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі, Мінск, 27-28 лютага 1998 г. – Мінск, 1998. – С.187.
2. Цьвікевіч А. Адраджэнне Беларусі і Польшчы. – Менск, 1921. – С.72.
3. Знешняя палітыка Беларусі: Зборнік дакументаў і матэрыялаў: У 2 т. Т.1. – Мн., 1997. – С.106-108.
4. Там же. – С.110.
5. Ллойд-Джордж Д. Правда о мирных переговорах. Т.1. – М., 1957. – С.272.
6. Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции. Кн.3. – Могилев, 1992. – С.144.
7. Gomyłka K. Polskie ugrupowania politycznie wobec kwestii białoruskiej. 1818-1922. – Warszawa, 1989. – S.66.
8. Ллойд-Джордж Д. Правда о мирных переговорах. Т.1. – М., 1957. – С.269.
9. История дипломатии. Т.3. – М., 1945. – С.76.
10. Ллойд-Джордж Д. Правда о мирных переговорах. Т.1. – М., 1957. – С.181.
11. Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej. 1918-1939. – S.37.
12. Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции. Кн.3. – Могилев, 1992. – С.144.
13. Wrzosek M. – Wojny o granice Polski Odrodzonej. 1918-1921. – Warszawa, 1992. – S.35.
14. История дипломатии. Т.3. – М., 1945. – С.80.

Л.С.Скрабіна

1. Новая и новейшая история. – 1989. – № 2.
2. Косман М. Гісторыя Беларусі. – Вроцлаў-Варшава-Кракаў-Гданск, 1979.
3. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (у далейшым – НАРБ). Ф.4. Воп.21. Спр.1512.
4. НАРБ. Ф.4. Воп.21. Спр.1684.
5. НАРБ. Ф.4. Воп.21. Спр.1503.
6. НАРБ. Ф.4. Воп.21. Спр. 2038.
7. Дзяржаўны архіў грамадскіх адносін Гомельскай вобласці (далей – ДзАГА Гом. вобл.). Ф.702. Воп.1. Спр.59.
8. Беларускі гістарычны зборнік. – Беласток, 2000. – № 13.
9. НАРБ. Ф.4. Воп.21. Спр.1681.

10. НАРБ. Ф.4. Воп.21. Спр.1682.

11. НАРБ. Ф.4. Воп.21. Спр.1681.

А.К.Гецевич

1. Коўкель І.І. «Беларускае пытанне» ў палітыцы Польшчы (1918 – 1920)//Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: новыя канцэпцыі і падыходы. Ч. 1: Гісторыя Беларусі. Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў. – Мінск, 3-5 лютага 1993 г. – Мн., 1994.

2. История Польши. – М., 1995.

3. «Якія яны, сацыялісты?»// Наша думка. – 1921. – 15 красавіка.

4. Gomyłka K. Między Polska a Rosia: Białogonь w koncepcjach polskich ugrupowań politycznych. 1918-1922. – Warszawa, 1994

5. J.Jurkewich Rozwoi polskiej myśli politycznej na Bielarusi i Litwie w 1905 – 1922 roku. – Warszawa, 1964.

6. ГАГО. Ф. 662. Оп 3. Д.21. Л.958. 960; Ф.662. Оп.3. Д.24. Л.154; Ф.200. Оп.2. Д.14. Л.22.

А.А.Добрмян

1. Археалогія і нумізматыка Беларусі: Энцыклапедыя. – Мн.; БелЭн, 1993.

2. Алексеев Л.В. Очерк истории белорусской дореволюционной археологии и исторического краеведения до 60-х годов XIX в. – Наука. – 1967. – № 4. – С.146 – 163.

3. Алексеев Л.В. Археология и краеведение Беларуси XVI в. – 30-е годы XX в. – Мн.: «Беларуская навука», 1996. – С.206.

4. Записки Виленской археологической комиссии. Т.1. – Вильно, 1858. – С.26.

5. Дневник заседаний комиссии для разбора, приведения в известность и надлежащий порядок, находящихся в Виленском музее древностей. – Вильна, 1865. – С.74.

6. Каталог предметов Музея древностей, состоящего при Виленской публичной библиотеке. – Вильна, 1885. – 272 с.

7. Киркор А. Археологические изыскания А.К.Киркора в Виленской губернии. Известия императорского археологического общества. Т.1. – Спб., 1859. – 406 с.

8. Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т.4. – Спб., 1892. – 488 с.

9. Тышкевич К. О курганах в Литве и Западной Руси. Археологические исследования гр. К.Тышкевича. – Вильна, 1865. – 141 с.

10. Tyszkiewicz E. Archeologia na Litwie. – Krakow, 1874. – S. 1 – 13.

11. Tyszkiewicz K. Wiadomosc historyczna o zamkach, horodyczach i okopiskach starazytnych na Litwie i Rusi Litewskiej. – Teka Wilenska – Wilno. – 1858. – № 3. – S.275 – 305.

12. Abramowicz A. Archeologia//Historia nauki Polskiej Т.ІІІ. – PAN. – 1977. – S.711 – 721.

13. Ciehowski W. Czasopisma polskie na Litwie// Kwartalnik Litewski. – S. 101 – 124.

ЗМЕСТ

Секцыя 5. Гістарыяграфія і гістарычная навук ў Рэспубліцы Беларусь	3
<i>Корзенко Г.В.</i> Современная историография науки Беларуси	3
<i>Карев Д.В.</i> Белорусская историография и исторический менталитет белорусов в конце XVIII – 50-е г. XIX в.	9
<i>Жмуровский С.Д.</i> Белорусская историография о трансформации белорусского общества	14
<i>Косович В.Ф.</i> Историография проблемы развития капитализма в промышленности Беларуси (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.)	18
<i>Токць С.М.</i> Актуальнасць мікрагістарычных даследаванняў у сучаснай беларускай гістарыяграфіі	23
<i>Вирская В.П.</i> Отечественная история в условиях общественных трансформаций переходного периода	29
<i>Леанавец В.Ц.</i> Размяшчэнне навуковых і навучальна-навуковых устаноў Беларусі (1920-я – 30-я г.)	32
<i>Кітурка І.Ф.</i> Эканамічныя крызісы другой паловы XVII – першай паловы XVIII ст. і шляхі іх пераадольвання ў вывучэнні і выкладанні гісторыі Беларусі	39
<i>Сафонова О.В.</i> Институт истории Национальной Академии наук Беларуси в 1990-е г.	43
<i>Здановіч У.В.</i> Вывучэнне гісторыі партызанскага руху ў Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны: класіфікацыя гістарыяграфічных прац (2-я палова 50-х – канец 80-х г. XX ст.)	48

<i>Новік Я.К.</i>	
Школьная гістарычная адукацыя ў кантэксце некаторых праблем гісторыі Савецкай Беларусі.....	51
<i>Саковіч В.С.</i>	
Трудовая дзейнасць крест'янства Беларусі в отечественной историографии в 80–90-е г. XX ст.	56
<i>Савіч А.А.</i>	
Беларускія арганізацыі ў Заходняй Беларусі ў 1921 – 1939 г. у айчынай гістарыяграфіі 1920 – 1930-х г.	61
<i>Ярмусік Э.С.</i>	
Польская историография о католическом Костёле в Белоруссии (2-я пол. 40-х – 80-е годы XX в.).....	65
<i>Гардзіенка А.Э.</i>	
Штодзённае жыццё насельніцтва Беларусі пад нямецкай акупацыяй (1941 – 1944): праблемы гістарыяграфіі	69
<i>Мелешко Е.И.</i>	
Проблемы истории Беларуси в творчестве П.О.Бобровского ...	73
<i>Каляга А.У.</i>	
Інвентары як крыніца па эканамічнай гісторыі Беларусі: гістарыяграфічны аспект	79
<i>Кубека С.П.</i>	
Нацыянальная калекцыя «Александрыйскіх мікрафільмаў» у працах айчынных і замежных гісторыкаў	83
<i>Здасюк Н.М.</i>	
Музейное источниковедение: история и перспективы	86
<i>Буглак А.А.</i>	
Проблемы современной белорусской и российской историографии истории восточнославянского язычества, вызванные популяризацией «Велесовой книги» ...	88
<i>Шэйфер Валерый</i>	
Маскоўска-літоўскія ўзаемаадносіны другой паловы XV- першай трэці XVI ст. у польскіх хроніках Бернарда Вапоўскага і Марціна Бельскага	91
<i>Кулевіч І.Р.</i>	
Утварэнне беларускага войска: гістарыяграфія праблемы	94

<i>Кулевiч I.P.</i> Пытанне абвяшчэння БНР у сучаснай гiстарыяграфii	97
<i>Брель O.Г.</i> Опыт построения схемы историографического анализа	100
<i>Бубноў A.B.</i> Беларускi калабарацыянісцкi рух у 1941 – 1944 г.: гiстарыяграфiя праблемы	103
<i>Свирид A.H.</i> Некоторые проблемы историографии истории католической церкви византийско-славянского обряда в Западной Беларуси	108
<i>Ленкевич Д.В.</i> У истоков историко-церковной библиографии на Гродненщине	112
<i>Ленкевич Д.В.</i> Архимандрит Николай. Что стоит за этим именем?	115
<i>Ярош A.C.</i> Быт православного монашества белорусских епархий в конце XIX – начале XX в.	119
<i>Колосовская A.H.</i> Исторические аспекты формирования архитектуры монашеских орденов	121
<i>Абраменко M.E.</i> Из истории здравоохранения БССР (1919 – 1941 г.)	126
<i>Лебедзь M.I.</i> Узаемадзейненне лiтаратур БССР i ГДР (1965 – 1990 г.)	128
Секцыя 6. Фармираванне беларускай дзяржаўнасцi ў XX стагоддзi	135
<i>Космач В.А.</i> Нарманы – варагi i станаўленне беларускай дзяржаўнасцi i беларускага этнаса ў сярэднявеччы	135
<i>Хасанов A.Ш.</i> К вопросу о правовом статусе городского и сельского населения белорусских земель на ранних этапах становления белорусской государственности	140

<i>Корнеў П.І.</i> Этапы фарміравання беларускай дзяржаўнасці (1917 – 1920 г.)	142
<i>Рамановіч П.С.</i> Тэрыторыя і палітычна-прававы статус ССРБ у 1919-1922 г.	145
<i>Малыхіна Л.Ю.</i> Праблема станаўлення беларускай дзяржаўнасці ў даследаваннях беларускай эміграцыі	148
<i>Трацяк С.А.</i> Антысавецкая апазіцыя ў Беларусі ў 1917 — 1918 г.	155
<i>Скринников М.И.</i> Советы депутатов трудящихся Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 г.)	163
<i>Елизаров С.А.</i> Реформирование административно-территориального деления Белорусской ССР (1954 – 1964 г.)	167
<i>Волнистая М.Г. , Войнилович Э.Г.</i> Структура функциональных отношений как устойчивая целостность белорусской государственности	171
<i>Кривощекій Г.М.</i> Социальное развитие Республики Беларусь в условиях глобализации	173
<i>Змитрович И.О., Кирилкина И.Л.</i> Беларусь и Россия: проблемы адаптации к процессу глобализации	177
<i>Бодак М.С.</i> Перспективы белорусской государственности в контексте глобализации	181
<i>Курбатов В.М.</i> Становление белорусской государственности и политический класс	185
<i>Бычок С.М.</i> Либерализм как политическое движение в формирующейся многопартийной системе современной Беларуси	190

<i>Голубева Л.Л.</i> Значение обычного права в формировании общегосударственного (общеземского) права	193
<i>Дубовик А.К., Вайнилович Э.Г.</i> Коллективно-договорное регулирование социально-трудовых отношений в Беларуси: история и современность	198
<i>Кирилкина И.Л.</i> Союз России и Беларуси: российский взгляд на проблемы становления	204
<i>Роговцов Д.А.</i> Политическая символика Беларуси: состояние и тенденции развития	208
Секция 7. Проблемы истории Заходняй Беларусі	213
<i>Розенфельд У.Д., Донских С.В.</i> Полонизация в Западной Беларуси в 20-х г. XX в.: проблемы теоретического моделирования	213
<i>Розенфельд У.Д.</i> Новый архивный источник об этнических процессах в Западной Беларуси	218
<i>Проценко О.Э.</i> О польском национальном образовании на территории Западной Беларуси (1921-1939 г.)	226
<i>Мазько Э.А.</i> Дзейнасць Беларускай Хрысціянска-Дэмакратычнай Злучнасці ў 1917 –1926 г.	230
<i>Лугачёва Т.А.</i> Влияние пролетарской солидарности на политические процессы в капиталистических странах в 20-30-е годы XX в. (на примере Западной Белоруссии)	234
<i>Слежыньский В.</i> Функционирование советской системы на Белосточчине в 1939-1941 г.	239
<i>Сільвановіч С.А.</i> Дзейнасць польскіх партызанскіх атрадаў у Заходняй Беларусі ў 1939 – 1941 г.	244

<i>Загідулін А.М.</i> Этнаканфесійная палітыка ўлад II Рэчы Паспалітай у адносінах да беларусаў у польскай гістарычнай літаратуры	248
<i>Грэсь С.М.</i> Насаджэнне асадніцтва на землях Заходняй Беларусі ў 1921 – 1939 г.	252
<i>Панько А.Д.</i> Проблема определения восточной границы Польши в 1919 г. ...	257
<i>Скрабіна Л.С.</i> Адносіны насельніцтва Заходняй і Савецкай Беларусі да падзей верасня 1939 г.	262
<i>Цітовіч І.У.</i> Краязнаўчы рух на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1921-1939 г.	266
<i>Гецевіч А.К.</i> «Белорусский вопрос» в программах польских политических партий	269
<i>Фядосаў У.В.</i> Пра развіццё дакументазнаўства ў Беларусі ў 90-я г. XX ст. ..	273
<i>Добрыян А.А.</i> Роль Виленского музея древностей в развитии археологии на Беларусі	276
<i>Ермаковіч Л.І.</i> Калектывізацыя сельскай гаспадаркі на Брэстчыне (1939-1941 г.)	279
Заўвагі	282

Навуковае выданне

**АКТУАЛЬНЫЯ ПРАБЛЕМЫ
ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ:
стан, здабыткі і супярэчнасці,
перспектывы развіцця**

Матэрыялы рэспубліканскай навуковай канферэнцыі

У 4 частках

Частка 4

Рэдактар Н.П.Дудко
Камп'ютарная вёрстка: В.І.Карасік

Здадзена ў набор 12.12.2002. Падпісана да друку 10.06.2003.
Фармат 60x84/16. Папера кн.-часоп.
Друк афсетны. Гарнітура Таймс.
Ум.друк.арк. 18,60. Ул.-выд.арк. 19,58. Тыраж 90 экз. Заказ 124.

Установа адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны
універсітэт імя Янкі Купалы».
ЛВ № 96 ад 02.12.2002. Вул. Пушкіна, 39, 230012, Гродна.

Надрукавана на тэхніцы выдавецкага аддзела
Установы адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны
універсітэт імя Янкі Купалы».
ЛП № 111 ад 29.12.2002. Вул. Пушкіна, 39, 230012, Гродна.